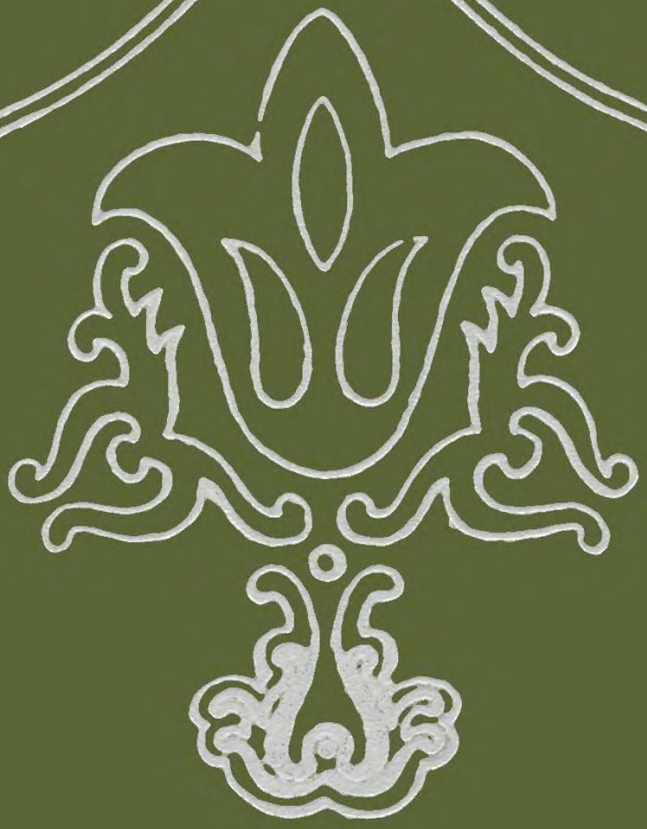

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО УЙГУРОВЕДЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ОТДЕЛ УЙГУРОВЕДЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО УЙГУРОВЕДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ I РЕСПУБЛИКАНСКОЙ УЙГУРОВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

29—31 мая 1979
АЛМА-АТА

ҚАЗАҚСТАН ССР ПӘНЛӘР АКАДЕМИЯСИ
ТИЛШУНАСЛИҚ ИНСТИТУТИ КЕШИДИКИ
УЙҒУРШУНАСЛИҚ БӨЛҮМИ

СОВЕТ УЙҒУРШУНАСЛИҒИНИҢ АКТУАЛ ПРОБЛЕМИЛИРИ

I РЕСПУБЛИКИЛИҚ УЙҒУРШУНАСЛИҚ КОНФЕРЕНЦИЯСИНИҢ МАТЕРИАЛЛИРИ

29—31-май 1979-ж.
АЛМУТА

Актуальные проблемы советского уйгуроведения: Материалы I Республиканской уйгуроведческой конференции. — Алма-Ата: Наука, 1983. — 272 с.

В книге представлены материалы проходившей в Алма-Ате I Республиканской уйгуроведческой конференции по актуальным проблемам уйгурского языкознания, литературоведения, искусствоведения, истории и этнографии.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов и студентов, учителей уйгурских школ, а также на всех, кто интересуется развитием советского уйгуроведения.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Х. АБДУРАХМАНОВ, Г. М. ИСХАКОВ, А. Т. КАЙДАРОВ,
Г. С. САДВАКАСОВ (ответственный редактор),
К. К. ТОХТАМОВ

А $\frac{70000—058}{407(05)—83}$ 132.83.4601000000

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1983

ОБЩЕЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА АН КАЗССР АКАДЕМИКА АН КАЗССР Б. А. ТУЛЕПБАЕВА

Дорогие товарищи!

Всему миру известны выдающиеся достижения нашего народа во всех сферах социально-экономического строительства, успехи в развитии науки и культуры. Как никогда велик авторитет и прочны позиции Советского Союза на международной арене, где успешно реализуется разработанная XXIV съездом КПСС Программа мира.

Все человечество чувствует притягательную силу советского примера межнациональных отношений. Великий и добровольный наш Союз создал небывалые условия для развития материальной и духовной культуры всех равноправных наций и народностей нашей страны. Яркий пример тому — советские уйгуры.

Почти сто лет назад Россия протянула руку братской помощи многострадальному уйгурскому народу. Тогда, после крупнейшего восстания против маньчжуро-китайского ига, спасаясь от расправы, из Восточного Туркестана в Казахстан и республики Средней Азии переселились десятки тысяч уйгурских беженцев. Уйгурам, обретшим здесь вторую родину, выпала счастливая судьба. Они, как и любая другая нация нашей многонациональной Родины, за годы Советской власти достигли небывалых высот в социально-экономическом и культурном развитии.

Еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции передовые представители уйгурского народа принимали активное участие в большевистских кружках, несли в народ идеи марксизма-ленинизма. А в годы революции и гражданской войны они с оружием в руках сражались за установление и упрочение Советской власти в Семиречье и Средней Азии. Рядом с выдающимися борцами за новую жизнь Т. Бокиным, П. Виноградовым, У. Джандосовым были и славные сыны уйгурского народа А. Розыбакиев, И. Таиров.

В борьбе с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны бесстрашием и героизмом прославили себя воины-уйгуры Герои Советского Союза С. Лутфуллин, Д. Бабажанов, М. Якупов. Трудящиеся-уйгуры внесли и вносят свой вклад в дело восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, претворения в жизнь грандиозных планов по созданию материально-технической базы коммунизма. Всей республике известны имена замечательных тружеников Героев Социалистического Труда М. Ниязовой, У. Усенова, Р. Сеитовой, З. Минамова, А. Зайнавдинова, А. Кадырова и многих других.

На всех этапах истории Советского государства уйгуры ощущали внимание и заботу нашей партии и правительства. Благодаря ленинской национальной политике КПСС были созданы условия для возрождения и всестороннего развития культуры уйгурского народа. Вырос многочисленный отряд уйгурской интеллигенции, среди которой немало имен, составляющих гордость народа.

Величайшим достижением советских уйгуров является развитие народного образования и создание периодической печати на родном языке. Сотни уйгурских юношей и девушек получили и получают высшее образование в вузах Алма-Аты, Ташкента, Фрунзе, Москвы, Ленинграда и других городов.

В республиканских издательствах функционируют уйгурские редакции, ежегодный объем выпускаемой ими продукции составляет около 300 печатных листов. Особое внимание уделяется изданию общественно-политической и научной литературы, произведений современных писателей, памятников древней и классической уйгурской литературы. Уйгурская советская литература, представленная всеми жанрами художественного слова, в настоящее время вышла на всесоюзную арену. Достоянием всесоюзного читателя стали произведения Х. Абдуллина, З. Самади, Дж. Бусакова и других уйгурских писателей и поэтов.

Одним из проявлений расцвета культуры советских уйгуров было создание профессионального театрального и музыкального искусства. Казахстан стал родиной первого уйгурского балета, первой оперы, принадлежащих перу народного артиста Казахской ССР лауреата Государственной премии СССР композитора Куддуса Кужамьярова. На подмостках Республиканского уйгурского театра наряду с пьесами уйгурских драматургов с большим успехом идут произведения русской и мировой классики.

Большое внимание всегда уделялось в нашей стране уйгуроведению — комплексной научной дисциплине, изучающей прошлое и настоящее уйгуров. Будучи разделом тюркологии,

уйгуроведение давно уже по праву заняло достойное место в мировом востоковедении. Много славных имен знает дореволюционное уйгуроведение. Это Н. Я. Бичурин, В. В. Радлов, Ч. Ч. Валиханов, С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд — в России, Ю. Клапрот, В. Томсен, А. Лекок — за рубежом.

В советское время уйгуроведческая наука развивается вглубь и вширь, что объясняется планомерным и систематическим изучением ее проблем, подготовкой и ростом квалифицированных научных кадров. Исключительно большой вклад в уйгуроведение внесли С. Е. Малов, К. К. Юдахин, В. М. Насилов, Н. А. Баскаков, Э. Н. Наджип, Д. И. Тихонов. В области уйгуроведения в различных городах нашей страны работает ныне большой отряд ученых, большинство из которых присутствует на данной конференции. Именно они, продолжая лучшие традиции тюркологов прошлого, успешно ведут исследования по актуальным проблемам уйгуристики.

Уйгуроведение в Казахстане успешно развивается и имеет большие перспективы дальнейшего развития, оно всегда ощущало поддержку и заботу со стороны ЦК Компартии Казахстана и правительства республики. В 1949 г. при Президиуме АН КазССР был создан сектор по изучению уйгурской культуры, в 1963 г. при Институте языкознания АН КазССР образован комплексный Отдел уйгуроведения. В стенах нашей академии подготовлено немало ученых-уйгуроведов, труды которых пользуются заслуженной известностью. Мы особо хотели бы отметить то обстоятельство, что в Академии наук Казахской ССР получили подготовку многочисленные кадры ученых-уйгуроведов уйгурской национальности.

Многие задачи научно-практического и теоретического характера уже решены уйгуроведами, еще более сложные предстоит решить. Опыт исследовательской работы показывает, что настало время координировать деятельность уйгуроведов страны и направлять их усилия на решение наиболее актуальных научно-практических проблем. Открывающаяся сегодня конференция и призвана подвести итоги и определить задачи на будущее, решить вопросы координации, дать новый импульс дальнейшему развитию уйгуроведческой науки.

Товарищи, нам очень приятно, что в столице Казахстана Алма-Ате сегодня начинает свою работу столь представительный форум советских уйгуроведов, на который собрались крупные востоковеды и тюркологи нашей страны. Мы рады сердечно приветствовать Заслуженного деятеля науки РСФСР, Казахской ССР, Туркменской ССР, Каракалпакской АССР, доктора филологических наук Николая Александровича Баскакова, доктора филологических наук Елизавету Ивановну Убрятову, доктора исторических наук Дмитрия Ивановича

Тихонова, доктора исторических наук Леонида Павловича Потапова, доктора философских наук Азиза Исажановича Нарынбаева, всех ученых, учителей уйгурских школ и представителей интеллигенции, принимающих участие в данной конференции.

Разрешите, товарищи, выразить уверенность, что участники Республиканской уйгуроведческой конференции, проникнувшись духом недавно принятого постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», руководствуясь решениями Центрального Комитета КПСС, учитывая характер резко обострившейся идеологической борьбы на международной арене, проведут полезный обмен мнениями и достигнут существенных результатов. Оргкомитет и Президиум АН КазССР убеждены, что конференция пройдет с большой пользой, в духе творческого сотрудничества и внесет новый вклад в разработку проблем уйгуроведения.

По поручению организационного комитета разрешите республиканскую уйгуроведческую конференцию считать открытой и пожелать плодотворной и успешной работы ее участникам.

Н. А. БАСКАКОВ (Москва)

Основные вехи развития советского уйгуроведения

Советское уйгуроведение — одна из отраслей тюркологии — является наукой комплексной, включающей изучение всех сторон духовной жизни и культуры уйгурского народа: язык, литературу, фольклор, историю и этнографию. В советском науковедении существуют как бы две традиции изучения народов и их культур. Первая предполагает интегральное, комплексное изучение всех проявлений духовной культуры народа в их тесном взаимодействии, находящее воплощение в таких отраслях науки, как славяноведение, востоковедение, иранистика, тюркология и т. д. Иногда этот комплекс ограничивается более узкой областью, например филологией, охватывающей главным образом проблемы языка и литературы, в иных же случаях этот комплекс имеет расширенный характер, как, например, этнология или страноведение, охватывающие большее количество дифференциальных наук. Вторая традиция — это дифференциальное изучение явлений духовной культуры народа, она воплощается в таких отраслях науки,

как языкознание, литературоведение, история и т. д. В последнем случае те или иные явления духовной культуры народа увязываются с аналогичными явлениями у других народов, например, данный конкретный язык изучается в его отношении к другим родственным или неродственным языкам.

Практика научных исследований, однако, показывает, что обычно обе эти традиции сосуществуют, и все явления духовной культуры каждого народа изучаются как в интегральном, так и в дифференциальном плане.

Советское уйгуроведение, хронологические рамки которого определены самим его названием, охватывает послеоктябрьский период, хотя и базируется на значительном научном фундаменте, созданном задолго до революции усилиями многих крупных ученых — представителей как древней восточной, так и русской и западной науки.

Труды и исследования восточных филологов средневековья — Юсуфа Хас Хаджиба Баласагунского, Махмуда Кашгарского, Джамалэддина ибн-Муханны, Абу-Хайяна ал-Гарнати, Мухаммеда ибн-Кайса, Алишера Навои, Аззамахшари и многих других, а также отечественных ученых И. Н. Березина, И. Я. Бичурина, Н. И. Ильминского, А. Казем-бека, В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, Н. Н. Пантусова, Ч. Ч. Валиханова, С. Ф. Ольденбурга, Н. Ф. Катанова, С. Е. Малова, В. В. Бартольда и других и, наконец, западноевропейских тюркологов прошлого и нашего времени: А. Вамбери, Р. Шоу, Х. Витакера, А. Лекока, Г. Ракетта, К. Брокельмана, Г. Ярринга, А. Ф. Габен и других составили солидную базу для дальнейшего развития уйгуроведения, и в частности уйгурского языкознания, литературоведения и исследования истории уйгуров.

Особая роль в развитии уйгуроведения принадлежит, безусловно, патриарху уйгурской филологии С. Е. Малову. Автор многочисленных монографий, книг и статей, посвященных изучению уйгурского языка и уйгурской культуры, он начал свои исследования в этой области еще в начале нашего века. Первая его публикация по уйгурскому языкознанию относится к 1909, а последняя — к 1959 г. Более пятидесяти работ С. Е. Малова в той или иной степени связаны с исследованием уйгурского языка и его диалектов, а также литературы, фольклора, истории, культуры и этнографии уйгуров.

Особенно ценны исследования С. Е. Малова, посвященные изучениию диалектов новоуйгурского языка Синьцзяна [1], представляющие собой важный вклад в тюркологию. Значение их

[1] *Малов С. Е.* Уйгурский язык: (Хамийское наречие). М., 1954; *Он же.* Лобиорский язык. Фрунзе, 1956; *Он же.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.

не только в том, что как филологические монографии по уйгурской диалектологии они являются образцом, но и в том также, что, будучи теоретическими исследованиями, они позволяют глубже интерпретировать некоторые общие для всех тюркских языков фонетические, грамматические и лексические явления.

Работы С. Е. Малова, посвященные лобнорскому языку и языку желтых уйгуров, вообще уникальны, ибо в них впервые исследуются неизвестные до того науке языки, имеющие весьма важное значение для изучения истории тюркских языков.

Особенно большой интерес в этом аспекте представляют диалектологические словари С. Е. Малова, содержащие значительное количество лексических сопоставлений из древних и современных языков, а также грамматический очерк языка желтых уйгуров. Анализ некоторых грамматических форм и системы спряжения языка желтых уйгуров, данный С. Е. Маловым, по-новому освещает глагольную систему тюркских языков и позволяет уточнить значения временных форм глагола в других тюркских языках.

Исследования С. Е. Малова по уйгурским диалектам [2], а также его классические работы по древним тюркским языкам получили весьма положительную оценку отечественных и зарубежных ориенталистов.

Труды С. Е. Малова составили собой целую эпоху в изучении языка, литературы, фольклора, этнографии и истории уйгуров. С. Е. Малов был одним из создателей уйгуроведения, активным участником разработки основ современного литературного уйгурского языка, начало которой было положено в 1930 г. на II Всеуйгурской конференции. С этого совещания уйгуроведение вступило в новый этап развития.

Общая периодизация истории советского уйгуроведения может быть представлена следующей схемой:

I. Дооктябрьский период.

II. Послеоктябрьский период.

А. Довоенное время:

1-й этап — до 1930 г.

2-й этап — до 1941 г.

Б. Послевоенное время:

3-й этап — до 60-х гг.

4-й этап — после 60-х гг.

Остановимся на основных чертах, характеризующих каждый из этапов развития послеоктябрьского уйгуроведения.

На первом этапе (до 1930 г.) разрабатывалась латинизи-

---

[2] Ср.: *Kaluziński S.* С. Е. Малов. Уйгурский язык: (Хамийское наречие). [Рец. на кн.] — Przegląd Orientalistyczny. Warszawa, 1955, № 1, с. 118.

рованная письменность уйгурского языка, издавались первые книги и учебники по уйгурскому языку и литературе уйгурских авторов А. Мухаммадиева, Л. Ансари, З. Башири, А. Розыбакиева, К. Хасанова, С. Шакирджанова, И. Салиха, Х. Алиева, Х. Каримова и других (главным образом, сотрудников первых уйгурских газет «Кәмбәғәлләр авази» и «Кызыл танг», а также первых национальных уйгуроведов).

В эти годы С. Е. Малов продолжал исследование уйгурских диалектов и опубликовал ряд статей и рецензий на работы отечественных и зарубежных авторов по уйгурскому языку. Однако уйгуроведение в Москве, Ленинграде, Казани и других городах СССР развивалось лишь в плане сопоставления фактов уйгурского и других тюркских языков в общетюркологических работах крупнейших тюркологов В. А. Богородицкого, Е. Д. Поливанова, А. Н. Самойловича, а также в публикациях, связанных с изучением Восточного Туркестана (например, в работах С. Ф. Ольденбурга) и т. п.

Второй этап в развитии советского уйгуроведения (1930—1941) характеризуется заметными успехами в изучении уйгурского языка, литературы, фольклора и истории уйгуров. Главным импульсом для этого послужила II Всеуйгурская конференция.

Знаменательным событием этого этапа явилось окончательное утверждение за уйгурским народом его самоназвания — уйгуры. Остались в прошлом многочисленные прежние названия представителей уйгурского народа, связанные с местами их расселения: джаркентцы, кашгарцы, таранчинцы, илийцы и т. д.

Научными центрами изучения уйгурской культуры, литературы и языка в этот период были не только Алма-Ата, Ташкент и Фрунзе, но также Ленинград и Москва, где уйгурский язык стал преподаваться на востоковедческих отделениях высших учебных заведений.

30-е гг. характеризуются массовым изданием учебников по языку и литературе для уйгурской средней школы, специальных исследований по языку и литературе, появлением различного рода сборников уйгурской прозы и поэзии. Основным научным уйгуроведческим центром в этот период становится Ташкент, хотя уйгуроведческие работы издаются также в Алма-Ате и во Фрунзе. Видными представителями советского уйгуроведения в то время были К. Ашуров, издавший ряд учебников по уйгурскому языку для начальной и средней школы и опубликовавший ряд статей и докладов, связанных с разработкой уйгурского литературного языка (ему же принадлежит один из первых проектов орфографии уйгурского языка на латинской основе), А. Мухаммадиев — автор многих

учебников и статей, посвященных разработке уйгурского латинизированного алфавита и орфографии, а также Л. Азнабакиев, С. Зарватов, У. Миралиев, С. Токаев и многие другие уйгуроведы, занимавшиеся главным образом практическими вопросами уйгурского языкознания и составлением учебников уйгурского языка.

Значительные успехи достигнуты в этот период и в области уйгурского литературоведения. Здесь следует отметить работы Н. Исраилова, М. Каратаева, А. Абдуллина, А. Ногманова по уйгурской поэзии. Особенно значительными были достижения в изучении общих вопросов уйгурской литературы. В этот период вышли из печати сборники, хрестоматии и исследования А. Ансари, З. Баширн, Н. Маваева, А. Худайкулова, А. Мухаммадиева, А. Розыбакиева, К. Хасанова.

Наряду со сборниками произведений уйгурского народного творчества выходят в свет исследования фольклористов З. Баширн, Н. Маваева, А. Розыбакиева и других.

В 30-х гг. появились и первые исследования советских авторов по истории и культуре уйгурского народа — С. Ф. Ольденбурга и А. Ю. Якубовского в Ленинграде, М. Ф. Гаврилова в Ташкенте, В. Ф. Шахматова в Алма-Ате [3].

В Ленинградском институте живых восточных языков, где начиная с 30-х гг. было введено преподавание уйгурского языка, А. К. Боровков подготовил полный его учебник (1935).

Московским институтом востоковедения, где уйгурский язык также становится предметом изучения, издается учебник уйгурского языка В. М. Насилова и В. Салиева (1933—1934). Позднее, в 1940 г., В. М. Насилов публикует научную грамматику уйгурского языка (на основе кашгарского диалекта) и ряд статей, посвященных вопросам его фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Значительным вкладом в уйгурское языкознание явилась публикация серии статей К. К. Юдахина по фонетике, лексикологии и диалектологии уйгурского языка. Издается первый небольшой русско-уйгурский словарь Н. А. Баскакова и Т. Р. Рахимова. Работы К. К. Юдахина, А. К. Боровкова и В. М. Насилова сыграли большую роль в теоретическом изучении уйгурского языка.

В Лингвистической комиссии Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при Коммунистическом университете трудящихся Востока в 1931 г. была организована специальная уйгурская бригада (руководитель Н. А. Баскаков) для разработки тео-

---

[3] См. полную библиографию: *Амитин-Шапиро З. Л.* Об уйгурской библиографии. — В ки.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1946; *Бернштам А. Н.* Русская и советская уйгуристика. — Известия АН КазССР. Серия уйгуро-дунгаиской культуры, 1950, вып. 1.

ретических основ изучения уйгурского языка, его научной грамматики и составления уйгурско-русского словаря. Результатом работы этой бригады явился первый уйгурско-русский словарь Н. А. Баскакова и В. М. Насилова, позже положенный в основу изданного в Пекине Бурханом Шахиди «Уйгурско-китайского словаря».

Наконец, к этому же этапу изучения уйгурского языка и литературы следует отнести и вышедшие за рубежом работы шведского тюрколога профессора Г. Ярринга, сыгравшие большую роль в развитии уйгуроведения. Важнейшие труды Г. Ярринга посвящены фонетике (Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund, 1936), фольклору (The contest of the fruits. An Eastern Turki Allegory. Lund, 1936), диалектологии (Materials to the knowledge of Eastern Turki, I—IV. Lund, 1946—1951) и лексикографии (An Eastern Turki — English dialect dictionary. Lund, 1964) уйгурского языка. К этому же времени относятся издание К. Менгесом текстов, собранных Н. Ф. Катановым (Menges K. Volksundliche Texte aus Ost-Turkistan. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanov, I—II. Berlin, 1933—1943), его же словаря к текстам (Menges K. Glossar zu den Volkskundlichen Texten aus Ost-Turkistan), выход в свет работ А. Ф. Габен по истории и культуре уйгуров, а также грамматики (морфологии) уйгурского языка египетского тюрколога Абулазиза Махмуда Чингисхана на уйгурском языке арабским шрифтом (Kairo, 1939).

Третий этап советского уйгуроведения характеризуется постепенной концентрацией уйгуроведческих исследований в учебных и научных учреждениях Алма-Аты.

В языкознании наряду с продолжением разработки проблем уйгурского литературного языка ведутся исследования в области орфографии, терминологии — уйгурскими языковедами А. Кайдаровым, Г. Садвакасовым, А. Шамиевой, Т. Талиповым, И. Исмаиловым, Ш. Кибировым, Ч. Г. Сейфуллиным, О. Хасановой; в области фонетики — Т. Талиповым, Э. Н. Наджипом, Н. А. Баскаковым, А. К. Боровковым, Ф. Г. Исхаковым; грамматики — А. Кайдаровым, Г. Садвакасовым, М. Абдурахмановым, Р. Ф. Тарасенко, К. Мелиевым; диалектологии — С. Е. Маловым, Л. А. Аганиной, Т. Талиповым; лексикологии и лексикографии — К. К. Юдахиным, В. И. Новгородским, Ч. Г. Сейфуллиным; составляются новые более полные двуязычные словари — Ю. Цунвазо, А. Шамиевой, А. Илиевым, Ш. Кибировым, М. Рузиевым; создаются учебники по уйгурскому языку для вузов — Э. Н. Наджипом.

Значительные успехи в этот период были достигнуты в изучении уйгурской литературы, фольклора, культуры и исто-

рии уйгурского народа. Издаются работы литературоведов А. Я. Валитовой, М. Хамраева, У. Маматахунова, К. Тохтамова, К. Хасанова и др. Появляются хрестоматии, сборники и антологии уйгурской литературы, составленные В. И. Новгородским, Х. Алиевым, Г. Садвакасовым. Собирается и исследуется устное народное творчество М. Алиевой, К. Хасановым. Создаются учебники литературы и разрабатывается методика ее изучения М. Абдурахмановым, Б. Алахуновой, С. Моллаудовым, Р. Раимкуловым, Р. Исмаиловым, У. Махпировым.

Публикуются переводы русских классиков на уйгурский язык и уйгурских писателей на русский язык.

Основы систематического изучения новейшей истории уйгурского народа в этот период заложили П. И. Фесенко, Т. Р. Рахимов, А. Идаятов, М. Н. Кабиров, К. Усманов, Д. И. Тихонов, В. Ф. Шахматов.

Расцвет советского уйгуроведения в 60-х гг. связан с общим подъемом советской науки, в частности тюркологии. Важное значение для развития собственно уйгуроведения имело создание единого уйгуроведческого центра при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР.

Успехам советского уйгуроведения во многом способствовали также общие тюркологические исследования А. Н. Кононова, А. М. Щербака, Э. В. Севортяна, С. К. Кенесбаева, М. Ш. Ширалиева, С. Н. Иванова, А. Г. Гулямова.

Особенно большие достижения в области обобщающих теоретических исследований в этот период принадлежат С. Е. Малову, К. К. Юдахину, А. К. Боровкову, В. М. Насилову, Э. Н. Наджипу, Э. Р. Тенишеву, А. Т. Кайдарову, Г. С. Садвакасову, Т. Р. Рахимову, Т. Талипову, М. Кабирову, Д. Тихонову.

В 60—70-х гг., кроме общих исследований по уйгурскому языкознанию, публикуются специальные работы по отдельным отраслям и уровням языка. Исследуются слабо изученные или вовсе неизученные диалекты уйгурского языка. Уйгурская диалектология исследуется в капитальных диалектологических трудах обобщающего характера и монографиях по отдельным диалектам С. Е. Малова, Э. Р. Тенишева, Г. С. Садвакасова, А. Т. Кайдарова, Т. Рахимова, Т. Талипова.

Значительные успехи в эти годы были достигнуты в области лексикологии и лексикографии. Сюда относятся двуязычные уйгурско-русские и русско-уйгурские словари, из которых прежде всего следует назвать большой уйгурско-русский словарь Э. Н. Наджипа, а также словари и лексикологические исследования Т. Р. Рахимова, А. Т. Кайдарова, И. Исмаилова,

А. Шамиевой, Г. Садвакасова, Э. Р. Тенишева, О. Джамалдинова, А. Илиева.

Из специальных исследований по фонологии и фонетике следует назвать работы Т. Талипова, М. И. Трофимова, Г. Садвакасова и А. Т. Кайдарова.

Менее разработанными в уйгуроведении остаются проблемы грамматики. После издания грамматики В. М. Насилова вопросы грамматического строя уйгурского языка освещались главным образом в обобщающих и диалектологических исследованиях, а также в учебниках уйгурского языка для средней школы. Из специальных грамматических работ следует упомянуть небольшую монографию Э. Н. Наджипа и очерк грамматики лобнорского языка У. Асаналиева, а также специальные грамматические исследования отдельных категорий в работах К. Мелиева, А. Т. Кайдарова, Э. Р. Тенишева, Г. Садвакасова, В. П. Юдина.

В 60—70-х гг. опубликован ряд исследований по уйгурской литературе и фольклору. Это прежде всего работы М. Хамраева, А. Валитовой, Р. Кадыри, П. Сабитовой, А. Маматахунова, С. Моллаудова, Ю. Мухлисова, К. Тохтамова, В. П. Юдина, Д. Розиевой, М. Абдурахманова, М. Алиевой, И. Бахниязова. Основной проблематикой этих исследований является история уйгурской советской литературы: вопросы традиций и новаторства, взаимодействия литератур и другие. Были изданы антологии и исследования, посвященные классикам уйгурской литературы: Хиркати, Мулле-Билалу, Залили, Назари. Сбор материала и исследование уйгурского фольклора продолжаются.

Немало сделано в области изучения истории уйгурского народа и его культуры. Следует назвать исследования историков Т. Рахимова, С. Г. Кляшторного, Д. Тихонова, М. Кабирова, М. Турганова, Х. Вахидова, Э. Мамедовой, М. Кутлукова, М. Рузиева, А. Валитовой, В. П. Юдина, Д. Исиева, Г. М. Ибрагимова, О. Ф. Акимушкина, А. Ахмеджанова, А. М. Матвеева, Х. Кадырова, М. Ерзина, Л. М. Ауэзовой и др. Совсем недавно (1978) вышел в свет под редакцией Г. Садвакасова, Р. Г. Ходжаева и Г. М. Исхакова сборник «Материалы по истории и культуре уйгурского народа».

Проблематика исследований историков охватывает вопросы истории древнетюркских каганатов, периода маньчжурского завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана, национально-освободительного движения уйгуров, миграции уйгуров в Российскую империю, связей России с Синьцзяном и политики России в отношении Восточного Туркестана, истории уйгуров в период Великой Октябрьской социалистической революции и после нее, а также источниковедение.

Проблемы уйгурского языка, истории и культуры уйгурского народа, в особенности древнего времени, вызывают большой интерес и у зарубежных уйгуроведов. В послевоенный период и в последние полтора десятилетия вопросами языка, истории, культуры, литературы и фольклора уйгуров продолжал заниматься шведский ученый Г. Ярринг, ряд работ по этим вопросам опубликовали: в Англии — Дж. Клоусон, в Дании — К. Томсон, в ФРГ — А. Габен, Г. Дёрфер и К. Рёрборн, в США — О. Прицак, в Турции — А. Рахмати, Т. Бангоглу, в Японии — А. Такео, Н. Ямада, Г. Масао, в Австралии — К. Макеррас.

Говоря о ближайших задачах уйгуроведения, следует, как нам кажется, отметить следующее:

1) в области языкознания необходимо организовать составление научной нормативной грамматики уйгурского языка на уйгурском и русском языках, включающей подробное описание фонетической структуры языка и его морфологического и синтаксического строя. Настало время составления уйгурского диалектологического атласа и толкового уйгурского словаря, работа над которым уже начата;

2) в области литературоведения и исторических исследований предстоит подготовить обобщающие труды по уйгурскому фольклору и литературе, а также монографические исследования, посвященные древнему, среднему и новому периодам истории уйгурского народа, внести соответствующую ясность в сложный вопрос о правомерности теории преемственности в истории древних и современных уйгуров — проблемы, которая все еще не имеет убедительного аргументированного решения.

Э. Н. НАДЖИП (Москва), А. Т. КАЙДАРОВ, Г. С. САДВАКАСОВ (Алма-Ата)

Уйгурское языкознание в СССР на данном этапе. *Итоги и проблемы*

Уйгуроведение как самостоятельная отрасль тюркологии и востоковедения, занимающаяся изучением материальной и духовной культуры уйгурского народа, имеет довольно солидную историю, которая делится на две равнозначные по объему, но далеко не одинаковые по результативности эпохи: дооктябрьскую и послеоктябрьскую. Первый этап характеризу-

ется становлением и сложением уйгуроведения как самостоятельной научной дисциплины, у колыбели которой стояли многие отечественные и зарубежные ученые, заложившие своими трудами научную основу уйгуристики в широком смысле этого слова.

Благодаря их трудам в структуре комплексной по своей природе уйгуроведческой науки довольно четко складывается уйгурская лингвистика, которая свое дальнейшее всестороннее развитие получает в советскую эпоху. Изучение проблем уйгурского языка в советское время отличается от дореволюционных, преимущественно спорадических, исследований своим планомерным и поступательным характером развития, сочетанием теоретических разработок с насущными вопросами языковой практики уйгуров.

Не умаляя значения и роли трудов дореволюционных ученых-уйгуроведов в развитии уйгурнстики в нашей стране, следует отметить, что уйгурское языкознание в современном его понимании является плодом нашей советской действительности. Это объясняется рядом объективных обстоятельств.

Первой причиной того, что уйгурское языкознание, как и уйгуроведение в целом, сформировалось как научная дисциплина и получило небывалое развитие именно в Советском Союзе, где проживает незначительная часть уйгурского народа, является победа Великого Октября, которая дала не только свободу всем малым народам бывшей царской окраины, но и создала необходимые условия для расцвета их материальной и духовной культуры, научного изучения их истории, языка и литературы.

Во-вторых, язык советских уйгуров, несмотря на их географическую разрозненность, был признан одним из 130 равноправных языков малых и больших народов нашей многонациональной Родины, и благодаря правильной ленинской национальной политике он именно в советскую эпоху получил права гражданства как национальный письменно-литературный язык в числе ныне функционирующих в СССР 70 литературных языков.

В-третьих, развитие уйгурского языкознания теснейшим образом связано с развитием и небывалыми успехами тюркологической науки в советскую эпоху, неотъемлемой частью которой оно является, с усовершенствованием методологии и методики исследований.

В-четвертых, характерной особенностью развития уйгурского языкознания на данном этапе является значительное расширение объекта и тематики исследования, продиктованное насущными практическими потребностями культурной жизни советских уйгуров: созданием письменности, определе-

нием статуса литературного языка, изучением живой речи и языковых категорий и т. д. Если до революции изучение вопросов уйгурского языка и письменных памятников в основном зависело от личных научных интересов отдельных ученых-энтузиастов, то в советский период проблемы уйгурского языкознания решались в плановом порядке в таких научных центрах, как Москва и Ленинград, Ташкент и Алма-Ата. Исключительно важным фактором в развитии уйгурского языкознания и уйгуроведения в целом явилось функционирование в системе Академии наук КазССР с 1946 г. научной ячейки, превратившейся ныне в большой комплексный отдел — Отдел уйгуроведения, который по праву считается единственным в своем роде центром уйгуроведческой науки в Советском Союзе.

И последнее, что необходимо отметить в числе объективных факторов развития уйгурского языкознания в нашей стране, это исключительно большой научный интерес ученых к языку уйгуров и его древним и средневековым письменным памятникам, а следовательно, и привлечение большого числа ученых-уйгуров, работающих главным образом в Казахстане и республиках Средней Азии и исследующих самые различные вопросы уйгурского языка. В области уйгурского языкознания плодотворно работает большой отряд уйгуроведов, и сегодня мы, подводя итоги пройденному этапу развития уйгуроведения, должны констатировать, что их научные поиски и труды в своей совокупности определяют успехи этой науки, а творческие планы, которыми они живут,— ее дальнейшее поступательное развитие.

Надо отметить, что подведение итогов пройденного этапа развития уйгурского языкознания отнюдь не отчет о проделанной работе ученых-лингвистов во всех ее подробностях. Говоря о наиболее важных этапах развития и разработки научно-практических проблем уйгурского языкознания, мы ставим перед собою цель прежде всего как можно яснее представить перспективы дальнейшего развития этой науки, наметить ее наиболее важные и первостепенные проблемы и мобилизовать, координировать в известной степени разрозненные научные силы уйгуроведов Советского Союза в целях их успешного решения.

В развитии уйгурского языкознания в советский период можно усмотреть два этапа: довоенный и послевоенный. Первый этап характеризуется преимущественно мероприятиями и исследованиями практического назначения. Так, например, в 20—40-х гг. основные усилия местных уйгурских языковедов были направлены на создание и усовершенствование письменности, на разработку научных основ уйгурской орфографии и принципов терминотворчества, на создание учебников и

учебных программ для уйгурских школ, на формирование единых литературных норм уйгурского языка в местах его функционирования: в Узбекистане, Казахстане, Киргизии и Туркмении. Уйгуроведы Москвы и Ленинграда в этот период занимались главным образом созданием учебных пособий, словарей и первых научных грамматик. В частности появились «Учебник уйгурского языка» А. К. Боровкова (1935), «Очерк грамматики уйгурского языка» Н. А. Баскакова (1939), «Уйгурско-русский словарь» Н. А. Баскакова и В. М. Насилова (1939), «Грамматика уйгурского языка» В. М. Насилова (1940), «Хрестоматия уйгурского языка» К. К. Юдахина (1948), «Хрестоматия по уйгурской литературе» В. И. Новгородского (1947), «Разговорник уйгурского языка» Х. Р. Рахимовой и З. А. Киселевой под ред. Т. Р. Рахимова (1950) и др.

Эти труды послужили теоретической базой для создания самых различных школьных нормативных грамматик и учебных пособий и словарей. Наиболее важным результатом первого этапа развития уйгурского языкознания, таким образом, было: создание (сначала на основе латинской, а затем русской графики) унифицированной уйгурской письменности (1947), основ орфографии и разработка общих принципов терминологии, а также решение довольно сложного вопроса, связанного с определением статуса литературного языка советских уйгуров и его диалектной базы.

В решении всех этих вопросов в свое время местным уйгурским языковедам большую помощь оказали ученые Москвы и Ленинграда, прежде всего С. Е. Малов, К. К. Юдахин, Н. А. Баскаков.

Многочисленные труды С. Е. Малова по изучению уйгурского языка и его диалектов, публикации памятников древнеуйгурской письменности занимают в истории уйгуристики особое место и дают основание считать его по праву главой советского уйгуроведения. С. Е. Малов, внесший неоценимый вклад в развитие уйгуроведения в советский период, отличался тонким знанием как языка уйгурских памятников, так и живых уйгурских наречий, для изучения которых он дважды ездил на родину уйгуров в Восточный Туркестан. В отличие от своего учителя акад. В. В. Радлова — художника больших полотен и крупных мазков, С. Е. Малов был, как образно и метко заметила его ученица проф. Е. И. Убрятова, мастером тщательно отделанной миниатюры, поражающей блеском и тонкостью работы. С. Е. Малов участвовал в научно-практических конференциях по вопросам уйгурской письменности, орфографии, терминологии и литературного языка, проходивших в 20—30-е гг. в Ташкенте, Самарканде и Алма-Ате, помо-

гая местным уйгурским языковедам в решении научно-теоретических вопросов языкового строительства.

Создателями первых научных грамматик и грамматических очерков, первых учебных и двуязычных словарей были проф. К. К. Юдахин, В. М. Насилов, Н. А. Баскаков.

Надо отметить, что многочисленные исследования по уйгурскому языку Н. А. Баскакова, выдающегося ученого-тюрколога нашей страны, имеют для истории советского уйгуроведения исключительно важное значение. Достаточно вспомнить, что еще в 1928 г. Н. А. Баскаков первым из советских ученых, приехав в Среднюю Азию, стал изучать живой разговорный язык пржевальских уйгуров. Полевые записи его, сделанные во время этой экспедиции, опубликованы издательством «Наука» Казахской ССР в Алма-Ате в этом году, и представляют собой ценный источник по изучению диалектных особенностей языка советских уйгуров.

Второй, послевоенный, этап истории уйгурского языкознания характеризуется бурным развитием, общей интенсификацией научных исследований по всем основным его разделам и направлениям. Он характеризуется не только большим объемом печатной продукции, но и глубиной разработки актуальных научно-практических проблем уйгурского языка, его фонетической системы, грамматического строя, лексического богатства, диалектных особенностей, его истории, литературно-исторических памятников и т. д.

И надо отметить, что такое фронтальное исследование языковой структуры в плане диахронии и синхронии, а также удовлетворение насущных потребностей языковой практики, сознательное регулирование языкового процесса, упорядочение его письменно-орфографических, орфоэпических, лексико-грамматических норм, обеспечение их коммуникативной пригодности и т. д. — все это стало возможным благодаря функционированию в системе АН КазССР научного центра — Отдела уйгуроведения, занимающегося вот уже более 30 лет разработкой этих проблем.

1. Исследования в области истории и диалектологии уйгурского языка

Всем известно, что уйгуроведение возникло в связи с обнаружением в Восточном Туркестане богатейшей коллекции древнеуйгурских письменных памятников и их изучением в России и за рубежом. Многое было сделано в этой области отечественными тюркологами еще в дореволюционный период. Эта добрая научная традиция получила в советский период свое дальнейшее развитие. Эстафету исследования языка па-

мятников древнеуйгурского письма от своих предшественников принял С. Е. Малов, опубликовав в 1928 г. (с некоторым дополнением) ценнейшую рукопись своего учителя акад. В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка», а в 1951 г. — свой фундаментальный труд «Памятники древнетюркской письменности», в котором немало места отведено и уйгурским памятникам. Надо сказать, что появление этого труда ознаменовало собой как бы новый этап исследований древнетюркских, в том числе и древнеуйгурских, а также средневековых арабописьменных памятников.

Так, ближайший ученик С. Е. Малова, ныне виднейший тюрколог нашей страны Э. Р. Тенишев в 1953 г. издал свой «Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению „Золотой блеск"». Другой ученик С. Е. Малова также виднейший ученый-тюрколог А. М. Щербак в 1959 г. опубликовал две работы: «Грамматический очерк языка тюркских текстов из Восточного Туркестана X—XV вв.», и «„Огуз-наме", „Мухаббат-наме" (памятники древнеуйгурской и староузбекской письменностей)». В 1963 г. проф. В. М. Насилов опубликовал свое исследование «Древнеуйгурский язык». В числе аналогичных трудов по орхонике, енисеике, уйгуристике и средневековым арабописьменным памятникам можно было бы назвать ряд трудов И. А. Батманова, А. К. Боровкова, С. Г. Кляшторного, Э. Н. Наджипа, Д. М. Насилова, Л. Ю. Тугушевой и др.

Примечательно то, что с появлением этих трудов значительно возрос научный интерес к изучению тюркских памятников в союзных и автономных тюркоязычных республиках. В числе местных ученых, вносящих посильную лепту в изучение орхоно-енисейских, древнеуйгурских письменных памятников, можно назвать, например, Г. Айдарова, А. Аманжолова, М. Томанова, М. Ахметова, К. Дыйханова, С. Кудайбергенова, А. Раджабова, И. Шервашидзе, А. Есенгулова, Н. К. Антонова, З. Мухамедову, М. Маматкулова.

Говоря об истории уйгурского языка, нельзя обойти молчанием вопросы преемственности его исторического развития, связи его с языком отдельных письменных памятников древности, его места в общей классификации тюркских языков. По этим вопросам мы имеем немало ценных высказываний С. Е. Малова, Н. А. Баскакова, И. А. Батманова, Э. Р. Тенишева, Э. Н. Наджипа, А. Т. Кайдарова, Г. Ф. Благовой и др. Однако считать проблему окончательно решенной нельзя. Она требует специального исследования.

Изучение исторического процесса становления и формирования современного уйгурского литературного языка, как известно, теснейшим образом связано с изучением общенародно-

го языка уйгуров и особенностей их живой разговорной речи с последующим определением его диалектной базы. Начало диалектологическим исследованиям в Восточном Туркестане было положено еще в дореволюционный период С. Е. Маловым во время его двукратной поездки в эту страну, а затем они продолжены Н. Ф. Катановым, Н. Н. Пантусовым и др.

Богатый диалектологический материал по языку уйгуров Кашгарского оазиса в 30-х гг. был собран, а позже опубликован (1946, 1948, 1951) в нескольких томах шведским ученым проф. Г. Яррингом. В 50-х гг. во время своего пребывания в СУАР КНР Э. Р. Тенишев собрал богатейший диалектологический материал по языку синьцзянских уйгуров и опубликовал предварительные итоги этой работы. Вопросами изучения особенностей живого разговорного языка синьцзянских уйгуров занимались в свое время и местные уйгурские языковеды Имин Турсун и А. Гаппарова.

Несколько особняком стоят исследования Э. Р. Тенишева по сарыг-югурскому и саларскому языкам, явившиеся результатом его научной командировки в СУАР и опубликованные уже в виде отдельных монографий.

Объектом многолетних исследований уйгуроведов были особенности общенародного языка советских уйгуров, живущих на территории Казахстана и трех среднеазиатских республик: Узбекистана, Киргизии и Туркмении. Вышеупомянутая работа Н. А. Баскакова по языку прииссыккульских уйгуров была началом этого дела. Особенностями живой разговорной речи советских уйгуров на территории Казахстана и Узбекистана в свое время интересовались Е. Поливанов, К. Юдахин, В. Решетов, А. Мухаммади, С. Шакирджанов и др., а в 50-х гг. Л. Аганина исследовала особенности языка уйгуров Чиликского района Алма-Атинской области.

Но основательное, планомерное изучение языка уйгуров этих регионов было начато казахстанскими уйгуроведами путем неоднократных экспедиционных выездов, организованных Отделом уйгуроведения.

Среди опубликованных монографических исследований по диалектам современного уйгурского языка особое место занимает монография А. Т. Кайдарова «Развитие современного уйгурского литературного языка. Часть 1: Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка», опубликованная в 1969 г. В этой книге рассматривается общенародная основа уйгурского языка во всех его диалектных проявлениях.

Изучению языковых особенностей двух больших групп в этнолингвистическом составе советских уйгуров, определению их взаимоотношений и преемственных связей с соответствующими говорами — семиреченского с илийским, ферганского с

кашгарским — посвящена совместная работа А. Т. Кайдарова и Г. С. Садвакасова, издание которой планируется в Москве.

Результатом многолетнего изучения особенностей языка уйгуров Ферганской долины явилась монография Г. С. Садвакасова в двух томах «Язык уйгуров Ферганской долины» (1970, 1976). В этой работе впервые рассматривается исторический процесс взаимодействия уйгурского языка с близкородственным узбекским языком данного региона. Ферганский говор со всеми его особенностями рассматривается как самостоятельная диалектная единица в системе уйгурских диалектов. При этом положении семиреченский говор вполне объективно сыграл доминирующую роль в формировании литературного языка.

2. Исследование грамматического строя уйгурского языка

В истории уйгурского языкознания особое место занимают исследования грамматического строя языка. Имеются в виду не школьные грамматики, которые обладают своей спецификой, а грамматики научные, систематические. К числу таких работ прежде всего можно отнести двухтомную коллективную монографию на уйгурском языке «Современный уйгурский язык. Лексика, фонетика, морфология, синтаксис» (Алма-Ата, 1963, 1966). Естественно, созданию этого труда предшествовало, как было уже отмечено, издание грамматик и грамматических очерков Н. А. Баскакова, В. М. Насилова, А. К. Боровкова и др., а также публикации ряда научных статей и трудов уйгуроведов, посвященных отдельным грамматическим категориям, в частности категориям вида (В. М. Насилова), именам действий (К. Малиев), аффиксальному словообразованию (Г. Садвакасов), частицам (А. Т. Кайдаров, И. Мусазаев), наречию (О. Джамалдинов), способам примыкания (Р. Ф. Тарасенко), синтаксическим функциям причастия (Е. И. Ушаков), вопросам синтаксиса (Ю. Цунвазо, И. Семятов), сложным глаголам (Ш. Кибиров).

В области научного исследования строя современного уйгурского языка большой известностью пользуется книга Э. Н. Наджипа «Современный уйгурский язык», опубликованная в серии «Языки народов мира» на русском и английском языках (М., 1960).

Тем не менее грамматический строй уйгурского языка ждет своего более глубокого и систематического исследования.

3. Исследования по уйгурской лексикологии и лексикографии

Лексикология и лексикография — самые большие разделы уйгурского языкознания, по которым успешно ведутся исследования. *Назовем несколько лексикологических работ*, выполненных в 50-х гг.: «Китайские элементы в уйгурском языке» В. М. Новгородского (1951), «Русско-советско-интернациональная лексика в современном уйгурском языке» И. А. Исмаилова (1953), «Слитные существительные в уйгурском языке» Г. Садвакасова (1958), «Парные слова в современном уйгурском языке» А. Т. Кайдарова (1958), «Устойчивые словосочетания в современном уйгурском языке» Ч. Г. Сейфуллина (1953), «Персидско-таджикские заимствования в уйгурском языке» Х. Насырова (1972), «Профессиональная лексика уйгурского языка» Ш. Баратова (1975). Говоря о лексикографических работах по уйгурскому языку, мы прежде всего должны указать на издание ряда двуязычных — уйгурско-русских и русско-уйгурских — школьных орфографических словарей и глоссариев разного характера. После известного «Уйгурско-русского словаря» Н. А. Баскакова и В. М. Насилова (1939), если не считать изданного до него в Стамбуле «Уйгурского словаря» А. Джафароглу, в 1952 г. в Пекине вышел «Уйгурско-китайско-русский словарь» Бурхан Шахиди, составленный на основе вышеуказанного «Уйгурско-русского словаря». В 1955 г. в Алма-Ате под ред. Ю. Цунвазо и А. Шамиевой увидел свет первый «Русско-уйгурский словарь» для синьцзянских уйгуров на арабском шрифте, а спустя год в Москве под ред. Т. Рахимова был издан более полный «Русско-уйгурский словарь» (30 тыс. слов). В 1961 г. под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо в издательстве АН КазССР вышел «Уйгурско-русский словарь» (16 тыс. слов), в 1968 г. в Москве издательством «Советская энциклопедия» выпущен «Уйгурско-русский словарь» Э. Н. Наджипа (33 тыс. слов) на арабском шрифте с русской транслитерацией. В 1970 г. в Москве было осуществлено издание своеобразного словаря «Китайские элементы в современном уйгурском языке» Т. Р. Рахимова.

Даже беглое перечисление лексикологических и лексикографических работ, выполненных за полувековой период развития уйгурского языкознания, говорит о том, что в этой области проделана значительная работа. Однако наша информация будет неполной, если не сказать о большой и кропотливой работе языковедов Отдела уйгуроведения по созданию двухтомного толкового словаря современного уйгурского языка. Подготовкой и изданием этой фундаментальной работы как бы завершается этап лексикографической фиксации словарного богатства уйгурского языка.

4. Исследование фонетико-фонологической системы уйгурского языка

Помимо В. В. Радлова, Г. Ракетта, Г. Ярринга фонетическая система уйгурского языка и его диалектов рассматривалась в трудах Т. Талипова «Развитие фонетической структуры уйгурского языка» (1972), «Гласные звуки уйгурского и казахского языков» (1968) и во множестве статей. В последиее время уйгурское языкозиание пополнилось интересной монографией М. И. Трофимова «Фонетические процессы в слоге в современном уйгурском языке» (1978). Вопросы уйгурской фонетики в известной степеии затрагиваются также в специальных разделах вышеназванных трудов Э. Н. Наджипа, А. Т. Кайдарова, Л. Аганиной, Г. Садвакасова.

Однако интересная по своей природе и отличающаяся от аналогичных систем родственных языков своеобразными особенностями фонетическая система уйгурского языка заслуживает большего внимания исследователей. Особенно интересна уйгурская фонетика в плане ее исторического развитня.

5. Решение практических проблем уйгурского языка

К практическим (прикладным) проблемам уйгурского языка относятся прежде всего вопросы алфавита, орфографии, пунктуации, терминологии, которые в совокупностн регулируют процесс развития письменной и устной речи, повышая ее культуру, и способствуют стабилизации и нормализации литературного языка. Они получили научное осмысление и теоретическое обоснование в работах А. Шамиевой и К. Хасанова по алфавиту на основе русской графики, Г. Садвакасова и Ч. Сейфуллина по орфографии, И. Исмаилова и А. Кайдарова по терминологии и др.

Таковы в общих чертах итоги и результаты научно-практических исследований по уйгурскому языку, проведенных усилиями целой плеяды ученых-уйгуроведов на протяжении полувекового периода становления и развития уйгурского языкознания в нашей стране.

Из приведенного обзора проделанной работы становится очевидным не только то, чего мы достигли, но и то, что следует поставить на повестку дня и решить общими усилиями. В этой связи, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на следующие общие и конкретные проблемы уйгурского языкознания и сообразно им определить свои задачи и пути перспективного развития этой науки:

1. Дальнейшее более глубокое и всестороннее исследование закономерностей развития грамматического строя, фоне-

тической системы и лексического состава современного уйгурского языка с целью создания обобщающего монографического труда «Строй уйгурского языка» (на рус. яз.).

2. Изучение истории уйгурского письменного литературного языка дооктябрьского периода на основе анализа языка богатейших памятников уйгурской классической литературы средневековья, что несомненно прольет свет на вопрос о преемственности развития уйгурского языка в разные исторические эпохи, о роли языка классической литературы уйгуров в формировании различных региональных литературных языков народов Средней Азии в позднем средневековье.

3. Более интенсивное исследование лексического богатства уйгурского языка в плане диахронии и синхронии, а также создание больших лексикографических трудов, в частности: толкового словаря современного уйгурского языка, словаря уйгурской классической литературы, диалектологического, терминологического и других отраслевых и двуязычных словарей; усовершенствование существующих орфографических словарей.

4. Исследование процесса взаимодействия и взаимовлияния уйгурского языка и других родственных и неродственных языков в условиях длительного контактирования, а также роли великого русского языка в развитии и обогащении уйгурского языка, процесса двуязычия и многоязычия среди различных слоев уйгурского населения в регионах их проживания.

5. Планомерная подготовка научных лингвистических кадров как на местах, так и в научных центрах Ленинграда и Москвы.

К. ТОХТАМОВ, М. АЛИЕВА (Алма-Ата),
У. МАМАТАХУНОВ (Ташкент)

Развитие литературы и искусства советских уйгуров

Литература и искусство уйгурского народа, имеющие многовековые традиции, после победы Великого Октября поднялись на новую ступень развития. В условиях социалистического строя благодаря мудрой ленинской национальной политике советские уйгуры получили широкие возможности для развития своей культуры. Открытие в послереволюционные годы уйгурских общеобразовательных школ, издание газет и журналов на уйгурском языке в Алма-Ате и Ташкенте

создали благоприятные условия для развития уйгурской литературы и искусства. Процесс становления новой литературы не был легок и прост. Однако под влиянием передовой русской литературы и литературы других братских народов уйгурские поэты и писатели преодолели трудности в освоении метода социалистического реализма, в овладении тайнами реалистического искусства. В 20-х гг. появилась целая плеяда талантливых литераторов: У. Мухаммади, И. Искандеров, Н. Исраилов, Х. Закири и др. Их произведения объективно стали тем фундаментом, на котором воздвигнулось самобытное здание уйгурской советской литературы.

Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», принятое 23 апреля 1932 г., имело большое значение и для уйгурской литературы. При Союзах писателей Казахстана и Узбекистана были организованы секции уйгурской литературы. Эти секции сыграли важную роль в консолидации уйгурских писателей. I съезд советских писателей и доклад на нем А. М. Горького вдохновили уйгурских литераторов на создание новых произведений.

В 30-х гг. в уйгурской литературе появились значительные произведения, где воссоздана широкая панорама социалистической действительности и нашли отражение стремление народа к новой жизни, пробуждение его классового самосознания.

Первые шаги уйгурского литературоведения и критики сделаны также в 20—30-х гг. Авторами первых литературно-критических статей были видный партийный деятель Абдулла Розыбакиев, писатели и литературоведы Абдулхай Мухаммади, Нур Исраилов, Латип Ансари, Низам Маваев. В их статьях затрагивались вопросы, связанные с народно-поэтическим творчеством, произведениями классической литературы. К этому времени относятся попытки изучения языка художественных произведений современной литературы. В газетах и журналах появляются статьи об уйгурском искусстве, рецензии на пьесы, ставившиеся на сцене национального театра.

Следует отметить, что в зарождающейся уйгурской литературе не было различных течений и больших идейных разногласий. Однако литературно-критическим статьям 20—30-х гг. свойственны были некоторая однолинейность и тенденциозность. В результате этого некоторые произведения Назархожи Абдусемятова, Абдулхая Мухаммади, Умара Мухаммади, Изима Искандерова, выражавшие желание авторов видеть Восточный Туркестан свободным, независимым, были объявлены узконационалистическими.

Исторические решения XX и XXII съездов Коммунистической партии Советского Союза дали возможность по-новому осветить историю уйгурской советской литературы.

Уйгурская культура послевоенного периода достигла высокого уровня развития. В литературе и искусстве прослеживаются ясные черты профессионализма, усиление реалистических тенденций. Интенсивно и гармонично развиваются все жанры литературы. Активные творческие поиски и совершенствование мастерства литераторов способствуют дальнейшему развитию романа, повести и рассказа. Для поэзии характерно расширение тематики, углубление философских мотивов. Обращение поэтов к традициям прошлого показало, что средствами классической поэзии можно успешно пользоваться и говоря о современности. Тематика уйгурской литературы этого периода многообразна. Ведущими темами являются современность и историческое прошлое народа.

Одним из показателей зрелости современной уйгурской литературы является ее выход на всесоюзную арену. В достижение идейно-художественных высот уйгурской литературы данного этапа значительный вклад внесли такие писатели и поэты, как Хизмет Абдуллин, Зия Самади, Джамал Бусаков, Хелил Хамраев, Илья Бахтия и другие. Во всех жанрах современной литературы плодотворно работает наша талантливая молодежь.

Появление большого числа художественных произведений обусловило развитие литературоведения и литературной критики. Литературоведение и искусствоведение — самые молодые отрасли уйгуристики. Интенсивное развитие науки о литературе и искусстве начинается в 60-х гг. За сравнительно короткий срок и в этой области достигнуты определенные успехи. Если до этого времени у нас не было больших обобщающих исследований, то теперь по актуальным вопросам уйгурской литературы и искусства защищены одна докторская и семнадцать кандидатских диссертаций. Вышли в свет свыше десяти литературно-критических сборников и монографий, изданы коллективные труды «Очерки истории уйгурской советской литературы», «Вопросы традиций и новаторства в уйгурской литературе», опубликованы учебники по родной литературе.

В коллективных исследованиях освещаются основные этапы развития уйгурской советской литературы, художественные поиски писателей и своеобразие литературных и фольклорных жанров. В области уйгурской литературы и фольклора успешно ведут исследовательскую работу такие ученые-литературоведы, как У. Маматахунов, М. Хамраев, М. Абдурахманов, М. Алиева, К. Тохтамов, П. Сабитова, А. Бакиев, Р. Сабитов, С. Моллаудов, Р. Кадыри, Р. Исмаилов, А Кадыров, Д. Рузиева, Б. Аршидинов, А. Алахунов. Ими изучено творчество представителей классической и советской

литературы, разработаны вопросы, связанные с развитием современной уйгурской поэзии, прозы и драматургии. Сейчас литературоведы Отдела уйгуроведения АН КазССР завершают работу над историей уйгурской литературы с древнейших времен до наших дней в 3-х частях.

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», принятое 21 января 1972 г., сыграло огромную роль в деле дальнейшего развития уйгурского литературоведения. Теоретические и практические положения этого важнейшего партийного документа содействовали росту и укреплению принципиальной и взыскательной критики.

Одним из важнейших аспектов исследований является изучение богатейшего наследия дореволюционной литературы. Уйгурская письменная литература — одна из древнейших среди тюркоязычных литератур народов Средней Азии и Казахстана. У ее истоков стояли такие выдающиеся поэты, как Юсуф Баласагунский, Ахмед Югнаки. Важные вехи истории уйгурской классической литературы составляют творчество Вапаи, Навбати, Зияи, Хиркати, Гариби, Арши, Мухаммеда Садыка Кашгари.

XIX в. — время крутого подъема уйгурской литературы. На литературном поприще в этот период работают Абдурахим Низари, Билал Назым, Молла Шакир, Сеид Мухаммед Каши. Их творчество усилило демократические тенденции литературы, сыграло прогрессивную роль в развитии уйгурской художественной мысли.

При изучении уйгурской дореволюционной литературы исследователи, безусловно, руководствуются указаниями В. И. Ленина о необходимости критического освоения культурного наследия прошлого. В последнее время ведется активная работа по изучению и изданию литературно-художественных памятников. В 1963 г. опубликована антология «Эхо веков», охватывающая творчество 18 поэтов. В 1975 г. общественность республики широко отметила 150-летие со дня рождения великого уйгурского поэта-реалиста XIX в. Билала Назыма. К юбилею была издана монография о творческом пути поэта и его избранные произведения. С большой радостью было встречено уйгурскими читателями издание газелей и дастанов видного представителя уйгурской классической литературы Абдурехима Низари, а также текстов «Двенадцати мукамов».

Важной задачей филологической науки является изучение уйгурского фольклора. Народно-поэтическое творчество уйгуров — такое же древнее, как и сам народ, о чем свидетельствуют дошедшие до нас образцы обрядовой поэзии, сказок, происхождение которых связано с ранними формами развития человеческого общества.

Первые фиксации уйгурского фольклора уходят в глубину веков и относятся к изобразительному искусству. Настенные рисунки «Мин уй»— архитектурного памятника IV—V вв, по свидетельству историков и путешественников, живописно передают содержание преданий и сказок [1].

Благодаря самоотверженному труду Махмуда Кашгарского мы сегодня имеем представление об уйгурском фольклоре средневековья. Еще С. Е. Малов писал, что в словаре М. Кашгарского много уйгурских песен, пословиц и поговорок. Кроме того, там зафиксированы отрывки из легенд и преданий.

Систематическая запись и публикация образцов уйгурского фольклора относится к XIX в. и связана с именами В. В. Радлова, Н. Н. Пантусова, И. Ф. Катанова, С. Е. Малова, Р. Ракетта, Г. Ярринга. Они оставили превосходные, подлинно научные публикации фольклорных текстов с комментариями, изданные на двух языках — языке оригинала и на русском языке. Мы сегодня вспоминаем их имена с благодарностью.

В первые послереволюционные годы идет общий для всей советской фольклористики бурный процесс собирания и научного изучения традиционного и советского фольклора. Поэтическая устная культура уйгуров повсеместно собирается и публикуется: в 20—30-х гг. выходят сборники образцов — в основном песен — с небольшими вступительными статьями. С 50-х гг. начинается новый этап в истории уйгурской фольклористики: собирание и изучение уйгурского фольклора приобретает определенную систему, входит в научно-исследовательские планы Академии наук Казахской ССР. Публикации, осуществляемые в этот период, охватывают большинство жанров. Издаются отдельными сборниками сказки, песни, пословицы и поговорки с параллельным переводом на русский язык, юморески, бейты, загадки. Уйгурские сказки переводятся на русский, казахский, узбекский и иностранные языки. За последние годы уйгурскими фольклористами исследованы пути зарождения и развития сюжетов, образов и персонажей уйгурских сказок, определен их состав соотносительно с международным сказочным фондом, изучены разновидности народной лирики и сатирико-юмористические жанры.

Однако следует отметить, что сделано далеко не все. Все перечисленные сборники — научно-популярные издания. На первых порах они, конечно, необходимы, на последующих же этапах следует заняться научным изданием фольклорных текстов. Более того, есть еще жанры, которые вообще никогда не издавались, напрнмер несказочная проза, произведения советского фольклора. Назрела необходимость монографических

[1] См.: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности М.; Л., 1951, с. 305.

исследований специфических особенностей формирования и развития таких жанров уйгурского фольклора, как дастаны, исторические и обрядовые песни, загадки, легенды.

Самобытное и разнообразное искусство уйгуров имеет длительный и сложный путь развития. Замечательное музыкальное творчество, изобразительное, декоративно-прикладное искусство и живопись, художественное ремесло—ковроделие—были предметом восхищения многих ученых и путешественников древности. О музыкальном искусстве уйгурского народа оставили восторженные отзывы Марко Поло, Н. Пантусов. А Чокан Валиханов, отмечая особенности уйгурской музыкальной культуры, писал: «Кашгария славится своими музыкантами и танцовщиками, они поэтичны, музыкальны, общительны» [2].

Искусство уйгуров в советский период получило свое дальнейшее развитие. Уйгурский музыкально-драматический театр стал подлинным центром духовной культуры народа.

В росте уйгурской культуры особенно значительна роль основоположника профессиональной музыки, лауреата Государственной премии СССР Куддуса Кужамьярова, создавшего первую уйгурскую оперу и балет. Не меньшее значение имеют и его исследования национальной музыки.

В последние годы появились исследования по музыке и театральному искусству А. Кадырова, Т. Алибакиевой, А. Х. Ашимова. Начаты музыковедческие и литературоведческие работы по изучению «Двенадцати мукамов», в частности ведется кропотливая, трудоемкая работа по нотной записи этого колоссального по объему произведения, исследуется национальное своеобразие богатейшего музыкального фольклора уйгуров. Появились статьи о творчестве уйгурских композиторов и мастеров сцены. Отрадно отметить, что в этих работах принимают участие русские, казахские, узбекские искусствоведы.

Мы остановились на некоторых успехах и достижениях уйгурского литературоведения и искусствоведения. Определяя цели и задачи дальнейших исследований, следует прежде всего отметить, что у нас нет еще итоговых работ, которые определили бы вклад уйгурской литературы и искусства в общую мировую культуру.

Недостаточно изученной остается проблема своеобразия уйгурской современной и классической литературы и искусства. Литературоведам предстоит обстоятельно изучить вопросы о формировании реалистических тенденций в современной уйгурской литературе, о судьбе традиционных и новых жан-

---

[2] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата, 1962, т. 2, с. 115.

ров, об особенностях художественного освоения действительности, о становлении и развитии искусства социалистического реализма.

Взаимообогащение культур советских народов, сложившихся в социалистическую общность, является объективной закономерностью художественного развития. Сходство тем, идейно-эстетических принципов отражения действительности в литературах разных народов может быть объяснено взаимовлияиием, но может и не быть фактом взаимовлияния. Исследование вопросов взаимовлияния требует от ученых глубокого изучения литературного процесса в целом.

В некоторых наших работах по классической и современной литературе, посвященных вопросам взаимовлияния, всестороннее исследование художественных явлений, конкретное освещение литературного процесса подменяются легковесными утверждениями, что все творческие успехи того или иного писателя или поэта являются результатом влияния литературы других народов. Такое отношение к исследовательской работе приводит к схематизму, односторонности, больше того, к принижению национальной литературы и ее творцов.

В процессе взаимовлияния и взаимообогащения литератур важное место занимают переводы. В становлении и возмужании уйгурской советской литературы немалую роль сыграли переводы на уйгурский язык лучших произведений братских литератур. Переводческая деятельность является для писателей прекрасной школой художественного совершенствования. Однако вопросы теории и практики перевода еще не были предметом обсуждения у уйгурских литературоведов, этим предстоит основательно заняться в будущем.

Ждет исследователей вопрос о роли фольклора в становлении реалистической литературы, вопрос творческого освоения традиций в уйгурской классической и современной литературе. Главные трудности в изучении уйгурской классической литературы заключаются в том, что ученые не располагают большинством литературных памятников. Многие произведения дореволюционной литературы еще не найдены, отдельные их издания известны не полностью.

Многие наши ученые-литературоведы занимаются составлением учебников и хрестоматий. Качество учебных пособий, издаваемых в настоящее время, безусловно, намного выше качества учебников прежних лет, но тем не менее имеется в них еще много недостатков. Главные из них — не отвечающий требованиям подбор материала, неверная трактовка отдельных произведений, путаные определения. В целях ликвидации названных недостатков необходима координация усилий специалистов для проведения серьезных совместных работ.

Таковы некоторые теоретические и практические задачи, стоящие сегодня перед уйгуроведением.

Г. М. ИСХАКОВ (Алма-Ата), С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ,
А. М. РЕШЕТОВ (Ленинград), Т. Р. РАХИМОВ (Москва)

Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров

Изучение уйгуров составляет важный этап отечественного востоковедения. Научная постановка вопроса об истории уйгуров осуществлена Ю. Клапротом и Н. Я. Бичуриным (Иакинф). Первый на основании личного знакомства в г. Семипалатинске в 1812 г. с уйгуром из Турфана и изучения китайских источников пришел к заключению, что уйгуры — один из тюркоязычных народов, однако Ю. Клапрот, встретив в китайских хрониках сообщение о племенах хойху, не усмотрел в них уйгуров [1]. Несколько иначе решил Н. Я. Бичурин, который в своей работе «Записки о Монголии» (1828) указывал, что хойху — это уйгуры, но счел, что они монгольского происхождения. Эту неточность исправил другой русский востоковед — А. Казем-бек в своих «Исследованиях об уйгурах» (1841), доказав, что хойху уйгуры являются одним из древних тюркских народов. Исследование истории уйгуров, по мнению ученого, было необходимо в связи с тем, что это давало возможность понять историю других тюркских племен [2]. Это положение Казем-бека, а также знание исторических особенностей развития древнеуйгурских племен и их связей с тюркоязычными племенами Средней Азии позволили И. И. Умнякову прийти к заключению, что работа Казем-бека «Исследования об уйгурах» положила начало изучению народов Средней Азии [3]. Работа Казем-бека дала толчок к привлечению при освещении истории уйгуров не только китайских, но и арабо-персоязычных источников.

Важный этап в развитии уйгуроведения связан с открытием и изучением древнетюркских и уйгурских текстов в Монголии и Восточном Туркестане в конце XIX — начале XX в. Исследо-

---

[1] *Klaproth J.* Abhandlungen über die Sprache und Schrift der Uiguren. Berlin. 1812.

[2] *Казем-бек А.* Исследования об уйгурах. — Журнал Министерства народного просвещения, 1841, ч. 31, с. 41.

[3] *Умняков И. И.* Значение трудов акад. В. В. Бартольда по истории Средней Азии. — В кн.: Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте, 1957. Ташкент, 1958, с. 676.

знание письменных памятников дало возможность проследить непрерывный процесс исторического развития уйгуров от Орхона до Восточного Туркестана, а интересные археологические открытия перенесли внимание востоковедов и тюркологов из Монголии в Восточный Туркестан, с турков-огузов на турков-уйгуров [4].

Развитие востоковедения в России, стремление русских ученых понять историю народов Центральной Азии привело к появлению известной литературы по истории и этнографии уйгуров. Начиная с работ Ч. Валиханова по Кашгарии, выходят такие исследования, как «Исторические комментарии» В. Г. Григорьева к переводу на русский язык «Землеведения Азии» К. Риттера (1869, 1873), «К вопросу об уйгурах» В. Радлова (1893), «Исторический очерк уйгуров» Д. Поздиеева (1899). Эти работы, по мнению отдельных ученых конца XIX в., «обещают пролить свет на одну из глубоко интересных и поучительных страниц в истории человеческой культуры и языка, так как ключ к разгадке древнетюркского языка, а следовательно, и уйгурской культуры должно искать в двух местах: северо-восточной Монголии, в верховьях р. Орхона, и в пределах Восточного Туркестана, где стоял древний Гаочан» [5] (ныне г. Турфан). В изучении древней и средневековой истории уйгуров после публикации исследований А. Казембека, Ч. Валиханова, В. Григорьева, В. Радлова, Д. Позднеева наступил перерыв, который можно назвать периодом накопления новых фактических материалов [6]. Наряду с историко-этнографическим значительное место в русской науке отводилось этнографическому изучению уйгуров, проводившемуся экспедициями Ч. Валиханова (1858—1859), Сосновского, Матусовского и Пясецкого (1874—1875), Н. М. Пржевальского (1876—1878, 1879—1880, 1883—1885), братьев Грумм-Гржимайло (1889—1890), М. В. Певцова (1889—1890), В. И. Роборовского (1893—1895), Н. Ф. Катанова (1891—1892), В. А. Обручева (1892—1894), Д. А. Клеменца (1898) и др. Этими учеными-путешественниками доставлены значительные материалы по хозяйству, материальной и духовной культуре уйгуров Восточного Туркестана.

Весьма значительна роль русской науки и ее представителя Н. Петровского в археологическом изучении Восточного Туркестана. Заслуга этого ученого состоит в том, что он вы-

[4] *Самойлович А. Н.* Вильгельм Томсен как турколог. — В кн.: Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. СПб., 1914, вып. 1, ч. 15, с. 18.

[5] *Поярков Ф., Ладыгин В.* Салары. — В кн.: Этнографическое обозрение. М., 1893, № 1, кн. 16, с. 4.

[6] *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.; Л., 1956, с. 8.

двинул ряд историко-культурных проблем, натолкнул на мысль о необходимости изучения верований и культуры домусульманского Восточного Туркестана. Его археологические данные давали возможность для исследования тех культурных форм, которые вследствие эволюции исчезли или изменились. Сообщения Петровского об археологических памятниках вызвали большой интерес среди востоковедов, «и всем стала ясна необходимость исследования Восточного Туркестана в археологическом отношении для того, чтобы выявить историко-культурные судьбы края»[7]. Для выяснения этих вопросов в 1909—1910 и в 1914—1915 гг. широкие исследования провел известный русский востоковед С. Ф. Ольденбург, по мнению которого исследование культуры Восточного Туркестана явится не только вкладом в историю мировой цивилизации, но и определит место народа, создавшего эту культуру, в истории человечества. «<...>об истории человечества,— писал он, — можно будет только тогда говорить, когда в нее полноправно войдет история Востока. В этом отношении история Средней Азии и специально Восточного Туркестана имеет громадное значение»[8].

Широкое изучение памятников уйгурских древностей Восточного Туркестана, развернувшееся с 1900 г., открытие Г. Рамстедтом в Монголии надписи уйгурского кагана Моюн Чура создало условия для дальнейшего расцвета уйгуроведения. Все больше арабо-персоязычных памятников включается в арсенал источников по истории уйгуров, причем в этом наиболее активно выступает крупнейший русский востоковед В. В. Бартольд. Он продолжает традицию, заложенную А. Казем-беком и В. Григорьевым в середине и второй половине XIX в. Особенно важным в работах В. Бартольда следует признать то, что он увязывает историю уйгуров с историей Карлуков, Караханидов и других государственных образований Средней Азии; он первый обратил внимание на ценность для исторического исследования уйгурских юридических документов, на роль уйгуров в этнической и культурной истории народов Центральной, Средней Азии и Южной Сибири.

Лучшие традиции русского уйгуроведения были продолжены в наше время в трудах советских историков и этнографов. С развитием востоковедческой науки в СССР, с накоплением фактического материала расширился круг проблем истории и этнографии уйгуров, получивших освещение в работах советских ученых.

В советский период уйгуроведение получило дальнейшее

---

[7] *Ольденбург С. Ф.* Русские археологические исследования в Восточном Туркестане. — В кн.: Казанский музейный вестник, 1921, № 1—2, с. 26.

[8] Там же, с. 30.

развитие на базе марксистско-ленинской методологии. Успехи советского востоковедения позволили по-новому поставить ряд проблем по истории Центральной Азии, непосредственно связанных с историей уйгуров. Эти проблемы нашли достаточное освещение в трудах советских уйгуроведов А. Н. Бернштама, Д. И. Тихонова, Л. Р. Кызласова, Л. Н. Гумилева, А. Ю. Якубовского, С. Г. Кляшториого, Л. И. Думана, Е. Кычанова и других.

На протяжении всего периода после Октябрьской революции история уйгуров находится в поле зрения советских исследователей и научных учреждений. В 1921 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества были прочитаны доклады Б. Я. Владимирцова — «Две уйгурские этимологии» и К. А. Иностранцева — «Об авторе „Кутадгу билиг"» [9].

В этом же году вышла статья Б. Н. Вишневского, посвященная антропологической характеристике древних жителей Восточного Туркестана [10].

В 30—70-х гг. XX в. тематика уйгуроведческих исследований расширяется. Она охватывает теперь широкий круг вопросов социально-экономической и этнической истории уйгуров [11]: завоевание Цинами Восточного Туркестана и их аграрная политика, борьба уйгурского народа против циских завоевателей, образование самостоятельных государств в результате восстания 1864 г. [12], переселение части уйгуров в

[9] Востоковеденне в Петрограде, 1918—1822. Пг., 1923, с. 26.

[10] *Вишневский Б. Н.* К антропологии древнего населения Восточного Туркестана. — Казанский музейный вестник, 1921, № 1—2.

[11] *Якубовский А. Ю.* Арабские и персидские источники об Уйгурско-Турфанском княжестве в IX—XX вв. — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, 1947, т. 4; *Бернштам А. Н.* Уйгурские юридические документы. — В кн.: Проблемы источниковедения, 1940, т. 3; *Он же.* Уйгуры в Семиречье. — В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1946; *Тихонов Д. И.* Налоги и налоговые термины в Уйгурском государстве. — Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР, 1959, т. 16; *Он же.* Феодальные землевладения у уйгуров в XIII—XIV вв. — Труды Сектора востоковедения АН КазССР. Алма-Ата, 1959, т. 1; *Кибиров А. К.* Социально-экономический строй Уйгуристана XIII—XIV вв. — Известия Киргизского филиала АН СССР, 1950, вып. 1—9; *Он же.* К вопросу о рабстве в Уйгуристане XIII—XIV вв. — Труды Института языка, литературы, истории Киргизского филиала АН СССР, 1952, вып. 3.

[12] *Думан Л. И.* Аграриая политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.; Л., 1936; *Тихонов Д. И.* Восстание 1864 г. в Восточиом Туркестаие. — Советское востоковедение, 1948, т. 5; *Он же.* Характеристика национальио-освободительиого движения в Синьцзяне в XIX в. и первой трети XX в. — Советское востоковедение, 1949, т. 6; *Он же.* Некоторые вопросы виутреиней политики Якуб-бека. — Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР, 1958, т. 16; *Идаятов А.* Восстание илийских уйгуров 1864 г. — Известия АН КазССР. Серия уйгуро-дунгаиской культуры, 1950, вып. 1; *Юдин В. П.* Некоторые источники по истории восстаиия в Синьцзяие в 1864 г. — Вопросы истории Казахстана и Восточиого

Россию и его прогрессивное значение [13]. В этот период особенно значительна роль А. Н. Бернштама в развитии советского уйгуроведения. Им впервые поставлены важные проблемы истории уйгуров, такие, как генезис историко-культурных особенностей Восточного Туркестана, Восточный Туркестан и Семиречье в средние века. Продолжая традиции В. В. Бартольда, А. Н. Бернштам приходит к выводу, что особенности исторического развития уйгуров приводили к все более нарастающим взаимосвязям культурного и этнического характера, ярче всего выразившимся в возникновении и развитии уйгурского народа и его культуры. Уйгуры и их культура были целиком связаны с историческими судьбами тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана [14].

Знакомство с работами советских авторов в области истории уйгурского народа показывает значительное расширение в последнее время тематики исследований. Необходимо отметить сохранение и дальнейшее развитие традиционного для отечественного уйгуроведения интереса к разработке различных по своему характеру, происхождению и языковой принадлежности письменных памятников, что создает надежную базу исторических исследований. Большое внимание уделено исследователями разработке письменного наследия собственно уйгурского народа на древнеуйгурском, староуйгурском и персидском языках. Важным фактором в этом отношении явилась публикация в 1951 г. «Памятников древнеуйгурской письменности» С. Е. Малова, а также последующая большая работа наших востоковедов-источниковедов по изданию и опи-

---

Туркестана: Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1962, т. 15; *Гуревич Б. П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во 2-й половине XVIII в. и политика России. — История СССР, 1973, № 2; *Он же.* Некоторые факты об изоляционистской политике цинского Китая в Синьцзяне начала XIX в. — VIII научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1977, т. 2; *Он же.* Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX в. — Вопросы истории, 1974, № 9; *Думан Л. И.* Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. — В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966; *Он же.* Отношения Цинской империи с Хами и Турфаном. — В кн.: Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977; *Кузнецов В. С.* Из истории завоевания Джунгарии цинским Китаем. — Народы Азии и Африки, 1970, № 3; *Он же.* Из истории освободительной борьбы уйгурского народа: (Восстание в Уч-Турфане). — Народы Азии и Африки, 1974, № 1; *Он же.* Агрессия Цинской империи в Центральной Азии. — Новая и новейшая история, 1979, № 1.

[13] *Кабиров М. Н.* Переселение илийских уйгуров в Семиречье. Алма-Ата, 1951; *Баранова Ю. Г.* К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881—1883 гг. — Труды Сектора востоковедения АН КазССР, 1959, № 1.

[14] *Бернштам А. Н.* Проблемы истории Восточного Туркестана. — Вестник древней истории. 1947, № 2, с. 71.

санию тюркских, персидских и таджикских рукописей [15]. Значительный вклад в развитие уйгуроведения внес А. М. Мугинов, который дал первое полное описание уйгурских сочинений, хранящихся в ЛО ИВ АН СССР. Эта работа А. М. Мугинова получила высокую оценку ученых-уйгуроведов [16].

Значительным событием было переиздание в 1950—1953 гг. труда Б. Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» и появление в 1961 г. работы Н. В. Кюнера «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока». Нельзя не отметить и положительных последствий издания «Сочинений» академика В. В. Бартольда в 9-ти томах (60—70-е гг.) в Москве и «Собрания сочинений» Ч. Ч. Валиханова в Алма-Ате (60-е гг.). Тематика исследований в области истории уйгурского народа охватила все эпохи — древность и средневековье, новое и новейшее время. Однако преобладают исследования по таким проблемам, как: а) история Уйгурского каганата и уйгурского Турфанского государства; б) маньчжурское завоевание Джунгарии и Восточного Туркестана в конце 50-х гг. XVIII вв.; в) национально-освободительное движение уйгурского народа против маньчжуро-китайской деспотии во второй половине XIX в.; г) события в жизни народов Восточного Туркестана и Джунгарии, связанные с именем Якуб-бека; д) массовое переселение уйгуров из Синьцзяна в пределы Российской империи в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в.; е) торгово-экономические связи России с Синьцзяном.

Наряду с разработкой традиционной проблематики намечены новые направления и объекты поиска, расширились возможности решения ранее поставленных вопросов.

Самым значительным периодом в исследовании истории уйгуров являются 60—70-е гг. XX в. В этот период вопросы социально-экономической истории Уйгурского государства X—XIV вв. получили дальнейшую разработку в трудах Д. И. Тихонова [17]. Освоение источников, накопление материала позво-

[15] *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962; *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Ч. 1: История/Под ред. акад. А. Н. Кононова. М., 1965; *Дмитриева Л. В., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Ч. 2: История. М., 1975.

[16] См. рецензию на эту работу В. П. Юдина: Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1965, вып. 2.

[17] *Тихонов Д. И.* Зависимые инджу. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1960, т. 8; *Он же.* Термины *эль* и *будун* в древнеуйгурских документах. — Исследования по истории культуры народов Востока. М.; Л., 1960; *Он же.* К вопросу о термине «quvaq» в древнеуйгурских текстах. — Народы Азии и Африки, 1964, № 4; *Он же.* Древнеуйгурские документы — важнейшие источники для изучения общественного строя Центральной Азии.— Историография и источниковедение истории стран Азии. Л., 1965, вып. 1.

лили Д. И. Тихонову перейти от отдельных интерпретаций исторических проблем к первому обобщению, выразившемуся в виде большой работы по истории Уйгурского государства X—XIV вв. [18]

Существенным вкладом в советскую историографию являются работы Л. Н. Гумилева и А. Г. Малявкина. Изучая историю древних племен Центральной Азии, они освещают и историю уйгуров, их связь и взаимоотношения с другими племенами. Ими намечены этапы образования Уйгурского каганата на Орхоне и дальнейшая судьба уйгурских племен после разгрома каганата в 840 г. [19] Вместе с тем следует считать, что наиболее глубокую разработку история Уйгурского каганата на Орхоне, роль уйгуров в этнических процессах на территории Центральной Азии получили в трудах профессора Московского университета им. М. В. Ломоносова Л. Р. Кызласова [20].

Наряду с крупными монографиями за последнее время вышел ряд статей, посвященных различным аспектам истории уйгуров Восточного Туркестана [21]

Изучение и интерпретация уйгурских и персидских источников из Восточного Туркестана позволили внести определенную ясность в политическую и этническую историю уйгуров в XIV—XVI вв. [22] Заслуживает внимания постановка вопроса о

---

[18] *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.; Л., 1966.

[19] *Гумилев Л. Н.* Хуниу. М., 1960; *Он же.* Древние тюрки. М., 1967; *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.

[20] *Кызласов Л. Р.* Средневековые города Тувы. — Советская археология, 1959, № 3; *Он же.* Тува в составе Уйгурского каганата. — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории. Кызыл, 1960; *Он же.* Средневековая история Тувы. М., 1969; История Тувы. М., 1964, т. 1, гл. IV.

[21] *Бахамов Г.* Кооперирование сельского хозяйства Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. — Труды Сектора востоковедения АН КазССР, 1959, т. 1; *Малявкин А. Г.* Китайские источники по истории и этнографии, 1961, вып. 2(16); *Кузнецов В.* К вопросу о политике цинского правительства в Восточном Туркестане во 2-й четверти XIX в. — Известия АН КазССР. Серия истории, археологии, этнографии, 1961, вып. 2(11); Монгольское господство в Восточном Туркестане. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и в Европе. М., 1970; *Думан Л. И.* Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. — В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

[22] *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. — Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1965, вып. 3; *Акимушкин О. Ф.* Шах-Махмуд Иби Мирза Фазил Чурас. М., 1976; *Макеев А. М.* Некоторые факты о торговых контактах Могольского государства с Китаем во 2-й половине XVII в. — VIII научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1977; *Семенов А. А.* Очерк культурной роли уйгуров в монгольских государствах. — В кн.: Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978.

могульском этническом компоненте, принявшем участие в сложении этнографических групп уйгурского этноса.

Этнографические исследования уйгуров представлены в основном работами Д. И. Тихонова, И. В. Захаровой, Н. Н. Чебоксарова, Р. Д. Ходжаевой, Г. М. Исхакова. Полевое этнографическое изучение уйгуров Алма-Атинской и Талды-Курганской областей впервые было осуществлено в 1947 г. комплексной антропологo-этнографической экспедицией, собравшей большое количество материалов по хозяйству, материальной культуре, общественному и семейному быту и фольклору [23].

Дальнейшее этнографическое изучение было связано с исследованием общественного и семейного быта уйгурской женщины Казахстана [24], материальной культуры уйгуров Средней Азии и Казахстана с акцентированием внимания на формировании двух групп уйгуров по данным материальной культуры [25]. Большие статьи И. В. Захаровой и Д. И. Тихонова, освещающие вопросы этнической истории, хозяйства, материальной культуры, семейного быта, культуры и искусства, вышли в сборниках «Народы Средней Азии и Казахстана» (М., 1968, т. 2), «Народы Восточной Азии» (М.; Л., 1965).

В последние годы этнографическое обследование уйгуров в плане изучения современного быта и культуры проводилось историко-этнографическим отрядом Отдела уйгуроведения АН КазССР на территории Алма-Атинской и Талды-Курганской областей в 1964 и 1966 гг., 1973 и 1975 гг., на территории Ошской области Киргизской ССР и Андижанской области Узбекской ССР в 1968 и 1970 гг.

Серьезное внимание в работах советских историков уделено исследованию вопроса о характере политики России в Синьцзяне в период XIX — начала XX вв., ее обусловленности англо-русским соперничеством. При этом убедительно показано преобладание в политике России торгово-экономических интересов, а не стремления к территориальным захватам за счет Синьцзяна [26].

Значительное место в уйгуроведческой литературе занима-

---

[23] *Чебоксаров Н. Н.* Комплексная антропологo-этнографическая экспедиция в Казахстане. — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, 1949, т. 6, с. 13—19.

[24] *Ходжаева Р. Д.* Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1956, т. 3.

[25] *Захарова И. В.* Материальная культура уйгуров Советского Союза. — Среднеазиатский этнографический сборник. М.; Л., 1959, ч. 2, т. 47, с. 215—298.

[26] *Нарочицкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895 гг. М., 1956; *Он же.* Обострение борьбы за раздел мира между капиталистическими странами на Дальнем Востоке

ет исследование истории уйгуров в период Октябрьской революции, гражданской войны, довоенных пятилеток, в годы Великой Отечественной войны, послевоенного строительства и в эпоху развитого социализма [27].

Большое значение для развития уйгуроведения в СССР имели результаты работы тюркологической конференции, посвященной памяти В. В. Радлова, которая состоялась в июне 1968 г. в г. Ленинграде. На этой конференции проводился симпозиум «Уйгуры и их роль в этнической и культурной истории Центральной Азии и Южной Сибири», где были выдвинуты весьма интересные проблемы, такие, как периодизация истории уйгуров, исследование и публикация источников, роль уйгурской культуры и ее влияние на народы Центральной Азии и Южной Сибири. Эти проблемы были сформулированы в выступлении известного востоковеда С. Г. Кляшторного.

Проблемы, выдвинутые на симпозиуме, дали направление дальнейшему исследованию истории уйгурского народа.

Перед уйгуроведческой наукой в настоящее время стоят актуальные задачи, ждущие своего решения. Это прежде всего:

1) публикация ценных рукописных памятников истории и литературы;

2) разработка истории сложения уйгурской народности и ее этногенетических связей с народами Средней Азии и Казахстана;

3) углубленное изучение социально-экономического строя и развития государственности уйгуров;

4) изучение истории культуры, ее периодизация;

5) история религий у уйгуров.

(1871—1898). — В кн.: Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973, кн. 1; *Сладковский М. И.* Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957; *Он же.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974; *Хидоятов Т. А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. Ташкент, 1969; *Халфин Н. А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке. 70-е годы XIX в. Ташкент, 1957; *Байкова А. Б.* Англо-кашгарский торговый договор 1874 года. — Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. М., 1952, т. 4; *Баранова Ю. Г.* Сведения уйгурской хроники «Тарих-и-амнийа» о восстановлении цинского господства в Синьцзяне в 1875—1876 гг. — В кн.: Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978; *Ахметжанов А.* Агрессивные устремления английского капитализма в Западном Китае в 60—70-х годах XIX в. — Ученые записки Алма-Атинского гос. пед. института им. Абая. Серия общественно-политическая. Алма-Ата, 1956, т. 11 (1).

[27] *Кабиров М. Н.* Очерки истории уйгуров Советского Казахстана. Алма-Ата, 1975; *Рузиев М.* Возрожденный уйгурский народ. Алма-Ата, 1976; *Валитова А. А.* Великое наследие уйгурского народа. — Проблемы Дальнего Востока, 1976, № 4; *Хасанов К.* Путь возрожденного народа. — Известия АН КазССР. Серия уйгуро-дунганской культуры, 1950, вып. 1.

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Д. М. НАСИЛОВ (Ленинград)

Траислитерация? Транскрипция? Трансграфика?

(К изданию древнеуйгурских текстов)

Основы научного издания древнеуйгурских текстов в уйгуроведении почти не обсуждались, и практика публикации текстов развивалась достаточно стихийно, сложившись к настоящему времени в систему традиционных приемов передачи текста с помощью других график, толкований содержания и комментариев лингвистического или текстологического планов. Оставляя в стороне такие важные стороны техники издания памятников письменности, как установление канонического текста, его реконструкция, работа над сводным текстом по различным спискам и вариантам, его комментирование и перевод, необходимо остановиться на обсуждении правил передачи тюркского текста, с чем сталкивается каждый издатель и любой потребитель издания.

Последние годы характеризуются оживлением работы по исследованию и публикации древнеуйгурских памятников: вышли из печати семь выпусков «Берлинских турфанских текстов», содержащие уйгурские тексты различных религиозных направлений — манихейства, буддизма, ламаизма; изданы новые памятники светского содержания — юридические документы, лечебники, художественные тексты; возобновилось изучение памятников, хранящихся в ЛО Института востоковедения АН СССР, и Л. Ю. Тугушева опубликовала уже ряд текстов, а также фрагменты из биографии Сюань-цзана [1]; обрабатываются материалы из парижской и лондонской уйгурских коллекций. Все это делает актуальным обсуждение основ публикации новых текстов.

По-видимому, следует согласиться с тем, что каждая новая публикация — уникальное явление в уйгуристике, повторные издания здесь почти не встречаются. Поэтому каждому тексту

[1] См.: *Тугушева Л. Ю.* Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. М., 1980.

уготована долгая жизнь, за время которой он неоднократно используется специалистами разного профиля. Если раньше он был предметом внимания исключительно лингвистов, то теперь к нему обращаются историки, литературоведы, историки религии и культуры. Характерно, например, что «Берлинские турфанские тексты» публикуются в серии «Памятники истории и культуры Древнего Востока», которую издает Институт древней истории и археологии Академии наук ГДР. Плоды комплексного использования древнеуйгурских памятников хорошо известны: это — книга Д. И. Тихонова об истории и хозяйственно-культурной жизни Уйгурского государства в средние века, монография А. Габен о культурной жизни в Турфанском оазисе, построенная на изучении изобразительного материала и соответствующих текстов, исследование Йес. Асмуссена о манихействе, выполненное на базе памятника «Хуастванифт», изучение функционально-стилистической дифференциации уйгурских памятников, осуществленное Э. Р. Тенишевым в рамках описания литературного языка древнетюркских памятников, изучение поэтики древних текстов и реконструкции мифологических и художественных представлений тюркских народов Средней и Центральной Азии, которыми занимается И. В. Стеблева, реконструкция юридических норм в Уйгурском государстве в работах Д. И. Тихонова, Р. Арата, Н. Ямады и многие другие исследования такого плана. Естественно, что современный издатель — а им, как правило, остается лингвист — должен учитывать интересы многих специалистов и не замыкаться в сугубо лингвистических проблемах, забыв, что новый текст есть памятник не только языка, но и культуры и истории всего народа.

Именно поэтому способы графической передачи древнеуйгурского текста приобрели в настоящее время первостепенную важность. Ниже мы остановимся на некоторых связанных с этим проблемах, поскольку единой методики издания пока выработано не было и графически тексты являют собой весьма пеструю картину.

Известны два способа отображения текста памятника: транслитерация и транскрипция. Транслитерация — это «побуквенная передача написаний с одного алфавита на другой»; транскрипция «точно отображает звуковой (или фонемный) состав слова» [2]. Важно различение фонетической и фонологической транскрипции: первая отображает каждый аллофон фонемы отдельным знаком, в фонологической транскрипции все аллофоны одной фонемы представлены одним знаком [3]. Вопрос о фонетической транскрипции для мертвого языка

[2] *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979, с. 295, 291.
[3] Там же, с. 291—294.

отпадает, так как нам никогда не удастся представить себе живую речь тюрка прошлых веков во всем ее звуковом многообразии. Но и применение фонологической, или фонематической, транскрипции связано с непременным условием: она может успешно действовать лишь тогда, когда выявлен состав фонем того или иного языка. И в данном случае, применительно к мертвому языку, речь может идти только о реконструкции фонологической системы древнеуйгурского языка, поскольку использовавшиеся уйгурами алфавиты значительно беднее фонемного состава языка. Однако и здесь нас поджидают трудности, поскольку до сих пор остается малоизученной графика — «совокупность правил отображения средствами алфавита фонем данного языка и их сочетаний в зависимости от фонетической позиции» [4], — необходимое условие научной транскрипции.

Нельзя сказать, что попыток реконструкции фонологических закономерностей древнеуйгурского языка в истории науки не было. Еще В. В. Радлов — пионер в области изучения уйгурских памятников — в своей статье об истории тюркского вокализма отметил, что его транскрипция текстов отражает представления о фонетической, т. е. фонологической значимости отдельных графем в тексте. Изучение уйгурских текстов привело его к выводу, что в этом языке глухие и звонкие взрывные и шипящие звуки различались позиционно, примером чему служили для В. В. Радлова восточнотюркские языки. На основе этих посылок возникла известная радловская транскрипция уйгурских текстов, которая позже подверглась критике со стороны немецких тюркологов. Одну из последних реконструкций предпринял Э. Р. Тенишев, опираясь при этом на факт возможного уйгуро-китайского билингвизма [5]. Противопоставление уйгурских согласных он определил как оппозицию по признаку наличие/отсутствие аспирации в начальной позиции; такая система согласных наличествует в современном сарыг-югурском языке [6].

Определенные представления о звуковой системе древнеуйгурского языка содержатся в известных грамматических работах А. Габен, В. М. Насилова, В. Г. Кондратьева и других тюркологов. Особенностью всех этих реконструкций является то, что они или отрывочны, дают только фрагмент фонетической системы (В. В. Радлов, Э. Р. Тенишев), или основаны на

[4] *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика, с. 282.

[5] *Тенишев Э. Р.* Система согласных в изыке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963, т. 3, с. 124—135.

[6] См.: *Тенишев Э. Р.* Строй сарыг-югурского изыка. М., 1976, с. 7—46.

См. также: *Тенишев Э. Р.* Перебой *s/s* в тюркских рунических памятниках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971.

общих тюркологических представлениях и не учитывают особенности именно уйгурского языка (А. Габен, В. М. Насилов и др.). Насколько нам известно, в уйгуристике до сих пор отсутствует полная и — самое важное — системная реконструкция, где были бы учтены свойства не только группы согласных, но и всех согласных в целом, а также в связи с этим и всей системы гласных фонем. Построение подобной системы позволит поставить вопрос о фонологической транскрипции древних текстов на прочную основу. Современное развитие тюркологии и исторической фонетики тюркских языков позволяет приблизиться к решению такой сложной задачи. Можно, например, упомянуть опыт Л. Юхансона, пересмотревшего на основе новейших достижений проблему отражения в руническом графике дентальных смычных звуков и установившего закономерности их ассимиляции в языке памятников [7], интересна схема соотношений «санскритская фонема — графема — уйгурская фонема или аллофон», предложенная Г. Кара и П. Циме для уйгурских поздних текстов (см.: Берлинские турфанские тексты, № 7), ценны опыты реконструкций, данные Г. Дёрфером на основе халаджского языка. Таким образом, прогресс в указанной области несомненен, и он, видимо, приведет к положительным выводам.

В условиях отсутствия единой и общепринятой схемы фонологических решений для древнеуйгурского языка становится спорным и совершенно неоправданным, с нашей точки зрения, стремление отказаться от традиционных способов передачи уйгурских текстов методом интерпретирующей транскрипции, или трансграфики, в котором сливаются принципы транслитерации и транскрипции. Этот метод сложился начиная с первых изданий памятников. Он использует транслитерацию для имеющих определенное звуковое содержание знаков письма и транскрипцию для интерпретируемых исследователем полифонных знаков или буквенных конъектур при различных приемах орфографии. Таким образом, здесь представлена некая система способов интерпретации издателем графики конкретного памятника, написанного на одном из бывших у уйгуров алфавитов. Она позволяет дать наглядное изображение текста, сохранив при этом отражение и графических приемов письма. Конечно, такая система передачи текста условна, отражает взгляд на уйгурскую фонетику данного издателя, но она компромиссно обходит трудности современного изучения древнеуйгурского языка, оставляя их для специалиста-языковеда, и открывает уйгурский текст для широкого использова-

---

[7] *Johanson L.* Alttürkisch als «dissimilierende Sprache». Wiesbaden, 1979.

ния всеми другими специалистами, которым фонетические проблемы уйгуроведения доставляют мало забот.

Принимая во внимание многоцелевую направленность издания, основную задачу издателя текста следует видеть, наверное, в интерпретации текста как единого целого, следовательно, и в отношении фонологических особенностей. Чистая транслитерация здесь ничего не дает, оставляя всю эту работу читателю. Примером подобных изданий являются публикации турецким ученым Шинаси Текином буддийских текстов [8], где он применил транслитерацию на основе, принятой при издании согдийских текстов. Ученый подводит и базу для оправдания такого отображения текста: сейчас нет данных для восстановления фонологической системы языка [9]. В этом отношении он даже противопоставляет арабописьменные мусульманские тексты и древнеуйгурские, считая, что для первых таких данных больше и их поэтому легче транскрибировать. Представляется, что подобный скепсис здесь не оправдан. Помимо углубленного изучения графики и правил орфографии уйгурских памятников, как и при арабописьменных памятниках, установлению звуковой системы может способствовать анализ заимствований из уйгурского языка в соседние языки и наоборот, анализ рифм, правил стихосложения, учет исторической фонетики, опора на современные языки (в частности, на сарыг-югурский и другие сибирские языки, где продолжает жить система противопоставлений сильных и слабых согласных), изучение текстов на брахми, сравнение разных систем письма на разных алфавитах, принципы адаптации тюрками других систем письменности и иные факторы, не менее многочисленные и содержательные, чем и при работе с другими памятниками. Примененная им транслитерация только создает видимость объективности в передаче текста, так как выбор знаков и их применение к орфограммам остаются все равно субъективными, определяемыми взглядами исследователя. Ведь и перевод сделан также на основе издательского понимания текста, в котором переводятся слова, а не абстрактные группы знаков. Транслитерация как бы скрывает всю эту творческую работу издателя, которую он на самом деле совершает, но почему-то хочет спрятать от читателя, снова перекладывая тот же процесс на плечи последнего.

Можно сделать вывод, что в современных условиях развития уйгуристики переход к транслитерации был бы шагом назад. Видимо, до лучших времен применение интерпретирующей транскрипции, трансграфики, остается ведущим принци-

[8] *Tekin S.* 1) Maitrisimit nom bitig, 1—2. Berlin, 1980 (BTT IX); 2) Buddhistische Uigurica aus der Yüan — Zeit, 1—2. Budapest, 1980.

[9] *Tekin S.* Maitrisimit nom bitig, S. 12—13.

пом издания древнеуйгурских текстов, написанных на разных алфавитах. Ее использовали и используют большинство издателей текстов, на ее основе передан языковой материал в Древнетюркском словаре, на схожих принципах он передается и в новом Уйгурском словаре К. Рёрборна [10] (здесь транслитерация дается только при заглавном слове, отражая написания на разных алфавитах), нашла применение трансграфика и в работах по исторической грамматике тюркских языков [11].

Т. ТАЛИПОВ (Алма-Ата)

К вопросу о тенденции соноризации анлаута в истории тюркских языков

(на материале уйгурского языка)

Если не считать отдельные разрозненные высказывания ученых о развитии явления жеканья и джеканья, вопрос о тенденции соноризации [1] анлаута в истории тюркских языков в тюркологии пока никем специально не разрабатывался. Следовательно, поднимаемый здесь вопрос хотя сам по себе не является новым в тюркологии, его окончательное решение пока остается в числе не только наиболее актуальных, но и сугубо проблематичных. Это объясняется наличием порою противоречивых и взаимно исключающих мнений о развитии явления жеканья и джеканья в истории тюркского анлаута. Не вдаваясь в детали этой проблемы, остановимся в самых общих чертах на вопросе об общетюркской тенденции трансформации близких по артикуляции анлаутных звуков [й] и [ж], а также [ж] в истории тюркских языков.

Известно, что различные импульсы и движущие силы, управляющие механизмом регулирования фонематического равновесия в тюркских языках, еще в деталях не выяснены. Тем не менее в качестве предварительной рабочей гипотезы выдвигаем тезис о том, что появление жеканья и джеканья в истории конкретных тюркских языков, в том числе и уйгурского, генетически связано с изменениями в акцентной структуре древнетюркского праязыка.

По всей вероятности, вслед за репласацией древнетюрк-

[10] *Röhrborn K.* Uigurisches Wörterbuch, 1. Wiesbaden, 1977.

[11] См.: *Гарипов Т. М.* Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979, с. 44—47.

[1] Здесь в термин «соноризация» мы вкладываем более широкое значение — увеличении уровни слышимости анлаутной позиции слова.

ского силового ударения, сопровождавшегося усилением отчетливости (т. е. звучности) подударного ауслаутного слога и, наоборот, уменьшением уровня сонорности прежде сильного анлаутного слога, в древнетюркских языках возникла потребность иметь в абсолютном начале слов с этимологическим среднеязычным сонантом [й] сибилянта [ж], в акустическом отношении являющегося более слышимым и звучным, чем [й]. Таким образом, тенденция соноризации анлаута с инициальным [й] в новых акцентных условиях разрешается в основном в пользу сибилянта [ж], а также аффрикаты [ж], обладающих наибольшей артикуляционной близостью к [й].

Можно полагать, что после этого превращения, т. е. после превращения анлаутного [й] в [ж], общий объем функционирования инициального [й] и уровень частотности употребления последнего в древнетюркских языках сократился до минимума. Следовательно, примерно с этого времени заметно активизировалась новая позиция для [ж] и [ж] — возникла инициальная позиция для указанных звуков, которые до этого момента не имели места в фонетической системе древнетюркских языков.

В условиях, когда силовое ударение преимущественно покоилось на начальном слоге древнетюркского слова, по-видимому, не было особой необходимости в дополнительной соноризации без того сильно слышимого подударного анлаута с инициальным сонантом [й]. В этих условиях, например, произношение титула верховного правителя древних тюрков *йабғу* или название верблюжьей шерсти *йоғду*, можно полагать, вполне удовлетворяло необходимый уровень слышимости анлаута. Однако, в связи с позиционным ослаблением анлаута, вызванного репласацией древнетюркского ударения, при котором широкий гласный [а] или полуширокий [о] в указанной позиции подвергался качественной, а также количественной редукции, сопровождавшейся снижением общего уровня сонорности анлаута, возникла естественная необходимость компенсации утраченной сонорности первого корневого слога, до того задававшего сингармонический тон последующему слогу. А это стало возможным благодаря возникшей необходимости сделать звучным слабоударный анлаут посредством замены инициального [й] более «слышимыми» звуковыми единицами [ж] и [ж].

Важно отметить, что процесс перехода [й] в [ж] по известным причинам мог осуществиться, в основном, в позиции перед максимально краткими, т. е. перед так называемыми иррациональными гласными [ы], [і], [ұ] и [ү]. Иначе говоря, для перехода анлаутного [й] в [ж] или [ж] широкий гласный, находящийся в позиции после инициального [й], должен

был бы качественно и количественно модифицироваться в узкий или полуширокий краткий гласный. В противном случае указанный переход согласных зачастую не мог бы иметь места в языке.

Так, в результате репласации древнетюркского ударения этимологически широкий гласный слабоударного анлаута, теряя первоначальное качество, редуцировался. Вследствие этого в одних тюркских языках он мог произноситься как узкий [ы] или [і], а в других — как полуширокий [о] или [е], сохранившийся «почти в неизменном виде» в древнегрузинских письменных источниках V—VII вв. [2] в таких словоформах, как *ჯიბღუ, ჯიბღო, жебғу* и т. д.

Как и следовало ожидать, соответственное изменение происходило также в качественной и количественной характеристиках этимологически узкого гласного в финале многих слов. Узкий гласный в указанной позиции, будучи в подударном слоге, модифицировался в полуширокий [о], доходя иногда до уровня максимально широкого гласного [а] или [ə], как это наблюдается, например, в древнетюркском междометном слове *йəму* 'хорошо, согласен' [3], которое в истории уйгурского языка превратилось в современную диалектную форму *жума,* лит. *ҳуму.*

В основном так происходила не только замена слабого инициального [й] более звучным, т. е. более слышимым [ж] или [ж], которые с лингвотехнической точки зрения считаются более удобными, чем сонорный [й] [4], но и вибрация гласных анлаута и ауслаута.

Априори можно полагать, что тенденция соноризации анлаута за счет более слышимых [ж] и [ж] была поддержана законом сингармонизма, при котором учитывалась доминирующая роль первослогового гласного слова, призванного задавать сингармонический тон гласным последующих слогов. В этом плане сингармоническая принадлежность гласного анлаута, стоящего после слабого [й], должна быть наиболее ярко выражена и артикуляционно и акустически. Поэтому в целях сохранения сингармонического «тонуса» анлаута перед первым гласным мог стоять только такой согласный, который своей артикуляцией содействовал бы заданию сингармонического ряда [5]. А в условиях слабой анлаутной позиции для син-

[2] *Гукасян В. А.* Значение кавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода. — Советская тюркология, 1978, № 2, с. 32.

[3] Девону луғотит турк. Индекс — луғат. Тошкент, 1967, 126 б.

[4] *Гаджиева Н. З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистнки. М., 1975, с. 196, 269.

[5] *Мельников Г. П.* Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 72—73.

гармонических целей наличие в инициале именно сонорного (т. е. наиболее слабого) [й], так же как и других согласных этого типа (т. е. сонорных [р], [л], [н] и [м]), являлось не всегда желательным. Последнее объясняется также природной близостью [й] к гласным, названного по этой причине В. В. Радловым «гласным-согласным» (vocales consonans). В древнетюркских языках еще на заре их нераздельного существования функционировал анлаутный среднеязычный сонант [й] в качестве самостоятельной звуковой единицы. Позже в связи с репласацией древнетюркского ударения и последовавшим за ней ослаблением уровня сонорности указанной позиции возникла необходимость частичного возмещения и компенсации утраченной было сонорности анлаута путем постепенной замены слабого [й] более сильным и звучным [ж], а затем и аффрикатой [ж].

С момента передвижения начального ударения на последующий слог древнетюркское йеканье значительно сократилось и шло на убыль в пользу все нарастающей тенденции джеканья с промежуточной ступенью жеканья. Иначе говоря, с этого момента трансформация древнетюркского анлаутного сонанта [й] шла по линии постепенно нарастающей соноризации указанного звука и замены его звонким сибилянтом [ж], а затем и аффрикатой [ж]. Таким образом, создалась реальная возможность появления новой анлаутной позиции для звуков [ж] и [ж], а по линии оглушения последних и для звуков [ш] и [ч]. Следовательно, так называемое шеканье, а также чеканье хакасского типа, являясь одним из возможных вариантов развития жеканья и джеканья, по давности происхождения ничуть не древнее, чем последнее.

М. И. ТРОФИМОВ (Ош)

О явлениях палатализации гласных в русизмах современного уйгурского языка

Этот вопрос отчасти уже рассматривался нами [1]. Касались его и другие авторы [2]. На основании приведенных в данных ра-

[1] *Трофимов М. И.* Об оформлении вокализации русизмов в современном уйгурском языке. — Советская тюркология, 1975, № 1.

[2] *Аганина Л. А.* Уйгурские диалекты Казахской ССР: (Чиликский р-н). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954, с. 32; *Кайдаров А. Т.* Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969, ч. 1: Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка, с. 271; *Талипов Т.* Уйғур тилидики келин *а* тавушининг палаталишишиға даир. — В ки.: Вопросы уйгурской философии. Алма-Ата, 1961, с. 41—47; *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970, ч. 1, с. 13; *Он же.* Фонетическое освоение русских заимствований в говорах языка советских уйгуров.— В ки.: Вопросы казахской фонетики и филологии. Алма-Ата, 1979.

ботах фактов можно прийти к следующим выводам: континуум гласных с точки зрения оформления вокализации распадается на две четко очерченные области—широких и узких гласных. В уйгурском языке нет русских звуков Л и ъ, и, следовательно, они должны передаваться с помощью ближайших к ним по артикуляции уйгурских гласных. Все варианты широкой гласной фонемы русского языка *а,* как полные, так и редуцированные, передаются при заимствовании, как правило, широкими же гласными уйгурского языка *а* или *ə*. Варианты русского полуширокого о также относятся с этой точки зрения к широким гласным. Влияние русской орфографии, проявляющееся иногда в передаче безударных вариантов фонемы *о* с помощью уйгурского *о* (оратор, прапорщик), незначительно. Следовательно, вообще орфографический фактор играет небольшую роль. Что касается выбора между *а* и *ə,* то появление *ə* можно объяснить: а) влиянием согласных *к, г, ш, ж,* обладающих в тюркских языках собственной (фонетической) палатальностью; б) влиянием мягких согласных русского языка и *й* на соседние гласные; в) гармонией гласных и влиянием гласных передних в русском языке; г) большей закрытостью фонемы *ə* по сравнению с фонемой *а* и тенденцией к передаче русских редуцированных звуков с помощью этой закрытости. В данном сообщении мы рассмотрим другие аспекты этого вопроса [3].

Ударный русский *а* в односложных словах и в конечном слоге двусложных и многосложных слов в большинстве случаев передается как *а:* напр. *дас, доға, ахран, пинчаст, гинирал* и др. (всего в нашем списке 22 слова). Значительно реже в

[3] Приводимый фактический материал взят из следующих источников: *Аганина Л. А.* Уйгурские диалекты Казахской ССР: (Чиликский р-н). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954; *Исмаилов И. А.* Заметки о русских лексических заимствованиях в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965; *Кайдаров А. Т.* Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969, ч. 1: Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка; *Садвакасов Г.* Об изучении диалектов языка советских уйгуров. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970, т. 2; *Он же.* Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970, т. 1; *Талипов Т.* Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алма-Ата, 1972; *Он же.* Система гласных в современном уйгурском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1960; *Шамиева А., Махмудов Х.* Вопросы орфографии современного уйгурского языка. — Известия АН КазССР. Серия уйгуро-дунганской культуры, 1950, вып. 1; *Исмаилов И. А.* Уйғур тилигә рус тилидин кирип өзләшкән созларниң фонетикалик вә морфологиялик өзгиришлири һаққидә. — В кн.: Вопросы казахского и уйгурского языкознания. Алма-Ата, 1963; *Садвакасов Г.* Иәрганә вадиси уйғурлириниң тили һаққидә бәзибир мәлуматлар. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965; *Он же.* Уйғур әдәби тилниң имла қаидилири. Алмута, 1961; *Талипов Т.* Уйғур тилидики қелин *а* созуқ тавушиниң палаталишишиға даир. — В кн.: Вопросы уйгурской филологии. Алма-Ата, 1961; *Қайдаров А.* Ұйғұр әдәби тілінің дамуына орыс тіліиің ықпалы. — Қазақстан коммунисі, 1963, № 7.

этой позиции встречается *ə: ətrət, sojuzpečət, ишкəп, гирəм,* ферганск. *қулəқ* (5 слов). Палатализующие факторы (т. е. определенные согласные и передние гласные) встречаются в обоих списках, в частности в 10 словах из 22 слов первого списка. Таким образом, не всегда эти факторы приводят к появлению *ə.*

Ударный русский *а* в середине слова в большинстве случаев также передается как уйгурский *а: булапка, истарчи, вадықашқа, əписаңка, редаксийə* и др., всего 18 слов. Значительно реже встречаются слова, имеющие в этой позиции *ə: учəскə, өктəбир, опəрəтсийə, с. х. кəпирəтсийси.* Сюда можно присоединить еще слова типа *тирəктир,* в которых *ə* оказался в среднем слоге благодаря возникновению эпентетического гласного. Палатализующие факторы опять-таки имеют место в обоих списках, но не обязательно приводят к переходу *а>ə.*

Ударный *а* в начальном слоге также передается как *а: пабрика, партийə, прапорщик, табилшик* (всего 5 слов) и *партбелит* (с второстепенным ударением на первом слоге). Имеются также примеры с *ə* в этой позиции: *бəрхут, пəртук, йəрмəнкə, чəйнək* и др. (всего 6 слов). В обоих списках сравнимые количества слов. Палатализующие факторы имеются в обоих списках.

В итоге из общего количества 64 слова 46 на месте ударного *а* имеют *а* (71,8%).

Безударный вариант фонем *а* и *о* в слабой позиции 1-й степени Л в большинстве имеющихся примеров передается как *а: анкит, трамбай, разйиз, калхуз* и др. 1-я группа этих слов — двусложные —насчитывает 23 слова против 14, в которых встречается *ə: əртис, кəнвирт, əртил, ətrət* и др. В большинстве этих слов присутствуют палатализующие факторы, за исключением слова *пətмус,* с другой стороны, в 6 словах предыдущего списка, несмотря на наличие палатализующих факторов, выступает *а.*

В небольшом количестве слов Л передается как *а* в абсолютном начале слова (анлауте) многосложных слов с ударением на последнем слоге: *агарут, агранум, аптамабил* — всего 4 слова. В нашем распоряжении нет ни одного слова, где бы в этой позиции выступал *ə.* Можно предположить, что второстепенное ударение на первом слоге в какой-то мере способствует появлению *а.*

В следующей группе слов предударный Л выступает в середине слова и также передается как *а: камандир, самавар, камсамул, аптамабил,* всего 16 слов против 10, где в этой позиции выступает *ə: пирəшкə, гирəнис, мəмпəзə, кəстурул* и др. Почти во всех этих словах появление *ə* может быть объяснено палатализующими факторами, но, с другой стороны,

палатализующие факторы есть и в большинстве слов предыдущего списка (в 11 из 16).

Следующая группа слов — это слова, в которых первый предударный слог оказался начальным слогом, потому что ударение в языке-источнике падало на неконечный слог. Это трехсложные и четырехсложные слова: *машина, каммуна, асоби, тралавуз,* всего 16, а также слова, в которых ударный слог оказался неконечным благодаря эпентезе: *манивир,* наконец, слова с гласным в абсолютном начале слова, напр. *авиасийə.* В 19 примерах в этой позиции выступает *а,* в 10 *ə: кəртинкə, тəлиңкə, əркистир, кəмисийə* и др. Во всех последних примерах действуют палатализующие факторы, однако эти факторы встречаются также и в словах предыдущего списка.

Наконец существует небольшая группа слов, в которых Л— в среднем слоге, причем ударный слог также оказывается неконечным: *итажирка, забастофке, манапулийə* и др., всего 6 слов. В нашем распоряжении нет ни одного слова с *ə* в этой позиции.

Таким образом, для всех позиций, в которых в русском языке выступает Л, мы имеем 68 примеров с *а* против 34 примеров с *ə,* т. е. 66,6%.

Предударный ъ, как вариант фонем *а/о* во 2-м и дальнейших предударных слогах (считая от ударного), в начальном слоге передается в большинстве случаев как *а,* напр. *паравуз, камсамул, пракурур, вадықашқа* и др., всего 13 слов. В 9 примерах выступает *ə: йəрмəрком, кəлəдур, кəпийтан, кəпирəтип* и др. В большинстве этих примеров появление *ə* связано с влиянием палатализующих факторов, но, с другой стороны, эти же факторы присутствуют во многих словах предыдущего списка.

Есть небольшое количество длинных слов, в которых предударный ъ передается как *а* в неначальном слоге, напр. *аптамабил, виласипит, вадапровот, характеристика* (4 слова). В нашем распоряжении нет ни одного примера с *ə* в этой позиции.

В заударных конечных открытых слогах ъ в большинстве случаев передается как *а: шотка, пошта, ботулка, исмина* и др., всего 19 слов. В 8 примерах в этой позиции выступает *ə: почтə, картошкə, кəртинкə, машинə* и др. Палатализующие факторы присутствуют в обоих списках почти во всех словах. Особо следует рассматривать слова, оканчивающиеся в русском языке на *-ия,* типа *кəмисийə,* в которых появление *ə* является правилом.

Всего во всех позициях ъ в 33 случаях передается как *а,* против 18 примеров с *ə,* что составляет 64,7% (если не считать примеров на *-ия).*

Лишь в исключительных случаях безударные варианты *о/а* передаются узкими гласными: *селсивит, вадықашқа, дириктир, дохтур* и др.

Таким образом, варианты фонемы *а*, а также редуцированные варианты фонемы *о* передаются с помощью уйгурского звука *а* (в среднем 2/3 случаев) и звука *ə* (1/3 случаев). Согласные *к, г, ш, ж*, мягкие согласные, передние гласные оказывают палатализующее действие на широкие гласные, но это действие непоследовательно.

В слогах, непосредственно предшествующих гласному *и*, восходящему к переднему гласному, в частности в 1-м предударном слоге, *ə* появляется в половине всех случаев, напр. *əртис, ətдил, кəмисийə* и т. д. Это позволяет говорить о своего рода умлауте. Возможно также посредническое и катализирующее влияние татарского языка, в котором существует множество аналогичных примеров, напр. *кəрзинкə, чəйнек, əфисəр* и др.[4] Между прочим еще В. В. Радлов указывал, что татарский язык — почти единственный, не считая уйгурского, в котором имеется нечто похожее на умлаут.

О. А. МИЗИН (Елабуга)

Проблема омонимов как результат лексических заимствований в уйгурском языке

Омонимы одними лингвистами рассматриваются как аномалия, «больные слова», возникающие случайно и спорадически, даже как «бич языка» (Ж. Вандриес), другими — и их большинство — как нормальное, хотя и периферийное, но неизбежное для языка явление, когда одна и та же фонетическая единица в разных речевых ситуациях может обозначать разные семантические единицы и обнаруживать в образовании таким образом омонимов системные признаки. Рассматривая гомогенные омонимы, С. О. Карцевский еще в 1929 г. писал, что вследствие развития многозначности и конверсии в языке «всякий знак является потенциально „омонимом“... и „синонимом“ одновременно»[1]. Совсем недавно моменты системности

[4] *Исхаков Ф. Г.* Гармония гласных в тюркских языках. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955, ч. 1: Фонетика, с. 127—128; *Он же.* Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — Указ. работа, с. 73, 75.

[1] *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака. — В кн.: История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. /Сост. В. А. Звегинцев. М., 1965, ч. 2, с. 85.

в образовании омонимов показал В. Д. Аракин на межтюркском материале со словом *čäčäk* 1. 'цветок', 2. 'оспа' [2]. Мнение о «нормальности» омонимов особенно справедливо для омоформ, которые никогда не смешиваются носителями языка и, пополняя ресурсы рифм, выявляются лишь языковедами, ср. рус. *три* 1. 'цифра и число 3', 2. императив от глаг. *тереть*, уйг. *алма* 1. сущ. 'яблоко', 2. глаг. 'не бери'.

Полные лексические омонимы эндогенного типа, являющиеся продуктом распада многозначности и пережитых фонетических изменений с доисторических эпох, обнаруживаются уже в древнетюркскнх рунических текстах, напр.: *kurt* 1. 'волк', 2. 'червь', *jüz* 1. 'лицо', 2. 'сто'. Список односложных общетюркских слов из 511 лексем в известной монографии А. М. Щербака включает 32 пары омонимов, т. е. заметное количество почти в 6,5% [3]. Это количество, конечно же, не абсолютно, так как в различных современных тюркских языках далеко не все омонимы сохранились. В современном казахском языке, например, по данным Казахско-русского словаря (Алма-Ата, 1954), продолжает оставаться *омонимами* только половина вышеприведенного списка общетюркских омонимов, составляющая чуть больше 5% к собственно казахским омонимам, которые покрывают лишь 2% всего словника из приблизительно 20 тысяч лексем. Более того, члены омонимических пар в современных языках нередко сохраняют тонкие фонационные различия, будучи по существу квазиомонимами. Таковы: *ат* 'имя' и а^{x}т 'конь' в сарыг-югурском [4], *а : т* 'имя' и ат 'стрелять' в туркменском [5]; в татарском языке глагольные императивы — члены омонимичных рядов имеют бóльшую ударную силу и более энергичную фонацию: *ат* 'конь' и *а̄т* 'стреляй', *бар* 'имеется' и *ба̄р* 'иди', *ач* 'голодный' и *а̄ч* 'открой' [6].

Между тем важнейшим генератором полных омонимов все чаще выступает заимствованная лексика. Именно иноязычные лексемы в результате различных способов освоения с опорой на имеющиеся в языке исконные фонемосочетания (фонетическая адаптация, семантизация по ложной этимологии и т. д.) входят в лексические серии и порождают гетерогенные омони-

[2] *Аракин В. Д.* Об омоиимах в турецком языке. — Советская тюркология, 1978, № 2.

[3] *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

[4] *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 163.

[5] *Тачмурадов Т., Назаров О.* Современный туркменский алфавит и культура речи. — В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1976, с. 337.

[6] *Фасеев Ф. С.* Краткий грамматический справочник татарского языка. — В ки.: Татарско-русский словарь. М., 1966, с. 818.

мы. Ср. рус. 1. *клуб* дыма и 2. шахматный *клуб* из англ., уйг. *пилтә* 1. 'ровница' (для пряжи) и 2. 'плита' из рус., ср. тат. диал. *пилтә* также с метатезой из рус. *петля*[7], уйг. *пәкир* 1. 'ведро' и 2. 'бедняк' из араб., *тиз* 1. 'колено' и 2. 'острый' (өткүр) из перс.

Будучи словами разных эпох и языков, резко различных лексикосемантических групп и стилистических областей, находясь в неодинаковых словосочетаниях, они оформляются исконными аффиксами и также не затрудняют носителей языка, давая лишь материал для каламбуров.

Однако все вышесказанное будет справедливо лишь для «нелогловых» фузионных и агглютинативных языков, из которых заимствуются слова, ибо, как проницательно заметил в другой связи А. Н. Гвоздев, «каждая фонетическая система обусловливает свой круг омонимии»[8]. Можно заметить, что в таких, например, языках, как английский и французский, развивающихся в сторону преимущественно одно- и двусложной нормы слова, количество омонимов (омофонов) в пределах исторически обозримого периода увеличивалось.

В слоговых языках корневого типа, как китайский, омонимия на уровне морфем (=слов) жестко задана фонологической структурой языка — сравнительно небольшим количественно закрытым набором слогофонем (округленно из 400 единиц) — и является важнейшим внутрисистемным фактором, основополагающим на лексико-семантическом уровне. Морфемная (=словная) омонимия в этих языках частично преодолевается целым рядом суперсегментных фонетических (музыкальный тон, словесное ударение), грамматических (суффиксация, деривация, дистрибуция) и графических (иероглифика) средств. Таким образом, речь идет о типологических различиях языков, которые определяют эпизодический или, напротив, закономерный характер возникновения лексической омонимии, как это имеет место в китайском языке. Отсюда ясно, что заимствование лексики из слогового китайского языка, в котором почти каждый слог выступает репрезентантом десятков (а без учета тонов — до 100 и более!) морфем с различной семантикой, каждая из которых к тому же полисемантична[9], языком неслоговым неизбежно породит резкое

[7] Татар теленен дналектологикал сүзлеге. Казан, 1969.

[8] *Гвоздев А. Н.* Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, с. 112.

[9] For instance, Goodrich's Dictionary contains sixty-add characters, all of them read *yü*. — *Matter A. H.* New terms for new ideas. A study of the Chinese newspaper. Shanghai, 1924, p. 151. По нашим подсчетам, в Словаре Синьхуа (Пекин, 1963), включающем 8 тыс. иероглифов, слог *yi* представляет 111 морфем (=слов) различной семантики, среди которых распределение по тонам следующее: yi^1 — 17, yi^2 — 23, yi^3 — 11, yi^4 — 60, *ji* — 109

увеличение омонимов в заимствующем языке, омонимы для которого — явление периферийное [10].

В силу исторических и географических причин уйгурский язык веками имел тесные лексические контакты с китайским языком, причем в древности (V—X вв.) эти контакты были взаимообогащающими: народы обменивались вещами и понятиями и одновременно — наименованиями их в виде прямых заимствований или калькирования, на что указывает ряд исследователей [11].

В период новой истории лексические заимствования непосредственно из китайского языка и через посредство китаеязычных дунган-мусульман стимулировались не только экстралингвистическими факторами.

Процессу заимствования и освоения способствовали обнаруживаемые (независимо от их генезиса) некоторые с х о ж д е н и я в фонетической и деривационной структуре слова и морфемы в двух языках, имеющие эвристическую ценность, а в устройстве слова, как известно, во многом проявляется устройство языка. Эти схождения проявляются в таких внутриязыковых чертах, как нижеследующие:

а) количественная близость структурных типов слогов: в китайском — 5 (включая эризованный слог на *-еч, -ч*), в уйгурском — 6;

б) преимущественное положение открытых слогов в китайском языке, а закон открытого слога действовал, по-видимому, в пратюркском в качестве межъязыковой универсалии и оставил следы в уйгурском языке, в котором еще предстоит сделать статистические выкладки на этот счет, в том числе и по установлению количественной нормы слова и словоформы [12];

в) «полузакрытые» слоги на передне- и заднеязычные смычно-носовые сонанты *-n, -ng*, составляющие около 30% в морфемной реализации всех китайских слогофонем (в системе задано еще больше — до 44%), и наблюдающаяся частот-

---

(в кит. словаре омофонов приведено 160!); *yī* — 94, *fu* — 88, *shi* — 83, *xi* — 81 и т. д. В известном смысле китайский язык — это язык омонимов, а в этом главное типологическое ограничение и основание для того, чтобы отказаться от иероглифики в условиях богатой диалектной дифференциации.

[10] Впервые мы коснулись этого вопроса в статье: *Мизин О. А.* [Рец. на]: *Рахимов Т.* Китайские элементы в уйгурском языке: Словарь. М., 1970. — Советская тюркология, 1973, № 2.

[11] *Наджип Э. Н.* Современный уйгурский язык. М., 1960; *Чэн Чжунмянь.* Сношения с тюрками. Город Чан-ань в Танскую эпоху и его связи с государствами Западного края. — В кн.: Очерки по истории тюрок. Пекин, 1958 [на кит. яз.]; *Фу Лэчэн.* Цивилизация тюрок и их отношения с соседними странами. Тайбэй, 1964 [на кит. яз.]; *Лю Боцзи.* Краткая история культурных сношений между Китаем и Западным краем. Тайбэй, 1974 [на кит. яз.].

[12] *Никонов В. А.* Длина слова. — Вопросы языкознания, 1978, № 6.

ность фонемы <ң> в ауслауте уйгурских слов при всех тонких артикуляционных различиях в двух языках [13];

г) преобладание двусложной, двуморфемной количественной нормы в китайском языке [14], для сравнения можно указать на абсолютное преобладание двуслогов в тюркизмах русского языка с наиболее частотным формантом конца слова [*-ан*] [15];

д) невозможность стечения двух согласных в начале слога, а в китайском и в конце слога (= слова) при относительной частотности аффрикаты <ж> в анлауте слов в обоих языках, в китайском — до 25% морфемных реализаций всех слогофонем;

е) факультативность эризации при факультативной элизии конечного сонанта <р> в уйгурских слогах и лексемах [16];

ж) отсутствие фонем <р>, <з>, <в> в анлауте исконных слов;

з) продуктивность словосложения как одного из древнейших способов словообразования в двух языках;

и) тенденция к агглютинации в китайском языке, порождающая лексико-грамматические и семантические серии слов, например, функционирование именного суффикса *зі/за,* наиболее регулярного и продуктивного в дунганском языке [17], суффиксоида *shang* [3] 'старший чином' в ДТС. III *čaŋ*, что приближает язык корневого типа к агглютинативным [18].

По-видимому, можно обнаружить и другие сходства, в частности касающиеся аспектов лексической семантики.

Уже в древности уйгурский язык заимствовал китаизмы, порождавшие как гетерогенные (уйг.-кит.), так и экзогенные (кит.-кит.) омонимы, таковы: *ban* 1. кит. 'доска', 2. кит. 'десять тысяч' (совр. *wan); saŋ* 1. 'птичий помет' (М. Каш.), 2. кит. 'амбар', 3. кит. 'монах'; *qai* 1. название одного из

---

[13] Ср.: «В дунсянском языке преобладают открытые слоги, а в конце закрытых слогов выступают преимущественно *н* и *ң*». — В кн.: *Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. М., 1961, с. 18.

[14] *Иванов А. И., Поливанов Е. Д.* Грамматика современного китайского языка. М., 1930, с. 14; *Драгунов А. А.* Примечания в кн.: *Ван Ляо-и (Ван Ли).* Основы китайской грамматики/Пер. с кит. М., 1954, с. 222—223; *Ван Ли.* О китайском языке. Пекин, 1955, с. 44, 57—58 [на кит. яз.].

[15] *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

[16] *Садвакасов Г.* О некоторых свойствах сонорного *р* в современном уйгурском языке. — В ки.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970, ч. 2; *Трофимов М. И.* Фонетические процессы в слоге в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1978.

[17] *Цунвазо Ю.* О способах словообразования трехсложных существительных в дунганском языке. — Известия АН КиргССР. Серия общ. наук: Дунгановедение. 1960, вып. 2, с. 43—48.

[18] *Солнцева Н. В., Солнцев В. М.* К вопросу об агглютинации в китайском языке. — Вопросы языкознания, 1962, № 6.

тюркских племен (М. Каш.), 2. кит. 'улица', 3. кит. 'туфли', 4. кит. '11-й гадательный знак' и др.[19]

С течением времени одни омонимы утрачивались (а выходят из языка или заменяются обычно омонимы одной лексико-семантической группы, не имеющие словообразовательной поддержки в языке), другие продолжали входить в уйгурский язык. С особенной интенсивностью этот процесс проявляется в последнюю четверть века как результат форсированного внедрения китаизмов в уйгурский литературный язык Синьцзяна через официальные каналы. Количество экзогенных омонимов в нем, главным образом субстантивов, резко возросло и продолжает расти[20], нередко порождая двусмысленность, особенно в случаях заимствования полных (по составу фонем и тону) омофонов и многозначных слов, отдельные значения которых закономерно порождают омофоны в уйгурском языке, образуя двух-, трех- и даже четырехчленные ряды. Например: *pai*^{2} 1. 'карты игральные', 2. 'взвод (воен. часть)' → پەی; *shi*^{4}*zi* 1. 'хурма', 2. 'трафарет' → شىزى; *tuan*^{2} 1. 'делегация', 2. 'полк' → *tuan*^{2} *zhang*^{3} → تۇەن جاڭ ⟶ تان جاڭ 1. 'глава делегации', 2. 'комполка' и мн. др.

Количество омофонов увеличивается и за счет первичной фонетической адаптации, несущей на себе архаичные и диалектные черты обоих языков (см. выше *ban*).

Другая причина появления омофонов на современном синхронном срезе уже в системе уйгурского языка — это последствия фонетического освоения китаизмов средствами современного уйгурского литературного языка в СУАР.

На суперсегментном уровне освоения происходит утрата важнейшего фонологического средства китайского слова — тонов силлабемы, так как носители уйгурского языка не слышат их, поскольку они отсутствуют в уйгурской фонетической системе, о чем писал еще Е. Д. Поливанов в классической статье «Субъективный характер восприятий звуков языка»[21]. Таким образом, китаизмы с идентичным составом фонем, но с разными тонами, попадая в уйгурский лексикон, утрачивают смыслоразличительные качества: *gang*^{1} 'сталь' и *gang*^{3} 'пост' → گاڭ, *huo*^{3} *che*^{1} 'паровоз' и *huo*^{2} *che*^{1} 'товарняк' → خوچى, *jiao*^{2} *zi* 'пельмени' и *jiao*^{2} *zi* 'удила' → جىياۋزى → جوزا (ср. *zhuo*^{1} *zi* 'стол' → جوزا), *ting*^{1} *zhang*^{3} 'начальник департамента' и *ting*^{2} *zhang*^{3} 'председатель суда' → تىڭجاڭ, *ti*^{2} *cai*^{2} 'тема' и *ti*^{1} *cai*^{2} 'жанр' → تىساي, *hui*^{4} *zhang*^{3} 'пред-

[19] *Древнетюркский словарь.* М., 1969.
[20] *Рахимов Т.* Указ. соч., с. 6.
[21] *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 236.

седатель общества' и *hui* [1] *shang* [1] 'значок'→ خوي جاڭ и многие другие не различаются.

На сегментном уровне происходят следующие процессы, способствующие возникновению омонимов (омофонов):

а) монофтонгизация дифтонгов: *bao* [1] 'откуп', *bo* [2] 'азартная игра'→ بو, *shao* [2] *zi* 'половник', *shao* [4] *zi* 'свисток'→شوزى;

б) неразличение финальных передне- и заднеязычных смычно-проходных носовых сонантов: *qiang* [1] *zi* 'копье', *qian* [2] *zi* 'щипцы'→ چەنزا, *gang* [1] *zi* 'кружка' *gan* [3] *zi* 'шест', *guan* [3] *zi* 'харчевня' →گەنزا (суффикс *zi* тоном не облечен);

в) неразличение твердых и мягких инициальных аффрикат, наиболее частотных в системе китайских слогофонем, а также некоторых зубных: *zheng* [1] 'истинный', *jing* [1] 'ночная стража', *jin* [1] 'фунт'→ جىڭ; *chi* [3] *zi* 'линейка', *qi* [2] *zi* 'шахматы'→چىزى, *qia* [3] *zi* 'застава', *cha* [2] *zi* 'вилка', *cha* [1] *zi* 'заколка'→ چازا; *shi* [4] *neng* [2] 'способности', *ji* [2] *neng* [2] 'роль, функция' →جىنىڭ, *dian* [4] 'корчма', *dan* [4] 'центнер', *dang* [4] 'ломбард' → دەن и мн. др.;

г) замена отсутствующих в уйгурском консонантизме инициальных зубных, аспирированной и неаспирированной (полузвонкой), аффрикат <с> ([ц]) и <з> ([дз]) глухим и звонким спирантами <с> ([s]) и <з> ([з]): *cuo* [4] *zi* 'напильник' и *suo* [1] *zi* 'челюк (ткацкий)'→ سوزا, ср. *cun* [3] 'дюйм' и *sun* سۇڭ (М. Каш.);

д) неразличение некоторых аспирированных и неаспирированных полузвонких инициальных согласных: *kuang* [1] *zi* 'корзина', *guan* [3] *zi* 'чубук' →كاكزا, *zhang* [4] 'сажень', *qiang* [1] 'гонг' →جاڭ;

е) частичное неразличение инициальных передненебных и зубных спирантов: *shi* [1] 'дивизия', *xi* [4] 'факультет', *xi* [3] 'тасовать'→ شى, *xian* [2] 'погоны', *qian* [2] 'деньги'→ چەن, *xi* [1] *bei* [3] 'северо-запад', *shi* [2] *bei* [1] 'стела'→ شىبەي.

Следует заметить, что альтернация *с/ш* искони свойственна тюркской фонетической системе, в том числе, как показал Г. Садвакасов, и уйгурскому языку в его говорных реализациях [22]; ср. *кіші — кісі, Шантуң — Сантуң* и др. в древнетюркской рунике, на что обратил внимание Г. Айдаров [23], примеры

---

[22] *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970, ч. 1, с. 69.

[23] *Айдаров Г.* Некоторые следы говоров в языке орхонских памятников. — В кн.: Местные особенности в казахском языке. Алма-Ата, 1973, с. 160.

Э. Р. Тенишева на перебой *š/s* в сарыг-югурском языке[24], материалы из диалектов казахского языка, приводимые Г. Калиевым и Ш. Сарыбаевым[25], и др.

Здесь возможны и другие, частные, случаи, например, неразличение индифферентных в уйгурском вокализме и вообще альтернирующих в тюркских корнях гласных звуков *e/u*: *ping*^{2} *zi* 'узкогорлая ваза' и *peng*^{2} *zi* 'будка на арбе' → پىڭزا, мена финальных гласных [ы] на [а] и далее на [ə], например: *la*^{4} *zi* → لازا 'перец'.

В целом характерно действие одновременно нескольких фонетических процессов, как неразличение инициальных небных и зубных спирантов, монофтонгизация и мена аффрикаты на спирант в случае *shao*^{1} *zi* 'рагу' и *suo*^{1} *zi* 'челнок' → سوزا.

Как видно, развитие лексической омонимии в современном уйгурском литературном языке в Синьцзяне обусловливается двумя факторами: внешним и внутренним.

Говоря о первом, можно утверждать, что рост количества экзогенных омонимов прямо пропорционален удельному весу омонимии в языке, из которого заимствуется лексика, т. е. речь идет об определяющей роли типологии языка.

Внутренний фактор заключается в действии фонетических законов уйгурского языка на адаптируемые лексемы, что проявляется в игнорировании смыслоразличительных музыкальных тонов и замещении некоторых фонем и их сочетаний, в перестройке структуры слогов, в «ускорении» процесса распада многозначности заимствованных слов на пути к омонимии внутри системы уйгурского языка.

Оба эти фактора способствуют тому, что количество экзогенных омонимов, преимущественно имен существительных, одно- и двуслогов, увеличивается сверх меры, а «опасность омонимии является большей в отношении слов одной и той же морфологической категории, нежели омонимов в широком смысле слова»[26]. В результате возникают случаи «языковой неопределенности», которые заметно подтачивают коммуникативную функцию уйгурского языка, тем более что иноязычные слова фонетически неустойчивы, синхронно не образуют или очень редко образуют словообразовательные гнезда, как правило, не имеют внутренней формы и требуют не осознанного, а механического освоения носителями языка.

Имея в виду реальную неконкурентоспособность уйгурского языка в СУАР по отношению к китайскому языку, особенно

---

[24] *Тенишев Э. Р.* Заметки об уйгурских языках. — Вопросы языкознания, 1971, № 1.

[25] *Калиев Г., Сарыбаев Ш.* Қазақ диалектологиясы. Алматы, 1979, 54 б.: «Біз кейде *есек*, кейде *ешек* дейміз (Шымк., Сайр.)».

[26] *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание. М., 1954, ч. 2, с. 45.

в терминотворчестве, в перспективе можно лишь уповать на разумное, базирующееся на научных данных типологии и практических рекомендациях контрастивной лингвистики[27] языковое строительство, которое учитывало бы системно-структурные особенности уйгурского языка и его словообразовательные потенции, использовало бы ресурсы письменных памятников и говоров, в первую очередь богатую кустарно-производственную и земледельческую профессиональную лексику как уйгурского, так и других близкородственных тюркских языков, устанавливало бы сферы преимущественного функционирования заимствований (например, в военной области) и предупреждало все негативные последствия неумеренного внедрения китаизмов с тем, в частности, чтобы омонимы действительно не стали «бичом языка».

Ш. В. КИБИРОВ (Алма-Ата)

Некоторые вопросы составления толковых словарей тюркских языков

Как десять — двадцать лет назад, так и теперь считают, что вопросы теории описания лексического состава языка не получили разносторонней разработки. Это бесспорно так, несмотря на то, что за последние двадцать лет проведено в нашей стране несколько координационных лексикографических совещаний.

Прежде чем перейти к главному, напомним, с чего вообще начинается составление любого словаря, толкового в особенности. Это источники и инструкции. Начнем с последних.

1. Изучение опыта составления инструкций убеждает нас в том, что они должны отличаться емкостью информации, сжатостью, обобщенностью. Мы склонны считать, что наши инструкции страдают обилием глав, пунктов и подпунктов, в которых вновь и вновь излагаются аксиомы. Например, даются обычно такие указания: «Слова в словаре приводятся в строго алфавитном порядке». Таких не вызванных необходимостью пунктов обычно бывает очень много, но о самом главном в них не сказано. Нам необходимо, видимо, уяснить для себя, что инструкции составляются лексикографами для лек-

[27] *Кайдаров А. Т.* Уйгурский литературный язык и вопросы разработки научных принципов терминотворчества. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965, ч. 1; *Ярцева В. Н.* Современная типология и ее связи с контрастивной лингвистикой. — Филологические науки, 1978, № 5.

сикографов — составителей словарей, каждый из которых в состоянии или, точнее, должен быть в состоянии написать инструкцию или составить макет словарной статьи.

Нам представляется важным при использовании имеющихся инструкций для составления толковых словарей (обычно это инструкции для составителей русских словарей) стараться выработать свои методы и приемы с учетом особенностей родного языка.

2. Другой вопрос — об источниках. Работа над толковым словарем предполагает, как известно, источники двух родов: лексический материал и лексикографические традиции. Иногда спорят о том, какой из этих двух источников играет главную роль. Конечно, без богатой традиции трудно создать хороший словарь, однако начать работу без какой бы то ни было собственной традиции можно. Но без богатого лексического материала не может быть речи о самой возможности составления словаря. Хотя, конечно, даже самая богатая картотека может остаться неиспользованным строительным материалом у неискусного строителя — лексикографа, не обладающего чувством языка. Одним словом, трудности и успехи в составлении толкового словаря связаны с качеством лексического материала и знаниями и способностями лексикографа.

3. Важен в толковом словаре также порядок, в каком даются значения слов, потому что от толкования первого значения зависят толкования других значений.

Порядок следования значений определяется общими принципами, положенными в основу словаря, но в некоторых наших тюркоязычных словарях в этом отношении часто наблюдается непоследовательность. В одних случаях вначале даются общие, потом специальные значения, в других — прямые и переносные, современные и старинные, иногда соблюдается этимологический принцип.

Нам кажется, что исторический принцип не должен быть главным. Главным является, по нашему мнению, принцип подачи значений с учетом степени важности. Такой принцип применен в 17-томном словаре русского языка.

По-разному в словарях группируются основные и переносные значения: переносные значения, насколько нам удалось заметить, в некоторых словарях даются в конце словарной статьи, после всех основных значений.

Следует признать правильным, по нашему мнению, принцип выводимости переносных значений, когда каждое переносное значение идет после соответствующего основного, из которого оно развилось, как это сделано в 17-томном словаре русского языка.

Резюмируя сказанное о размежевании и порядке подачи

значений слова, необходимо подчеркнуть, что для толковых словарей современного языка лучшим, очевидно, является такой порядок подачи значений, при котором учитывается степень распространенности и употребляемости значений, ибо словарь предназначается не только для специалистов-лингвистов, но и для широкого читателя, для которого важно раскрытие основных значений.

4. Проблема толкования значения слов в толковых словарях ставилась и решалась всегда, однако она остается все еще актуальной. Высказывания по этому поводу часто лишь повторяют уже известные положения и не дают четких критериев. Отсюда большие различия в характере, системе толкования слов, построении словарных статей. Очевидно, большое значение имеют ясность и простота толкования значений. Однако очень часто у составителей тюркоязычных словарей определения бывают искусственными, необычными из-за недостаточно гибкого заимствования определений из словарей русского языка. Изучая все новые и новые инструкции и словари, мы постоянно встречаемся с требованием краткости и ясности, хотя ясность является непременным условием любого изложения, а краткость не должна быть самоцелью. Именно из-за стремления к краткости страдают простота и точность, как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным. Толкование может быть длинным, если этого требует единственно приемлемое, по-нашему мнению, условие — полный охват нужной информации. Иными словами, краткость не должна достигаться за счет точности и ясности.

5. Говоря о технике составления словаря, следует сказать несколько слов о построении словарной статьи и о графических символах. Иногда считают, что употребление различных символов —звездочек, ромбов, тильд и других знаков — делает словарь трудным для чтения и что применение их представляет большую трудность для самих составителей. Такой вывод нам кажется неверным.

Наши наблюдения над внешним видом словарных статей показывают, что в подавляющем большинстве тюркоязычных словарей составители не придают значения шрифту, выделениям в тексте и таким немаловажным вещам, как абзац, прописные и строчные буквы. Иногда основной текст словарной статьи — толкование — печатается курсивом, как, например, в толковом словаре казахского языка, а иллюстративный пример — светлым прямым шрифтом. Неправильным, на наш взгляд, это является хотя бы потому, что курсив, как любое другое выделение (разрядка, полужирный шрифт и т. п.), является именно выделением из основного текста. Толкование

в словарной статье — это основной текст, и он должен набираться прямым шрифтом.

В самых лучших толковых словарях, например в 17-томном словаре современного русского языка, к которому мы всегда обращаемся как к образцу, словарные статьи не только легко воспринимаются, читаются, но и хорошо смотрятся, что немаловажно. Это станет понятным, если мы представим себе ясно общие черты творчества и восприятия. Творчество — это в данном случае словарь, а восприятие — это чтение текста словаря пользующимся. Составители и редакторы словаря должны стать первыми читателями собственного произведения, ибо читатель является значительной фигурой, без которой немыслим сам словарь, так же как немыслимо произведение любого искусства без воспринимающих его.

Г. Ф. БЛАГОВА (*Москва*)

Тюркское склонение в ареально-историческом освещении

Светлой памяти моей матери Антонины Семеновны Данько-Самойловой

Новое для тюркского языкознания направление — ареальное — интенсивно развивается в последние годы [1].

Ареальные тюркологические исследования опираются на синхронное изучение распределения разнообразных языковых явлений в пространстве и вместе с тем предоставляют широкие возможности для истолкования получаемых результатов в плане историческом. В германском и романском языкознании предприняты попытки углубить исторический аспект ареальных исследований за счет изучения пространственного распределения языковых явлений во времени. Нами сделана попытка осуществить подобное ареально-историческое изуче-

[1] *Гаджиева Н. З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975; *Она же.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979; *Тенишев Э. Р.* Ареальные явления в саларском и сарыг-югурском языках. — В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976; *Он же.* Ареальные явления в саларском и сарыг-югурском языках. — Проблемы современной тюркологии: Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. 27—29 сентября 1976 г., г. Алма-Ата. Алма-Ата, 1980, с. 67—71; *Убрятова Е. И.* Следы древнетюркского, древнеуйгурского и древнекиргизского языков в тюркских языках Сибири. — В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР.

ние тюркских языков юго-восточного региона (Средней Азии и районов, примыкающих к ней географически и исторически). В настоящее время в языкознании и этнографии является общепризнанным, что любые ареальные исследования целесообразно проводить не по всей обширнейшей территории распространения тюркских языков и их носителей, но по веками складывавшимся историко-культурным провинциям (регионам).

Эффективность ареально-исторических исследований обеспечивается благодаря, во-первых, преднамеренным ограничениям в отношении языкового материала и, во-вторых, строгому соблюдению последовательности изучения на основе применения специально разработанных методических приемов. Нами обследовалась не совокупность разнообразных языковых явлений, как это принято до настоящего времени в тюркологии, но одна целостная языковая микросистема — склонение в тюркских языках. В целях обеспечения сопоставимости материала тюркских языков различных групп вычленены различительные признаки тюркского склонения, действительные для каждого из этих языков.

Ареально-историческое исследование проводилось нами в несколько этапов, причем каждый из них дает синхронный срез развития склонения в тюркских языках определенной группы. Синхронные срезы получены путем обследования склонения в языке письменных памятников XI — первой четверти XIII в., происходящих из юго-восточного региона, с одной стороны, и в современных живых тюркских языках и диалектах этого же региона, с другой. Последующее сопоставление получаемых синхронных срезов проводилось на основе применения методики хроноизоглосс и их проецирования на современные изоглоссы, которая разработана Р. И. Аванесовым [2].

Результаты, полученные при проведении такого методически строго выдержанного исследования, вполне объективны. И хотя эти результаты касаются только одной, правда, ключевой грамматической категории тюркских языков, а именно склонения, они могут быть использованы при обсуждении спорного вопроса об этнической принадлежности обследованных памятников XI — первой четверти XIII в. — «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуиского, «Дивану лугат ит-тюрк» (далее—

---

[2] *Аванесов Р. И.* К вопросам периодизации истории русского языка. — Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. М., 1973. Хроноизоглоссы (т. е., в отличие от современных изоглосс, «исторические изоглоссы») становится возможным провести при пространственной интерпретации фактов истории того или иного языка.

Словарь) Махмуда Кашгарского, «Атабату л-хакаик» Ахмада Югнаки.

В тюркском склонении целесообразно вычленять три его структурные разновидности, или парадигмы: именную (склонение имен, не осложненных аффиксами принадлежности), посессивно-именную (склонение имен с аффиксами принадлежности) и местоименную (склонение местоимений центральных разрядов) [3].

В языке письменных памятников, прежде всего стихотворных («Кутадгу билиг», «Атабату л-хакаик», поэтические фрагменты в иллюстративных материалах Словаря Махмуда Кашгарского), было произведено системное расслоение всего инвентаря форм склонения, зафиксированных в каждом из этих памятников [4].

На этой основе вычленяется, с одной стороны, структурно упорядоченная совокупность форм склонения, наиболее частотных в изучаемом памятнике. Их употребление, как правило, не обусловлено требованиями ритмики или размера. Совокупность таких форм мы называем базисной системой склонения языка данного памятника. С другой стороны, вычленяется слой форм, которые не укладываются в базисную систему склонения. Чаще всего это архаические формы или же формы, являющиеся отличительными признаками склонения тюркских языков других классификационных групп. Такие формы в отличие от форм базисной системы склонения имеют низкую частотность, а их использование, как правило, обусловлено требованиями ритмической организации стихотворного текста.

Для базисной системы склонения изучаемых текстов характерно то, что во всех трех парадигмах используются одни и те же падежные форматив, начинающиеся на согласный, причем независимо от того, оканчивается ли склоняемое имя на гласный или на согласный. Это форматив падежей род. *-ниң*, дат. *-ка/-га*, местн. *-та/-да*, исх. *-дин*, вин. *-ни*. Характерно, что в Словаре Махмуда Кашгарского вин. падеж в именной парадигме обычно представлен формативом *-г/-иг* (*-ни* употреблен здесь в единичных случаях), между тем как в посессивно-именной и местоименной парадигмах зафиксирован *-ни*.

---

[3] См. подробнее: *Благова Г. Ф.* О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — Вопросы языкознания, 1975, № 1; *Она же.* К теории тюркского склонения. — Советская тюркология, 1978, № 5.

[4] См. подробнее: *Благова Г. Ф.* О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов. — Вопросы языкознания, 1977, № 3; *Она же.* О принципах лингвистического изучения средневековых тюркских текстов. — Вопросы языкознания, 1979, № 6; *Она же.* К методике интерпретации показаний средневековых текстов в исторических грамматиках тюркских языков. — Проблемы современной тюркологии, с. 158—163.

Отличие посессивно-именной парадигмы от именной в базисной системе склонения любого изучаемого текста проводится, главным образом, в зоне 3-го лица. Здесь в дат., местн. и исх. падежах налицо *-н-* между аффиксом принадлежности 3-го лица и падежным формативом: дат. *-(с)и-н-га,* местн. *-(с)и-н-да,* исх. *-(с)и-н-дин.* Другое отличие состоит в том, что посессивно-именной парадигме не свойствен инстр. падеж на *-н/-ин,* который представлен в именной и отчасти местоименной парадигмах изучаемых текстов.

Местоименная парадигма отличается от именной и посессивно-именной парадигм формами усложненного склонения, которые представлены (параллельно с обычными формами) только в «Кутадгу билиг». См. дат. *биз-иң-ä* 'нам', местн. *мениң-да* 'у меня', *сениң-да* 'у тебя', исх. *мениң-дин* 'от меня', *аныңдын* 'от него'.

Среди форм, не укладывающихся в описанную выше базисную систему склонения, отметим следующие, причем для всех них характерна низкая частотность употребления в любом из памятников: 1) архаический направит. падеж на *-қару/-ғару* в именной парадигме и посессивно-именной парадигме 3-го лица, на *-ғар* в местоименной парадигме языка «Кутадгу билиг» и Словаря Махмуда Кашгарского (единичные формы на *-ғар* в местоименной парадигме языка Ахмада Югнаки); 2) явно устаревавший вин. на *-(и)г* в именной и отчасти местоименной парадигмах языка «Кутадгу билиг» (на фоне высокочастотного *-ни* во всех трех парадигмах); 3) род. *-иң* только в именной и местоименной парадигмах языка Словаря Махмуда Кашгарского и «Кутадгу билиг», причем здесь не исключена возможность конвергенции инодиалектного *-иң* и фонетического варианта *-иң,* поскольку этот вариант мог присоединяться к именам (Словарь) и местоимениям (Словарь и «Кутадгу билиг»), оканчивающимся на сонорные *-н* или *-м;* 4) вин. *-и* во всех трех парадигмах, причем в местоименной парадигме возможна конвергенция инодиалектного *-и* и фонетического варианта *-и* в позиции после конечного сонорного *-м;* 5) дат. *-а* в именной и посессивно-именной парадигмах.

Проецирование полученных хроноизоглосс базисной системы склонения изучаемых текстов на современную карту живого диалектного склонения в юго-восточном регионе не дало положительных результатов в следующем смысле. По отдельности формы описанной базисной системы склонения можно найти на современной карте тюркского диалектного склонения [5]. При системном подходе, однако, необходимо опе-

[5] Разумеется, за вычетом тех форм склонения, которые уже в XI — начале XIII в. были архаическими или же активно устаревали. В современных живых тюркских языках и диалектах такие формы либо не сохранились вовсе, либо уцелели в виде своего рода языковых окаменелостей — наречий.

рировать не отдельными формами, но совокупностью структурно связанных и взаимно обусловленных форм.

Такой совокупности форм, какая представлена в базисной системе склонения изучаемых текстов, на современной карте живого диалектного склонения юго-восточного региона не обнаруживается. Связанные изоглоссы этой структурно сопряженной совокупности взаимообусловливающих форм склонения уходят далеко на восток — в Центральную Азию, Южную Сибирь и Алтай.

И. ИСМАИЛОВ (Ташкент)

Изучение современного состояния системы терминов родства у уйгуров

В последнее время наблюдается некоторое изменение в этнолингвистическом составе уйгуров Советского Союза. Оно связано в основном с резким увеличением числа советских уйгуров за счет переселенцев из Восточного Туркестана. Живой язык уйгуров-переселенцев, включающий в себя элементы самых различных диалектов и говоров Синьцзяна, не мог не оказать влияния на язык местных уйгуров, что требует от исследователей решения отдельных вопросов научно-практического характера. Это прежде всего касается проблемы терминотворчества уйгуров, в частности вопроса *о* терминах родства.

Термины родства в уйгурском языке не были предметом специального изучения, а имеющиеся работы Л. А. Покровской [1], И. Исмаилова [2] и других носят общетюркский характер.

Термины кровного родства в современном уйгурском языке таковы:

бова — отец отца и отец матери
мома — мать отца и мать матери
дада — отец
апа — мать
чоң дада — старший брат отца и старший брат матери
кичик дада — младший брат отца и младший брат матери
чоң апа — старшая сестра отца и старшая сестра матери
кичик апа — младшая сестра отца и младшая сестра матери

[1] *Покровская Л. А.* Термины родства в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 11—82.

[2] *Исмаилов И.* Туркий тилларда қавм-қариндошлик терминлари. Тошкент, 1966.

ака — старший брат
ука, ини — младший брат
һәдә, реже егичә — старшая сестра
сиңил, ука — младшая сестра.

Перечисленные термины кровного родства в современном литературном уйгурском языке употребляются как общенациональные. Однако с этнолингвистической точки зрения эти термины не совсем верно используются. Если сравнить их с терминами родства в других тюркских языках, в частности в казахском, киргизском, узбекском, туркменском, то выяснится, что каждое из указанных понятий имеет специальное наименование. Не совсем ясно, почему в современном уйгурском литературном языке номенклатура терминов родства употребляется в очень ограниченном виде. Ведь в диалектах существуют специальные термины для обозначения соответствующих понятий, и они зафиксированы в диалектических словарях уйгурского языка: *һамма, һаммача* 'тетка по отцу' *(дадисиниң егичә — сиңиллири)*. Тетка по матери встречается в большинстве диалектов уйгурского языка. Еще пример: *таға* 'братья по матери', *ача, айла* 'старшая сестра', *йәңгә* 'жена старшего брата'.

Эти наименования относятся к собственно уйгурским.

Если же обратиться к современной печати на уйгурском языке, то выяснится, что эти термины совершенно не используются. Вместо них употребляются словосочетания типа *чоң апа, кичик апа, чоң дада, кичик дада,* которые обозначают братьев, сестер отца и матери. Термин же *һәмә* употребляется в значениях: 1) старшая сестра, 2) жена старшего брата, 3) вежливое обращение к старшей женщине (девушке). Термин *таға* встречается в единичных случаях.

Таким образом, пришло время для полной систематизации терминов родства в уйгурском языке и их творческого использования. В самом деле, по родственным отношениям старший брат отца и старший брат матери—не одно и то же лицо. Следовательно, они не могут быть названы одним термином. То же следует сказать относительно терминов, употребляющихся для обозначения старших и младших сестер по отцу и матери, отца отца и отца матери; матери матери и матери отца; жены старшего брата и старшей сестры и т. д.

Для четкой дифференциации терминов родства в уйгурском языке мы предлагаем следующую модель:

для отцовской стороны:

отец отца — *чоң ата*
мать отца — *чоң ана*
старший брат отца — *чоң дада*
младший брат отца — *кичик дада*
старшая сестра отца — *чоң һамма* или *чоң һаммача*

младшая сестра отца — (*кичик*) *һамма* или (*кичик*) *һаммача*

для материнской стороны:

отец матери — *бова*
мать матери — *мома*
старший брат матери — *чоң таға*
младший брат матери — *кичик таға*
старшая сестра матери — *чоң ханача*
младшая сестра матери — *кичик ханача.*

Использование терминов *чоң дада* по отношению к старшим и *кичик дада* по отношению к младшим братьям отца имеет свое историческое обоснование. Издавна среди тюркских народов существовал обычай, согласно которому брат мог жениться на вдове старшего или младшего брата в случае смерти последнего. По этой причине, вероятно, термины *чоң дада, кичик дада* стали употребляться для обозначения старшего или младшего брата отца. Впоследствии эти термины расширили свою функцию и стали по аналогии использоваться по отношению к братьям матери. Термин же *һәдә* употребляется по отношению к старшей сестре, а также жене брата. Для разграничения следует каждой из них дать свое наименование, т. е. жене брата — *һәдә, айла* или *ача,* или наоборот. Термином же *йәңгә* надо называть женщину, которая помогает советами молодоженам. Термин *ака* употребляется в значениях: 1) старший брат, 2) муж старшей сестры, 3) вежливое обращение к старшему мужчине. В данном случае также есть возможность называть их различными терминами, т. е. старшего брата — *ака,* мужа старшей сестры — *пәччә;* значения этих слов понятны, они употребляются большинством уйгуров.

К. МЕЛИЕВ (Ташкент)

Деепричастные формы на *-гили/-гини* и *-гәч/-гәш* в современном уйгурском языке

Деепричастие на *-гач/-гаш* в основном встречается в современном уйгурском, узбекском, башкирском, татарском и тувинском литературных языках [1] в различных фонетических вариантах: уйг. *-ғач/қач, -гәч/-кәч, -ғаш/-қаш, -гәш/-кәш,* узб. *-гач/-кач, -қач;* тув. *-гаш/-каш, -геш/-кеш.* Оно обозначает предшествующее действие, состояние или обстоятельство, при кото-

[1] *Дмитриев Н. К.* Грамматика *башкирского* языка. М.; Л., 1948, с. 185; Современный татарский литературный язык: Лексикология, фонетика, морфология. М., 1969, с. 258; *Сат Ш. Ч.* Тувинский язык. М., 1966, с. 394.

ром или непосредственно после которого совершается другое действие, выступая в предложении в функции обстоятельства времени и, реже, причины или в роли сказуемого придаточных предложений: *Бир һашада һалак болған акимиз, бир яйиниң тәккәч* иплас айиғи (ШАС) [2]. Рәис билән биллә *тәпкәч жүриги*, мол һосулда болди униң тилиги (Х. Һәмраев).

Действие или состояние, обозначенное деепричастием на *-гач*, относится к тому же времени, наклонению и числу, что и действие, выраженное личной формой глагола.

Деепричастие на *-гач* встречается только в форме дательного падежа, выступая в предложении в функции обстоятельства причины или сказуемого придаточного предложения и выражает причинно-следственные отношения: Униң көзидин ғәзәп учқунлири чечириғачқа, йекиниқилəр әйминип жим турушти (З. Сәмәдий).

Техи ишниң ахири ахшам түгигәчкә, нурғунлиған рәқәмләр Турғанниң ядида сақлинип қалған екән (Д. Ж. Босақов). Форма на *-ғачқа*, выражая предшествование, иногда сочетается с частицей усиления *-му*, которая в этом случае подчеркивает причину совершения другого действия, обозначенного последующим глаголом: Бу өйгә пәнҗиридин күнниң йоруғи сәлгинә *чүшүп турғачқиму*, бир-бирсини көрүш мүмкүнчилиги бар еди (М. Зулпиқаров). Ахшими *соғ болғачкиму*, кочида адәм унчә көрүнмәйду (Д. Ж. Босақов).

Деепричастие на *-гач* в сочетании со вспомогательными глаголами *кәлмәк, чиқмақ, бармақ, кәтмәк, чүшмәк, кирмәк* употребляется в значении сказуемого простого предложения, образуя аналитические формы глагола: *алғач кәл, көргәч кәт, алғач барармән, тиңшиғач олтардим* и т. д.

Деепричастный аффикс *-гили/-гини* встречается в различных фонетических вариантах: *-ғили/-гили, -қили/-кили* и, реже, *-ғини/-гини, қини/-кини* в диалектах и литературном языке.

По мнению большинства тюркологов [3], аффикс деепричастия *-ганли/-генли*, встречающийся в современных кумыкском, карачаево-балкарском и ногайском языках, является исходной формой для аффикса деепричастия *-гали/-гани* [4].

Параллельное употребление и совпадение значений форм

---

[2] Принятые сокращения: К. т.— газета «Коммуннзм туғи». Алмута, 1978; ШАС — журнал «Шиңҗаң әдәбият сәнъити». Урумчи, 1953—1956.

[3] *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. М., 1952, т. 2: Фонетика и морфология, ч. 1, с. 471; *Кононов Н. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960, с. 243; Языки народов СССР. М., 1966, т. 2, с. 225; 205, 514; *Джанмавов Ю. Д.* Деепричастня в кумыкском литературном языке. М., 1967, с. 161.

[4] Подробнее см.: *Джанмавов Ю. Д.* Указ. работа, с. 161.

на *-гили/-гини* и *-ганли/-генли* в современных тюркских языках не оставляют сомнения в том, что все эти формы генетически связаны между собой.

Деепричастие на *-гили/-гини* в сочетании со вспомогательными глаголами *болмақ* 'быть', *турмақ* 'стоять', *башлимақ* 'начать, начинаться, начинать' употребляется как инфинитив или имя действия, образует аналитические формы глагола: Тонуштириш хети болмиса киракәшлик *қилғили болмайду* (ШАС). — Сүмүруп ичиветиңа...— дәп *зорлиғили турди* Айзим (Й. Тайиров). Улар тамни қоли билән татилап *тәшкили башлиди* (Йеңи батурлар).

Данные аналитические глаголы, встречающиеся преимущественно в третьем лице, в предложении в основном выполняют функции составного сказуемого и, реже, определения, дополнения. Напр.: ...жүгрәп берип балини путидин суғурип елип *урғили башлайду* (М. Зулпиқаров); Бу чағларда күз пәсли йеқинлишип, тохтимай ямғур *яққили турди* (ШАС); Сизла чиқ турсиңиз һәр нәрсә қилип *қутулғили болиду* (З. Сәмәдий); Улар қолтуқлириға бирдин халтини қисқан һалда, Челәк тәрәпқа қарап *маңғили турған* һарвуларға олтиратти (К. т.).

Подобные аналитические глаголы, образованные при помощи вспомогательного глагола *болмақ*, в современном уйгурском языке используются в основном в функции сказуемого безличного предложения, выражая модальность — объективную возможность совершения действия: Буниң үстидин шәһәр этрапини очуқ *көргили болуду* (З. Сәмәдий).

Деепричастие на *-гали* в современном уйгурском, узбекском, казахском и других тюркских языках преимущественно встречается в положительной форме, а в отрицательной оно употребляется сравнительно редко. В последнем случае эта форма констатирует состояние или результат действия, происходившего в прошлом, выступая в предложении в роли дополнения. По своему значению оно соответствует субстантивной форме причастия на *-ган* в сочетании с аффиксом принадлежности и дательного падежа. Напр., ср. с уйг.: Меринсахан аписини *көрмигили* хели күнләр болған еди (ШАС).

Деепричастие на *-гали/-гани* в положительной форме, употребляясь преимущественно в значении обстоятельства цели, времени и, реже, причины, дополнения, а также сказуемого, выражает:

1) намерение и цель совершения действия, выступая как инфинитив в роли обстоятельства цели; уйг. Мән болсам, әл қатари *өлгили әмәс, өлтәргили* бармақчимән (Й. Тайиров);

2) название результата действия, происходившего в прошлом, выступая в предложении в качестве дополнения, употребляется в значении инфинитива или имени действия: уйг.

...*өлтирип қойғили* тас қапту.., әр хотун шаңиюға *ишлигили* тоғра он жил болди (М. Зулпиқаров).

Таким образом, деепричастие на *-гили/-гини* в современном уйгурском языке, выступая в предложении в качестве обстоятельства цели, первого компонента составного сказуемого и, реже, дополнения, употребляется в значении инфинитива или имени действия и обозначает результат действия, происходившего в прошлом, объективную возможность совершения действия (модальность) и намерение, цель совершения действия.

Как видно, не только в разных тюркских языках, но и в одном и том же языке данная деепричастная форма может выражать различные значения.

Употребление деепричастий на *-гили/-гини* и *-ғач* с аффиксами падежей в некоторых современных тюркских языках позволяет утверждать, что в формировании деепричастных аффиксов *-гили/-гини, -гач* и их значений немаловажную роль играли падежные формы, особенно местного, исходного и дательного падежей. Это все подтверждает происхождение их от причастия на *-ган.*

А. ХАМИТОВА (Ташкент)

К вопросу о степенях сравнения имен прилагательных в современном уйгурском языке

Проблема категории степеней сравнения имен прилагательных в уйгурском и в других тюркских языках имеет ряд спорных моментов. Нет полного единства взглядов на такие, например, ее аспекты, как принципы классификации степеней сравнения, критерии определения степеней сравнения. Ждут решения вопросы, можно ли отнести к одной превосходной степени все формы, выражающие избыток качества предмета, может ли какая-либо форма выражать ту или иную степень без сравнения и т. д.

На основании сопоставительного изучения материала по уйгурскому языку предлагаем следующие выводы для полемики уйгуроведов и тюркологов.

В современном уйгурском языке (а также в родственных языках) можно выделить категорию степеней сравнения имен прилагательных. Все формы, выражающие меру качества (избыток или неполноту), отвечают основному критерию сте-

пеней сравнения — различиям в степени признака при сравнении качества предмета или явления с конкретной или подразумеваемой основой. Без сравнения выявить различия в качестве или признаке предмета невозможно. Для тюркских языков характерно абстрактное сравнение. Все степени имен прилагательных являются сравнительными. Выразители степеней сравнения не образуют новых слов. Формы выражения меры качества имеют довольно широкий диапазон в сфере употребления.

Все формы, выражающие меру качества, признака предмета в уйгурском языке можно распределить по трем степеням — превосходной, преувеличительной и преуменьшительной.

Превосходная степень. Кроме В. М. Насилова все авторы (или большинство) формы выражения избытка относят к данной степени. Наш материал подтверждает точку зрения Н. К. Дмитриева [1] и В. М. Насилова [2], согласно которой превосходная степень выражается из всех слов-усилителей только словом *эң (энг, ең, иң...)* и падежной конструкцией (исходным падежом), являющейся классической формой конкретного сравнения. Превосходная степень обозначает высшую степень качества, наивысшую полноту, предел потенциальной возможности данного качества и этим отличается от преувеличительной (усилительной, интенсивной) степени, ибо в преувеличительной степени доминирует свойство интенсивности. При выражении превосходной степени говорящий стремится сосредоточить внимание на предметах, явлениях, обладающих одинаковым качеством, и, конкретно или абстрактно сравнивая их, выявляет меру (наивысшую полноту) качества при потенциальной возможности, свойственной тому или иному предмету [3].

Для обозначения превосходной степени в уйгурском языке употребляется термин *«ашурма дәрижә»*. В семантике аффикса *-ма* кроме основного значения (связанного результатом действия) есть и значение повтора и многократности (наподобие афф. *-диған)*. Например: *көчмә қизил байрақ, қайтурма кезик.* Так как основная задача превосходной степени — довести избыток качества до предела возможности, предлагаем варианты термина: «алий дәрижә» или же «үстүн дәрижә».

Преувеличительная степень. В грамматиках уйгурского языка (включая и академическую) в основном все формы, выражающие усиление качества, отведены в одну превосход-

---

[1] *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 85.

[2] *Насилов В. М.* Грамматика уйгурского языка. М., 1940, с. 60.

[3] *Хамитова А. Г.* Превосходная и преувелнчительная степени имен прилагательных в современных тюркскнх языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969.

ную степень (ашурма дәриҗә). В грамматиках уйгурского языка В. М. Насилова, Э. Н. Наджипа выделена интенсивная степень [4] и показателем ее названа интенсивная форма. У А. Т. Кайдарова — превосходно-усилительная степень. В грамматиках тюркских языков встречаем усилительную, увеличительную степени [5] — артыклык, куштеме, интенсив дәража [6], гуйчлендириҗе дериҗе [7], күшейтпелі шырай [8].

Выделение названных степеней, кроме превосходной, в тюркских языках, а также характерные особенности средств усиления показывают, что сосредоточение всех форм и слов, обозначающих усиление качества и превосходство, в одной превосходной степени невозможно. Назревает необходимость выделения самостоятельной преувеличительной степени помимо превосходной.

Преувеличительная степень выражается следующими способами:

1) словами-усилителями: *наһайити, интайин, бәк, тола, қәвәтлиму, раса, зиядә, бәкму; хойма; тазима; таслима;*

2) интенсивной формой — *аппақ, қип-қизил, қап-қара, сап-серик, көм/көп көк, йам/йап йешил; тап-таза, қап-қараңғу, опоочуқ; опму-омдан; опму-омак;*

3) редупликацией — *узун-узун, қара-қара, қизил-қизил;*

4) ударением — *мүзздәк, тәттлиқ, йссиқ, әччиқ;*

5) участием слова — *бир-бир (йахши) ат алдим;*

6) участием местоимений — *қандақ йахши, мундақ йеқимлик.*

В грамматиках уйгурского языка последних лет не выделяется такая степень. Предлагаем для преувеличительной степени термин «кучәйтирмә дәриҗә», что отражает и усиление и интенсивный характер ее. Этот термин созвучен близкородственным «куштеме», «гуйчлендириҗе дериҗе», «куше ітпелі шырай» и т. д.

Преуменьшительная степень. В тюркологической литературе выделяют преуменьшительную степень. Например, уйг. *камситиш дәриҗә* 'степень ослабления'.

Некоторые специалисты относят выразители неполноты качества не к самостоятельной степени, а к так называемым

---

[4] *Насилов В. М.* Указ. работа, с. 60; *Наджип Э. Н.* Современный уйгурскнй язык. М., 1960, с. 72.

[5] *Эйвазов А.* Степени сравнения имен прилагательных в современном турецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1964, с. 11.

[6] *Мусабаев Ғ. Ғ.* Қазақ тіліндегі сын есімнің шырайлары. Алматы, 1951, 53б.

[7] *Шамырадов К., Ибрагимов А. И.* Туркмен дилинде сыпатлар. Ашгабад, 1956, 27б.

[8] *Мусабаев Г. Г.* Указ. работа, с. 53; *Шакенов Ж.* Қазіргі қазақ тіліндегі сын есім категориясы. Алматы, 1961, 25б.

формам, выражающим недостаточность признака, формам ослабления качества, уменьшительным формам.

У авторов, выделяющих преуменьшительную (уменьшительную) степень или степень ослабления, не всегда идентичны мнения относительно вопроса, при участии каких форм реализуется данная степень [9]. Формы, выражающие неполноту качества в уйгурском языке, А. Шамиева делит на две степени: афф. *-қуч/-күч* и *-мту* камситиш дәрижә, *-ғина/-гина* кичиклитиш әркилитиш дәрижә [10]. А. Т. Кайдаров рассматривает афф. *-рақ/-рәк*; *-қуч/-ғуч, -дәк/-тәк* сравнительно-уподобительной степени *-ғина/-гинә* в уменьшительно-оценочной степени [11]. Авторы академической грамматики афф. *-уч/-үч, -мту* объединяют в одну камситиш дәрижә [12]. Г. Садвакасов афф. *-рақ/-рәк, -уш/үш, -ғуш/-ғиш, -қина/-кинә, -ғина/-гинә,* а также слово *бир* относит к ослабленной степени [13].

Наш материал показывает, что неполнота качества, признака предмета в уйгурском языке выражается аффиксами *-ғуч/-гүч, -уч/-үч, -мту, -рақ/рәк* и словами *сәл, бираз, нисм.* Из перечисленных аффиксов первая группа употребляется для выражения неполноты качества цвета, *-рақ/рәк* — для других видов качества.

Формы, выражающие неполноту качества, содержат сравнение (абстрактное), которое выявляет меру качества — его неполноту, отвечая тем самым основному критерию степеней сравнения, поэтому они могут считаться выразителями самостоятельной—преуменьшительной—степени. В уйгурском языке существуют термины «камситиш дәрижә», «кичиклитиш—әркилитиш дәрижә». Слово *камситиш* имеет и другие значения, а *кичиклитиш* полностью не охватывает семантику преуменьшительной степени. Предлагаем термин «азайтирма дәрижә». Слово *азайтирма* полнее отражает семантику форм, которые выражают неполноту качества, оно подчеркивает то, что неполнота не достигает высшей точки, предела (предел возможности, или высшая точка неполноты, есть отсутствие данного качества), и служит антонимом преувеличительной степени. Этот термин созвучен с терминами «азлатма», «азайтирма» в родственных языках.

---

[9] *Хамитова А.* Об аффиксах, выражающих неполноту признака в именах прилагательных тюркских языков. — Советская тюркология, 1979, № 4.

[10] *Шамиева А.* Уйғур тилн грамматикнси. Алмута, 1957, 102б.

[11] *Кайдаров А.* Краткий грамматический очерк уйгурского языка. — В кн.: Уйгурско-русскнй словарь. Алма-Ата, 1961, с. 302.

[12] Һазирқи замаи уйғур тили. Алмута, 1966, 99б.

[13] *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долнны. Алма-Ата, 1976, ч. 2, с. 149.

Х. А. НАСЫРОВ (Ленинабад)

О некоторых грамматических особенностях таджикско-персидских заимствований в системе уйгурской фразеологии

Уйгурский язык в ходе своего исторического развития испытывал благотворное влияние многих языков, в частности арабского, русского, китайского, таджикско-персидского [1]. Заметную роль в формировании уйгурского языка сыграл таджикско-персидский язык [2].

Слова таджикско-персидского происхождения занимают значительное место среди заимствований в уйгурском языке. Заметна их роль в обогащении фразеологии уйгурского языка, чему и посвящено данное сообщение.

Известно, что фразеологизмы являются одним из важнейших выразительных средств языка, характеризующихся целостностью значения, они придают речи красочность и образность. В каждом конкретном языке есть своя оригинальная фразеология, выделяющаяся присущими только ей специфическими особенностями. Структурную модель фразеологизмов уйгурского языка составляют не только собственно уйгурские слова, во многих случаях отдельными компонентами фразеологизмов активно выступают заимствованные из других языков лексические элементы, в частности таджикско-персидские.

Таджикско-персидские элементы, выступающие в структурной модели уйгурской фразеологии, в основном относятся к именам существительным (частично к именам прилагательным) и могут сочетаться с собственно уйгурскими словами, относящимися к различным грамматическим категориям. Так, таджикско-персидские лексические элементы выступают в качестве:

а) зависимого слова в сочетании с глаголами и именами существительными: *арам алмақ* 'сделать передышку', *беарам қилмақ* 'беспокоить', *зуван ачмақ/чиқармақ/уқушмақ* 'начать разговаривать', *лап урмақ* 'врать, лгать', *җанға тәгмәк*

---

[1] Заимствованиям из китайского, русского и таджикско-персидского языков посвящены специальные работы: *Новгородский В. Н.* Китайские элементы в уйгурском языке. М., 1951; *Рахимов Т. Р.* Китайские элементы в современном уйгурском языке: Словарь. М., 1970; *Исмаилов И. А.* Русско-советско-интернациональная лексика в уйгурском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953; *Насыров Х. А.* Таджикско-персидские заимствования в уйгурском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.

[2] *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960, с. 181—182.

'надоедать, задевать за живое', *жан бақмақ* 'существовать, зарабатывать себе на хлеб', *амити кәлди* 'ему повезло/посчастливилось; ему улыбнулась фортуна', *бекар тамақ* 'бездельник, лоботряс, дармоед, лежебока, тунеядец' и др.;

б) основного слова в сочетании с именами прилагательными и числительными: *хемиртуручи яхши* 'здоровый, крепкого телосложения', *хориги йоған/чоң* 'горделивый, кичливый, заносчивый, надменный', *хемири бир* 'одного поля ягода' и др.

Имеются также фразеологизмы, состоящие из трех и более компонентов, из которых один или два являются таджикско-персидскими: *'еғизиға пахта тиқмақ* 'заставить замолчать', *кона хаманни сорумақ* 'напоминать старые обиды' и др.

Таджикско-персидские слова в составе уйгурских фразеологизмов наряду с употреблением в своих исходных формах (*арам алмақ, амәт кәлмәк, дәстәк қилмақ, дарас тартип ятмақ, кашила қилмақ, пур болуп кәтмәк, хун қуюлмақ* и др.) могут принимать различные грамматические показатели уйгурского языка, а именно:

а) аффиксы принадлежности: *хемири бир* 'одного поля ягода' — *абройи төкүлмәк/чүшмәк* 'скомпрометировать себя, опорочить себя'; *базири чүшмәк* 'становиться неходовым, удешевиться (о товаре, продающемся на базаре)'; *базири кәлмәк* 'становиться ходовым'; *кари пишти* 'его песня спета'; *хориги йоған/чоң* 'горделивый, кичливый, заносчивый'; *зувани тутулмақ* 'обидеться; не разговаривать, рассердившись'; *зәрдиси қайнимақ* 'разгневаться' и др. В приведенных случаях таджикско-персидские слова употребляются в форме именительного падежа;

б) аффиксы падежей: *он гүлиниң бир гүли ечилғини йоқ* 'из десяти его бутонов ни один еще не раскрылся (т. е. он молод, цветущ, в расцвете сил)', *пәләкниң гәрдиши* 'превратности судьбы, рок' (притяжательный падеж); *пәрдини қайрип қоймақ* 'потерять стыд, совесть, честь, достоинство', *кәшисини тоғрилимақ* 'повернуть оглобли', *худини йоқатмақ* 'возгордиться' (винительный падеж); *постиға кирмәк* 'подмазываться к кому-либо с целью войти в его доверие'; *дәрдигә дәрман болмақ* 'исцелять кого-либо от болезни; пригодиться, понадобиться для чего-либо'; *асманға көтәрмәк* 'превозносить до небес' (направительный падеж); *көзи чаниғидин чиқип кәтти* 'у него глаза на лоб вылезли'; *җаһандин кәтмәк* 'скончаться', *арандин чиқмақ* 'исполнить заветное желание'; *гунайидин өтмәк* 'простить вину'; *һошидин кәтмәк* 'потерять сознание, лишиться чувств' (исходный падеж) и др.

Таджикско-персидские слова в составе уйгурских фразеологизмов в отдельных случаях могут принимать словообразующие аффиксы уйгурского языка: *хадилиқ қилмақ* 'задирать

нос, кичиться, важничать, чваниться', *михтәк болмақ* 'быть великолепным, отменным' и др.

Заимствованные слова в составе фразеологизмов уйгурского языка могут выступать в форме парных словосочетаний, которые имеют различные лексико-грамматические особенности, а именно:

а) оба компонента парных словосочетаний являются таджикско-персидскими: *пай-петәк болмақ* 'растеряться, прийти в замешательство, суетиться'; *җан-җигәри/тени/дили билән* 'от всей души, от всего сердца' и др.;

б) компоненты парных словосочетаний состоят из уйгурского и таджикско-персидского слов, имеющих близкие значения: *йәр-җаһанни титрәтмәк* 'сотрясать, бросать в дрожь, приводить в трепет'; *яр-йөләк болмақ* 'быть помощником, опорой' и др.;

в) парные словосочетания состоят из близких по значению таджикско-персидских и арабских слов: *хошал-хорам болмақ* 'быть радостным, радушным, веселым' и др.;

г) компоненты парных слов состоят из уйгурского и таджикско-персидского лексических элементов антонимического характера: *артуқ-кеми йоқ* 'чин чином' и др.

Фразеологизмы уйгурского языка, в которых участвуют таджикско-персидские заимствованные слова, могут приобретать различные семантические особенности, в частности входить в синонимические (*бекар тамақ — һарам тамақ* 'бездельник, тунеядец'; *беарам қилмақ — арамини алмақ* 'беспокоить'; *пәләкниң гәрдиши — заман гәрдиши* 'превратности судьбы, рок'; *дәстәк қилмақ — банә қилмақ* 'находить повод, сославшись на кого-нибудь, на что-нибудь', *бир яқидин баш чиқармақ — бир жан бир тән болмақ* 'единодушно, дружно, все как один'; *хиял дәриясиға чөкмәк — ойға патмақ* 'погрузиться в мысли'; *жиға-зерә тутмақ — көз йеши тутмақ—угалиға қалмақ* 'страдать за грехи'; *худини йоқатмақ — өзидин кәтмәк* 'возгордиться'; *у дунияға рәптәм болмақ — дуниядин өтмәк — аләмдин өтмәк — қаза қилмақ — дуниядин көз жуммақ* 'скончаться', *пай-петәк болмақ — аварә болмақ* 'суетиться, беспокоиться') и антонимические (*амити кәлди — амити кәтти* 'ему повезло — ему теперь не везет'; *хориғи йоған — кичик пеил* 'гордый — скромный' и др.) отношения.

К. А. ШАРИПОВА (Ташкент)

Аффиксальная синонимия в системе имен существительных, обозначающих название лица в современном уйгурском языке

В последние годы вопросы аффиксальной синонимии все больше привлекают внимание исследователей тюркских языков. Аффиксальная синонимия, как и вообще грамматическая синонимия, в уйгурском языкознании не была предметом специального изучения, если не считать статью А. Т. Кайдарова, посвященную взаимозаменяемости падежных аффиксов уйгурского и казахского языков.

Основным источником пополнения аффиксальных синонимов является внутренний фактор развития языка, связанный с дифференциацией функций аффиксов, полисемантичностью и продуктивностью словообразующих форм. Другой фактор, определяющий возникновение синонимов словообразующих аффиксов, связан с проникновением словообразовательных элементов из разносистемных языков. Как известно, взаимовлияние языков приводило к обогащению словарного состава, изменению значения слов, к увеличению синонимических рядов не только лексических единиц, но и словообразующих форм.

В данном сообщении нами рассматривается синонимия аффиксов лица на материале уйгурского языка. К аффиксам, обозначающим название лица, относятся *-чи, -каш/кәш, -кар/ -гәр, -дар, -хор, -шунас* и др.

Синонимичность аффиксов, обозначающих лицо, была построена на: а) семантической и грамматической общности производных основ; б) отсутствии генетического родства между аффиксами; в) единстве семантических соотношений между производящей основой с аффиксом, с одной стороны, и производной основой — с другой.

Аффиксы-синонимы, как и лексические, образуют синонимические ряды, в которых один является доминантой. При установлении доминанты следует четко определить все ее значения. Основным в синонимическом ряду аффиксов лица является *-чи*. Этот древний исконно тюркский аффикс встречается еще в памятниках орхоно-енисейской письменности VI—VIII вв.: *йолчи* 'предводитель', *әлчи* 'посланник', в «Диване» М. Кашгарского: *отачї,* 'лекарь', *тарїғчї* 'хлебопашец', *әтчі* 'мясник', *әтмәкчі* 'пекарь', *әтүкчі* 'сапожник'.

В современных тюркских языках *-чи* не только сохранил

продуктивность, но и расширил свои лексико-семантические возможности.

В анализируемых синонимических парах основным выступает *-чи,* который обозначает: а) лицо по отношению к какому-нибудь предмету, понятию, определяющему характер этого лица или его занятие, профессию, ремесло: *кончи, тарихчи, тракторчи, суғақчи*; б) социальное происхождение и общественное положение лица, его отношение к какому-нибудь идейному течению, участие в какой-нибудь общественной организации: *ленинчи, искрачи, колхозчи. бандеровчи, стахановчи;* в) отношение лица к какому-нибудь географическому пункту: *қашқа : чи.* Следует заметить, что это значение аффикса *-чи* очень часто встречается в диалектах узбекского, азербайджанского, караимского языков.

Однако не при всех перечисленных значениях *-чи* вступает в синонимические отношения с другими аффиксами. Так, только для первого значения аффикса *-чи* 'лицо, занятое каким-то ремеслом, деятельностью' заимствования из персидского языка *-каш/-кэш, -гэр/-кар, -дар, -хор, -шунас* образуют синонимические ряды.

I. Однокоренные слова с аффиксами *-чи, -гэр/-кар: пахтичи* 'хлопковод, скупщик хлопка' — *пахтикар* 'хлопкороб' — в узб. яз. только: *пахтикор*; *хизмэтчи* 'служащий' — *хизмэткар* 'слуга'; *давачи* 'истец' — *давагэр* 'кляузник, жалобщик'; *хийанэтчи* 'преступник' — *хийанэткар* 'предатель', наряду с основным общим значением имеют свои, свойственные только им лексико-семантические значения. Сравниваемые пары слов с *-чи* обозначают нейтральное отношение лица к своему ремеслу, а слова на *-кар* несут в себе еще отрицательный оттенок: лицо, постоянно занимающееся каким-то ненужным, неодобрительным ремеслом.

II. Аффиксы *-чи, -хор: нэшичи* 'тот, кто приготавливает гашиш и торгует им', *нэшихор* 'наркоман', в узб. только: *нашахур, тамақчи* 'табаковод' — *тамакихор* 'курильщик табака', *исрапчи* 'расточитель' — *исрапхор* 'растратчик' в однокоренных словах несут дополнительные оттенки значения. Сравниваемые слова с *-хор* выражают неодобрение, нежелательность действий лица.

III. При семантическом соотношении слов на *-чи, -дар: малчи* 'скотовод' — *малдар* 'богач'; в узб. *молдор; чарвичи* 'скотовод' — *чарвидар* 'животновод', в узб. *чорвадор; хэзиничи* 'казначей, кассир' — *хэзинидар* 'обладатель сокровищ'; *эмгэкчи* 'трудящийся' — *эмгэкдар* 'труженик', *амбарчи* 'кладовщик' — *амбардар* 'владелец амбара', выясняется, что *-дар* обозначает также лицо, владеющее тем, что названо в исходной основе. Такая особенность этого аффикса прежде всего

связана с семантической природой его в персидском языке — 'обладать, владеть чем-либо'.

IV. Слова с аффиксами *-чи, -кәш: ойунчи* 'игрок, шутник, танцор' — *ойункәш* 'игрок, любитель игр'; *җувазчи* '1) владелец; 2) работник маслобойни' — *җувазкәш* 'работник маслобойни'; *поштичи* 'работник почты' — *почтикәш* 'письмоносец', в узб. только: *почтичи*, ио: *хәтчи* — 'писарь, секретарь'; *җәдәлчи* 'спорщик' — *җәдәлкәш* 'спорщик, забияка, задира' совпадают только в своем основном значении. Сравниваемые пары слов на *-каш* несут еще оттенок привычности, постоянства.

V. При общей семантической наполняемости слов с аффиксами: слова на *-шунас* выражают также лицо, занятое более обширной сферой деятельности. В отличие от *-чи -шунас* может сочетаться также с этнонимами: *түркмәншунас, уйғуршунас.*

Таким образом, замена одного аффикса другим может быть только стилистически обусловленной, т. е. частота употребления каждого аффикса находится в прямой зависимости от конкретного случая.

Э. А. УМАРОВ (Ташкент)

История двух уйгурских идиом

Как известно, возникновение некоторых тюркских фразеологизмов тесно связано с историей тюркских народов, былой общностью их материальной и духовной культуры.

В настоящем сообщении сделана попытка путем сопоставления объяснить происхождение двух фразеологизмов уйгурского языка — *қан жиғлимақ* и *қан жутмақ*, общетюркские истоки которых можно установить по данным письменных памятников и современных тюркских языков.

Фразеологизмы *қан жиғлимақ* 'горько плакать', букв. 'плакать, проливая кровь' и *қан жутмақ* 'безутешно страдать', букв. 'глотать кровь' в прошлом обозначали соответствующие акты, связанные с ритуалом выражения горя по поводу кончины человека. Об этом свидетельствует этнография: у одних народов горе выражалось актом самоистязания — царапаньем в кровь лица (отсюда, видимо, и кровавые слезы, плакать кровью и др.), у других — посыпанием головы пеплом и т. п.

Чтобы не быть голословными, приведем факты. Один из указанных обрядов оплакивания запечатлен в средневековой миниатюре к поэме «Садди Искандарий» (=«Вал Искандера») Алишера Навои, где изображены похороны Александра Маке-

доиского: впереди траурной процессии идут люди, по-видимому, приближенные царя или плакальщики, ианося ногтями на лицо кровавые раны.

Убедительны письменные свидетельства бытования такого обряда. У Алишера Навои читаем:

Юзундин ўюб тоза парголалар
Очиб заъфаронзор аро лолалар [1].

Я разрезал свое лицо на части —
Открылись тюльпаны на желтом лице [2].

Тирноғларин чу юзга қўйди
Тирноғ, тирноғча ерлар ўйди
Уйғонлар ичиндаким сизиб қон
Кўз чашмаларидек оқизиб қон [3].

Она впилась в лицо ногтями.
От ногтей остались глубокие борозды.
Из выемок потекла кровь.
Из родиików глаз она заставила течь кровь.

Приведенные и другие конкретные свидетельства дают возможность представить эволюцию рассматриваемых идиом таким образом: означаемое — ритуал оплакивания (плач, нанесение кровавых ран на лицо и следствие этого акта — слезы с кровью, кровавые слезы, стекающие по щекам и попадающие в рот), означающее — *қан жиғлимақ* и *қан жутмақ* (адекватное, прямое обозначение следствия самоистязания) возникновение соответствующих устойчивых метафор *горько плакать, безутешно страдать.* При этом полагаем, что такое переосмысление имело место еще в пору бытования старинного ритуала оплакиваиия.

Как показывают материалы, эти идиомы наличествуют во многих старотюркских и современных языках.

Идиома *қан жиғлимақ* встречается в старой народной уйгурской песне «Шаһзадихан»:

Мән кетәр болдум, ярим
Әрзим баян әйләп кетәй.
Мәһриван яр қалди дәп, Шаһзадихан
Чөлләрдә қан жиғлап кетәй [4].

Дорогая, я решил уйти.
Уйду, изложив свою жалобу.
Думая об оставшейся дорогой Шахзадихаи,
По пустыням пойду, горько плача.

[1] *Навоий А.* Хамса. Тошкент, 1960, 831 б.
[2] Здесь и далее подстрочный перевод наш.
[3] *Навоий А.* Хамса, 404 б.
[4] Қелинлар, иахша ейтайли. Топлам, тәртипкә салған. Ш. Шаваев. Алмута, 1978, 187 б.

Употребляется эта идиома и в современном уйгурском языке: *қан жиғлимақ* 'горько плакать' [5]. В туркменском языке она встречается в двух видах: *ган агламақ, ган әңремек,* причем последний является вторичным. Во фразеологическом словаре приводятся интересные примеры с этим сочетанием: *Хатыҗа ол өленде, көп гүнлап гара гейип, ган аглап, багры бирян болуп, перишан сач яйыпдыр* 'когда тот умер, Хадича долго надевала черную одежду, горько плакала, ее сердце обливалось кровью, растрепаниые волосы разбросила'. В узбекском языке *қон йиғламоқ* встречается в памятниках XIV—XV вв.:

Қон йиғламоғим, дам-бадам жоиу жигарни қуйдурур [6].

Мой горький плач ежеминутио душу и печень мою сжигает.

Чаманда кўзларим баски юзиг шавқида қон йиғлар [7].

В цветнике мои глаза по твоему лицу горько плачут.

Но чаще всего это сочетание встречается в языке Навои:

Ёрсиз вайронада қон йиғлармен... [8]

Без любимой я плачу кровавыми слезами.

В азербайджанском словаре оно встречается в первоначальной форме: *ган ағламаг* 'заливаться горючими слезами', 'горько плакать' [9].

В казахском языке С. Кенесбаев отмечает: *қан жылады* [10].

В киргизско-русском словаре К. К. Юдахина приводятся две формы: *қан ыйла-* и *қан қақша-* 'плакать кровавыми слезами', 'горько плакать' [11].

В историческом фразеологическом словаре турецкого языка Кемала Эйубоглы дано 69 примеров с этим выражением из текстов турецких поэтов XIV—XIX вв.:

---

[5] Уйгурско-русский словарь. М., 1978, с. 590.

[6] Туркмен дилиниң фразеологик сөзлүги. Ашхабад, 1976, 67 б.

[7] Лутфий/Девон, Гул ва Навруз, нашрга тайёрловчи С. Эркинов. Тошкент, 1965, 150 б.; Отоий/Девон, нашрга тайёрловчи Э. Рустамов. Тошкент, 1958, 149 б.

[8] *Навоий А.* Бадое-ул васат. Тошкент, 1960, 144 б.

[9] *Оруджев А. А.* Азербайджаиско-русский фразеологический словарь. Баку, 1976, с. 93.

[10] *Кенесбаев І.* Қазақ тіліниң фразеологиилық сөздігі. Алматы, 1977, 316 б.

[11] Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 338.

Kan ağlasin iki gözüm
Ölünce sevmesem seni [12].
Пусть оба мои глаза горько плачут,
Если не буду любить до конца жизни тебя.

Из сибирских тюркских языков эта идиома встречается в якутском языке: *хаанынан ытаа-* 'плакать кровавыми слезами' [13]. Широкое распространение в тюркских языках имеет также идиома *қан жутмақ* 'страдать'. В кашгарском наречии С. Е. Маловым зафиксирована эта идиома в тексте народной песни «Кто опекает меня, сироту?»:

Мен јетімии чім којапто?
Содегар ја туткани
Содегар содағы кеіса
Ахуруп қан жутканы [14].

Кто опекает меия, сироту?
Торговец имеет [много] подруг.
Если торговец захворает [от ревности],
[То ему остается], вздыхая, только глотать кровь.
Пер. С. Е. Малова

Оиа встречается и в текстах фольклора:

Яр ишигидин өттим
Алма шахинн туттум
Сән уйиндин чиқмайсән
Мән талада қан жуттум [15].

Прошел мимо двери возлюблеиной,
Держал ветку яблони.
Ты не выходишь из дому,
Я страдаю на улице.

В узбекском языке *қон ютмоқ* зафиксирован в памятниках XIV—XV вв., в произведениях Атаи, Гадаи, Дурбека, Юсуфа Амири.

Қон ютурмен рашк элнндин хар кеча тонға дегин,
Ким, нечук боди сабо хамрозу хамдамдур саига [16].

В книге С. Кенесбаева, богатой иллюстративиым материалом, извлеченным из произведений казахских поэтов и писате-

---

[12] *Eyüboğlu K.* Siirde ve Halk Dilinde atasözleri ve deyimler. Istanbul, 1975, S. 275.
[13] Якутско-русский словарь. М., 1972, с. 466.
[14] *Малов С. Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961, с. 46.
[15] Уйғур әл адабияти/Жиғучилар: Л. Аисари, З. Башир, Б. Худайқул. М., 1926, с. 61. [На араб гр.]
[16] *Гадоий.* Девои ашрга тайёрловчи Э. Ахмадхўжаев. Тошкеит, 1973, 18 б.

лей, отмечены следующие варианты: *қан жұтты, қан жұтқыр*. Причем первое сочетание является общелитературным, а второе имеет ограниченное употребление, потому что является зложелательным выражением [17]. С. Кенесбаев указывает также, что сочетание *қан жұтты,* кроме своего общетюркского значения 'страдать', имеет и значение 'погибнуть', 'умереть'; *қас дұшпан қан жұтты* 'страшный враг погиб' [18].

В азербайджанском языке этот фразеологизм тоже употребляется в двух значениях: *ган удмаг* 'мучиться', *ган уддурмаг* 'терроризировать', 'мучить', 'угнетать' [19]. Аналогичный случай отмечается и в турецком языке: *kan yutmak ~ kan yutturmak* [20].

В татарском языке это сочетание отмечено в форме *қан йоту* 'сильно переживать' [21]. К. К. Юдахин в киргизском языке приводит форму: *қан жут-* 'быть в сильном горе' [22]. В туркменском словаре отмечено: *ган ювутмак* 'тяжело переживать', 'страдать' [23].

В ногайском языке эта идиома встречается в форме *кан юту* 'сильно горевать' [24], в башкирском языке — *кан йотоу* 'испытывать горе', 'переживать' [25]. В сибирских тюркских языках подобное выражение мы не обнаружили. Таким образом, рассмотренный выше сопоставительный материал проливает свет на один из ритуалов, общих для тюркоязычных народов. Это еще раз свидетельствует о необходимости обращения к языковому материалу при исследовании истории того или иного народа.

О. ЖАМАЛДИНОВ (Алмута)

Һазирқи заман уйғур тилидики моздузчилиқ кәспигә бағлиқ аталғулар

Уйғур тилидики аталғуларниң мәлум қисмини хәлиқ арисиға кәң таралған кедимий кәсипләрниң бири моздузчиликқа

[17] *Тулекова С.* Фразеологизмы со значениями доброжелания и зложелания в казахском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975.

[18] *Кенесбаев І.* Қазақ тіліиің фразеологиялық сөздігі, 315 б.

[19] *Оруджев А. А.* Азербайджанско-русский фразеологический словарь, с. 94.

[20] *Eyüboğlu K.* Siirde ve halk dilinde atasozleri ve deyimler. Istanbul, 1975, s. 280.

[21] Татарско-русский словарь. М., 1966, с. 221; Татар телең фразеологиясе, мекаль һәм әйтемиере. Казаиь, 1957, 70 б.

[22] Киргизско-русский словарь, с. 338.

[23] Туркменско-русский словарь. М., 1968, с. 151.

[24] Ногайско-русский словарь. М., 1963, с. 143.

[25] *Ураксин З. Г.* Фразеология башкирского языка. М., 1975, с. 163.

бағлиқ мәйданға кәлгән сөз вә ибариләр тәшкил қилиду. Моздузчилиқ кәспигә аит терминлар, башқа мутәхәссисликләр лексикисиға охшаш, тилниң ички сөз ясаш қанунийәтлиригә, усуллириға таянған һалда барлиққа келиду вә тәрәққий етип бариду. Шуңлашқа моздузчилиқ кәспигә аит сөзләрниң көпчилитиги шу тилдики сөз ясаш усуллириниң ярдими билән мәйданға кәлгән аталғулар тәшкил қилиду. Бу орунда шуниму тәкитләп өтүш керәкки, моздузчилиқ кәспидә башқа тиллардин қобул қилинған сөзләрниңму көп миқдарда қоллинилип жүргәнлигини байқашқа болиду. Бу тилдики тәбиий һадисидур. Уйғур хәлқи өзиниң тарихий тәрәққият йолида башқа хәлиқләр билән дайимән сәясий, ихтисадий вә мәдәний мунасивәттә болуши шу хәлиқләр тилидики бәзи аталғулар билән сөзләрни қобул қилишиға елип кәлгән. Әнди шу қобул қилинған сөзләрниң бесим көпчилигини айрим нәрсиләрниң намлирини аңлитидиған аталғулар тәшкил қилидудә, иш-һәрикәткә бағлиқ сөзләрниң наһайити аз миқдарда өзләшкәнлигини көримиз.

Тар мутәхәссислик даирисидә қоллинип жүргән *моздуз* сөзи иран тиллиридин өзләшкән болуп (муза [1], — өтүк, дуз [2] — тикмәк дегән икки сөздин тәркип тапқан), уйғур тилида бир сөз, йәни *өтүкчи* дегән чүшәнчини аңлитиду. Атап өтүш керәкки, уйғур тилида *моздуз* сөзиниң синоними *өтүкчи* аталғусиниң мөҗүтлуғиға қаримай, *моздуз* термини көп қоллинилиду вә у сөз мәна даирисиниң кәңлиги билән *өтүкчи* сөзидин пәриқлннип туриду. Шуниң үчүн мәзкүр кәсипниң нами *моздузчилиқ* дәп нам алған. Моздузчилиқ кәпсигә бағлиқ болған лексико-семантикилиқ терминларни аяқ-кийимни тикиш җәриянида қоллинилидиған сөзләр, аяқ кийимниң түрлири, өтүкниң қисимлири, чаплаш вә пәдәзләш үчүн пайдилинидиған маддилар вә моздузчиликта қоллинилидиған әсваплариниң намлири охшаш қисимларға бөлүп қарашқа болиду. Шуни алаһидә тәкитләп өтүш керәкки, уйғур тилида моздузчилиқ кәспигә бағлиқ аталғуларниң сани йүзгә йеқин екәнлиги мәлум. Бу орунда биз пәқәт аяқ кийимни (өтүкни) тикиш җәриянини атап өтүш билән шу җәриянда ишлитилидиған аталғуларғила тохталдуқ.

Пичиш. Өтүклүккә керәклик барлиқ қисимларни пичип тәйярлап елиш.

Растлаш. Қончә яки башлиқ үчүн пайдилинидиған товарниң инҗасини еливетип тикип чиқиш (*инҗа* [3]— иран тиллиридин қобул қилиған сөз болуп, *шу йәр, мошу җай* дегән мәнани аңлитиду, йәни қончә үчүн кесип елинған товарниң жуқарқи

[1] Таджикско-русский словарь. М., 1954, с. 250.
[2] Шу йәрдә. 144-б.
[3] Шу йәрдә, 116-б.

қисми неппиз яки пурлишип қалған болса, у йәрни кесиветип ямақ селиш), әгәр қончә билән башлиқ товар бир әндизигә чүшмисә (әидизә [4] иран тиллирида бир жүрүш, йәни бир өтүклүк товар демәктур), пәйвән селиш (пәйвән [5]— иран тиллирида бағлишидиған, қошулндиған дегән чүшәнчинн билдүриду), бу орунда товарниң қончиси яки башлиғи чиқмай қалса, ямақ салидиған йери демәктур.

Башлиқ селиш. Башлиқни қончиға улаш, башлиққа әстәр чаплап, баш бехини тикип чиқиш (бехи [6]— иран тиллирида тикиш дегән мәнани аңлитиду). Башлиқни үзлүк тәрипидин икки қатар наһайити инчикә қилип тикип чиқишни баш-бехи дәп атайду.

Хам қилиш. Қончиниң кейинчәк тикишини тикиш, апқутни шүлүп неппизлатқандин кейии униңға сираж, шилим, йелим яки клейни сүркәп, андин гүлчүң қисмиға чаплап қелипқа тартиш, апқут қуруғанда уни қелиптин чиқириш, өтүкниң апқут қисмида ош қәләм билән йол чиқиривелип, апқут бехини тикиш.

Петәк чаплаш. Қелипқа петәкии чаплиғандин кейин ишни қелипқа қайтидин тартиш, өтүкниң тумшуқ тәрипигә қаттурма чаплаш, петәк бехини орап тикиш, петәкниң үстигә ранта кекиш, әгәр һаҗәт дәп тепилса, петәкниң үстигә ғач-ғач (ғачилдақ) селиш, тапан тәрипидә һасил болған оймини сәккиз сани шәклидә шүлүп ясалған лоп тохтайни селип у йәрни толтириш.

Чәм чаплаш. Петәкниң үстигә чәмни чаплап, униң гирвәклирини арчиш (кесип чиқиш), андин миқлаш яки тикип чиқиш, пашна қоюш, пашниниң үзлүгини миқлаш, қончиға шаңни кекип, кейинчәк тикишкә салған зиғзиқни сүзүп тәкшиләш.

Пәдәзләш. Пәдәзләшниң алдида чәм билән өкчиниң гирвәклирини йәнә бир тәкши қилип сүзүп (кесип) чиқип чопсилаш, әйнәкниң сунуғи билән чәм билән өкчиниң чирвиклирини кириш арқилиқ силиқдаш, пәдәз үчүн қоллинилидиған әсвап вә маддиларни пайдилиниш арқилиқ пәдәзләп чиқиш.

Шаң кекиш. Өтүкни қелиптин чиқиривелип, өтүкниң қончиға шаң кекип, уни пәдәзләш. Өтүк әйнә шу хилдики мурәккәп иш җәриянлиридин өткәндин кейин тикилип чиқиду.

---

[4] Шу йәрдә, 28-б.
[5] Шу йәрдә, 52-б.
[6] Шу йәрдә, 295-б.

А. Б. ИБРАГИМОВА (Ташкент)

Уйгурские слова в «Келур-наме» Мухаммеда Якуба Чинги

«Келур-наме» Мухаммеда Якуба Чинги создана во времена правления Бабуридов (XVII в.), когда возрос интерес к тюркской литературе и тюркскому языку.

Автор словаря широко использует живую речь тюркоязычного населения Индии, поэтому употребление разных слов в одинаковом значении является примечательной чертой памятника, например: *этмак, әйләмақ, қылмак* 'делать'; *көп әсрү* 'много'; *йашын, чақын, ылдырым* 'молния' и т. д.

Словарь сохраняет основной лексический пласт и грамматические формы староузбекского языка, и поэтому в нем встречаются архаичные слова по отношению к современному литературному узбекскому языку. Но часть архаичной лексики встречается и ныне в диалектах узбекского и близкородственных тюркских языков.

Остановимся на словах, которые зафиксированы в «Келур-наме» и встречаются в современном литературном уйгурском языке.

1. Названия природных явлений: ياغيش *йағыш* (32б)[1] 'дождь', в уйг. яз. *йағиш* в том же значении; آياس *айас* 'чистый воздух', в уйг. *айаз* 'чистый, ясный, безоблачный'; چاقين *чақын* 'молния', в уйг. *чеқин* 'молния, гром'; بوس *бус* (32б) 'ржавчина', в уйг. *бус* 'копоть'.

2. Названия домашних животных: اينانك *инәк*[2] (33б) 'корова', в уйг. *инәк* в том же значении; اوى *уй* (33б) 'бык', в уйг. *уй* 'вол, бык', لوك *лөк*[3] 'одногорбый верблюд', в уйг. лөкә 'горб верблюда'; آتان *атан* (33б) 'одногорбый верблюд', в уйг. *атан* 'холощеный верблюд'.

3. Названия предметов домашнего обихода: آياق *айақ*[4] (33а) 'чаша', в уйг. *айақ* в том же значении; بيلاو *биләв* (33а) 'точильный камень', в уйг. *биләй* 'оселок, точильный камень'; تاقار *тақар* (36а) 'мешок', в уйг. *тағар* 'большой мешок'; ماموق *мамуқ* (33а) 'хлопок', в уйг. мамук 'вата'; تام *там* (33а) 'стена', в уйг. в том же значении; سالمه *салма* (35б)

[1] كيلور نامه — Рукописный фонд ИВ АН УзССР, ннв. № 50—52. Это слово встречается в хорезмском диалекте в том же значении (XIII, 50).

[2] Встречается в бухарском диалекте: *инәк* 'корова' (УзXIII, 166).

[3] В бухарском диалекте *лөк* 'верблюд-самец' (УзXIII, 174).

[4] В лакайском говоре *айақ* 'чаша' (УзXIII, 269).

'силок, капкан', в уйг. *салма* 'лассо, арқан для ловли лошадей'.

4. Названия частей тела: ساقاق *сақақ* (34[а]) 'щека', в уйг. *сақақ* 'челюсть'; اوچه *уча*[5] (34[а]) 'спина', в уйг. *уча*, 'спина, плечо' اوکچه *өкчә*[6] (34[а]) 'пята, пятка', в уйг. *өкчә* 'каблук, пятка'; سینگیر *сиңир* (34[а]) 'сухожилие, жила', в уйг. в том же значении.

5. Названия физических недостатков и способностей: قینگیر *қыңыр*[7] (34[а]) 'слепой', в уйг. *қинғир* 'косой'; ساغیر *сағыр* (34[а]) 'глухой', в уйг. *соғуғу* 'глухой'; چیچان *чәчән* (35[б]) 'умный', в уйг. *чечән* 'находчивый'; بوکه *бәкә* (35[б]) 'сильный', в уйг. *бөке* 'силач, борец'.

6. Военные термины یاغی *йағы*[8] (35[б]) 'враг', в уйг. в том же значении; چنداول *чандавул* (35[б]) 'арьергард', в уйг. *чаң* 'пост', *чаңда турмақ* 'стоять на посту', چریك *чәрик* (35[б]) 'армия, войско', в уйг. *черик* 'воин, войско, армия'.

7. Слова, выражающие действие и состояние: یاوور *йавур*[9] (32[б]) 'приближаться', в уйг. *йавутмақ* в том же значении; اذیان *йан* (31[б]) 'возвращаться', в уйг. в том же значении; یت *итит* (4[а]) 'точиться', в уйг. *ититлимәк* 'точить'; چینا *чәнә*[10] (19[а]) 'мерить, измерять, намечать', в уйг. *ченимәк* 'соразмерение'; چولغا *чолға*[11] (19[б]) 'наматывать, заворачивать, свернуть (например, бумагу)', в уйг. *чолғимақ* 'окружить, брать в окружение'; تونا *тұнә* (14[б]) 'бодрствовать', в уйг. *түнәш* 'бодрствование ночью'; ایشنا *ышна* (10[а]) 'блестеть, сиять, сверкать', в уйг. *йашнимәқ* в том же значении.

8. Термины, обозначающие рельеф и отрезки времени: توز *туз* (33[а]) 'равнина', в уйг. *түз* 'гладкий, ровный'; اوچمه *учма* (33[а]) 'овраг, пропасть', в уйг. *учма* 'высокий'; تونا کون *түнәкүн* (32[б]) 'вчера', в уйг. *түнүгүн* в том же значении.

Есть еще несколько слов, которые нельзя включить в вышеуказаиные тематические группы, так как они встречаются в очень малом количестве: تاتیغ *татығ* (35[а]) 'вкус', в уйг. *татиқ*; تومانغه *тумағa* (33[б]) 'колпак для охотничьей птицы', в уйг. *тумақ* 'меховая шапка'; ساغ *сағ* (35[б]) 'трезвый', в уйг.

---

[5] В наманганском диалекте *уча* 'спина' (УзХIII, 269).
[6] В кашкадарьинском диалекте в том же значении (ЮҚШ, 159).
[7] В хорезмском диалекте *қыйтар* 'слепой' (XIII, 61).
[8] В хорезмском диалекте в том же значении (УзХIII, 129).
[9] В северо-узбекском наречии в том же зиачении. См.: *Абдуллаев Ф. А.* Узбек адабий тилиннг диалектал асослари масаласи. Тошкент, 1963, 254 б.
[10] В хорезмском диалекте *чәнәмәк* 'измерять' (XIII, 97).
[11] В южио-хорезмском говоре *чо:ламақ* 'заворачивать' (УзХIII, 305).

сақ 'осмотрительный, бдительный'; آشلیغ *ашлығ* (33[а]) 'зерно', в уйг. *ашлиқ* 'зерно, хлеб'; تاشلیغ *ташлығ* (33[б]) 'птичий зоб', в уйг. *ташлиқ* в том же значении; هاکاری *хәкәри* (36[а]) 'бродяга, распутный' в уйг. *хакавур* 'высокомерный, спесивый'.

Принятые сокращения:

УзХIII — Узбек халк шевалари луғати. Тошкент, 1971. [Римскими цифрами обозначен том яздания, арабскими — страница].
ХIII — *Абдуллаев Ф. А.* Хоразм шевалари лексикаси. Тошкент, 1966.
ЮҚШ — *Жураев Б.* Юкори Қашқадарье ўзбек шеваларн. Тошкент, 1969.

О. А. СУЛТАНЬЯЕВ (Кокчетав)

Титулы и чины Восточного Туркестана в сочинениях Ч. Валиханова

Вопрос о месте специальной лексики в языке художественной литературы, публицистики ставится давно, но исследователи сходятся на том, что, несмотря на необходимость «языковыми средствами передать характерные черты профессиональной или научной среды», подобное «произведение должно быть написано на литературном языке, понятном любому непосвященному читателю... Термины не должны быть в нем „инородными телами“» [1]. В то же время здесь важно учесть содержание произведения, стиль писателя, цели и задачи автора, наконец, читательский адресат [2].

К публицистике Чокана Валиханова следует подходить именно с учетом этих моментов.

Обилие терминологической лексики в произведениях ученого легко объяснимо: автор работал преимущественно в области научной публицистики.

В сочинениях 60-х гг. XIX в., справедливо названных Г. В. Плехановым «золотым веком. русской публицистики», процесс общей демократизации русского литературного языка сопровождался введением в литературный обиход огромного количества слов из естественных и точных наук [3].

---

[1] *Иссерлин Е. М.* Иноязычная лексика и ее место в словарном составе современного русского литературного языка. М., 1965, с. 14—15.

[2] Там же, с. 14—15.

[3] *Коготкова Т. С.* Из истории формирования общественно-политической терминологии. — В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971, с. 119—120.

Казахский ученый-публицист свои сочинения пишет именно в этот период, на рубеже 50—60-х гг., испытывая воздействие образцовых произведений русских классиков, и прежде всего революционных демократов. «Трудно переоценить плодотворное преобразующее влияние, которое оказал на дальнейшее развитие русского литературного языка так называемый новый публицистический стиль, сложившийся под воздействием Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова,— публицистический стиль, ставший в середине XIX в. господствующим среди стилей русского литературного языка»[4]. Публицистическое творчество, соответственно и стиль Ч. Валиханова, находятся в русле этого ведущего стиля.

Терминологическая лексика у автора самая разнообразная. К разряду общественно-политической следует отнести большую группу терминов, условно обозначаемых «чины, титулы, сословия».

Чины, титулы, сословия — самая представительная группа в терминологической лексике. Чины — «служебный разряд у военных и гражданских служащих»[5]. В анализируемых материалах эти две группы чинов — военных и должностных (административных), именуемых С. Ожеговым гражданскими,— четко выделяются. Сам характер сочинений подсказывает, что вторых должно быть гораздо больше. Их соотношение составляет примерно 1:3 (29:75).

Среди чинов военных (А) удается выделить подгруппы, имея в виду сферу их распространения и употребления. Это военные чины (всего 8), получившие распространение в России (1), хотя, естественно, они восходят к различным языкам, чаще европейским. Таковы: *адъютант* (нем.), *генералиссимус* (лат.), *генерал-губернатор* (лат.), *генерал от инфантерии* (лат.+итал.), *бригадный генерал, секунд-майор* (лат.), *темник, хорунжий* (польск.).

Зато в двух других подгруппах значение чина (номинал) нередко поясняет сам автор. Так поступает он, например, с чинами, которые условно можно назвать китайскими (2). Здесь их всего 9: *бошко* — «китайский чин, имеет золоченый шарик» (*2*, 239)[6]; *джунтан* — «дивизионный генерал» (*3*, 135); *зунду* — офицерский чин в китайской армии (*3*, 135); *пия* — «китайский офицер» (*2*, 355); *занги* — китайский военный чин (*3*, 115), «имеет степень синего шарика (штаб-офицер)» (*2*, 40), (*зан-*

---

[4] *Бельчиков Ю. А.* Общественно-политическая лексика В. Г. Белинского, М., 1962, с. 95.

[5] *Ожегов С.* Словарь русского языка. М., 1972, с. 812. Далее в тексте: Ожегов и стр.

[6] Пояснения Ч. Валиханова взяты в кавычки, пояснения редакции — без кавычек с указанием тома по: Собр. соч. (Алма-Ата, 1961—1968) и стр.

-ги — истор. *дзанги* — низшее должностное лицо. — Монголорос толь. М., 1957, с. 192); *сибо-занги* — «полковой майор» (*2*, 25), китайский офицер из маньчжурского племени сибо (*2*, 25); *хебе-амбань* — помощник («товарищ»—*2*, 16) генерал-губернатора (*2*, 16); *хожуртай* — «полковой командир» (*2*, 29; *2*, 40), цзян-цзюнь — «вице-король и генерал-губернатор, главный начальник войск» (*2*, 61), наместник, генерал-губернатор (*2*, 16).

Автор, назвав сибо-занги полковым майором, поясняет еще, что «киргизы называют его чибчэен» (*2*, 25), что из казахского *шыбжың* 'беспокойный, юла, егоза' (*2*, 25). Термин встречается в четырех вариантах: *сибо-занги, сиб-зянга* (*3*, 115), *шэбо-зенги* (*3*, 353), *сибо-зянги* (*3*, 40).

Третью подгруппу чинов условно назовем среднеазиатскими (3), их всего 12. Они, как правило, пояснены Ч. Валихановым в тексте. Таковы: *батыр-баши* — «начальник войск» (*2*, 195), чин помощника андижанского окружного правителя по военной части (*2*, 712); *доргабек* — «один из военных чиновников в Кашгаре», имеет красный, коралловый шарик (*2*, 241), чиновник особых поручений при Хакимбеке (*2*, 241); *есаулбаши — есаул+баши*, где *есаул* — офицерский чин в дореволюционных казачьих войсках, соответствующий ротмистру в кавалерии (СИС, 249), *баши — бег (бек)* — «старшина, начальник, голова, родоначальник» (Даль, *1*, 57), отсюда автор определяет есаулбаши как «начальник гвардии» (*3*, 159); *колдай* — «караульный офицер», (*2*, 209), «советник» (*2*, 40), «штаб-офицер» (*2*, 79); *мынбаши-мынбеги* — «тысячник» (*3*, 20); *перваначи* — «главный начальник войска; губернатор» (*1*, 247), *перваначи* (от *парвона* 'указ') — военный чин, соответствующий по рангу генералу, один из высших чинов в среднеазиатских ханствах (*2*, 75), в Коканде парваначи занимал должность правителя области (виалета — *1*, 707); встречается в формах: *перваначи, парваначи* (*2*, 230), *форманачи* (*1*, 377), *фарманчи* (*1*, 247); *пансад (пансат)* — «полковник» (*2*, 210), военный чин в Кокандском ханстве, пятисотенный начальник (*2*, 712); *сар* — (перс.) главнокомандующий, глава, начальник войска (*3*, 134), ср.: *сардар (сердар)* — перс., «ист. главнокомандующий, предводитель, наместник»[7], *саркар (саркер)* — предводитель (*2*, 337); *токсаба* — «военный чин» (*2*, 238), один из низших военных чинов в Кокандском ханстве, соответствующий чину штаб- и обер-офицера (*2*, 208); *цезибаши* — по журналу — сержант (*3*, 159); *юзбеги* — сотник (*2*, 198).

Чинов административных (гражданских) (Б) больше.

[7] *Гальченко И. Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975, с. 122.

Здесь также можно выделить три неравные подгруппы, беря за основу сферу употребления и распространения:

1) известные автору из русского языка (таковых 14): *архиерей, архимандрит, камердинер, консул, маклер, полисмен, стремянный* и др.; 2) термины, восходящие к маньчжурско-монгольским языкам (всего 6): *амбань, далай-лама, лама, панчжэн-эрден, ту-ту (дуду), хутухта (хутухту);* 3) термины, восходящие к тюркским языкам (порою с выходом к арабскому, персидскому и др. языкам. Их 55).

Анализ терминов в контексте Ч. Валиханова позволяет заметить:

1) перенос общеевропейских терминов, обозначающих лиц (нем. *камердинер,* англ. *полисмен,* рус. *стремянный),* на субъекты, выполняющие те же функции, отсюда: камердинер — хакимбека, полисмен — китайский, стремянный — в Кашгаре и др.;

2) преобладание терминов религиозных и административных должностей;

3) неполное совпадение пояснений автора и данных словарей (напр. *даруга́ — дорога́; ильбеги; мынбаши; хазрет; шейк* и др.).

Здесь за основу следует брать мнение автора, ибо он учитывает местное, локальное значение широкораспространенного термина, а не его отвлеченное значение, известное в официальном языке;

4) наличие дублетов, синонимических или контекстуальных параллелей, присутствие которых вызвано желанием автора наиболее просто и доступно объяснить смысл термина (*акалакчи* — караванбаши; *шанбеги* — газначибек; *дунча (тунчи), кушбеги* — наместник; *фэлибури* — волк и др. Что касается вариантов (*хазрет — азрет, дунча — тунчи, даруга — дэрэга* и пр.), то они, надо полагать, отражают произносительные особенности информаторов и являются следствием отсутствия устоявшихся норм правописания иноязычной лексики;

5) исключительную информативность терминов: лаконично пояснённые или без пояснений, они передают емкое содержание, в них большой историко-этнографический смысл; тем самым термины выполняют важную стилистическую роль: они придают публицистическим произведениям колорит документальности, реальности повествования.

Принятые сокращения:

СИС — Словарь иностранных слов. М., 1954.
Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880—1882.

Ш. БАРАТОВ (Алмута)

Уйғур тилидики узунлуқ өлчәмгә аит чүшәнчиләрни ипадиләйдиған аталғулар

Метрологиягә аит қоллинидиған аталғулар, әлвәттә, шу җәмийәт адәмлириниң мәзкүр сөз вә ибариләргә муһтажлиғидин келип чиқиду. Вақитниң өтүши билән җәмийәт тәрәққияти нәтиҗисидә метрология саһасиға аит қоллинилидиған аталғуларму өзгирип, толуқлинип, йеңилинип бариду. Дәслән адәмләр өлчәм сүпитидә өзлириниң бәдән әзалири билән егиликлиридә ишлитилидиған аддий әмгәк қураллирини пайдиланғанлиғи мәлум. Бу тоғрисида В. И. Петрушевскийниң пикрини кәлтүрүш наһайити орунлуқ: «Весьма естественно, что меры эти заимствовались из самой природы, т. е. были частью самого человека, частью от предметов, им употребляемых или его окружающих; отсюда видна причина сходства между мерами почти всех стран и народов, не только первобытными, но и метрическими их системами, сходства иногда разительные»[1].

Қедимий өлчәмләрниң бәзилири заман тәливигә мувапиқ ишлитилсә, йәни қоллиниш даириси чәклинип яки пайдиништин чиқип қалса (мәсилән, бирә, қари-қери (қарила), йиғач-яғач — бир йиғач йер, турум — бир әр турум су[2], кери, ишәк, күрә, таш, часа, ғәлвур[3], арш, қадақ, мисқал, тағар), бир қисими күндилик һаятимизда һазирму кәң даиридә қоллинилмақта, мәсилән: ғерич, ғулач, сүйәм, илик, тапан, чақирим, адәм бойи, пут, тутам, гәз, чамдам, сиқим вә һаказиләр.

Һазир тилимизда кәң қоллинидиған килограмм, тонна, метр, литр вә башқилар кейинки жиллардила ишлитилишкә башлиғанлиғи мәлум. Вәһаләнки, бирәр нәрсиниң дәл вә еник, йәни конкрет өлчимини билдүридиған мәзкүр аталғулар наһайити узун жиллиқ тәрәққиятниң мевисидур. Дуния хәлиқлириниң көпчилиги узунлуқ, еғирлиқ, суюқлуқ вә чечилип-төкүлидиған нәрсиләрни өлчәш үчүн турмуштики һәр хил көләм, һәҗим яки мөлчәрдики нәрсиләрни пайдиланған. Мәсилән, бир һарву жүк, бир қап ун, бир қапақ су вә башқилар. Улар, әлвәттә, шу хәлиқниң тирикчилиги вә ижтимаий ихтисади билән этнографиялик алаһидилигигә зич бағлиқтур.

Уйғур тилидики һәммә өлчәм түрлиригә аит қоллинидиған сөз вә ибариләрни жиғип топлап, шу асаста илмий-тәтқиқат

---

[1] *Петрушевский В. И.* Общая метрология. СПб., 1831, с. 5.

[2] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 101, 265, 425, 589.

[3] *Малов С. Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961, с. 114, 132, 133, 154, 157, 162, 171, 373.

ишлирини жүргүзүшниң пәқәт нәзәрий җәһәттинла әмәс, бәлки әмәлий аһмийитиму зор. Уйғур тилидики өлчәмләрни: 1) узунлуқ өлчәм; 2) еғирлиқ (салмақ) өлчәм; 3) суюқлуқ өлчими; 4) чечилип-төкүлидиған нәрсиләрни өлчәш үчүн қоллинилидиған аталғулар; 5) көләми билән һәжмигә аит өлчәм вә 6) вақит өлчими охшаш группа — түрләргә бөлүп қараш мүмкин.

Мана шуниң бири — узунлуқ өлчәмгә бағлиқ һәр хил чүшәнчиләрни ипадиләйдиған сөз вә ибариләрдур. Уйғур тилидики метрология саһасиға аит аталғулар илгири-кейин тәкшүрүлмигән саһаларниң бири. Йәни уйғур тилидики өлчәмниң у яки бу түригә аит қоллинилидиған аталғулар һазирға мутәхәссис-тәтқиқатчилиримизниң диққитидин сирт қалмақта. Шуңлашқа бизниң бу мақалимиз мәзкүр саһа лексикисиға бағишланған дәсләпки қәдәм болуп һесаплиниду.

Узунлуқ өлчимигә аит қоллинилидиған аталғуларни мошу ишимизниң объектиси қилип елишимизниң өзи тәсадипи нәрсә әмәс. Чүнки мәзкүр аталғуларниң көпчилиги узун жиллиқ тарихий тәрәққиятқа егә болса, иккинчидин, вақит өткәнсири уларниң мәлум қисими аста-аста унтулуп, қоллиништин чиқип қалмақта.

Метрология саһасиға аит ишлитилидиған сөзләр пәқәт тилшунасларниңла әмәс, тарихчилар билән этнографларниңму тәкшүрүш объектиси болуши мүмкин. Әгәр тарихчилар һәр хил вақит-дәвирдә пәйда болуп рәсмиләштүрүлгән өлчәмләрниң өз ара мунасивитини тәкшүрсә, этнографларни хәлиқ тилидики у яки бу өлчәм түригә бағлиқ сөзләрниң пәйда болуши сәвәплири билән өзигә хас алаһидилик хусусийәтлири қизиқтуриду. Вақалӛнки, мәйли тарихчилар, мәйли этнографлар метрологиягә аит аталғуларни тәкшүргәндә, әлвәттә, тил фактлириға мураҗиәт қилиду. Чүнки бәзи аталғулар вақитниң өтүши билән тарихий тәрәққият нәтиҗисидә өзгирип, башқа шәкилдә, йеңи манада ишлитилиши мүмкин. Шуңлашқа айрим аталғуларни лингвистикилиқ тәһлил қилғандила, уларниң дәсләпки формиси билән ипадилигән мәнасини яки уларниң келип чиқиш тарихи билән ясилиш йоллирини еликлаш мүмкин. Демәк, тарихчилар билән этнографлар, шундақла тилшунаслар метрологиягә аит сөзләрни тәкшүргәндә бир-бири билән йеқинлишиду, амма мәзкүр саһани үгинип тәкшүрүштә һәр қайсиниң өзигә хас усул-методи болуп, пәқәт өз пикир-мулаһизилирини испатлаш үчүн бири иккинчисигә мураҗиәт қилишиду. Тәтқиқатчи Г. Я. Романованиң тарихий лексикини тәкшүргәндә мону нәрсигә алаһидә диққәт бөлүшни төвәндикичә тәкитләйду: «В свою очередь любое историко-лексикологическое исследование предполагает изучение лексики „в широком контексте культуры“, поскольку система лексики, зако-

номерности ее развития не могут быть объяснены без учета реальных исторических условий, в которых протекала жизнь того или иного человеческого коллектива. Принцип изучения лексики в тесной связи с историей народа особенно целесообразен при исследовании терминологической лексики, в частности метрологической терминологии, так как она тесно связана с социальной и хозяйственной жизнью общества» [4].

Хәлиқ тилидики узунлуқ өлчәмни ипадиләйдиған намларда шу өлчәмгә муһтаж болған у яки бу кәсип-мәшғулатниң әксини тепиш мүмкин. Шу сәвәптин көп вақитта өлчәм намлири ишләп чиқириш қураллирини ипадиләйдиған сөзләргә охшап келиду, лекин узунлуқ өлчәмниң чоң бир қисми адәм әзалириниң нами билән уларниң һәрикәтлиригә охшап кетиду, чүнки буниңға бағлиқ ишлитилидиған аталғулар һәр қандақ әмгәк қилиш җәриянида қоллинишқа әң әпликтур (ғерич, тапан, сүйәм, ғулач в. б.). Җәмийәтниң тәрәққиятиға бағлиқ узунлуқ өлчәмни билдүридиған сөзләрниң сани өсүп, конкрет мәна аңлитиши шәкиллинишкә башлайду.

Шу нәрсини ейтишимиз керәкки, һәр қандақ өлчинидиған нәрсини өлчәш үчүн әң аддий вә әң әплик йол — амил ишлитилгән. Мәсилән, ағамча, жип охшаш нәрсиләрниң узунлиғи ғулач, әнди қисқа нәрсиләр болса ғерич билән өлчәнгән. Мусапә мәлум бир вақит кесиндиси (күнлүк йол) яки атниң жүгрүклиги билән өлчәнгән (ат чаптурум йәр).

Бәзи бир узунлуқ өлчәмни билдүридиған сөзләр турақлиқ сөз бирикмилиригиниң тәркивигә кирип, мәлум бир стилистикилиқ мәхсәт үчүн қоллинилиду. Мәсилән, бойи бир тутам — наһайти кичик, йәни пака; қишниң күни бир тутам — қишта күн наһайити қисқа дегәнгә охшаш мәналарни бирдүрсә, ялғанчиниң қуйриғи бир тутам — ялғанчиниң узунға бармай тез паш болидиғанлиғини көрситиду.

Адәм әзалири вә уларниң һәрикитини өлчәм сүпитидә пайдилиниш тарихий җәһәттин әң қедимий вә әң аддий усул болған. «Меры длины с древних пор занимают в метрологии особое место, отражая начальные этапы измерения — начало всякого измерения вообще, — дәп тәкитләйду Г. Я. Романова, — по той простой причине, что только для него первобытный человек имел с самого начала совершенно естественный и непосредственно ему данный измеритель, а именно самого себя. То, что расстояния измерялись задолго до того, как появились меры веса и объема, является совершенно очевидным и само собой разумеющимся. В этой именно связи известное суждение Протагора, по которому человек есть мера всех вещей,

---

[4] *Романова Г. Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975, с. 9.

приобретает буквальное значение»[5]. Мәзкүр усул арқилиқ ясалған өлчәм атлири асасән узунлуқ, кәңлик, қелинлиқ, егизлик, чоңқурлуқни һәм мусапини билдүриду. Мәсилән, сүйәм, ғерич, ғулач, чамдам-қәдәм, гәз — узунлуқни ениқлаштә қоллинилса, ғерич, сүйәм, илик — кәңлик билән қелинлиқни; тутам, қучақ — бир тутушқа вә қучаққа сиғидиған (келидиған) нәрсиләрни өлчәш үчүн пайдилинилиду (дәрәқ, яғач, чөп, гүл в. б.). Әнди егизлик билән чоңқурлуқ ғерич, сүйәм, гәз вә адәм бойи, қол созум вә һаказиләр охшаш сөзләр билән ипадилиниду. Әгәр ғерич, сүйәм һәм узунлуқни, һәм қелинлиқни, кәңликни, чоңқурлуқни көрсәтсә, қучақ — пәқәт цилиндр шәклидики нәрсиниң йоғанлиғи, илик — пәқәт қелинлиқни өлчәш үчүнла қоллинилиду.

Узунлуқ өлчәм лексика-семантиқлиқ җәһәттин: 1) бирәр нәрсиниң узунлиғини өлчәш вә 2) мусапә яки ариликни өлчәш болуп иккигә бөлүниду. Биринчиси төвәндикичә ясилиду: а) антропометрикилиқ усул арқилиқ ясалған аталғулар: ә) әмгәк қураллири, йәни өлчәм сүпитидә ишлитилидиған нәрсиниң нами билән аташ арқилиқ һасил болған аталғулар. Иккинчиси, асасән, мәлум бир вақит кесиндисини ипадиләйдиған сөзләрниң иштрак қилиши арқилиқ ясилиду.

1. Антропометрикилиқ усул арқилиқ һасил болған узунлуқ өлчәмлири. Узунлуқ өлчәмгә бағлиқ қоллинилидиған аталғуларниң мәлум қисими өлчәм сүпитидә пайдилинилған нәрсиниң нами билән аталған. Шу нәрсини ейтишимиз керәкки, жуқурида тәкитләнгән усул арқилиқ ясалған сөзләрниң асасий қисимини антропометрикилиқ, йәни адәмниң әзалири арқилиқ ипадилинидиған аталғулар тәшкил қилиду. Мәсилән: ғерич, ғулач, чамдам/қәдәм, сүйәм, сунуқ сүйәм, тапан, тутам, илик, қол созум йәр, бәл оттура, адәм бойи (турум— мера длины в чей-либо рост; бир ер туруми су — глубина воды в рост человека[6]) в. б.

2. Узунлуқ өлчәмни билдүридиған аталғуларниң бир қисими өлчәм сүпитидә ишлитилгән нәрсә, йәни ишләп чиқириш қураллириниң нами билән ипадилиниду. Мәсилән: ағамча бойи (күн ағамча бойи көтирилди), нәйзә бойи, таяқ бойи, гәз, сәржән, бир саплам (бир сапақ) жип, бир қәтмән, бир гүҗәк, тахта, ошуқ бойи, пичақ тиғи вә һаказә.

3. Хәлиқ тилидики мусапини ипадиләйдиған аталғулар асасән мусапини өлчәш үчүн пайдилинилидиған усул-амилларниң намн билән яки вақит кесиндисини билдуридиған сөзләр билән атилиду. Демәк, мусапини ипадиләйдиған өлчәм, әлвәттә, адәмниң жисманий мүмкинчиликлири (унин күч-ғәйритигә,

---

[5] *Романова Г. Я.* Жуқурида көрситилгән әмгәк. М., 1975, 7-8 б.
[6] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 589.

чидамлиғиға, көрүш вә аңлаш қабилийитиниң өткүрлиғигә) һәм улақ маллириниң шу хисләтлири етиварға елиниду.

Бирәр нәрсини атқан йәр билән у берип чүшкән арилиқ-мусапә өлчәм бирлиги сүпитидә елинса (оқьядин атқан оқ билән қол яқи салға арқилиқ атқан таш), иккинчидин, адәмниң үни аңлинидиған мусапә,арилиқ, шундақла пиядә яки улақ билән мәлум вақит ичидә меңип өтүшкә болидиған мусапә вә башқилар. Бу тәхлиттики аталғуларниң барлиққа келиши һәр хил сәвәпләр билән шараитларға бағлиқ болиду.

Вақит категорияси билән өлчинип, мусапини ипадиләйдиған өлчәм намлириниң конкрет мәнаси асасән төвәндики шараитларға бағлиқ, мәсилән: немә билән вә қандақ меңишқа (пиядә, ат билән, суда вә һаказә), йәр шараитиға яки жил пәсиллиригә қарап һәр хил болуши тәбиий. Бу һәқтә тилшунас Г. Я. Романова: «При измерении достаточно большого расстояния у многих народов широко используются приравнивание пространства ко времени, нужному для его преодоления»,[7] дәп язиду. Мәсилән: чақирим, оқ йетәр йәр (оқтам — полет стрелы; бир оқтам йер[8] — расстояние, измеряемое полетом одной стрелы), бир яғаш йәр (бир йиғач йер — *около* семи километров)[9], көз көрүм йәр, көз йетидиған йәр, (бир көрүнүм йәр — тәхминән бир йерим чақиримға тән[10]), бир бекәт йәр, ат чапturум йәр (тәхминән қириқ чақирим келиду[11]), инәк асти (арилиғи наһайити йеқин); бир күнлүк йол, бир айлиқ йол, бир жиллиқ йол, бир кечилик йол, чүшлүк йол (йерим күндә маңидиған, йәни йерим күнлүк йол[12]) в. б.

О. НАҚИСБЕҚОВ, А. ИМАНБАЕВ (Алма-Ата)

Уйгурские лексические элементы в казахском языке (на уровне юго-восточного говора казахского языка)

Вопрос о взаимовлиянии казахского и уйгурского языков до сего времени не был предметом специального изучения, исследователи касались его отдельных сторон в связи с разра-

---

[7] *Романова Г. Я.* Шу әмгәк, 122-б.

[8] Древнетюркский словарь, с. 370.

[9] Шу әсәр, 265-б.

[10] *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888—1905, т. 2, ч. 2, с. 1256.

[11] *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, т. 1, с. 241.

[12] *Радлов В. В.* Указ. работа, т. 3, ч. 2, с. 1580.

боткой других проблем этих языков. Можно назвать одну-две статьи, посвященные непосредственно данной теме. Кроме того, вопрос о взаимовлиянии в разное время затрагивался диалектологами.

В связи с изучением *южной группы говоров* казахского языка нашими языковедами собран огромный материал. Некоторые фонетические, грамматические и лексические явления, наблюдаемые в данном регионе, говорят о влиянии уйгурского языка. В материале, собранном первой диалектологической экспедицией в Кегенском и Нарынкольском районах Алма-Атинской области в 1937 г., которой руководил С. Кенесбаев, имеется много слов из уйгурского языка. Такие факты подтверждаются материалами, собранными Ж. Доскараевым, М. Рашевым, А. Абдрахмановым, А. Курышжановым, Ж. Болатовым, О. Накисбековым и др. в диалектологических экспедициях последующих лет в те же районы.

В статье А. Курышжанова, посвященной особенностям языка жителей Кегенского и Нарынкольского районов, а также Ж. Болатова—по материалам Узун-Агачской экспедиции отмечается влияние уйгурского языка на язык казахов Семиречья. В связи с описанием характерных особенностей южного диалекта С. Аманжолов и Ж. Доскараев указывают на определенное влияние уйгурского языка. Н. Т. Сауранбаев при характеристике южного диалекта, в состав которого входят четыре говора, выделяет семиреченский как говор с известным влиянием уйгурского языка.

Как известно, всесторонние языковые контакты между казахами Семиречья и уйгурами начались с конца 70-х гг. прошлого столетия. В этот период уйгуры начали переселяться из Синьцзяна в Семиречье. В наши дни бóльшая часть уйгурского населения Советского Союза расселилась на территории Казахстана в Илийской долине, в районах Алма-Атинской и Талды-Курганской областей.

Здесь уйгуры проживают либо смешанно с казахами в пределах одного селения, либо отдельными компактными селениями по соседству с казахскими населенными пунктами.

Более столетия они тесно общаются между собой, вступают в браки. Среди них встречается много лиц, одинаково владеющих и казахским, и уйгурским языками. Наблюдаются факты двуязычия. Повседневное общение двух народов не могло не отразиться на их языке.

Казахи заимствовали из языка уйгуров слова, необходимые для выражения понятий и названий предметов, употребляемых в специфических условиях быта и связанных с отсутствовавшими у них отраслями хозяйства. Их можно условно разбить на следующие группы:

1. Слова, обозначающие общие понятия, явления и конкретные предметы:

а) названия строительных материалов, орудий труда и под.— *сілеген* 'матка, бревно', *шанжа* 'жердь, шест', *далан* 'сени, передняя', *мық* 'гвоздь', *тұрқындық* 'наружная часть трубы', *қаша* 'загородка, ограда', *зембіл* 'носилки', *тесе* 'тяпка, мотыга';

б) названия предметов домашнего обихода, продуктов питания — *ақпар/ақпар чыны* 'большая пиала', *ежір* 'глиняная пиала', *дас* 'таз', *қапшық* 'кошелек'; *зағыр* 'лепешка из кукурузной муки', *еткен чай* 'чай с солью, заправленный молоком';

в) названия одежды, детских игр и игрушек — *топы* 'тюбетейка', *бәлләй* 'чижик', *ләйлек* 'бумажный змей';

г) названия сельскохозяйственных культур — *беде* 'клевер, люцерна', *көмбеқонақ* 'кукуруза', *кәуе* 'тыква', *оспа* 'растение, сок которого служит для подведения бровей, хна', *чілге* 'дыня-скороспелка';

д) понятия — *бада/пада* 'стадо коров', *қошна* 'сосед', *мәлі* 'село', *нәм* 'имя, название', *зәй* 'сырость', *әл-дірман* 'сила, мощь'.

2. Слова, обозначающие действия и виды деятельности человека — *алдырау* 'торопиться, спешить', *беттеу* 'зарядить', *үздеу* 'облицовывать печку-тандыр', *шалаңдату* 'проредить, прореживать', *мұздау* 'мерзнуть', *жақамау* 'не иравиться'.

3. Слова, обозначающие различные качества, свойства предметов и явлений: *бәденді* 'стройный, хорошо сложенный', *түзік* 'положительный', *сарамжан* 'чистоплотный, опрятный', *ықтиятты* 'осмотрительный, собранный', *сәтен* 'красивый', *қалды-ғұлдің* 'неуравновешенный, дурашливый', *төкір* 'хромой'.

4. Слова, обозначающие время, степень, способ или образ действия: *ерен-паран* 'спозаранку', *кешқұрым* 'вечером', *бір пәс* 'немного, чуть-чуть'; *қалаймақан* 'беспорядочно', *сәл-пәл* 'чуть, чуточку', *чалды-күлді* 'неуместно, необдуманно; торопливо'.

5. Имена и фамилии — *Нүсіпақын, Тұрдақын, Илақын, Дәуіт, Саттар, Әйімбүбі, Нұрбүбі, Әйімқан, Бүбіқан, Тұрақан, Бағдагүл, Жақангүл.*

Наряду с отдельными лексическими элементами в языке семиреченских казахов встречаются и синтаксически обусловленные словосочетания, которые считаются характерными для уйгурского языка. К ним можно отнести словосочетания типа: *құрсан болды* 'обрадоваться, довольствоваться', *қыжалат болды* 'нуждаться, быть в нужде', *қошал болды* 'обрадоваться', *салмай киді* 'носить постоянно, не снимая', *чақпақ чақты* 'молния сверкнула', *тауаны жоқ* 'немощный,

слабый', *чатағың не/чатағың болмасын* 'не твое дело, не вмешивайся'.

Приведенный нами материал является всего лишь предварительными данными. Что же касается выводов об отношении его к юго-восточному говору казахского языка, то они, вероятно, будут сделаны после тщательного лингвогеографического изучения юго-восточного говора казахского языка.

В. У. МАХПИРОВ (Алма-Ата)

«Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского и проблемы тюркской антропонимики

Тюркская ономастика в последние годы добилась значительных успехов. Но с развитием ее, с наиболее широким охватом всех ее сторон перед исследователями встают новые задачи, решение которых еще предстоит. Так, большинство ономастических работ в тюркологии отражает синхронное состояние ономастической системы того или иного языка. Однако синхрония — это всего лишь один срез, показывающий системность современных имен, их взаимосвязь и обусловленность, а современный ономастический материал нуждается также и в историческом объяснении того, как и когда сложилась та или иная ономастическая система, какие изменения претерпевала в своем развитии. Большую помощь при этом оказывают исторические памятники, сохранившие древние имена и их формы.

Одним из замечательных памятников тюркской культуры является «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского, который в настоящее время является «единственным источником информации о жизни тюрок XI века» [1].

Махмуд Кашгарский приводит в своем Словаре более ста антропонимов, 72 этнонима и 175 топонимов, причем зачастую анализирует собственные имена, объясняет их значение, рассказывает об их происхождении.

Остановимся на одном из разрядов собственных имен, приведенных в «Диване», — на личных именах.

Антропонимия «Дивана» — ценный материал для выяснения культурно-экономических взаимосвязей тюрок с различными народами, в личных именах памятника заключены сведе-

---

[1] *Кононов А. Н.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат-ит-турк». — Советская тюркология, 1972, № 1, с. 16.

ния о быте тюрок, об их древнейших религиозных представлениях, о племенных и родовых делениях и др.

Так, состав личных имен в памятнике неоднороден и включает кроме собственно тюркского пласта, составляющего основное ядро (70%), также и антропонимы арабского (20 имен) и иранского (10 имен) происхождения, что объясняется взаимосвязями тюрок с арабами и иранцами.

В связи с принятием ислама, а вместе с ним, естественно, были приняты и личные имена, изменились обычаи и традиции наречения у тюрок, были вытеснены многие собственно тюркские имена, но зато широко распространились арабские имена религиозного происхождения типа: *Ibrahim, Nuh, Iyso, Yafes* (МК, I, 28, 351)[2].

Влияние арабской культуры уже в XI в. было столь значительным, что многие представители тюркской знати носили или чисто арабские имена, например, *Ebu Bekir il Kaffat-uş-Saşi* (МК, I, 443), *Ibn-ul-Garaki* (МК, I, 351), *Ibnü-eb-id-dünya* (МК, I, 351) и др., или имена смешанного типа, с включением компонентов как тюркских, так и арабских: *Muhammed Çakir Tonğa Xan, Nizameddin Israfil Togan Tegin* (МК, I, 111) и др.

Определенное место в Словаре Махмуда Кашгарского занимают имена иранского происхождения, наличие которых подтверждает мысль ученых о существовании давних контактов тюркоязычных народов с иранцами, о чем, например, ярко свидетельствует тот факт, что один из героев иранского эпоса *Afrasyab*, выставляемый в качестве предводителя Турана, отождествлялся с древнетюркским эпическим героем *Alp er Tonğa* (МК, I, 159). Вместе с именем Афрасиаба были приняты также и имена его детей: *Barman, Barsgan* (МК, I, 392) — сыновья, *Kaz* (МК, I, 62) — дочь и *Siyawuş* (МК, III, 149) — зять Афрасиаба. В «Диване» приводятся также имена лиц, известных среди мусульманских народов: *Buht-ü-Nassar* — правитель древнего Вавилона и его сын *Betzen* (МК, I, 381), *Tahmures* (МК, I, 62) — один из легендарных царей Ирана, имя которого возводится к авестийскому *тахмаурупа* 'сильная лиса'[3], *Behram Çupin* (МК, III, 91) — полководец из старинного парфянского рода и др.

Большинство же личных имен в «Диване» собственно тюркского происхождения. В основном это имена, известные всем тюркам, образованные из общетюркских слов типа *ay* 'месяц', *alp* 'герой', *ayas* 'чистое, ясное небо', или восходящие к названиям животных и птиц и др.

---

[2] Собственные имена приводятся по изд.: Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939 (1), 1940 (2), 1941 (3).

[3] *Гафуров А.* Лев и Кипарис. О восточных именах. М., 1971, с. 136.

Одними из самых древних, по мнению исследователей, являются антропонимы, в основе которых — названия животных и птиц, представляющие собой пережитки первобытного культа. Так, в имени *Tonğa Xan — tonğa* 'леопард', в имени *Bogra Kara Xan—bogra* 'верблюд-самец', *Arslan Xan—arslan* 'лев' и т. д.

Несколько иного плана как по форме, так и по содержанию имена простых людей, восходящие к названиям животных и птиц. Чаще всего это односоставные имена типа: *Ars/As* — имя рабыни 'горностай', 'ласка', *Kaban* (МК, I, 451) мужское имя— 'кабан', имена *Togril, Turumtay, Çakir* восходят к названиям хищных птиц и др.

Большое место в тюркской антропонимии занимали имена-пожелания, первоначально порожденные верой человека в сверхъестественную силу слова. Выражение пожелания ребенку счастья, долголетия, достижения славы и т. д. характерно для многих имен в «Диване»: *Bektur* (МК, I, 455) 'стой крепко (живи долго)', *Çava* (МК, III, 225) 'славься, стань известным' (это имя, как указывает автор «Дивана», давалось юношам) и др. В группу имен-пожеланий можно включить также имена, в которых выражено пожелание родителей самим себе: *Azak* (МК, I, 66) 'конец, завершение' — так называли ребенка, когда не хотели иметь больше детей, *Boluç* (МК, I, 358) 'помощник, заступник' — в имени выражена надежда, что сын будет поддержкой семье и т. д.

Тюрки прежде не носили одного и того же имени. Как пишет Л. В. Гумилев, «имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он носил кличку, юношей— чин, мужем — титул, а если это был хан, то титул его менялся согласно удельно-лествичной системе»[4]. Причем часто имена тюрок являлись своего рода описанием особенностей характера, внешности, обстоятельств рождения, места в обществе носителя имени: *Alp Aya* (МК, III, 208) 'лучший герой', *Bilge Bek* (МК, I, 428) 'мудрый, знающий бек', *Köl Bilge Xan* (МК, I, 429) 'стойкий, мудрый хан', *Budraç/Budhraç* — имя одного из старейшин племени ябаку (МК, I, 44) 'кудрявенький, курчавенький' и др. Нередко имена тюрок указывали на обстоятельства, место или время рождения, например: *Kawşut* (МК, I, 451) 'мир между царями' (видимо ребенок родился в период кратковременного перемирия), чаще встречаются имена типа *Tokiş* 'битва, сражение' (МК, I, 368), *Süngüş* (МК, III, 365) 'сражение, война, схватка на копьях', *Atiş* (МК, I, 60) 'стрельба, перестрелка' и др.

Таким образом, несмотря на сравнительно незначительное количество антропонимов в «Дивану лугат-ит-тюрк», этот

[4] *Гумилев Л. В.* Древние тюрки. М., 1967, с. 90.

памятник является ценным для антропонимики историческим источником, в котором дана самая обстоятельная картина именника тюрок XI в. Анализ антропонимии «Дивана» показывает, что на формирование системы личных имен тюрок XI в. решающее влияние оказали два фактора: во-первых, значение апеллятивов, лежащих в основе имен, т. е. тюрки ясно представляли себе, что означает имя человека. Вторым — основным — фактором было всепроникающее влияние ислама, под воздействием которого изменились многие традиции наречения, были вытеснены древние языческие имена, на смену которым пришли арабские имена религиозного (а иногда и светского) происхождения.

Кроме того, в XI в. личные имена людей были социально дифференцированы. Можно выделить три группы имен в «Дивану лугат-ит-тюрк» по их социальной соотнесенности: 1) имена представителей тюркской знати. Это имена многосоставные, включающие в себя всевозможные титулы: *Bogra Kara Xan, Muhammed Çakir Tonğa Xan, Nizameddin Israfil Togan Tegin, Alp er Tonğa;* 2) имена простонародья: *Kapan, Kutan, Atiş, Toğril;* 3) имена рабов, которые обусловлены особым положением их в обществе: рабов рассматривали как рабочую силу, как источник наслаждения, как вещь, что и отразилось в их именах: *Küç tegin* 'сильный раб', *Alp tegin* 'раб-герой', *Ayas* 'чистое ясное небо' (так называли рабов красивых) и др.

Е. З. КАЖИБЕКОВ (Алма-Ата)

Реконструкции тюркского синкретизма

Большинство тюркологов согласны с мнением П. М. Мелиоранского, что в древнейший период тюркские имена и глаголы не были дифференцированы и первичное комплексное значение слов лишь в процессе эволюции языка кристаллизовалось в определенных частях речи и соответствующих им отдельных лексемах (Мелиоранский КТ, прим. № 22; Clauson TMS, 34, 35 и др.). Однако явление глагольно-именного омоморфизма не только первичных односложных корней, но и их производных, зачастую многосложных, а также омоморфные аффиксы, образующие синкретичные слова от несинкретичных корней, дают основание считать ошибочным мнение, что тюркский синкретизм должен рассматриваться только как реликт.

Поэтому не следует оставлять без внимания и инновации более позднего времени, также отражающие эту идущую из-

древле особенность тюркского словообразования. В отдельных случаях, что особенно примечательно, это качество приобретают заимствованные слова, вошедшие в тюркские языки в исторические эпохи и ранее не обладавшие синкретичным значением, как, например, переосмысление персидского прилагательного *azad* 'свободный' в глагол *azat-* 'освобождать' наряду с известным *azat* 'свободный'; переосмысление санскритского *put* 'идол', проникшего в тюркские языки через иранские — *but/büt/put* 'идол, истукан', 'божество' (ДТС, 129; Малов II, 375; Боровков ЛТ, 112; РСл, IV, 1896 и т. д.), в соответствующий глагольный коррелят **but-/büt-* 'верить, веровать', 'молиться', 'воздавать почести' (ДТС, 133, 134; БСл, I, 804); «к таким же случаям следует, возможно, отнести *лой-* (ср. узб. *лойка* 'муть, ил, мутный, илистый') из иранского существительного *лой* 'осадок, тина, ил, грязь'» (Севортян АГ, 413, 423). Заметим, что данные «Опыта» В. В. Радлова подтверждают морфологическую реконструкцию глагола **laj-* из узбекского *lojqa:* таранчинское *laj-* 'сделаться мутным', 'потерять глянец' и *laj* 'глина, грязь, ил, мутный (о воде)', 'без глянца' (РСл, III, 726—727). Точно так же рядом с тюркским *čap-* 'нападать, совершать набег' можно поставить персидское *čap* 'грабеж' и его производные «безусловно, тюркского происхождения», как считает Э. Р. Тенишев (ИРЛТЯ, 289—292) и т. д. Интересны случаи перезаимствования тюркского слова, «возвращения тюркского слова в тюркский язык подобно бумерангу», как, например, слово **toz,* которое также является синкретичным (Мусаев ЛТЯ, 168). [Подробнее о заимствованиях, приобретающих уже на чисто тюркской почве синкретичный характер, см. во введении к «Этимологическому словарю тюркских языков» Э. В. Севортяна (М., 1974, с. 36—37).] Важно, что подобные факты наглядно иллюстрируют историческую реальность древнейшей словообразовательной модели имя—глагол, внешне напоминающей конверсию в индоевропейских языках, но, по сути, — обратного явления, восходящего к синкретизму пралексики.

Тем не менее не всегда нужно руководствоваться принципом омонимичности, учитывая тот факт, что глагольно-именная омонимия — лишь одно из позднейших проявлений древнейшего омоморфизма праслов. Например, синкретичную основу *äri/arï,* относимую Э. В. Севортяном к глагольно-именным основам неясного происхождения, проясняет этимология К. М. Мусаева алтайского корня *ar ~ az,* отражающего древнее нерасчлененное состояние *р/з ~ р/ж* (ALTAICA XIX, 199—203). Видимо, последнее сочетание можно дополнить вполне закономерными теоретически фонетическими чередованиями: *ad ~ aj ~ az ~ až ~ aš ~ ar,* наличествующими в казахских про-

изводных *ïdïrat-, ajïr-, ažïrat-, aral, aŝa* и др., в которых сохранились эти корни. Конечно, не во всех случаях можно гарантировать, что исходная форма слова грамматически нейтральна, порою выводы носят предварительный характер.

О древней комплексности значений свидетельствует также разнонаправленность семантического развития первичных значений. Кроме того, «объединение именных и глагольных основ неизбежно ведет к частичному пересмотру смысловой стороны реконструируемых праформ. Возьмем, например, глагол **kok-* 'тлеть, обугливаться', 'тлеть, разлагаться', 'плохо пахнуть'. При объединении с ним существительного *kok* 'пыль, пепел, прах' у этого последнего, вероятно, будет выделено еще одно значение—'нечисть, нечто смердящее' (*Щербак А. М.* Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков. — СТ, 1975, № 4, с. 3—10). На основании комплексности семантики мы можем некоторые слова, этимологически неделимые, разделить на «разные» лексемы: 1) **ör* 'подниматься вверх'~'верх' и 2) **ör* 'делать перегородку'~'перегородка'; 1) **qat* 'смешивать'~'прибавка, слой, пласт' и 2) **qat* 'твердеть'~'твердый'; 1) **sap* 'сучить'~'нитка' и 2) **sap* 'приставлять'~'ручка'; сюда же следует, по всей вероятности, отнести случаи наличия нескольких вариантов значений (уже отчасти лексикализовавшихся) одного из компонентов глагольно-именной пары. Ср.: **bük-* 'сгибать' и **bük* 1) а) 'место сгиба', 'поворот реки', б) 'долина среди гор по течению реки'; 2) 'горб'; 3) 'сгорбленная сторона алчика' (Мусаев ЛТЯ, 122, 127; Севортян АГ, 367, 421; ЮКЛ I, 69).

Немаловажное значение для изучения тюркской глагольно-именной омонимии имеют уникальные лексикографические труды. Так, к примеру, словарь Л. З. Будагова наряду с общетюркским *tüš* 'сон' регистрирует и глагольный вариант — чагатайское توشمك 'спать'; среди известных форм تلامك, تيلامك, تيلامك отмечает также форму دلمك 'желать, хотеть, просить, искать, требовать, умолять', в татарском также 'молиться', откуда вычленяется глагольно-именная пара *til-* 'говорить, просить, умолять' и др.~*til* 'язык' и все формы на *tile-* как «распространения» этого первичного глагола (БСл, I, 395, 372, 371, 421); «Опыт» В. В. Радлова наряду с *qar-* 'стареть, ветшать' дает именные *ker* 'старый', *kïr* 'старый', 'старик', что позволяет кроме известных синкретичных *qarï-*~*qarï* и *qart-*~*qart* предположить синкретизм исходной основы **qar* (РСл, II, 132, 167—168, 184, 1083, 1095); с реконструкцией Э. В. Севортяна глагола **köz-* из *közün-* (к общетюркскому соответствию *kör-*~*köz*) можно сравнить также отмечаемые в «Опыте» В. В. Радлова *kös-* 'показывать'~*kös* 'глаз', 'взгляд' (РСл,

II, 1291, 1293, а также *köstür-* 'показывать' — 1298) и т. д.

Итак, мы видим, что тюркский синкретизм односложных слов — исходных и поэтому наиболее важных форм — затрагивает проблемные вопросы исторической лексикологии, которые в своей трактовке предполагают порой противоположные выводы. Так, тюркский глагольно-именной омоморфизм является, с одной стороны, отражением древнейшего состояния нерасчлененности и комплексности семантики слов, с другой же—представляет собой живое, развивающееся явление, в котором ярко прослеживается специфика языка, тюркского слова и словообразования. В процессе грамматического «прояснения» первичное значение часто дублируется в производных формах, что постепенно приводит к замещению исходной формы «распространенной». Иногда посредством аффиксов или по аналогии, как вышеуказанный омоморфизм заимствований, синкретизм вырабатывается в дериватах или же наоборот морфологически определяется. Наглядно иллюстрируют подобные превращения три этапа эволюции слова **uz* 'быть длинным, удлиняться' ~ 'длинный': **uz* > *uza* > *uzun*, где все три формы являются синкретичными (см. ЭСТЯ I, 571-572).

Вышеизложенные факты позволяют утверждать, что совпадения именных и глагольных корней не могли быть случайными и даже более того—свидетельствуют о важнейшей «системе словообразования» (термин Э. В. Севортяна) тюркских языков, требующей тщательного исследования.

Принятые сокращения:

ALTAICA XIX	— Altaica. PAC. XIX. Helsinki, 1977.
Боровков ЛТ	— *Боровков А. К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII веков. М., 1969.
БСл	— *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869—1871, т. 1, 2.
ДТС	— *Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
ИРЛТЯ	— Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
Малов II	— *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л., 1951.
Мелиоранский КТ	— *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1899.
Мусаев ЛТЯ	— *Мусаев К. М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнокыпчакская группа). М., 1975.
РСл	— *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911, т. 1—4.
Севортин АГ	— *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
ЭСТЯ I	— *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, т. 1.
ЮКЛ I	— *Юнусалиев Б. М.* Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959, ч. 1.
Clauson TMS	— *Clauson G.* Turkish and mongolian studies. London, 1962.

А. К. КАЛЫБАЕВА (Алма-Ата)

К вопросу о развитии глагольных форм в уйгурском, казахском и других тюркских языках

Среди частей речи наиболее сложной в тюркских языках как по морфологической структуре, так и по синтаксическим функциям является глагол. И глагол в целом, и отдельные его формы могут быть объектами изучения в сравнительном аспекте, но особенно в плане диахронии. Возьмем хотя бы два таких частных вопроса: понудительный залог и формы конкретного настоящего времени. Почти во всех тюркских языках они изучены, им посвящены специальные исследования. Несмотря на это имеется еще немало спорных моментов, нуждающихся в дальнейшем уточнении. Так, в категории залога аффиксы одними исследователями квалифицируются как словообразующие, другими — как словосвязывающие. Не полностью выяснена также природа понудительного (побудительного) залога в тюркских языках, называемого еще каузативной формой глагола. То же самое можно сказать о его аффиксах, состоящих из нескольких неидентичных как по звуковому составу, так и по морфологической структуре морфем. Если взять казахский понудительный залог, то он образуется с помощью не только общетюркских аффиксов *-дыр, -тір, -т, -ыз, -ғыз, -гіз,* но и с помощью единичных аффиксов типа *-сет (көр-сет), -қар(құт-қар,* ср. с *құт-ыл), -кер(ет-кер), -дар(ау-дар), -ғыр(аз-ғыр).* Таков же и аффикс *-гес(мін-гес)* совместно-взаимного залога. В уйгурском, узбекском языках наряду с *мин-гаш* функционирует еще *эр-гаш, э-гэш* и др.

Непродуктивные с точки зрения казахского языка формы относятся к числу продуктивных в родственных языках: *-дар, -тар(оғ-дар, тұн-тар), -қаз, -газ (ұт-қаз, ят-қаз, құр-газ), -аз(чиқ-аз)* в узбекском; *ғуз, -гуз, -куз* в уйгурском; *-қар, -кяр* в татарском, *-кьыр, -гьыр, гьур, -гур* в ойротском и других языках. Аналогичные специфические особенности можно проследить и в сложных залоговых аффиксах, как, например: *ла-ш-дир-мак* 'автомат' в узбекском, *та-н-дыр-у* 'автомат' в казахском языке. Сравнительный анализ этих и подобных им фактов имеет первостепенное значение в адекватном отражении развития глагольных и других форм как одного, так и групп родственных языков, установлении архетипов лексем, морфем и т. д.

Возьмем другой пример. Спрягаемый глагол *кел* 'идти' в конкретном настоящем времени глагола в татарском языке выражается только синтетическим способом, тогда как в со-

временном казахском языке — аналитическим. А глаголы в языках карлукской группы в отношении этого времени могут служить примером промежуточной ступени развития языков. Графически это можно представить следующим образом: *келе жатыр>келиватиду>келяпти>килэ (ул кил-э, алар кил-э-лар)*.

Имеются факты в сравниваемых языках, в своем развитии показывающие обратную картину. Это касается аффиксов *-атын, -етін, -йтын, -итін* причастной формы казахского глагола. Известно, что они сложны по составу и их первые компоненты *-а, -е, -й* являются деепричастными, а компонент *-тын, -тін* нуждается в дальнейшем уточнении. Для этого мы можем привлечь сравнительные факты из истории казахского языка и из современных тюркских языков. Литературная форма *-атын, -йтін* имеет вариант *-атұғын, -етұғын (бар-а-тұғын, кел-е-тұғын)*, который диалектологи относят к разговорной речи. На самом деле форма *-тұғын* является исторически предшествующей по отношению к форме *-тын* и последующей по отношению к татарской аналитической форме *-а торған (кил-э торған)*. И здесь соответствующие материалы узбекского и уйгурского языков послужат фактами промежуточной ступени эволюции в данных языках.

В первом и во втором примерах последним компонентом аналитического образования выступает глагол состояния *тур*, что в первом случае восходит к причастной форме *тур-ур*, во втором — к *тур-ган*.

Эти и подобные морфолого-синтаксические конструкции, некогда общие в своем глоттогенезе, прошли весьма сложный, причем специфический путь развития.

Ждет своих исследователей проблема глаголов состояния в тюркских языках. Известно, что категория времени глагола, включая и настоящее время, в каждом конкретном языке изучена. Тем не менее узбекские литературные образцы типа: *келяп-ман, келяп-сан, келяп-ти*, устно-разговорные: *кевот-ти, ўхловат-миз*, уйгурские — *оқувəти-мəн, оқувати-ду* и другие, архетипы которых восходят к основному глаголу в деепричастной форме в одном случае с аффиксом *-а, -э*, в другом — *-п (-п~-б~-в)*, вспомогательным *ятижат* тоже в деепричастной форме и *тур-турур* в спрягаемой форме причастия, на данном этапе тюркологии мы не можем считать достаточно освещенными, ибо квалифицируемые московским ученым А. А. Юлдашевым и казахским лингвистом Н. Оралбаевой аналитическими формантами *-а — ал, -п—жур, -й—жазда*, по сути, являются морфолого-синтаксическими, т. е. более сложными по структуре.

Мы остановились только на двух примерах, тогда как в

системе парадигматики еще очень много незатронутых проблем. И чем глубже исследуется история языков различных групп, тем больше обнаруживается общих свойств. Все это говорит о том, что в наших повседневных изысканиях должны занимать соответствующее место сравнительные факты не только из языка древнетюркских письменных памятников, памятников средних веков и последующего периода, но и из современных языков. На будущее можно было бы запланировать коллективную работу по сравнительному исследованию казахского и уйгурского языков.

М. ЗӘЙИДИЙ (Ташкәнт)

Бир пүтүн уйғур әдәбий тили өз тәрәққияти йолида

Уйғур тили һазир алаһидә бир тарихий дәвирни бешидин кәчүрмәктә. Уйғурларниң асасий қисми Шәрқий Түркстанда, йәнә бир қисми Совет Иттипақида бир-бириgә охшимиған шараитта һаят кәчүрмәктә. Бу һал уларниң тилиғиму мәлум дәриҗидә өз тәсириии йәткүзмәктә. Уйғурларниң мәзкүр икки қисминиң һәр қайсиси өз алдиға йезиқ қобул қилип, икки хил йезиқ пайдилиниду. Бу шараит бизниң, уйғур тилшунаслириниң, жүкини, мәсьулийитинн бир қәдәр еғирлаштурди. Биз ишимизда бу әмәлий шараитни етиварға алмай туралмисақ керәк.

Мошу мунасивәт билән биз бир нәрсигә, йәни бир пүтүн уйғур әдәбий тили мәсилисигә диққәтни җәлип қилмақчимиз. Бу һазир уйғур хәлқиниң һаяти билән тәғдиридики, уйғур тилшунаслиғи алдидики әмәлий мәсилидур. Бир пүтүн уйғур әдәбий тилиниң сақлинип келиши бу һәмминиң тилиги, буниңға һеч ким қарши чиқмиса керәк. Әһвал шнудақ екән, әмәлий хизмитимиз җәриянида буниңға диққәт қилишимиз, аңлиқ һалда буниңға етивар беришимиз лазим болиду, әлвәттә.

Шуни тәкитләп өтүш керәкки, Хитайда жүргүзүлүп кәлгән чоң хитайчилиқ, ассимиляторлуқ сәясәт кейинки вақитларда уйғур тилиға, униң аталғулири вә йезиғиға зорлуқ билән хитай тилиниң тәсирини өткүзүшкә урунди. Әсирләр бойи уйғур хәлқи қоллинип кәлгән уйғур йезиғини әмәлдин қалдуруп, йеңи хитай йезиғини қобул қилишқа мәҗбур қилмақта. Буниң билән бүгүнки уйғур әвладини өз ата-бовилири йүзлигән жиллар җәриянида бу йезиқ билән яратқан мәдәнийәт, мәнивий байлиқтин мәһрум қалдуруп, унидин пайдилиниш имканийи-

...ни йоққа чиқармақта. Уйғур тилидики нурғун аталғуларни, ...ҳәтта хәлиқ тилиға пүтүнләй сиңип кәткән бәзи сөзләрни хи...сий аталғулири, сөзлири билән алмаштурмақта. Буниң билән улар Шинҗаңдики уйғур әдәбий тилиға, болупму униң аталғулириға хитай тилиниң тәсирини өткүзүшкә интилип, уйғур әдәбий тилиниң бирлигини бузушқа урунмақта вә бузмақта.

Һазирқи Бежин рәһбәрлириниң илимгә зит бу зораванлиқлири бәзи бир җәһәтләрдә өз тәсирини көрситишкә муваппәқ болған болсиму, лекин әмәлдә улар наһайити қаттиқ қаршиликларға дуч келип, чоң мәғлубийәтләргә учримақта. Улар уни өзлириму әмәлдә тән елишқа, мәлум чекинишләргә мәҗбур болмақта. Шуниң үчүн Шинҗаңда тил саһасида (болупму аталғулар мәсилисидә) зорму-зор қилинған бу өзгиришләр тоғрисида алдирап бир хуласә чиқиришқа болмиса керәк.

Шуни ейтиш керәкки, Мао груһи қанчә урунмисун, уларниң хаһишиға, қарши, йеңидин қобул қилинған бир қисим аталғуларни вә тил услубидики бәзи өзгичиликләрни һесапқа алмиғанда, Шинҗаңдики вә Совет Иттипақидики уйғурлар тилиниң асасий гәвдиси умумән бирдур. Бу гәвдини халиғанчә өзгәртип, бирликни бузуш Мао груһиниң қолидин келидиған иш әмәс, әлвәттә.

Һазирқи әмәлий әһвални һесапқа елип, уйғур әдәбий тили вә униң аталғулири үстидики ишимизни биз йәниму күчәйтимиз, аңлиқ рәвиштә өз нәмунилиримиз билән һәммигә тоғра иҗабий тәсир көрситишимиз вә шуниңға интилишимиз лазим. Бу бир пүтүн уйғур әдәбий тили мәнпийити нуқтәий нәзиридин һазир толиму муһимдур.

Бу — мәсилиниң бир тәрипи. Әмәлий мәсилиниң йәнә бир тәрипи — уйғур әдәбий тилини һәртәрәплимә тәрәққий қилдуруш, уни һәқиқий мәниси билән бай вә күчлүк бир тилға айландуруш иши билән мунасивәтликдур. Бу иш тилниң бир пүтүн имканийәтлиридин толуқ пайдиланған һалда давамлиқ елип берилған изчил хизмәтләр нәтиҗисидә әмәлгә ешиши мүмкин. Бу мәсилидә тил, әдәбият, нәшрият, мәтбуат саһасида ишлигүчиләрниң роли наһайити чоң. Мәлум мәнидә уларниң хизмити һәл қилғучи әһмийәткә егидур. Шуниң билән бир қатарда әдәбий тил тар даиридики бир нәччә, бир түрлүк кишиләрниң даирисидики чәклинип, қазан бешини айлинидиған тил әмәс, әлвәттә. Биздики бәзи һаллар бизниң бу нуқтиға көңүл бөлүшимизни тәқазза қилмақта. Уйғур әдәбий тили өз услуби вә өзиниң нормилириға егидур. У классик әдәбий тилниң тәсири билән уйғур тилиниң асасий шевә, диалектлири негизидә шәкиллинип қарар тапти. У болупму кейинки чарәк әсир мабайнида өзиниң хизмәт даирисини йәниму кәңәйтти, йәниму тәрәққий қилди. Тил үстидә ишлигүчиләр вә униңдин пайдиланғучиларму тилимизниң услуп, сөз вә аталғу ишли-

тиш, сөз ясаш вә башқа норма, қаидилиригә толуқ әмәл қилишимиз вә қаришимиз лазимдур.

Әтраплиғирақ ойлинип издәнмәслигимиз ақиветидә тез-тез, орунсиз һалда бир биримизни әйипләшләр, муваппәқийәтсиз йеңи шәкилләр яритишқа урунуш һаллириму учрап туриду.

Бүгүнки әмәлий шараит, еһтияҗлиримизни етиварға алғанда, бу мәсилидә һазир һәммидинму муһими муәллипләр (шу қатарда тәржиманлар), хусусән тәһрир, муһәррирләр өз мәсьулийитини яхши тонуп, бошаңлиқ қилмай, шәхсий хаһишиға берилмәй, өз вәзиписиниң толуқ һөддисидин чиқиштур.

Буниң үчүн һәммидин авал улар тилимизни (униң өтмүши вә һазирқисини, униң луғәт тәркивини, услуп, норма вә башқилириниму) һәртәрәплимә толуқ егилигән болуши вә йәнә бир тәрәптин өз кәспигә маһир, һеч болмиғанда униңдин толуқ саватқа егә болуши, тоғра мәйданда ахирғичә, һәммигә бирдәк қаттиқ туруши шәрттур. Шундақ һаллар болидуки, мәлум шәхсиләр илимниң зор билимдани яки уйғур тилиниң қаидә—қанунлирини нәзәрий җәһәттин яхши билидиған болсиму, лекин көңүлдики пикирлирини уйғур әдәбий тилиниң қарар тапқан қаидә-нормилириға лайиқ тоғра, яхши ипадә қилип берәлмәйдиған болуши мүмкин. Мана бу йәрдә тәһрир өз ролини ойнап, өз борчини ада қилиши лазим болиду. Бу нәрсә һазир биз үчүн муһимдур. Әдәбий тилимизға жуқуридики шәртләргә асасланған һалда муһасивәт бағлаш униң бирлигини сақлашта, көңүлдикидәк тәрәққиятини вә қамалитини қолға кәлтүрүштә муһим әһмийәткә егә.

Имла, алфавит мәсилилириниму бир ойлишип көрүш керәкмекин, дегән пикирни ейтмақчимән. Бу тоғрида һәммимизгә мәлум, мәтбуатта нурғун вә ейтилиш лазим болған пикирмудаһизиләр оттуриға қоюлди. Шуниң үчүн бу тоғридики сөзүмни қисқартип, шуни тәкитлимәкчимәнки, биз имламизда сәл алдирап, фонетик принципни артуқчәрәк қувәтләп кәткән болсақ керәк. Өз вақтида Шинҗанда имла қаидилири үстидә ишлигән муәллипләрниң бири сүпитидә мән һазир башқичә пикирдимән.

Алфавит мәсилисигә кәлгәндә шуни ейтиш керәкки, һазир алфавитимиздики бәзи һәрипләргә бола келип чиққан имла қалаймиқанчилиқлирини тоғра һәл қилиш айрим һәрипләр тоғрисида тоғра чүшәнчиләр бериш, сават чиқиришни оңайлаштуруш үчүн алфавитимиздики һәр бир мәсилини уйғур тилиниң асасий хусусийәтлирини етиварға алған һалда һәл қилиш мәхсәткә мувапиқ болар еди.

А. Х. ДУГАШЕВА (Алма-Ата)

Ласкательно-уменьшительные слова в уйгурском языке

Оттенки отношений между людьми передаются в разных языках по-разному, например, в английском и других европейских языках — в основном лексически и лишь косвенно грамматически. Одним из наиболее распространенных способов субъективной оценки в английском языке является употребление прилагательного *little*, а иногда существительного *baby*— *baby camel* 'верблюжонок', чем передаются и идея уменьшительности и понятие «детеныш животного».

Категория субъективной оценки в уйгурском языке передается разными способами. Морфологическим средствам выражения субъективной оценки в семиреченском говоре уйгурского языка посвящена статья Г. Садвакасова [1]. Другие способы, а именно синтаксический, лексический и лексико-морфологический, в уйгурском языкознании не были объектом специального изучения. На некоторые из них хочется обратить внимание.

Слова типа *атам* (<*ата*+*м*), *анам* (<*ана*+*м*) появились в результате переосмысления прежнего их значения, и с точки зрения современного языка они семантически цельны и неразложимы на морфологические части. Анализ таких слов может быть лексико-семантическим или этимологическим, морфологический же разбор их не имеет смысла. Слова *атам, анам* в зависимости от смыслового задания высказывания употребляются, с одной стороны, в обычном своем значении 'мой отец', 'моя мать', с другой стороны, выступают как ласкательные слова в значении 'миленький, родненький'. В семантическом отношении эти слова и им подобные (*атам* 'мой отец' и *атам* 'миленький') настолько далеко отошли друг от друга, что в сознании носителей уйгурского языка не воспринимается их историческая связь. Значит, эти слова следует рассматривать как самостоятельные лексические единицы, качественно отличные от тех слов, от которых они отделились как выразители субъективной оценки. То же следует сказать относительно таких слов:

Аға (<*аға*+*м*) — служит для выражения ласки, нежно-

[1] *Садвакасов Г. С.* О средствах выражения субъективной оценки в семиреченском говоре уйгурского языка. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 190.

сти, его значение соответствует значению русских слов *миленький, родненький.*

Акам (<*ака*+*м*) — употребляется в основном пожилыми и старыми людьми в обращении к младшим. Оно выражает уважение, почтение, теплое отношение. В разговорной речи это слово употребляется при просьбе, уговорах: *андақ демәң акам* 'не говорите, пожалуйста, так'.

Алтун 'золото'—в качестве ласкательного слова встречается в лирических народных песнях и бейтах, обращенных к возлюбленной, и употребляется преимущественно в притяжательной форме *алтунум.* В живой речи слов подобного рода довольно много. К ласкательным словам относятся также следующие:

Сақа — восходит, по-видимому, к древнетюркскому *чақа* 'младенец, ребенок; птенец', сохранившемуся в составе парного слова *бала-жақа/бала-чақа*[2]. Это слово обычно относится только к мальчикам, хотя есть случаи, когда оно употребляется и по отношению к девочкам.

Таға — основное значение 'дядя по матери', 'младший брат матери'. Вместе с тем оно выражает почтение, уважение к старикам.

Чоңда — восходит к *чоң дада* — букв. 'старший папа', так же как и *таға* выражает почтение, уважение к старшим.

Чоңна — восходит к *чоң ана* и употребляется для выражения почтительного, уважительного отношеиия к пожилым женщинам.

Для выражения субъективной оценки может употребляться числительное *бир* в сочетании с отдельными прилагательными: *бир убдан* 'хорошенький', *бир татлиқ* 'сладенький'. Значение данного сочетания близко к значению слов на *ғина, -қина,* они могут заменять друг друга: *бир татлиқ — татлиққина* 'сладенький'.

Мы рассмотрели лишь некоторые самые распространенные слова, служащие средством субъективной оценки. Дальнейшая работа над проблемой с привлечением фактов родственных языков, безусловно, поможет раскрыть природу этого языкового явления.

---

[2] Слово *шаға-чаға* как самостоятельная лексическая единица в значении 'ребенок' приводится в работе А. Т. Кайдарова «Парные слова в современном уйгурском языке» (Алма-Ата, 1958, с. 102—103).

II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

У. МАМАТАХУНОВ (Ташкент)

К вопросу изучения истории уйгурской классической литературы

Уйгурская литература — одна из древнейших. Памятники уйгурской классической литературы разных времен хранятся в библиотеках Советского Союза и других стран. Сбор и издание уйгурских письменных произведений велись одновременно со сбором и публикацией фольклорных материалов. Велики в этой части заслуги В. В. Радлова, Н. Н. Пантусова, Н. Ф. Катанова и С. Е. Малова. Н. Н. Пантусов, по долгу службы оказавшийся в 70-х гг. XIX в. в Илийском крае, познакомился с выдающимся уйгурским поэтом Билалом Назымом, который помогал ему в сборе фольклорных материалов и передал свои произведения. Н. Н. Пантусов после возвращения в Россию издал фольклорные материалы в сборнике «Таранчинские песни». Он опубликовал также поэмы и ряд газелей Билала Назыма, М. Сайрами и других уйгурских поэтов.

После победы народной революции в Китае в 1949 г. до начала 60-х гг. было уделено внимание поискам и изданию письменных литературных памятников неханьских народов, в том числе уйгуров, живущих в Китае. Было собрано огромное количество рукописей иранских, среднеазиатских и уйгурских авторов. С 1956 по 1962 г. в журнале «Тарим» регулярно публиковались отрывки из произведений уйгурских поэтов прошлых веков. Ю. Мухлисов издал каталог уйгурских рукописных произведений.

В Советском Союзе интерес к уйгурской литературе всех времен иикогда не ослабевал. Особого внимания ученых удостоилось творчество выдающего уйгурского поэта-патриота Билала Назыма. Его произведениям «Китаби газат дар мулки Чин», «Чангмоза Юсуфхан» и «Назугум» были посвящены интересные статьи, вышедшие в 1945—1947 гг. В. И. Новгородский на основании работ Н. Н. Пантусова и А. Хидаятова составил краткий биографический очерк о поэте. В 1961 г. в Алма-Ате С. Моллаудов выпустил сборник избранных произведений

Назыма. В 1960 г. увидела свет книга У. Маматахунова «Классики уйгурской литературы». Она вышла в Ташкенте на узбекском языке и включала помимо очерка о творчестве Билала Назыма очерки о жизни и творчестве таких видных представителей уйгурской классической литературы, как Хиркати, Залили, Низари, Молла Шакир. Во вводной части кратко освещается исторический путь уйгурской литературы с древнейших времен до 1917 г. и впервые затрагивается вопрос о периодизации истории литературы уйгуров. Монография С. Моллаудова «Жизнь и творчество Билала Назыма», выпущенная издательством «Наука» КазССР в 1976 г., восполнила некоторые пробелы в исследовании творчества поэта.

С 1956 г. в учебники литературы были включены материалы о творчестве уйгурских поэтов прошлого: Юсуфа Хас Хаджиба, Хиркати, Залили, Навбати, Зияи, Низари, Каши, Назыма и других. С этого времени в уйгурских школах Казахстана изучается история уйгурской литературы с древнейших времен.

Изучение наследия уйгурских классиков в связи с творчеством узбекских, азербайджанских, таджикско-персидских поэтов является одним из актуальных вопросов литературоведения. Этот аспект исследования поможет глубже вскрыть индивидуальность каждого поэта, оригинальность его произведений. Кроме того, таким образом мы можем проследить взаимосвязь и взаимовлияние литератур и историю становления жанров в классической письменной литературе. Защита кандидатской диссертации в 1973 г. Дильбар Рузиевой на тему: «Традиции Алишера Навои в творчестве Абдурахима Низари» явилось примечательным событием в деле сопоставительного изучения творчества поэтов двух народов. Выпуск в 1963 г. антологии «Эхо веков» явился первой попыткой представить классическую уйгурскую литературу в хронологической последовательности. В этой однотомной книге даны биографические справки о 23 уйгурских поэтах. Но в сборник не вошли такие выдающиеся поэты, как Хушхалахун Гариби, Навруз-ахун Зияи, Ахмадшах Хотанди, Зухури, Аълам Шахъяри и многие другие, оставившие глубокий след в уйгурской классической литературе своими изящными газелями и эпическими произведениями.

Разработка вопросов мастерства, взаимосвязи и взаимовлияния литератур, как мы уже говорили, является важной задачей, стоящей перед литературоведами-уйгуроведами. В работах М. Хамраева «История, теория, мастерство», «Основы теории тюркского стихосложения» эти вопросы освещаются в комплексе с другими проблемами, имеющими не менее важное значение.

В газетах на уйгурском языке «Коммунизм туги» и «Йеңи хаят», в сборниках, выпущенных Отделом уйгуроведения АН КазССР, опубликовано немало статей о творчестве уйгурских поэтов прошлых веков. Эти статьи в основном касаются деталей биографии и тематического круга творчества поэтов. Однако они не дают полного представления о мастерстве и своеобразии художников слова. Нам необходимо хорошо знать религиозно-философские течения тех времен, когда создавались исследуемые произведения, и подходить к ним надо с точки зрения марксистско-ленинской методологии. Только в этом случае мы сможем вскрыть этико-философские воззрения поэтов и достаточно точно оценить литературно-эстетическую значимость их произведений.

В прошлом веке на Востоке было принято писать на персидском языке. Эта традиция бытовала и в среде уйгурских поэтов. Известный узбекский поэт и государственный деятель Захриддин Мухаммад Бабур в своей «Бабур-наме» восхищался мастерством уйгурского поэта Ахмеда Хаджибека Вафаи, писавшего на персидском языке.

Известны газели и другие лирические произведения, написанные по-персидски Шахъяри, Касими, Арши, Залели, Футухи.

Многие уйгурские ученые и поэты переводили различные произведения с персидского и других языков на уйгурский. Так, в начале XIII в. дунхуанский уйгур Сингка Сали Тудунг перевел с санскрита «Суварнапрабхаса» («Алтун ярук») — произведение религиозно-философского содержания. Эту книгу в трех томах на древнеуйгурском алфавите издали в Петербурге В. В. Радлов и С. Е. Малов в 1915—1918 гг. Перевод знаменитой «Калилы и Димны» был осуществлен уйгурским ученым и поэтом Мухаммедом Темуром Кашгарским с языка хинди. В 1731 г. уйгурский ученый Хамуш Ярканди перевел на уйгурский язык поэму-эпопею великого Фирдоуси «Шахнаме», сохранив метр стихов. Известно, что многие произведения Низами Гянджеви, Хосрова Дехлеви, Абдурахмана Джами, Жалалиддина Руми, Мухаммеда Жувайра Тараби и других были переведены на уйгурский язык.

В различных тазкира — сборниках, составленных в Восточном Туркестане, Средней Азии, Индии, Иране, встречаются упоминания об уйгурских мыслителях, поэтах и ученых. Уйгурские ученые в свое время были наставниками поэтов других народов. Например, Саъдиддин Кашгари был духовным наставником знаменитого Абдурахмана Джами и великого Алишера Навои. Следует сказать, что Саъдиддин Кашгари являлся крупным богословом-философом, написавшим много религиозно-философских трактатов на персидском языке, од-

лако рациональным зерном в его учении был пантеизм, выражавшийся в том, что он искал бога в каждом человеке. Это течение оказало благотворное влияние на формирование гуманистических этико-философских воззрений двух великих поэтов Средней Азии — таджикского Джами и узбекского Навои.

Народы Восточного Туркестана имеют давние культурно-экономические связи с народами Средней Азии и Казахстана. Спасаясь от притеснений и преследований китайских властей, уйгуры в одиночку или целыми семьями переселялись в пределы этих краев. В начале XIX в. при дворе кокандского хана Амира Умархана жил уйгурский поэт Хислат Кашгари, преследуемый на своей родине китайскими властями. После поражения восстания Джахангира Ходжи в 1828 г. из Кашгара бежал уйгурский поэт Хушхалахун Гариби, преследуемый китайскими властями за участие в народном восстании. Некоторое время он жил в Коканде, затем скитался по городам Средней Азии.

Необходимо сказать, что хотя китайские власти на протяжении многих веков старались насильственно насаждать в Восточном Туркестане свою ханьскую культуру, в литературном творчестве уйгуров не замечается признаков этого влияния. Уйгурская классическая литература по стилю, форме и содержанию тесно связана с традициями литератур народов Средней Азии и Казахстана. Поэтому историю уйгурской литературы, на мой взгляд, целесообразнее изучать в связи с литературой родственных народов.

В заключение хочется напомнить, что мы располагаем сейчас огромным материалом для изучения классической и современной уйгурской литературы и фольклора и наш долг в полной мере использовать его для духовного развития родного народа.

М. АБДУРАХМАНОВ (Алма-Ата)

Влияние русской литературы на развитие новых традиций в уйгурской литературе

Вопросы традиций и новаторства в уйгурской советской литературе неразрывно связаны с проблемой влияния на нее более развитых литератур, с учебой ее отдельных представителей у выдающихся мастеров слова других народов.

Опыт и традиции братских литератур, в особенности рус-

ской, служили для уйгурских писателей не только примером, школой, но и опорой в создании и развитии литературы социалистического реализма.

Зачинателями уйгурской советской поэзии были Абдулхай Мухаммади, Хабиб Закири, Абдулхамит Ходжамбердиев, Умар Мухаммади, Изим Искандеров, Турды Хасанов, Нур Исраилов. Все они, кроме Н. Абдусемятова, как поэты выросли в годы Советской власти. Это обстоятельство и определило идейное направление их творчества, их отношение к революционным преобразованиям. Перед ними не стоял вопрос, кем быть. Видимо, единство взглядов и идей первых уйгурских поэтов и писателей отразилось и на общем литературном процессе: в период формирования уйгурской советской литературы не было противоречащих друг другу тенденций, имевших место во многих литературах с богатыми письменными традициями. Однако это не значит, что становление и развитие уйгурской литературы вообще и поэзии в частности протекало гладко, без трудностей.

Трудности были, и они определялись малочисленностью и малоопытностью уйгурских литераторов. Тем не менее благодаря труду и таланту этих первопроходцев зародилась и стала развиваться новая, пролетарская поэзия.

В создании новой литературы социалистического реализма малочисленный отряд первых уйгурских литераторов опирался на опыт братских литератур. На первых порах они обращались к образцам тех тюркоязычных литератур, которые были доступны им, например, татарской, казахской, узбекской. А учеба у русской литературы происходит в 30-х гг. более сознательно и целенаправленно. Этому способствовали и переводы. Интересно отметить, что первоначально переводились поэтические произведения, а затем прозаические и драматические.

Уйгурские литераторы учатся у русских писателей реалистическому изображению жизни с позиций партийности и народности. Молодая уйгурская советская литература, учась у других литератур, создавала совершенно новый идейно-художественный арсенал, который был призван служить целям и идеалам социализма.

Уйгурские писатели в первую очередь обратились к творчеству М. Горького и В. Маяковского, и следы этой учебы явственно проступают на раннем этапе развития уйгурской советской литературы. Это можно проследить в творчестве одного из основоположников уйгурской литературы У. Мухаммади. Сложившийся как личность и как писатель в советское время, он является зачинателем мемуарно-биографического жанра в уйгурской литературе. В рассказах У. Мухаммади реалистически описываются «университеты» маленького человека в старом обществе, пробуждение в нем человеческого

достоинства и классового сознания и формирование борца. Можно смело утверждать, что уйгурский писатель принял горьковскую концепцию человека, его понимание общественных явлений.

Такого же характера было и влияние Маяковского. По его примеру уйгурские поэты поставили свою поэзию на службу революции, социализма, сделали ее трибуной новых идей.

Плодотворное влияние русского поэта сказалось и на стилистических, формальных исканиях. У. Мухаммади, Н. Исраилов, Т. Хасанов, И. Саттаров, подражая Маяковскому, писали лесенкой. Но главное, конечно, заключалось в том, что уйгурские поэты научились придавать стиху ораторскую интонацию, публицистическую звучность и злободневность.

Гражданская лирика получает дальнейшее развитие и становится ведущей в поэзии. Уйгурские поэты своевременно откликаются на важные события в жизни народа, поднимают общественно значимые темы: дружба советских народов, грандиозные успехи пятилеток, труд и героизм советских людей и т. д. Высокая гражданственность стала главной ее чертой. С обогащением опыта поэтов гражданская лирика качественно изменяется, повышается ее активность и расширяется тематика.

Одним из проявлений новаторства в уйгурской поэзии было возникновение новых видов лирики. Широкое распространение получает пейзажная лирика, не свойственная письменной уйгурской поэзии, появляются первые сатирические стихотворения. Они принадлежат перу А. Ходжамбердиева, М. Иминова и др. В современной поэзии развитие сатиры связано с творчеством И. Бахтии и А. Изимова.

От описательности, схематизма в изображении героя и событий к конкретности, мотивированности описываемых событий, к более глубокому раскрытию психологии персонажа — таков путь развития уйгурской поэзии. Ярким доказательством этого могут служить поэмы «Ризвангуль» Н. Исраилова, «Һур бағ қизи» И. Саттарова, поэмы современных поэтов — «Подвиг» Х. Хамраева, «Анаят» Абдуллина, «Ризвангуль» М. Зулпикарова, «Йолчи» А. Кутлукова, «Тумар» Р. Розиева.

Заметное место в современной уйгурской поэзии занимает теперь и баллада. Наиболее удачными являются баллады молодых поэтов А. Гениярова, С. Маматкулова.

Поэмы, созданные в советский период, продолжают и развивают традиции этого жанра уйгурской письменной литературы. Они приобрели много качественно новых черт. В дореволюционных дастанах главными были занимательность, событийность, а конкретные люди, характеры оставались в тени. В поэмах же советского периода основное внимание уделяется

раскрытию индивидуальности, все подчинено созданию образа человека. А поскольку характер социально обусловлен, в поэмах неизбежно отразились социальный фон, жизненная действительность. Можно утверждать, что вобравший в себя характерные картины действительности фон в поэмах используется целенаправленно, поэмы в сравнении с дастанами стали более собранными событийно, более организованными конструктивно. Уйгурские поэты пользуются приемами, не употреблявшимися ранее в письменной поэзии (например, лирическими отступлениями).

С приобретением творческого опыта углубляется реализм в изображении явлений жизни, более конкретными и выразительными становятся характеры.

Новаторские поиски в уйгурской поэзии были вызваны необходимостью широкого реалистического изображения социалистической действительности, ибо «новаторство немыслимо как вне нового содержания, так и вне новой формы» [1]. Новаторские черты уйгурской поэзии проявились не только в возникновении новых форм, о которых говорилось, но и в поисках новых средств, красок изображения.

Новаторские искания уйгурской советской поэзии выразились в частности в раскрытии и использовании внутренних возможностей основного вида ее — бармака. В результате в известных формах бармака появились многие новшества, усовершенствования: насыщенность строки несколькими предложениями, новые способы рифмовки и др. Новаторские поиски не только способствуют исторически правдивому изображению социалистической действительности, но и обогащают литературу новыми образами и идеями.

С. МОЛЛАУДОВ (Алмута)

XVIII әсир уйғур әдәбиятида вәтәнпәрвәрлик идеялири

XVIII әсирдә ижат қилған Зәлилий, Әрший, Нәвбәтий, Футуһий, М. С. Қәшқәрий, Гумнам охшаш әдипләрниң әсәрлиридә азатлиқ, вәтәнпәрвәрлик идеяләр яңрашқа башлиған. Вәтәнпәрвәрлик мавзусини кәңәйтиштә, күчәйтиштә Зәлилий поэзияси муһим роль ойниған. Шаир өзиниң көп жиллиқ һаяти давамида нурғун әсәрләр язған болсиму, лекин униң барлиқ ижади бизниң дәвримизгичә йетип кәлмигән. XVIII әсир

[1] *Огнев В.* Поэзия и современность. М., 1961, с. 33.

әдәбиятиниң тарихида шәрәплик орунға егә болған әдип Шәрқий Түркстан, вәтән мавзусини өзигә хас усуллар билән һәл қилди.

Зәлилий Уйғурстанниң көплигән шәһәрлирини арилап, уларниң қедимий тарихи билән мәдәнийитини үгәнгән. Қедимий вә шанлиқ дәвирләрниң гувачиси болған бу шәһәрләр шаир үчүн илһам мәнбәси болди. Шуңлашқа Қәшқәр, Хотән, Турпан, Яркәнт, Аксу, Кучар охшаш қедимий мәдәнийәт очақлири әдип жүригини тәлпүндүргүчи амиллар, үзлүксиз илһам булиғи болуп хизмәт қилған. Шаир мана шундақ улуқ жайларни кәдирләш керәк дегән идеяни алға сүрүп, оқуғучиларниң диққитини хәлқимизниң көп әсирлик мойсүпәт тарихиға, архитектурилиқ кәшпиятиға, маһир-ижатчилиқ тәрәплиригә жәлип қилди. Шаир өз поэзиясидә вә проза әсәрлиридә уйғур хәлқиниң тарихий тәрәққият басқунчидики улуқ дәвирлирини әслитип өтиду вә уларни дайим күйләш, мәдһийләш керәклигини алаһидә тәкитләйду. Әдип өтмүш тоғрилиқ қәләм тәврәткәндә, тарихий шәхс улуқ әждатлар образлири намайән болиду.

Бу дәвирдики, бәлки умумән уйғур әдиплири Султан Сатуқ Буғрахан дәврини алаһидә күйлигән. Будда динини етиқат қилғучи аилисидә тәрбийәләнгән Султан Сатуқ биринчиләр қатарида ислам динини қобул қилиду. Уйғурстан тәвәсидә йеңи диниң күчийиши билән Султан Сатуқ Буғрахан Турпан идиқутиниң қаримиғидин чиқип мустәқиллиқни қолға кәлтүриду. Нәтиҗидә Мәркизий вә Оттура Азиядә мәшһур болған Қараханий дөлитиниң асасчиси сүпитидә тарихта тонулған.

Уйғур әдәбиятида болса Султан Сатуқ Буғрахан дәври қедимий уйғур топриғида илим—пән, әдәбият вә сәньәтниң тәрәққий әткән, гүлләнгән дәври сүпитидә күйлиниду. Уйғур хәлқиниң улуқ пәрзәнтлири Йүсүп Хас Һаҗипниң «Қутадғу билиг» дастани вә Махмут Қәшқәрийниң «Диван луғәтит түрк» әсәрлириму мана әшу қараханийлар дөлити вақтида ижат етилгән. Поэзиямиздә мәзкүр улуқ мәдәний тәрәққият вақти «Дәври Султан Сатуқ Буғрахан», «Мәдһи Султан Сатуқ Буғрахан» охшаш ибариләр билән әкис әттүрүлиду.

Зәлилий әйнә шу ихчам ибарини өзиниң яшиған дәвригә устилиқ билән маслаштуруп пайдиланған. XVIII әсирдә жуңғарлар уйғурлар йеригә үзлүксиз һужум килип, талан—тараҗқа селиватқан вақти еди. Шуниң билән биллә манҗур-хитай басқунчилирму Уйғурстанниң Шәриқ қисимлириға, йәни Кумул вилайити аһалисигә арам бәрмәйватқан пәйти. Шаир қәлиминиң қудритини мана шундақ дәһшәтлик басқунчиларға қаратти. Униң әсәрлиридә манҗур-хитай колонизаторлири әждәрһа дәп атилиду. Хитайларму бу мифологиялик һайванни муқәддәс дәп һесаплап, мәйрәм вә той мәрасимлирида униң

шәклини, сүритини ясап һөрмәт билән көтирип жүриду. Хитайлар уқумида уларға мәдәт бәргүчи күч болуштин ташқири, алдиға учриған һәр бир нәрсиниң чоң яки кичиклигидин қәтъий нәзәр жутидиған ялмавуз символидур. Зәлилий өз әсәрлиридә мана шу әждәһаға қарши чиқишқа чақириду. Буниң үчүн мәшһур Дулдул атни минип жәң қилиш керәклигини уқтурған. Шаир уқумида, умумән уйғур фольклорида Дулдул күч-қувәт, қудрәт һәм чапсанлиқниң символидур. Әдип әждарһаға қарши күрәш қилиш үчүн барлиқ күчләрни бирләштүрүп, тез вақит ичидә бир йәндин чиқип зәрбә беришкә чақирди.

Өзиниң қедимий вәтинини қизғин сөйгән, униң мустәқиллигини чәт әл басқунчилиридин қоғдаш, ана жутни көз қарчуғидәк асрашни тәрғип қилған Зәлилий мону мисраларни язди.

Хитай сәһрасидин сунбулни сән һәргиз кәлтүрмә.
Ибәргил аһуйи мүшки Хотән әлбәттә, әлбәттә!
Пәришандур көңүл та какулуң тариди айрилди,
Димағ ашуфтә болғай бевәтән әлбәттә, әлбәттә.

Чәт әл басқунчилириға қарши күрәшкә чақириш билән бир қатарда Зәлилий миллий хаин вә сатқунларниң иплас ишлирини, жинайәт қилмишлирини ашкарилаш керәк дәп билди. Шаир мундақ мунапиқларни паш қилиш үчүн тилни, сөзни қилич, әқилни Дулдулдәк иштик, өткүр пайдилинишқа чақириду.

Өзиниң ана топриғини, хәлиқни, Шәрқий Түркстанниң тәғдирини ойлиған, бу йолда пүткүл аңлиқ һаятини, қудрәтлик талантини беғишлиған шаирниң мону мисралирини оқуғинимизда, униң вәтән ишқидики толғинишлири, муңи, ечинишлири вә улуқ хизмәтлири яркин көрүниду.

Нәсли жаһанда қалмади тәлбә Зәлилийниң
демән,
Өлгәндин кейин көрүң һәр ғәзәлдин бир
оғул.

Шуңлашқа Зәлилий өзини пәхирләнгән һалда Түркстан шаири дәп, «шөһритим, әқлим», әйнә шу қиммәтлик диярға талиқ дәп қәтъий елан қилған вәтәнпәрвәр әдиптур.

Зәлилий билән замандаш яшиған, XVIII әсир уйғур әдәбиятиниң тәрәққиятиға чоң үлүш қошқан талантлиқ шаир Әршийдур. Әдип дөләт әрбаби вә вәтәнпәрвәр, илғар пикирлик киши болғанлиқтин Шәрқий Түркстанниң азатлиғи, мустәқиллиги үчүн узун жиллар мабайнида күрәш елип барди. XVIII әсирниң 30-жиллирида дадиси Даниялхожа вапатидин кейин, Жаһан Әрший Шәрқий Түркстанни идарә қилиш ишлирини өз қолиға алди. Тарихий мәнбәләрниң мәлуматиға қариғанда, Әрший заманисида әдәбият, сәньәт, мәдәнийәт өрлигән һәм

әскән. Шәрқий Түркстанниң көплигән шәһәрлиридин пайтәхт Яркәндкә кәлгән әдипләргә Әрший өзи һамийлиқ қилған. Муһәммәт Төмүр Қәшқәрий, Зәлилий, Мир Фазил, Нәвбәтий, Хамушахун Яркәндий, Шаһмуһәммәт бин Низамиддин, Сидиқхожа Футуһий охшаш әдипләр уйғур әдәбиятиниң, мәдәнийитиниң тәрәққиятиға чоң һәссә қошти. Оригинал вә тәржимә болуп шу вақитта «Тарихи Кашғәр», «Тәзкирәи Буғрахан», «Тарих хизанәчи», «Рәвзәтус-сәфә» кәби қиммәтлик китаплар көпчилик ичигә таралди. Парис-тажик әдәбиятиниң әсәрлиридин Фирдәвсийниң «Шаһнамә», Җамийниң «Юсуф вә Зуләйха» поэмилири тәржимә қилинди. XVIII әсирдики уйғур әдәбияти классиклириниң һаяти вә иҗадий йоли тоғрилиқ мәлуматлар көп дәп ейталмаймиз. Дөләт әрбаби болған шаир Әршийниң һаяти вә паалийити һәққидә мәлуматлар йетәрлик әмәс. Әдипниң яшлиқ вақтида Оттура Азияниң Хоҗәнт, Сәмәрканд, Бухара шәһәрлиридә болуп бу региондики хәлиқләрниң әдәбиятини үгәнгәнлиги ениқ.

Талантлиқ әдип Әрший әсәрлирини икки тилда язған. Униң уйғур вә парис тилида йезилған икки лирикилиқ дивани бизгә йетип кәлди. Һаятиниң ахирқи жиллирида иҗат етилгән айрим шеирлири Муһәммәт Садиқ Қәшқәрийниң «Тәзкирәи әзизан» китавида учришиду.

Әдәпниң шеирлири вәтәнпәрвәрлик идеялири билән суғирилған әсәрләрдур. Әршийниң шаиранә қәлби XVIII әсирниң 50-жиллирида шәриқ тәрәптин келиватқан апәтни алдин-ала туйған. Мана шу мунасибәт билән вужудида, жүригидә һасил болған ички кәчүрмилирини муң-зар билән изһар қилди. Шуңлашқа Әрший «һазир олғил, әй көңүл, жанға балалар кәлгүси» дәп толиди.

Шаир вәтини Шәрқий Түркстанға болған қизғин муһәббитини муңлуқ ойлар, қайғулуқ, тәшвишлик туйғулар арқилиқ әкис әттүрди. Әрший поэзиясидики бу хусусийәт айрим пәйтләрдә налә қилиш дәриҗисигә көтирилди.

Тәбийити юмшақ, ақ көңүл һәм меһрибан киши болғанликтин шаир мәмликәтни идарә қилиш ишлирида ажизлиқ қилди. Шуниң нәтиҗисидә вә башқа объектив сәвәпләр нәтиҗисидә манжур-хитай әскәрлирини башлап кәлгән Бурһаниддиндин йеңилип қалди.

Умумән Әрший поэзиясидики вәтәнпәрвәрлик ойлар, толғинишлар кейинки шаирлар үчүн дадил сөз ейтиш керәклигини чүшәндүрди.

Уйғур хәлқиниң қедимий вәтинини манжур-хитай колонизаторлири бесивалғандин кейин, йәни XVIII әсирниң иккинчи йеримидики әдәбиятта вәтәнпәрвәрлик идеялар күчлүгирәк яңрашқа башлиди. Бу дәвирдики әдәбий, тарихий әсәрләрдә

вәтән мустәқиллиғини вә миллий дөләтни тикләш дегән чақириқлар қудрәт билән жаранлнди.

Бу хусуста шаир вә тарихчи Муһәммәт Садиқ Қәшқәрийниң «Тәзкирәи әзизан» алаһидә әһмийәткә егә. Бу әсәр әдәбиятимизда вәтәнпәрвәрлик идеяләрни күчләндүрүп, барлиқ хәлиқни миллий азатлиқ күрәшни давамлаштурушқа чақирди.

Шаирларниң ижадиға баһа бериштә биз В. Г. Белинскийниң тәлимини дайим әстә тутушумиз лазим, йәни «мерилом величия поэта принимается не акт творчества, а идея»... дегән еди у.

XVIII әсирдә яшиған Зәлилий, Әрший, Нәвбәтий, Муһәммәт Садиқ Қәшқәрий, Гумнам вә башқилар уйғур әдәбиятиниң тарихида вәтәнпәрвәрлик идеяләрниң күчийишидә интайин чоң хизмәт қилған әдипләрдур.

П. САБИТОВА (Алма-Ата)

Тема национально-освободительного движения в творчестве З. Самади

Уйгурская советская литература с первых дней своего формирования обратилась к теме национально-освободительной борьбы, и это было не случайно. Уйгурские писатели и поэты учились у своих русских собратьев показывать правду истории.

В 20—30-х гг. писатели в основном ограничивались тем, что описывали бедственное положение уйгуров за рубежом, притеснение их китайскими и местными баями. Только в отдельных произведениях можно было видеть протест героев, их стремление бороться за свои права, за лучшее будущее. В большинстве случаев они находили свое счастье лишь по прибытии в Страну Советов, где перед людьми открывались широкие возможности духовного развития. Именно это отличает повести И. Исраилова «Дни», Т. Хасанова «Очаг гнета», поэмы И. Искандерова «Девушка-уйгурка», «Хантенгри» и другие произведения тех лет.

Тема народно-освободительной борьбы уйгурского народа получила свое конкретное выражение лишь в литературе послевоенных лет. Писатели, обращаясь к истории, отображая современную действительность, показывали ход борьбы, ее цели и характер. Так, Х. Абдуллин в повести и М. Зульпикаров в романе о Лутфулле Муталлипе сумели через судьбу пламенного борца и поэта рассказать о трудных и героических днях освободительной борьбы, охватившей Восточный Турке-

ган в начале 40-х гг. Трудные пути к достижению победы показывает и А. Лукман в своей повести «Кенже».

Однако наиболее отчетливое художественное воплощение тема национально-освободительного движения нашла в творчестве Зии Самади. Книги этого замечательного писателя — живая история борьбы, ее переломные этапы. Первые свои произведения Зия Самади писал для театра. Это были драмы «Кровавое пятно», «Конец гнету», «В китайских зинданах», «На берегах Или», «Последние минуты». В них показана тяжелая жизнь народа, страдания людей. Местные баи и китайские чиновники издевались над ними так, что приходилось или умирать от голода и побоев, или, взяв оружие, мстить за поруганную честь, за бесчисленные мучения.

Все, что писал Зия Самади, отражало реальную жизнь. Написанные страстно и вдохновенно, его произведения призывали людей покончить с произволом и гнетом, подниматься на борьбу. Да и сам писатель не остался в стороне от выступлений масс, он принимает активное участие в охватившем весь Восточный Туркестан восстании против гоминдановского ига. После победы революции он вкладывает все свои силы и энергию в строительство нового общества, однако в 1961 г. был вынужден выехать в СССР. Здесь писатель получает все условия для творческой работы.

В 1965 г. вышел в свет его роман «Маимхан». В нем писатель рассказал о событиях, имевших место в XIX в., — восстании уйгуров против маньчжуро-китайских завоевателей. Главная героиня романа Маимхан — простая уйгурская девушка, умная и проницательная. Внимательно наблюдая за происходящим вокруг, она видит зло, чинимое одними, и жалкое существование других. Маимхан еще не понимает, почему так происходит, но это вызывает в ней недовольство, протест. И когда она узнает, что ее любимый Ахтам встал на защиту бедных и собирает людей, чтобы бороться за свои права, она всей душой поддерживает его. Трудным был путь, который прошла эта деревенская девушка, пока поднялась на один уровень с руководителями восстания — отчаянным храбрецом Ахтамом, умудренным опытом муллой Аскаром, многое повидавшим в жизни Колдашем. Но усилия патриотов не достигли цели. Восстание бедняков было потоплено в крови. В отчаянной схватке гибнет и Маимхан.

Талант писателя, его мастерство проявились не только в раскрытии характера положительных героев. Зия Самади с большой реалистической силой рисует и портреты представителей противостоящего лагеря. Наиболее типичны и колоритны в этом ряду образы Хализата — знатного вельможи и Жанжуна — чиновника высокого ранга.

В 1967 г. Зия Самади написал первую, а в 1972 г. вторую книгу своей дилогии «Тайна годов», в которой он также обратился к теме освободительной борьбы своего народа — на сей раз это события 30-х гг. нашего столетия, выступление кумульских крестьян под предводительством Ходжанияза.

Писатель рисует целую галерею образов. Среди них особенно удался образ Шэншицая. Умный и на редкость жестокий, истово преданный своему классу, он стремится укрепить свою власть на вечные времена. Это тонкий психолог, изощренный льстец, коварный правитель.

С большой любовью создает писатель образы представителей народа — Пазыла, понимающего, что только сплочением всех сил, сознательной борьбой можно добиться намеченного, его ученика Замана, претворяющего в жизнь заветы своего учителя и поднимающего под знамена свободы всех угнетенных, китайского коммуниста-интернационалиста Лопэна, который ведет большую работу среди китайской бедноты, Палтахуна, Сопахуна и других, вчера только гнувших спину на бая, терпевших всяческие унижения, а сегодня уже познавших радость борьбы за свободу и готовых на все ради счастливого будущего.

Гнев народа, его неисчислимые страдания, силы протеста, зреющие в самых глубинах масс, изображает писатель в своих повестях «Одна папироса», «Испытание безумием».

В 1979 г. вышла в свет повесть «Гани-батур» (=«Герой Гани»), где Зия Самади снова вернулся к героическим страницам летописи народной борьбы. На сей раз выступление масс он показывает, рисуя образ Гани — человека, вышедшего из самой гущи народа и в ходе борьбы ставшего настоящим героем. Жизнь Гани-батура — яркий пример служения народу. Счастье свое он видит в счастье народа. Ради этого он боролся всю жизнь, не раз встречался со смертью, совершил немало подвигов, и народ воздал должное своему герою: Гани-батур поставлен в один ряд с такими героями, как Садыр Палван, Назугум.

Зия Самади верен главной теме своего творчества: он и сейчас трудится над продолжением дилогии «Тайна годов»— второй части повести «Гани-батур».

А. ЖӘЛИЛОВ (Ташкәнт)

Хушһал Ғәрибий һәққидә йеңи мәлуматлар

XIX әсирдә яшиған уйғур шаири Хушһал Ғәрибий һаяти вә иҗадий паалийити тоғрисида һеч қандақ илмий иш қилинмиған.

Ғәрибий мирасини үгинишкә әң асасий мәнбә Өзбәкстан Пәнләр Академияси Беруний намидики Шәриқшунаслиқ институти қолязмилар фондида сақлиниватқан шеирлар топлимидур. Бу топламниң йәнә бир нусхиси Зухриддин Муһәммәд Бабир намидики Әнжан облуслуқ китапханисида наян китаплар бөлүмидә сақланмақта. Шәриқшунаслиқ институтидики нусха қелин картон чәмдин нәқишлиқ қилип ишләнгән мукавилиқ, умумий һәҗими 144 варақтин ибарәт болуп, вариғиниң размери 13×1 см. Қуллиятниң нусхисиму жуқуридики һәҗимдин анчә пәриқләнмәйду. Қуллиятниң муқәддимә вә хатимә қисмида вә бәзи шеирлирида Ғәрибий өзи вә шеирлар топлими һәққидә мәлумат бериду. Жүмлидин хатимидә куллиятниң йезилған жили әбҗад һесавида төвәндики қитьәдә «бә һали Ғәрибий» сөзи йәни тарих арқилиқ ипадиләп бериду. Униңда:

Әнжамнси мәктүбимә ғурбәт йеридә
Бә һали Ғәрнбий тарихн болди тамам [1].

Иккинчи мисрадики «бә һалн Ғәрибий» сөзи әбҗад һесавида һиҗрий 1261, милади 1845-жил болиду. Демәк, шаир шеирлар топлимини 1845-жили йезип түгәткән. Куллияттики мәлуматқа қариғанда Ғәрибий Қәшқәр шәһиридә XIX әсирниң башлирида туғулған, Қәшқәр мәдрисисидә заманиниң әң мәшһур данишмәнлиридин бири Мәвләвий Хожа Муһәммәд ахунумниң дәрисханисида математика, астрономия, тиббият, мәнтиқ, грамматика, фәлсәфә пәнлирини, ислам дини қанунлирини үгәнгән.

XIX әсирниң 20-жиллиридин башлап 70-жилларғичә Шәркий Түркстанда хитай һакимийитигә қарши миллий-азатлиқ қозғиланлар кәйни-кәйнидин болуп өтти.

Қозғиланчилар һәр қетимдила һакимийәтни қолға елип, хәлиққә анчә-мунчә йеникликләрни яритип бәргән болсиму, амма қозғилаң бастурулғандин кейин Хитай һакимийити хәлиқни, болупму қозғилаң иштирақчилирини рәһимсиз қирип өч алди. Селиқлар, бажлар, феодал мәҗбурийәтләр көпәйди.

[1] Өзбәкстан Пәнләр Академияси Абу Рәйһан Беруний намидики Шәриқшунас институти қолязмилар фонди. Р. 11409, 144-варақ.

Бунинға бәрдаш берәлмигән аһалинин бир қисми Шәрқий Түркстандин Қоқан, Бухара, Хорәзм ханлиқлири вә Йәттису территориясигә йүзләп-миңлап көчүп яки қечип кетишкә мәжбур болди. Бирақ қозғиланлар уйғур хәлқи тарихида чоңқур из қалдурди.

Куллиятниң 1845-жили йезилип болғанлиғини һесапқа елип, шаир ейтиватқан қозғилан 1825—1827-жиллардики Жаһангир Хожа қозғилиди еди дегән хуласигә келишкә мүмкүн. Чүнки ундин алдин-кейин 1845-жилғичә мунчилик чоң қозғилан болмиған. Демәк, шаир 1827-жили қозғилан мәғлубийитидин кейин, Қоқан ханлиғиға қечип чиққан. У өз әсәридә көпчилик билән, жүмлидин өз устази билән биллә қечип чиққанлиғини тәкитләйду.

Хушһал Ғәрибий Пәрғанә вадисиниң көп шәһәр вә йезилирида мусапирлиқта наһайити еғир һаят кәчүрди.

Учрадим ул дәрдгә ким бедәва,
Қилди мени өз вәтәнимдни жуда.
Йәнн ерур өз вәтәним Қашғәр,
Йиллар еди ул маңажайн муқәррәр.
. . . . . .
Бас бузулуп вәйраи олуп Қашғәр,
Илқида қуфар һәммә зер-зәбәр.
Тараж етиб иәқд илә маржанләрин,
Тараж етиб балки әзиз жаиләрии.
Шәхри вилаятгә аниңдин қачиб,
Чиқти мусулмаилар һәммә мүлкидин кечиб.
Чиқтим улар бирлаки чиққаи чағи
Чәрх дилим болса иетаи, мар һәми
Өз вәтәиимдии чиқиб арам йоқ,
Бәлки хун шәмьи ашам йоқ.

— дәп өз әһвали һәққидә мәлумат бериду.

Хушһал Ғәрибийниң қачан, қәйәрдә, қандақ вапат әткәнлиги һәмдә йәнә қандақ әсәрлири барлиғи һәққидә мәлуматқа егә әмәсмиз.

Хушһал Ғәрибийдин мирас болуп жуқурида әслитип өтилгән «Куллияти Ғәрибий» қалған. Бу шеирлар топлимиға аруз вәзниниң түрлүк өлчәмлиридики шеирлири киргүзүлгән. Жүмлидин, у 271 ғәзәл, 53 мәснәвий, 37 рубаий, 14 мухәммәс, 14 сақийнамә, 3 мустәһзад, 31 қитьә, бир тарихтин тәшкил тапқан.

Ғәрибий шеирлириниң асасини ғәзәлләр тәшкил қилиду. Ғәзәллириниң нәпис гөзәллиги, жуқури бәдиийлиги униң лирик шаирлиғидин дәрәк бериду. Шаирниң ғәзәллири көпинчә муһәббәт мавзусида йезилған.

Ғәрибий иҗадийитидики йәнә бир алаһидилик: униң иҗадида вәтәнпәрвәрлик ғайәниң кән йоритилишидур.

Өз вәтини, яру-бирадәрлирини сеғинип, мусапирлиқта сәр-

тәрдан һаят кәчүриватқан шаир ана вәтинини улуқлайду, униң ишқида, айрилиш азабида жүриги өртиниватқанлиғи, вәтәнни көрүш, иштияқида интилишлирини чоңқур тәвриништә вә ярқин бәдиий бояқлар билән тәсвирләйду. Әгәр бир мәснәсидә:

Учрадим ул дәрткә ким дава,
Қилди меии өз вәтәнимдин жуда, —

дәп йезип, дунияда өз вәтинидин улуқ нәрсә йоқ, һеч ким униндин айрилип яшимисун, чүнки унің даваси йоқ дәп язған болса, йәнә бир ғәзилидә:

Кезәрмән йолнда ул аһу көзлүкни нишан көргәч,
Ерур сәйяд йәнлиғ әсәр аһудин нишан көргәч.
Болуб ғурбәт йеридә жаним әндағ вәтән көзләр,
Чу қуш алтун қәпәсни көзләмәс өз әшиин көргәч,—

дәп йезип, шаир өзини тутқунлукта жүргән, алтун қәпәзгә чүшүп қалған қушқа охшитиду.

Ғәрибий поэзиясидә мәрипәтниң инсан һаятида зәрүрлиги тәшвиқ қилиниду. У мәрипәтпәрвәр шаир сүпитидә қатар ғәзәлләр яритиду.

Хуласә қилип ейтқанда, вәтәнпәрвәрлик инсанға муһәббәт, чин сөйгү, садақәт, вападарлиқ, достлуқ, илмий-мәрипәт охшаш ғайиләрни тәрғип қилиш, шуниңдәк бевапа яр, жа достлуқ, мунапиқ роһанийларни әпсанивий һур пәри жәннәт дәп тәрки дуния қилған заһидларни тәнқит қилиш Ғәрибий поэзиясиниң умумий тематикисини тәшкил қилиду. Бу тематикиниң даириси Хушһал Ғәрибийниң прогрессив шаир екәнлигини испатлайду.

Хушһал Ғәрибий уйғур поэзиясини нәпис вә бәдиий җәһәттин йүксәк ғәзәллири билән бейитти. Алаһидә тәкитләйдиған әһвал шуки, Ғәрибий ишқий ғәзәлләр билән бир қатарда ижтимаий ғәзәлләрниму яратти.

Ғәрибнй ғәзәллиринің көпчилиги композиция җәһәттин пухта вә изчиллиқ билән йезилған. У өз шеирлирида мәлум бир темини асас қилип елип, шу темини кәң йорутушқа интилиду. Биринчи мисрада ейтқан пикир кейинки мисраларда риважлинип бариду. Бизниң ениқлишимизчә шаир ғәзәллириниң көпчилиги рәмәл, һәсәж бәһрилиридә йезилған.

Шаир өз әсәрлиридә мурәккәб охшитишни, метафориларни, мубалиғиләрни маһиранә пайдилиниду.

Ғәрибий ғәзәллиринің тили раван, образларға бай. Әсәрлиринің умумий роһидин, шу жүмлидин әсәр тилидин шаирниң көплигән пәнләрни яхши егилигәнлиги ярқин сезилиду.

Хуласә қилип ейтқанда, XIX әсирдә яшап ижат әткән Хушһал Ғәрибий уйғур хәлқиниң талантлиқ лирик шаиридур.

Унинг әдәбий мирасини угиниш, кәң хәлиқ аммисиға тонуштуруш, уйғур классик әдәбият тарихиға, оқуш қураллириға киргүзүш алдимиздики вәзипиләрдур.

Д. РОЗИЕВА (Ташкәнт)

Наваий иҗадиниң XIX әсирниң биринчи йеримидики уйғур әдәбиятиға тәсири

Уйғур вә өзбәк хәлиқлириниң һаяти, тили, турмуш йосунлири, урпи-адәтлиридә муштәрәк һаллар наһайити көптур. Бүгүнки күндә өзбәк мутәппәккүр шаири дәп тонулған Әлишер Наваий әсәрлириниң уйғур хәлқи оттурисида кәң тарқилиши, қедимий уйғур мәдәний ядикарлиқлириниң өзбәк хәлқи арисида кән йейилғанлиғи мәдений алақиларниң мустәһкәмлинишигә мунасип һәссә болуп қошулған.

Наваий әсәрлириниң түркий тилда йезилиши уйғур китапханлириниң беваситә пайдилинишиға сәвәп болди. Шуниң үчүн уйғур катиплири униң мирасини әйнән көчирип, нусха көпәйтиш арқилиқ Наваий әсәрлириниң Уйғурстанда кәң миқияста тарқилишиға чоң тәсир қилди. Униң әсәрлири уйғур мәктәплиридә кәң пайдилинилди. 1805-жили «Наваий ғәзәллири» намлиқ дәрислик қолланма тәйярлинип, қона мәктәпләрдә оқутулған.

Наваий иҗадиниң уйғур хәлқи дилиға шунчилик орнишип кетишигә асасий сәвәп, униң әсәрлириниң ғайәвий чоңқур, бәдиий йүксәк һәм түркий тилда йезилғанлиғи болса, йәнә бир сәвәп, униң әсәрлиридин «Фәрһад вә Ширин», «Сәбъәи сәйярә» дастанлириниң баш қәһриманлири Фәрһад билән Диларамниң ана жути Уйғурстан—Хотән өлкиси дәп берилишидур.

Наваий яратқан әдәбий мәктәп бәш әсир бу ян яшап кәлмәктә. Наваий «Хәмсәси» түркий хәлиқлиридин болған издашлири үчүн иҗат мәктиви вә шеирийәт маһаритиниң мизани болуп қалди. XVIII—XIX әсир уйғур шаирлири оттурисида Наваий «Хәмсәсиниң» сюжети асасида әсәрләр яритиш традициясиға айланди. Шу дәвирдә Қәшқәр һакими болуп турған Зуһритдин бәг сарай катиби шаир Абдурейим Низарий билән униң кәсипдашлири Турди Ғәрибий вә Нәврузахун Зияйиларға «Улуқ устаз әмир Әлишер Наваий һәзрәтлиридәк муһәббәтләр аләминиң җәвһәрлири билән толған дастанлар» яритишни тапшуриду. Бу бир мисал Наваий «Хәмсәсиниң» уйғур хәлқи оттурисида қанчилик чоң абройға егә екәнлигини көрситиду.

Жуқурида нами зикир қилинған үч шаир иҗадий һәмкар-

ликта Наваий «Хәмсәси» вә шәриқ классиклири нәмунилири сюжетиға асасланған «Ғериблар һекайити» намлиқ дастанлар топлимини яратти.

«Ғериблар һекайитиниң» «Хәмсәднн» пәрқи шуниңдин ибарәткн, «Хәмсә» бәш дастандин ибарәт болса «Ғериблар һекайити» тоққуз дастан», «Фәрһад вә Ширин», «Ләйли вә Мәҗнун», «Шаһ Бәһрам», «Вамуқ вә Узра», «Чаһар дәрвиш», «Мәһзун вә Гүлниса», «Мәс.уд вә Диларам», «Бану», «Рабиә вә Сәьдин» қатарлиқ дастанлардин вә бир қанчә кичик һекайәтләрдин тәшкил тапқан.

«Ғериблар һекайити» түркүмидин «Фарһад вә Ширин». «Ләйли вә Мәҗнун» һәмдә «Шаһ Бәһрам» дастанлири Наваий «Хәмсәси» сюжети асасида йезилған. Қалған дастанлар Шәриқ әпсанилири мәзмунида қайта ишләнгән, Шәриқ поэзиясиниң әң яхши утуқлирини өзидә мужәссәмләштүргән оригинал әсәрләрдур. «Рабиә вә Сәьдин» дастани болса, жуқуридики дастанлардин мутләқ пәриқ қилған һалда, Қәшқәрдә йүз бәргән һаятий вақиә асасида йезилған йеңи реалистик әсәрдур.

Наваий «Хәмсәси» сюжети асасида яритилған «Фәрһад вә Ширин», «Ләйли вә Мәҗнун» дастанлири Низарий қәлимигә мәнсүп болса, «Сәбьәи сәйяр» сюжетиға йезилған «Шаһ Бәһрам» әсәрлири Ғәрибий тәрипидин йезилған. Низарийму, Ғәрибийму өз әсәрлирини нисбәтән қисқа, ихчам яратқан болуп, бу ихчамлиқ шаирларниң маһаритидин ташқири бәзи кәң тәсвирләнгән җайларниң чүширилип қалдурулуши һесавиғиму вужутқа кәлгән. Бу қисқартиш орунлирида муәллипләр шу җайниң чүшүп қалдурулғанлиқ сәвәвини ейтип, устази Наваий дастанига һавалә қилиду. Мәсилән, Низарий «Ләйли вә Мәҗнун» дастанида:

Бу сөз «Хәмсәдә» анчә тәтвил ерур.
Мәратиб билә анчә тәпсил ерур
Дейилди бу сөзни хижаләт билә,
Әмир «Хәмсәсигә» риайәт билә.
Қнфайәт қилип мунда тәқсирғә
Һавалә қилиб Мир Әлишерғә, —

дәп дастаннңң бу орунлири Наваий «Хәмсәсидә» мукәммәл берилгәнлигини ейтип, шаир Ғәрибий «Шаһ Бәһрам» дастанида тола берилмигәнлигини шундақ изаһлайду:

Аниң вәсфини қилмәдим мән гәда,
Навайи китабида қилмиш әда.

«Ғериблар һекайитидики» үч дастан «Хәмсә» сюжетида яритилған болса, қалған әсәрләрдики қәһриманлар нами Наваий «Хәмсәсидики» қәһриманлар нами билән аталған. Мәсилән,

«Сәбьәи сәйярдики» («Хәмсә») Мәсьуд исми Зияйнинң «Мәсьуд вә Диларам» дастанида, Җабр исми Низарийнинң «Рабиә вә Сәьдин» әсәридә, алтинчи һекайәттики Мудбир билән Муқбил исимлик шәхсләр Низарийниң «Ғәрибләр һекаяти» түркүмигә киргүзүлмигән дидактик әсәри «Зад-ул Нәҗатта» баш қәһриман сүпитидә берилгән вә башқилар.

Наваийни өзлиригә устаз дәп билгән уйғур шаирлириниң унинға болған һөрмәтлири шу қәдәр йүксәкки, һәтта улар өзлири түзгән циклниң бәзи сәһипилиригә Наваий әсәрлиридин нәмуниләр көчүргән. Мәсилән, «Сәдди Искәндәрий» («Хәмсә») дастанидики бир һекайәтни «һәзрәт әмир Наваий хәмсәлиридә Мәҗнун һекайәтидин өз кәламлири бирлә сачқан җаваһиридин тәргән бу нусхәғә тәсир қилинди», — дәп әйнән көчүргән.

Шундақла уйғур шаирлири өзлири яратқан әсәрләрдә Наваий әсәрлиридин керәклик мисраларни әйнән көчирип, цитата тәриқисидә қоллинған.

Биз бу орунда уйғур шаирлириниң иҗадини пәқәт устаз Наваийға бағлап қоймақчи әмәсмиз. Һәр бир бәдиий әсәр дәсләп әсирләр давамида шәкилләнгән вә давамлинип келиватқан фольклор вә язма әдәбият традициялиридин озуқланған, уни давамлаштурған вә бейитқан болиду. Уйғур шаирлири билән Наваий оттурисидики әдәбий алақилар һәққидә сөз ачқанда, ташқиридин болидиған тәсир қайси йол билән садир болди, у қандақ характерға егә еди, шаир илһамлиниш вә бәһримән болуш арқилиқ қобул қилған мавзуларни қайси дәриҗидә қайта ишлиди, у шаирниң мәнивий дунияси вә маһаритиниң өсүшигә қайси дәриҗидә ярдәм бәрди дегән соалларға җавап беришкә тоғра келиду.

М. М. АЛИЕВА (Алма-Ата)

Взаимовлияние уйгурской классической литературы и фольклора

Многовековая уйгурская письменная литература глубоко и тесно связана с народно-поэтическим творчеством. Лучшие представители классической литературы черпали в народных песнях, сказках, легендах, преданиях темы, идеи, образы, поэтичность речи. На сегодня самый ранний письменный памятник уйгурской литературы датируется XI в. Это поэма Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» (=«Книга счастья»). Фольклорные сюжеты, мотивы и образы поэмы были предметом спе-

циального изучения ученых [1]. Главная идея этого произведения — дидактическое назидание — каким должен быть правитель — восходит к сказкам. Именно сказкам всех народов характерна мечта о добром, справедливом царе, короле, падишахе и проч. В данном случае мы видим, как письменная литература усвоила от народного творчества метод изображения не только действительного, но и желаемого, принцип создания положительного героя как образца поведения. Заслуживает внимания следующий любопытный факт: в «Кутадгу билиг» есть маснави «Орун сут бирлә кирсә изгү қилиқ Өлүм тутмағунчә бузулмас әрик», из которого в уйгурский фольклор вошла пословица: Сут билән киргән қилиқ өлгәндә чиқар 'Что вошло с молоком матери, уйдет только со смертью'. Это говорит не только о близости творчества Юсуфа Баласагунского к фольклору, но и о том, что народ знал его произведения.

Близкая к «Кутадгу билиг» по художественным особенностям этико-дидактическая поэма XII в. «Хибат ал-хакаик» Ахмеда Югнаки изобилует народными пословицами, поговорками, притчами. О том, что в XIV в. существовал жанр легенд, становится известно из «Сказания Рабгузи», в котором история пророков изложена в форме народных легенд. XV в. датируется анонимная рукопись «Огуз-наме». Это эпические сказания о мифологической родословной уйгуров.

К сожалению, мы не имеем возможности анализировать уйгурскую классическую литературу последовательно, потому что не располагаем большинством литературных памятников. Так, например, только в 50-х гг. нашего столетия были обнаружены произведения таких поэтов, как Хиркати, жившего в XVII в., и Мухаммеда Садыка Қашгари — XVIII в. Знакомство с их рукописями создает впечатление, что это не первые опыты их творчества и, возможно, не последние. Поэма «Мухаббатнамэ вә мехнәткам» (=«Любовь и труд») Хиркати, рубаи, газели, касыды, мухаммасы Залели ждут своих исследователей. Но даже поверхностное знакомство с их творчеством позволяет уловить в них гуманистический дух, свойственный народно-поэтическому творчеству. Уйгурские классики первой половины XIX в., обратившись к сказкам, обрели веру в торжество добра, справедливости. Большинство произведений Абдурахима Низари, Турди Гариби построены на сказочных сюжетах.

Это не значит, что уйгурские классики просто пересказы-

[1] *Бертельс Е. Э.* К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. — Советское востоковедение, 1947, т. 5; *Валитова А. А.* К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг». — Советское востоковедение, 1958, № 5.

вали народные сказки. Сказочная трактовка счастливого конца в «Дастанах о любви», представляющих собой собрание 9 поэм разных авторов, свидетельствует об их творческом подходе к разработке широко известных народам Востока сюжетов о несчастных влюбленных (Фархад и Ширин, Лейли и Меджнун и др.). Пересказ этих поэтических произведений имел широкое бытование в народе. Изучение жанровых особенностей дастана письменной литературы и дастана как фольклорного жанра даст много интересного в решении проблемы взаимовлияния уйгурской классической литературы и фольклора. К фольклору восходит идея возвеличения труда и людей труда в «Китаби гериб» (=«Книга странников»), идея раскрепощения женщины в «Рабия—Саадин», «Назугум».

Вместе с тем лучшие произведения классиков, близкие по духу народу, принимались им и органически входили в фольклор. Ярким примером таких взаимоотношений между письменной литературой и фольклором может служить поэтическое творчество Билала Назыма, одного из самых демократических и прогрессивных поэтов второй половины XIX в.

Изучение наследия Билала Назыма, которое, кстати сказать, собрано еще не полностью [2], показало, что он как никто другой из его предшественников и современников был близок народу. Время, когда жил и творил поэт, в истории уйгурского народа отмечено пробуждением национального самосознания, крупнейшими национально-освободительными движениями. Билал Назым с оружием в руках встал в ряды борцов. Крупнейший советский литературовед В. П. Адрианова-Перетц, много и успешно занимавшаяся проблемами взаимоотношений литературы и фольклора, пишет: «Чем глубже проникал писатель в противоречия жизни, чем больше внимания уделял тяжелому положению угнетенного народа, тем ближе ему становилось поэтическое творчество трудящихся, тем закономернее литературные оценки совпадали с народным мнением об истории» [3]. Эти слова с полным правом можно отнести и к поэтическому творчеству Билала Назыма. В основе его поэм «Чанмоза Юсуфхан» и «Назугум», оставивших глубокий след в уйгурской литературе, лежат фольклорные сюжеты и образы. Народная оценка, обличительный сарказм по отношению к лицемерным ходжам присутствуют в поэме «Чанмоза Юсуфхан». Но особенно близка к народному творчеству лирика Билала Назыма. Если бы не сохранился в рукописях его «Фәзәлият», никто до сих пор не знал бы о том, что больше десятка широко распространенных в народе песен, в том числе

[2] *Моллаудов С.* Билал Назимниң һаяти вә ижади. Алмута, 1976, 25 б.

[3] *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольктор. Л., 1974, с. 21.

«Ярниң беғиға кирсәм», «Суға салсам мисқал төмурни», «Хан ләйлун», «Отуң яман», принадлежат его перу. Народ распевает их и поныне, не зная, что их творцом является Билал Назым. Лишь в некоторых из своих газелей поэт, согласно традиции восточной поэзии, называет в конце последней строфы свой псевдоним Назым. Песенное творчество почти не изучено уйгурской фольклористикой, и можно с уверенностью сказать, что будущие исследователи этого жанра найдут еще немало газелей Билала Назыма среди текстов народных песен.

Близость поэзии Билала Назыма к народной лирике сказалась также в том, что поэт, стремясь полнее выразить думы и чаяния народа, сочиняет свои песни на народные мелодии. Видим мы эту близость в выборе тем и сюжетов, в композиции стихов, в структуре образов, в арсенале поэтических средств, применяемых поэтом. Содержание газелей, будь это интимная лирика или поэтическое раздумье о судьбе и тяжелом положении народа, обрели под пером поэта непреходящую идейно-художественную ценность. Лирика Билала обогатила как литературу, так и фольклор. Он не только творчески использовал лучшие поэтические достижения своего народа, но и был собирателем произведений уйгурского фольклора. Как свидетельствует сам автор, для написания поэмы «Назугум» он собирал в народе предания, рассказы и песни об этой героической женщине. Семь из них, сочиненных, по мнению народа, самой Назугум, он включил в свою поэму. Эти песни народ помнит и сегодня. Известно, что Н. Пантусов был лично знаком с Билалом Назымом, помогавшим ему в собирании образцов уйгурского фольклора. Есть основания предположить, что значительную часть произведений уйгурского народно-поэтического творчества, опубликованных Н. Н. Пантусовым, составляют записи Билала Назыма, хотя Пантусов об этом нигде не пишет. Тот факт, что загадки, пословицы и поговорки, а также прозаические произведения в публикациях Пантусова несут на себе заметные следы книжного литературного языка, и то, что произведения Билала Назыма «Назугум», «Чанмоза Юсуфхан» опубликованы Н. Пантусовым под одной рубрикой со сказками «Чин Томур Батур» и «Тахир и Зохра», подтверждают наше предположение. Сказки «Чин Томур Батур и Махтум Сула» и «Тахир—Зохра» очень популярны и любимы народом, их можно встретить в записях всех собирателей уйгурского фольклора. Однако пантусовские публикации этих сказок отличает полнота охвата всех сюжетных линий и красочность изложения, видимо, Билал Назым, записывая народные сказки, не мог не приложить к ним своего поэтического таланта. В этом отношении его можно уподобить великому Пушкину, который создал такие чудесные по изяществу сказ-

ки, как «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане» и др.

Итак, проблема взаимосвязей фольклора и литературы, помимо того что проливает свет на историю литературного процесса в целом, освещает важнейшие моменты творчества отдельных писателей и поэтов.

И. РОЗЫБАКИЕВ (Ташкент)

Отражение освободительной борьбы уйгурского народа в творчестве Зунуна Кадыри

В горниле национально-освободительного движения закалялись лучшие представители уйгурской интеллигенции, своей революционной деятельностью и художественным творчеством воодушевлявшие трудящиеся массы на борьбу с темнотой и бесправием, за национальное и классовое освобождение. К их числу принадлежит Зунун Кадыри — один из основоположников уйгурской революционной литературы Восточного Туркестана.

Свой путь в литературе З. Кадыри начал в 1937 г. с создания стихов и пьес. Он получил известность как автор и постановщик драм «Плоды невежества», «Гунчам», «При встрече».

Его первая драма «Плоды невежества» (1937), написанная под влиянием рассказа «Дед Архип и Ленька» М. Горького [1], посвящена просветительскому движению, развернувшемуся после апрельских событий 1932 г. в Восточном Туркестане.

Музыкально-драматическое произведение «Гунчам», созданное им в 1939 г., явилось крупным событием в истории развития уйгурской драматургии. Автор создал две группы образов: представителей эксплуататорского класса и угнетенных. Драматург раскрывает антагонистические противоречия между представителями угнетенного народа—Гунчам, Нурумом, Тургаком, Амантаем и представителями феодалов—Омаром Шанью и Ашибаем. Главная героиня Гунчам — дочка садовника; став жертвой зла и насилия, погибает. Гибель Гунчам переполнила чашу терпения народа, и он восстает против феодальной эксплуатации и социального зла.

Автор показал себя здесь как большой мастер слова, глубоко понимающий думы и чаяния своего народа. Вот почему это произведение З. Кадыри, очень близкое сердцу народа,

---

[1] *Кадыри З.* О необходимости длительных контактов писателей с трудящимися и воинами. — Тарим, 1960, № 8—9, с. 42.

оказывало революционизирующее воздействие на трудовые массы.

Национально-освободительное движение 1944 г. З. Кадыри принял как свое кровное дело. С этого времени начинается второй этап творчества писателя. Работая редактором газеты «Азат Шәрқий Түркстан» и журнала «Күрәш» — органа революционной молодежи Восточного Туркестана, он плодотворно занимается художественным творчеством. «Письмо учителя», «Медсестра», «Нападение на щенка», «Двумя пальцами», «Чудовище», «Рехим сопи» и другие очерки и рассказы, посвященные национально-освободительной борьбе в те годы, вдохновляли народ на решительную борьбу за независимость Родины. Произведения писателя «Чудовище», «Когда покидают силы», драма «Гулниса» и десятки басен проникнуты идеей борьбы против угнетателей, содержат призыв к борьбе за классовое освобождение.

В произведении «Чудовище» под мифологическим чудовищем, питающимся кровью людей, подразумевается вся господствующая верхушка, выжимающая последние соки из народа. Автор проводит мысль, что единственный способ уничтожнть кровопийц — это борьба.

В рассказе «Письмо учителя» З. Кадыри со свойственным ему художественным мастерством рисует трагические картины расправы с населением в районах, где еще не развернулась национально-освободнтельная борьба. Страх перед грядущим еще более ожесточил гоминдановцев, пытавшихся физическими расправами подавить свободолюбивый дух народа. В этой страшной обстановке живут герои рассказа, учителя Рози и Садык, живут в страхе, в «непротивлении злу». В дальнейшем автор показывает, как происходит перелом в психологии этих людей, как от пассивного созерцания они переходят к действию, вступая на путь борьбы.

Теме национально-освободительной борьбы писатель посвятил большое количество произведений. Одно из них повествует о мужественной героине уйгурского народа Ризвангуль. В одном из боев Ризвангуль погибла. Ее образ, образ пламенного борца за свободу своего народа, вдохновлял десятки и сотни молодых людей, которые добровольно встали в ряды освободителей.

З. Кадыри часто обращается к теме крестьянства, находившегося под пятой клерикально-феодального строя и колониализма, его трагические судьбы воссозданы в рассказе «Мағдир кәткәндә» (=«Когда оставляют силы»), написанном со свойственным автору мастерством. Писатель дает понять, что свергнуть колониальный режим — это не все, надо продолжать борьбу с местными классовыми врагами — феодалами, а без

коренного изменения общественного строя народ не сможет добиться окончательного освобождения.

Произведения З. Кадыри «Письмо учителя», «Медсестра», «Когда оставляют силы» свидетельствовали о том, что реалистическая уйгурская проза находилась на подъеме.

С победой народной революции в Китае Восточный Туркестан вошел в состав КНР. В первые годы после образования КНР в крае произошли существенные изменения, наблюдался бурный подъем экономики и культуры. В результате глубоких социальных изменений и строительства основ социализма в этот период развивается уйгурская литература, которая обогащается новой тематикой, новым содержанием и новыми формами.

Художественные произведения, созданные уйгурскими писателями в 50-х гг., были посвящены строительству нового общественного строя. Самыми яркими из них являются произведения Зунуна Кадыри, особенно музыкальная драма «Свадьба», большой рассказ «Закалка». Эти произведения являются как бы логическим продолжением творчества писателя, утверждавшего идею борьбы за национальное освобождение.

В музыкальной драме З. Кадыри «Свадьба» нашли реалистическое воплощение социально-экономические преобразования в уйгурском кишлаке. Однако строительство новой жизни проходило в сложных условиях борьбы за преодоление мелкособственнической идеологии. Автор драмы отобразил особенности этого сложного процесса, который вместе с тем порождал и людей, сознающих необходимость преобразований. Такими людьми в драме являются Хайрниса, Абдурешит, Тухан, Садык, вышедшие из крестьянской среды. В драме также ярко показаны враждебные элементы, противящиеся кооперированию сельского хозяйства. Драма З. Кадыри, посвященная весьма актуальной теме и написанная на высоком идейно-художественном уровне, оказала большое влияние на творчество молодых уйгурских прозаиков.

В рассказе З. Кадыри «Закалка» показано становление новых общественных отношений, радость свободного труда. Рождение нового человека, преобразующая сила свободного коллектива людей труда раскрыты писателем в образах Матнияза и Хамры — крестьянина новой формации, организатора с развитым чувством классовой солидарности.

Мастерство писателя в рассказе «Закалка» определяется его умением отбирать эпизоды, в которых всесторонне раскрываются характеры героев.

Р. ҚАДИРИЙ (Ташкәнт)

Бәдиий иҗатта миллийлиқ вә интернационаллиқ мәсилисигә даир
(Л. Мүтәллип, Б. Әзизий, З. Сәмәдий иҗади мисалида)

Бәдиий иҗатта миллийлик билән интернационаллиқни йорутуш мәсилиси Совет әдәбиятшунаслиғида әң муһим проблемилардин болуп қалди.

Атақлиқ Совет әдәбиятшунас алимлири В. М. Жирмунский, М. П. Алексеев, М. Н. Пархоменко, М. Б. Храпченко, Г. И. Ломидзе, К. А. Зелинский вә башқилар тәрипидин бәдиий иҗадийәттики миллийлик билән интернационаллиқниң нәзәрий асаслири, амиллири, зәминлири вә униң һаятий тәрәплири кән, чоңқур йорутулди, йорутулмақта.

Мәлумки, әдәбият-сәнъәт асасән миллий хусусийәткә егә болуп, миллий зәминдә туғулиду, өсиду, камал тапиду. Әйни чағда миллийликкә һәмаһаң умум инсаний мотивлар, хәлиқләр достлуғи зәминидә пәйда болған дуниявий вақиәләрму асас болуп бариду. Бу һал әдәбият-сәнъәткә интернационаллиқ хусусийәтләрниң чоңқур йилтиз тартишини вә риважлинишини тәминләйду.

Миллийлик билән интернационаллиқ мотивлири һазирқи әдәбиятимиздила әмәс, өтмүш әдәбиятимиз нәмунилиридиму хилму-хил шәкилдә ипадисини тапқан. Җаһан әдәбияти классиклири тәрипидин алға сүрүлгән гуманизм ғайилири умум инсаний әһмийәткә, маһийәткә егидур.

Шәрқий Түркстан уйғур инқилабий әдәбиятида, жүмлидин уйғур шеирийитидә миллийлик билән интернационаллиқ хусусийәтләр Улуқ Октябрь ғайилири зәмингә яңливаштин йилтиз тартти, тәрәққий әтти. Униң дәсләпки нәмунилири Л. Мутәллип вә Б. Әзизийләрниң шеирийтидә, кейинирәк З. Сәмәдийниң нәсрий әсәрлиридә көзгә ташланди. Шәрқий Түркстан хәлқиниң әрки, бәхти вә истиқбали қатари умум инсаний ғайиләрни, пүткүл инсанийәтниң бәхти-саадити үчүн күришиш мотивиниңму ипадилиши улар иҗадидики миллийлик билән интернационаллиқтин яққал далаләт бериду.

Лутпулла миллий зәминдә мустәһкәм турған һалда интернационал борчини толуқ һис қилнду. У «Азатлиқ тойи» шеирида «Лавулдап йенип, чачрап күчлүк учқунлар, янму-янлардин әзгүчиләргә от ачмақта» дәр екән, империализм асарнтигә, басқунчилиғиға қарши кәлтүрүлгән хәлиқ азатлиқ инқилабини поэтик ипадиләйду. Шуни тәкитләш зәрүрки, фашизмгә қарши шиддәтлик җән елип бериш ялғуз Совет Иттипақидила әмәс, бәлки пүтүн дуния әрк сөйәр, течлиқпәрвәр әлләр-

ниң, кишиләрниң, жүмлидин «мениңму инсаний вә вижданий борчумдур» — дегән мәънани алға сүриду. Фашизмға қарши күришиватқан қәһриман хәлиқләргә һәмдәртлигини изһар қилиду. «Янар тағлар» әсәридә көз кәлгәндә улар билән биллә жәндә болушини, бисатида барини биллә күрәшкә тәйярлиғинн уқтурнду. Фашистларниң айиғи астида бирәр ғерич йәрни қалдурмаслиққа дәвәтләйду.

Йетәр әнди!
Бир ғерич йәрни бу Вәтәндин,
Бир парчә гөштин, әзиз тәндин,
Һечким қанлиқ қолн билән кесәлмәс!
Чүнки матәмләр жиғилип дағ ясиди,
Һәм топлушуп бу дағлар тағ ясиди.

Әсәрниң яритилған миллий макани уйғур дияри болсиму, униң текстидики мәна барлиқ хәлиқләрниң тәғдири вә истиқбалидин, фашизмни йоқутуш мәсилисидин ибарәт. Азатлиқ, тәнлик, достлуқ йолида қизғин челишиватқан Азия, Африка әллиригә өзини күрәшдаш һесаплиған Лутпулла «Әнә, Африка» Қилиманджаро тағлири бүгүн тәврәштә, Янар тағлар күрәштә, улуқ океан долқун атиду, ғәзәп чачиду, батур киши тавлайду» дәйду. Бу — барлиқ инсанийәтниң фашизмгә қарши күрәш мәйданини, қияпитини, ирадисини бәлгүләп бәргүчи мизандур.

Мәйли тутушуқлар, лава етиқлар,
Әй, янар тағлар, янар тағлар!
Титилсун қара тағ, қара дағлар...
Қалмисун улар, орниға үнсун —
Жаһанда гүлстан бағлар [1].

Шаир нәзәридә бирла бүйүк һәқиқәт барки, у азатлиқ, мустәқиллиқ чин хәлиқ демократияси вә социализм болуп, униң йолчи юлтузи Советләр Иттипақидур. Лутпулла өз елиниң хараплиғини, вәйранлиғини көрүп қанчилик қайғурса, ечинса, империалистик уруш, болупму фашизм урушида маддий байлиқлири, тарихий абидичлири, мәдәнийәт ядикарликлири, бәрбат етилгән әлләрниң һалиғиму шунчилик қайғуриду, ечиниду, көйиниду. Бу мотив униң «Һасан-һүсән» әсәридә рошән ипадисини тапқан. Лутпулла уйғур хәлқиниң азатлиқ йолида елип барған күришини, униң ғәлибисини, бәхти-ғурурини пүтүн инсанийәт күришиниң, азатлириниң тәркиви қисми дәп қариди.

Л. Мутәллипниң сәпдиши Билал Әзизий әдәбиятқа мәрипәтчи шаир сүпитидә кирип кәлди. Улуқ Октябрь идеялириниң тәсири униң мәнивий чоң өзгиришләрни, бурулушларни

[1] Таллаима әсәрләр, 84-б.

пәйда қилди. У Шәрқий Түркстан һәмдә дуния меһнәткәшлириниң азатлиқ, тәңлик үчүн елип барған күрәшлири негизидә, уйғур өлкисиниң өзигә хас миллий тарихий зәминидә, йеңичә вақиәләр асасида ижадиниң мундәриҗисини кәңәйтти, миқиясини чоңайтти. Униң «Гүлүмгә», «Өмүр атқан оқ», «Вәтән үчүн», «Күрәш билән», «Бирлик», «Қәрзимиз» қатарлиқ шеирлири әйнә шундақ мәзмундики әсәрләрдин. Вәтәнни азат, ават әйләш, достлуқ, қериндаш йолида күришиш униң шеирийитиниң маһийитини тәшкил қилди.

Б. Әзизи — ижадийитидә миллийлик билән интернационаллиқ әсәрдин әсәргә кәңийип, чоңқурлишип бариду. Униң поэтик тәһлилидә хәлиқләр достлуғи вә һәмҗәһәтлиги — ижтимаий тәрәққиятиниң, һаят истиқбалиниң баш амиллиридин дегән ғайә риважландурилиду. Бу идеал шаирниң «Жигит», «Өлмисун», «Йолдишимға», охшаш шеирлирида ярқин ипадиләнгән.

Реалистик уйғур драматургияси билән прозисидиму миллийлик билән интернационаллиқ өз әксини тапқан. Буниңға З. Қадирийниң «Ғунчәм» драмиси билән «Шәпқәт һәмширәси», З. Сәмәдийниң «Или дәрияси бойида» намлиқ киноповестини мисал кәлтүрүш купайидур. З. Сәмәдий повестидә әсәр вақиәсиму, яритилған зәминиму миллий макандин, йәни уйғур диярidин ибарәт. «Или дәрияси бойида» киноповестидики баш қәһриман вә яндаш қәһриманлар ялғуз уйғур меһнәткәшлириниң пәрзәнтлири болмастин, бәлки уларға янму-ян турған қазақ, өзбәк, туңған, рус, моңғул, хитай вә башқа зәхмәткәш хәлиқ пәрзәнтлириниң вәкиллири.

Повестьниң ғайәвий меғизини уйғур өлкисидики һәммә милләт әмгәкчилириниң интернационал бирлиги вә достлуғи тәшкил қилиду. Әсәрниң бешидинла әмгәкчи моңғул жигити Дуржа, хитай зәхмәткиши Лован вә башқилар баш қәһриман Сабир вә Бостангүл билән бир пийәттә баравәр һәрикәтлиниду. Улар өз миллити меһнәткәшлириниң азатлиғи үчүнла әмәс, Шәрқий Түркстандики барлиқ жапакәш хәлиқләрни хитай истибдатидин, асаритидин, зулмидин азат қилиш күришигә атлиниду. Мәсилигә милләт нәзәридин әмәс, синипий нәзәрдин қарайду.

Хуласә қилип ейтқанда, уйғур реалистик әдәбиятида миллийлик билән интернационаллиқ классик әдәбиятимиздики гуманизм ғайилириниң үзвий давами, риважи сүпитидә. Улуқ Октябрь идеалиниң Шәрқий Түркстандики қәләмкәшләрниң қәлбигә сиңип бериши вә униң мевиси сүпитидә, уйғур диярида 1930-жиллардин тартип жиддий түс алған азатлиқ күрәшләрниң бәдиий инкаси сүпитидә қарар тапти. Совет әдәбиятиға аһаңдаш һалда күндин-күнгә терәңлишип, кәңийип барди.

М. М. ХУСАИНОВ (Фрунзе)

Свободомыслие прогрессивных уйгурских поэтов первой половины XIX в.

Имена замечательных поэтов первой половины XIX в. Абдурахима Низари, Турди Гариби, Норузахуна Зияи составляют гордость уйгурской литературы.

Их деятельность протекала в один из самых сложных, насыщенных историческими событиями периодов истории уйгурского народа, когда Восточный Туркестан был колонией маньчжуро-китайских императоров.

Прогрессивные поэты А. Низари, Т. Гариби, Н. Зияи пытались своими произведениями открыть народу глаза на сущность религиозных предрассудков. Если высшей целью человеческой жизни суфизм провозглашал мистическое соединение с всевышним, идею аскетического служения богу, то прогрессивные поэты-философы стремились пробудить в трудящихся сознание собственного достоинства, воспитывали в них благородные, возвышенные чувства — любовь к родине и ее трудовому народу.

Т. Гарибн был преданным сыном своей родины, он любил ее нежной, сыновней любовью.

Я как соловей, ты мой сад, ты весна моя.
Ты полный бутон, стройный кипарис.
Скажите, друзья мон, что сильнее воспеть?
Отчизна! Отчизна! Отчизна! Родина моя! [1]

А. Низари, прибегая к форме вопросов и ответов, выражает идею милосердного отношения к народу.

— Как стать счастливым в двух мирах?

— Быть милосердным к народу [2].

Поэты верили в мощь человеческого разума. Они считали возможным познание человеком окружающего мира и его закономерностей. А. Низари писал: «Если б человек не стремился познать мир, то мир был бы всего лишь аманатом» [3] (аманат — вещь, отданная на сохранение).

В Коране читаем: «Каждый испытывает только то, что предназначено судьбой — человек сам не владеет собой» [4]. Это

---

[1] *Гариби Т.* Книга Гариба. — ЛО ИВ АН СССР, С 165, л. 289а. Здесь и далее подстрочный перевод наш.

[2] *Низари А.* Зад ул наджат. — ЛО ИВ АН СССР, С. 165, л. 21б, 22б.

[3] *Низари А.* Четыре дервиша. — ЛО ИВ АН СССР, С 165, л. 207б.

[4] Коран/Перевод и комментарий И. Ю. Крачковского. М., 1963, гл. 7, етих 188.

значит, что счастье и судьба человека находятся в руках бога. А. Низари прекрасно понимал, почему народ верит этим нелепым басням, и видел выход в приобщении людей к науке. Поэт верил, что придет время, когда наука даст людям достоверные знания о явлениях и предметах мира, откроет им глаза на лживость церковников.

В своих произведениях А. Низари, Т. Гариби и Н. Зияи отводили большое место вопросам равенства и свободы. Равенство они считали необходимым условием общественного прогресса и требовали равноправия для всех людей перед законом.

Как известно, ислам пропагандировал фатализм, предопределенность. Это учение отвлекало человека от борьбы за лучшую жизнь на земле, порождало суеверия, невежество. Т. Гариби и А. Низари не могли мириться с фатализмом, хотя и их мировоззрение не было свободно от исторической ограниченности. Яркое тому подтверждение — строки из стихотворения А. Низари:

Будь жизнерадостным, не противься
желаниям,
Возьми себя в руки, не сковывай дерзаний [5].

А. Низари был убежден, что для установления справедливости можно обойтись без насилия. Однако, несмотря на ограниченность социально-политических и философских взглядов поэта, его разоблачения феодальных порядков и деспотизма, демократические идеи явились вкладом в развитие общественной мысли Восточного Туркестана XIX в.

В тот период, когда последователи Аппак-Ходжи проповедовали аскетизм и дервишество, А. Низари, Т. Гариби и Н. Зияи своими стихами призывали людей любить труд и в нем находить свое счастье. А. Низари писал: «Человек трудом создает себе счастливую жизнь» [6]. Т. Гариби призывал всех людей своим трудом создавать благоденствие народу.

Гуманисты А. Низари и Н. Зияи не могли мириться с учением Корана о мусульманской исключительности. Сущность этого учения, как известно, состоит в том, что ислам делит народы всего мира на две группы: правоверных и неверных. Поэты, подвергая критике учение ислама о мусульманской исключительности, проповедовали идеи дружбы и братства. «Чахар Дервиш» (= «Четыре дервиша») и «Фархад и Ширин» являются произведениями, воспевающими дружбу между народами.

---

[5] *Низари А.* Новеллы. — ЛО ИВ АН СССР, С 165, л. 262а.
[6] *Назари А.* Махсуи — Гульниса. — ЛО ИВ АН СССР, С 165, л. 228а.

Закономерный процесс эволюции политических взглядов поэтов-философов первой половины XIX в., ход развития событий в рассматриваемом нами регионе привели их от суфизма, мистицизма к пантеизму. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в силу исторической ограниченности они не могли понять исторической миссии трудового народа, не увидели в нем силу, которая способна разрешить все противоречия современного им общества.

Однако роль А. Низари, Т. Гариби, Н. Зияи в развитии уйгурской литературы и общественной мысли велика. Силой своего таланта замечательные поэты и мыслители соединили прошлое с настоящим, оживили омертвевшие поэтические формы, наполнили поэзию духом реализма, отвечающим народным интересам. Их прогрессивные взгляды подготовили почву для появления таких замечательных поэтов, как Билал Назым, Сеид Мухаммед Каши, Молла Шакир. Вот почему мы должны глубоко и всесторонне изучать их богатое наследие.

А. ХАШИМОВ (Ташкент)

О некоторых проблемах изучения уйгурских «Двенадцати мукамов»

Музыкальное наследие уйгурского народа представлено разнообразнымн жанрами и формами. К их числу можно отнести мукамы, санамы, дастаны, развитые по форме и мелосу песни и инструментальные произведения. Среди них центральное место занимают мукамы — крупные циклические вокально-инструментальные произведения, объединенные в единую ладовую систему. Уйгурские мукамы, как и мукамы других народов, являются однимн из древних и составляют часть мукамата. Изучение их не только дает представление об уйгурских мукамах, но и расширяет наши знания о мукамате в целом.

В настоящее время среди уйгурского народа бытуют 4 принципиально отличающихся цикла «Двенадцати уйгурских мукамов»: Кашгарский, Илийский, Хотанский, Доланский. Кроме того, по сведениям музыкантов — выходцев из Восточного Туркестана, в Кумул-Турфанском регионе широко бытуют своеобразные мукамы, которые по форме и манере исполнения близки к Кашгарским и Хотанским мукамам.

Известно, что родиной «Двенадцати мукамов» является Восточный Туркестан. В 50-х гг. при Министерстве культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района была создана спе-

циальная комиссия по изучению и восстановлению мукамов. Были приглашены прославленные знатоки разных локальных стилей мукамов Турдиахун Аль Нагма из Кашгара, Мусаахун Аль Нагма из Яркенда, Розитамбур Аъзам оглы и Зикри Алпитаев из города Кульджа и другие. В результате 4-летней работы комиссии были осуществлены магнитофонные записи Кашгарских мукамов в исполнении Турдиахуна Аль Нагма, Илийских мукамов в исполнении Розитамбура Аъзам оглы, а также записаны другие виды и локальные варианты уйгурских мукамов. На основе только небольшой части этих материалов в 1959 г. в Пекине издан 2-томный нотный сборник Кашгарских мукамов без поэтических текстов.

Большим культурным событием стало создание уйгурского ансамбля мукамистов при Госкомитете радиовещания и телевидения Узбекской ССР. В 1970 г. на Ташкентском радио были записаны «Двенадцать Илийских мукамов» с участием мукамистов старшего поколения учеников Розитамбура — Нурмухаммеда Насира, Маттаира Хасана, Гопура Кадырхажиева, Султанмурата Разамова и ныне покойного Кадыра Рази. В исполнении уйгурского ансамбля записан Илийский локальный вариант «Двенадцати мукамов».

Илийские мукамы отличаются простотой склада, доходчивостью и легкостью воспрнятия для слушателей. Сведения о происхождении Илийских мукамов очень скудны. Гипотетически можно полагать, что часть их была заимствована из Кашгарских мукамов, часть же, по-видимому, создана илийскими композиторами. К числу последних можно отнести «Дастан нагма» из вокально-инструментального раздела каждого мукама. Явно неилнйского происхождения, по мнению многих знатоков мукамов, является «Мукамбеши», т. е. первый раздел каждого мукама. Он заимствован из Кашгарских мукамов.

Изучение Илийских мукамов связано со многими проблемами. Самая острая и актуальная из них — полное восстановление мукамов, со всеми ныне забытыми частями, ибо неправильное восстановление мукамов, искажение их первоосновы несомненно приведет к фальсификации самого наследия и его научного освещения.

Известно, что такие мукамы, как «Рак», «Чаббият», «Мушавирак», «Нава», «Ушшак», получившие наибольшую популярность, включают в себя все части, некоторые мукамы, как «Сегах», «Чаригах», «Аджам», «Хусайин», состоят лишь из нескольких частей. Полное и правильное восстановление этих мукамов, как уже отмечалось, является очень важной задачей. Есть и другая проблема, столь же сложная и важная,— это проблема выбора текстов для вокальных частей мукамов. При отборе текстов первостепенное значение имеет специфика

стиха, которая выражается не только в самом стихосложении, но и в степени его музыкальности. Кроме того, некоторые разделы нуждаются в новых стихотворных текстах. В исполнительской практике в частях отдельных мукамов, носящих идентичное название, особенно в разделе «Машрап нагма», были использованы одни и те же тексты. При замене их следует обратить внимание на то, чтобы они не противоречили духу данного мукама.

Мы коснулись самых общих проблем. Наряду с этим привлекают внимание и такие вопросы, как история развития мукамов, основы их музыкального строения, вопросы цикличности, терминологии.

С целью восстановления и изучения Илийских мукамов и всего разнообразия уйгурской народной музыки с 1972 г. Ташкентской консерваторией осуществлены первоначальные разведывательные выезды в уйгурские поселения Киргизии и Казахстана. Материалы этой поездки систематизированы, о них сообщалось на всесоюзной отчетно-экспедиционной сессии в Москве в декабре 1977 г.

В планомерных поисках особое внимание уделялось вокальным и инструментальным частям мукамов, а также сбору сведений, касающихся вопросов теории и истории развития Илийских мукамов. В результате от известного народного певца и сказителя эпоса (дастанчи) Сеитжана Сидик оглы Хамраева, проживающего в городе Панфилове Талды-Курганской области Казахской ССР, удалось записать 3-й «Дастан нагма» и маргул мукама «Панджигах», илийский варнант уйгурского дастана «Герип—Санам» (с общим звучанием 2 часа), который отличается большим своеобразием. Эти записи позволяют нам сделать первоначальные обобщения и вести речь о локально-стилевых особенностях дастана «Герип—Санам» и определенной связи его с Илийскими мукамами. Как известно, 2-й раздел Илийских мукамов, который носит название «Дастан нагма», подразделяется на несколько самостоятельных и законченных по форме частей, называемых нагма (вокальные) и маргул (инструментальные). Стихотворной основой для вокальных частей этого раздела служат стихи из дастанов (отсюда и название «Дастан нагма»). В Илийских мукамах наиболее широко используются стихи из дастана «Герип—Санам».

Еще одной важной находкой является запись 1-го «Дастана нагма» и маргула мукама «Чаригах» в исполнении народного музыканта и знатока Илийских мукамов Абдурешита Азизова.

Важным событием в изучении мукамов была межреспубликанская конференция «Макомы, мугамы и современное компо-

зиторское творчество», проходившая в г. Ташкенте летом 1975 г. Огромным стимулом для дальнейшего исследования уйгурских мукамов явился международный музыковедческий симпозиум «Профессиональная музыка устной традиции народов Ближнего и Среднего Востока», который проводился по инициативе национального музыкального комитета СССР и ММС при ЮНЕСКО в октябре 1978 г. в г. Самарканде. На суд его участников — ученых-музыковедов нашей страны и зарубежных гостей нами был представлен доклад, посвященный изучению «Двенадцати уйгурских мукамов». Впервые перед такой авторитетной аудиторией прозвучал мукам «Мушавирак» в исполнении коллектива уйгурского ансамбля Ташкентского радио. Хотелось бы обратить внимание на необходимость усиления работы по изучению и восстановлению «Двенадцати уйгурских мукамов». Наш долг не только сохранить, но и продолжить жизнь и развитие мукамов.

А. КАДЫРОВ (Алма-Ата)

Современность на сцене уйгурского театра

Почти за полвека своей творческой деятельности уйгурский театр достиг высокого исполнительского мастерства, стал центром театральной и музыкальной культуры советских уйгуров. За это время выросла замечательная плеяда уйгурских мастеров сцены: Гулам Джалилов, Хеличам Илиева, Мариям Семятова, Ахмет Шамиев, Рошангуль Илахунова, Салима Саттарова, Махпир Бакиев и многие другие, чьи имена составляют гордость и славу уйгурского сценического искусства.

Искусство уйгурских актеров формировалось на лучших произведениях русской, мировой и национальной драматургии. Вместе с театром создавалась и уйгурская национальная драматургия, в которой особое место занимают классические музыкальные драмы Дж. Асимова и А. Садырова «Анархан», И. Саттарова и В. Дьякова «Герип и Санам».

Наиболее интенсивно тема современности стала осваиваться уйгурским театром в начале 60-х гг. В 1963 г. на сцене уйгурского музыкально-драматического театра была поставлена сатирическая комедия М. Зульпикарова и С. Хасанова «Нужен ли доктор?», где в сатирически заостренной форме выведены образы спекулянтов и махинаторов. Это экспедитор колхоза

Машрап, тунеядец и стяжатель Муса Молла, начальник железнодорожной станции Якупбек, Хайрниса и другие. Показательно, что все они воспринимаются не как мелкие жулики, а как преступники крупного масштаба. В заглавной роли выступил один из ведущих актеров театра Г. Джалилов. В трактовке образа Машрапа артисту Г. Джалилову удалось избежать прямолинейности. Непринужденность, обаяние и гостеприимство Машрапа подкупают его знакомых, располагают к нему зрителей. Но постепенно, шаг за шагом Г. Джалалов раскрывает истинную сущность жадного, хитрого, трусливого дельца и доводит этот образ до гротеска. Характер Машрапа раскрывался актером во всей жизненной конкретности и достоверности.

Среди положительных персонажей спектакля выделяется бригадир Надыр в исполнении актера А. Супиева. Надыр — честный, доверчивый человек, попавший по простоте своей под обаяние ловкого Машрапа. Не сумев вовремя рассмотреть истинное лицо дельца, он сам становится невольным его соучастником.

Несмотря на некоторые недостатки, сатирическая комедия «Нужен ли доктор?» в уйгурской драматургии — явление отрадное. Ее постановкой был сделан еще один шаг в освоении этого сложного жанра.

В начале 70-х гг. уйгурский театр возглавил опытный режиссер Байтеш Омаров. На сцене появляется ряд произведений уйгурской драматургии: «Кайнам» Ж. Бусакова, «Лашман» — инсценировка З. Самади по роману Момуна Хамраева «Егир күнләр», «Өлмәс болуп туғулғанлар» А. Аширова, «Яркәнт наваси» и «Лутпулла» Х. Абдуллина и другие. Бесспорно, не все они равнозначны по художественным достоинствам, но сам факт их появления говорит о том, что уйгурская драматургия смело вторгается в современную жизнь. Многие из этих произведений по-настоящему обогатили репертуар уйгурского театра, стали заметным явлением в театральной жизни республики.

Музыкальная драма «Кайнам», созданная на основе одноименного романа Ж. Бусакова, заставляет мысленно оглянуться назад, на годы первых пятилеток, годы становления колхозного строя в Семиречье, когда классовая борьба здесь достигла наивысшего накала. Об этом со знанием дела, страстно и правдиво повествует спектакль, поставленный режиссером Д. Садыровой. Коллектив театра верно понял задачу спектакля — показать реальную атмосферу того времени, его драматизм, подлинных героев, отдавших свою жизнь за дело революции, за дело партии. Во многом эта задача была решена. Поэтому узловые сцены спектакля, такие, как собра-

ние сельчан, гибель Даута и заговор банды Мирзалымбая идут напряженно, драматически насыщенно. В сцене собрания сельчан, где решается судьба колхоза, наиболее полно и ярко раскрывается образ председателя колхоза Кудрата. Партийную страстность, твердость своего героя убедительно передает артист А. Мансуров. Очень впечатляющей в спектакле получилась сцена гибели Даута. Ярко и темпераментно сыграл эту роль артист М. Бакиев. Героическая смерть Даута, защитившего колхозное добро от бандитов, вызывала живой отклик зрительного зала.

Но, пожалуй, наибольший успех из драматических произведений середины 70-х гг. выпал на долю драмы А. Аширова «Олмас болуп тугулганлар» (=«Рожденные не умирать»), посвященной 30-летию победы советского народа над фашистской Германией. Спектакль, осуществленный по этой драме режиссером Б. Омаровым, стал одной из этапных работ коллектива и получил высокую оценку театральной общественности и зрителей.

В центре драмы — острые столкновения человеческих характеров и мировоззрений. Поэтому, кроме публицистичности, пьеса тяготеет к глубокому психологизму.

Умело строя композицию драмы, автор шаг за шагом вводит зрителя в сложный мир своих героев. Тревожная музыка композитора И. Масимова, прерывающаяся ритмичными ударами бубна, органично вплетается в ткань спектакля, в центре которого судьбы молодых влюбленных Гульназ и Айсы. Сложна и драматична эта история. Героям выпадает на долю испытать боль разлуки и все тяготы войны. Когда-то Гульназ по воле своего отца Розахуна стала женой нелюбимого. Началась война. Уходят на фронт Айса и Иминахун — муж Гульназ, который не возвращается обратно. Гульназ свободна, но отец требует хранить верность мужу и не желает слышать о том, чтобы дочь соединила свою судьбу с любимым. В финале спектакля Гульназ и Айса все же вместе. Их любовь, пройдя через все испытания, торжествует.

Перед актрисой М. Рахмановой, исполнительницей роли Гульназ, стояла задача показать не только стойкость характера своей героини, но и раскрыть ее внутренний мир. И хотя на протяжении трех картин спектакля автор не дает слова своей героине, М. Рахманова, выдержав «зону молчания», умело ведет нить образа. Все это время зритель не перестает напряженно наблюдать за Гульназ — Рахмановой.

Очень убедительный образ создал Т. Бахтыбаев. Тяжело переживая гибель своего зятя, старик ненавидит войну. С первых картин спектакля Розахун завоевывает симпатии зрителей своим трудолюбием, чуткостью и вниманием к людям. Однако,

чем ближе мы знакомимся с ним, тем больше он вызывает чувство разочарования. Перед нами типичный стяжатель. Во имя личного обогащения Розахун готов проклясть колхоз, которому его дочь отдает все свои силы. Образ Розахуна сложен и противоречив. Он требует предельной самоотдачи актера. Точно расписав партитуру образа, актер идет не по линии голого иллюстрирования, а показывает героя в развитии, психологически ярко и выпукло. Это одна из крупных творческих удач актера Т. Бахтыбаева.

С большим мастерством создает в спектакле образ Айсы актер К. Абдурасулов. Каждое его появление на сцене запоминается зрителю. Айса словно излучает добро, спокойствие и уверенность в своей правоте.

Теме современности посвящены спектакли «Твои черные глаза» и «Брат женится» Ш. Шаваева. Но, к сожалению, композиционная рыхлость, неглубокая разработка психологии и характеров героев, мелкотемность не сделали спектакли по этим произведениям заметным явлением в репертуаре театра.

В последние годы театр все чаще обращается к лучшим произведениям драматургов братских республик. Большим событием для коллектива театра стали постановки пьес татарского драматурга Ш. Хусаинова «Белое платье матери» и узбекского драматурга С. Ахмада «Бунт невесток».

Успех этих спектаклей в значительной мере определила замечательная игра народной артистки республики Р. Илахуновой.

Многогранный талант Р. Илахуновой помог ей создать глубоко психологический, полный трагизма образ матери в спектакле «Белое платье матери». Актриса и созданный ею сценический образ как бы слились воедино, стали неотделимы друг от друга. Не случайно Р. Илахунова за исполнение этой роли была удостоена диплома Всесоюзного смотра национальной драматургии СССР в 1978 г.

Контрастным к этому образу является созданный актрисой образ Парманбуби в спектакле «Бунт невесток», женщины властной, свято хранящей старинные обычаи и традиции. Выступив в комедийной роли, Р. Илахунова открыла еще одну грань своего таланта. И мать, и Парманбуби — современницы Илахуновой, поэтому актриса хорошо знает своих героинь.

Острое чувство современности в этих спектаклях продемонстрировал режиссер-постановщик К. Джетписбаев.

Таким образом, современность не просто заняла на сцене уйгурского театра определенное место, но стала по-настоящему главенствовать в его репертуаре. И пусть не все спектакли равнозначны, но в них мы видим творческий поиск уйгурского театра.

К. КИРИНА (Алма-Ата)

Профессиональное музыкальное искусство советских уйгуров

Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала новую эру в социально-культурном развитии малых народов СССР. Она освободила их и предоставила равные со всеми другими народами возможности для подъема и расцвета художественного творчества, науки, литературы и т. д.

Большое значение в деле воспитания музыкальных и театральных кадров, объединения творческих сил и укрепления национальных традиций имело открытие Уйгурского музыкально-драматического театра в 1934 г.

В области музыки 40-е гг. были периодом формирования национального профессионального искусства, отмеченного появлением первых оригинальных сочинений Куддуса Кужамьярова — основоположника уйгурской музыки. В историю советской культуры он вошел как певец своего народа, автор произведений различных жанров. Его имя стало гордостью уйгуров, а композиторская, педагогическая и общественная деятельность — примером достижений, на которые способен народ в условиях социалистической действительности.

Общественное признание приходит к молодому автору в Москве, когда на смотре-конкурсе его симфоническая поэма «Ризвангуль» была удостоена Государственной премии СССР (1950). С этого времени уйгурская профессиональная музыка выходит на всесоюзную арену, становится известной широким кругам слушателей. Показательно, что творческие устремления К. Кужамьярова уже с первых шагов прочно связываются с героико-патриотической тематикой, историей и борьбой родного народа за независимость.

В крупных музыкальных полотнах 60—70-х гг. композитор стремится запечатлеть важнейшие события героического прошлого уйгуров, передать красоту народных песен и танцев, аромат и своеобразие интонационно-ритмического, ладового строя фольклора.

Значительным достижением в этом плане стала первая уйгурская опера «Назугум» К. Кужамьярова по одноименной пьесе К. Хасанова. Автор создал ярко национальное произведение, где высокая художественная идея нашла адекватное выражение в легко запоминающейся, мелодичной, красочно оформленной музыке, причем звучание народных песен и танцев обогатилось современными средствами музыкального языка.

Тема мужества, подвига уйгурского народа в борьбе за национальное освобождение нашла столь же яркое выражение в героико-трагической опере Кужамьярова «Садыр Палван» на либретто М. Абдрахманова. Ее премьера в Казахском академическом театре оперы и балета им. Абая (1979) стала настоящим праздником, волнующим событием в культурной жизни столицы и уйгурского народа. Написанное зрелым мастером, талантливое сочинение воплотило одну из значительных вех в истории уйгуров — восстание бедноты во главе с батыром Садыром против маньчжуров. Опера повествует о бесстрашии, мужестве и героизме повстанцев, воспевает национального героя, веру в победу и светлое будущее народа.

Верность национальной тематике прослеживается и в других произведениях композитора — балете «Чин-Томюр», хоровых, вокальных и инструментальных сочинениях. Живописные картины обычаев и танцев воссозданы в симфонической картине «Мәшрәп» (=«Вечеринка») и Концерте для трубы с оркестром.

Большую роль в становлении уйгурской профессиональной музыки сыграли три симфонии К. Кужамьярова, по-разному воплотившие его гражданские чувства. Героико-драматическая, волевая Первая симфония, посвященная памяти видного революционера А. Розыбакиева, — дань уважения известному партийному деятелю. Камерная Вторая симфония навеяна лирическими образами мукамов, системой их выразительных средств и характерными приемами развития. По образно-эмоциональному строю с Первой симфонией перекликается Третья симфония.

Трудную и почетную миссию формирования национальной музыки, начатую К. Кужамьяровым, продолжило новое поколение, и эта преемственность свидетельствует о прочности заложенного фундамента.

В Ташкенте успешно работает композитор Ш. Шаймарданова. В своем творчестве она опирается на традиции народной музыки и пишет, в основном, масштабные симфонические сочинения. Творческая палитра композитора насыщена полифонией, сложной современной техникой письма, яркими оркестровыми приемами.

Плодотворна деятельность в Казахстане уйгурских профессиональных композиторов И. Масимова, С. Кибировой, И. Исаева.

Икрам Масимов — воспитанник К. Кужамьярова, главный дирижер и директор Уйгурского музыкально-драматического театра — успешно творит в разных жанрах; среди его произведений — симфонические поэмы, песни, романсы и хоры, а также музыка ко многим спектаклям («Если скрываешь

болезнь» по драме К. Хасанова и С. Башояна, «Дорога жизни» тех же авторов, «Рассвет над Кульджой» по драме Т. Тулла, «Буря» и «Лутпулла» по пьесе Х. Абдуллина и др.).

Особой популярностью у молодежи пользуются лирические песни Исмаила Исаева, такие, как «Дениз соғиси», «Дениз бойида», «Муһәббәт арзуси», «Сенің қара көзлириң», «Бу бағда», и др. И. Исаев тоже активно сотрудничает с уйгурским театром. Им написана музыка к ряду спектаклей, например, «Лашман» по пьесе З. Самади, «Қайнам» по пьесе Ж. Босакова. Композитор работает и в области камерной музыки (Соната для фортепиано, Трио для струнных, обработки уйгурских народных песен для различных составов и т. д.).

Саньят Кибирова — молодой автор, начавший свою творческую деятельность рядом интересных симфонических опусов концертного жанра (Концерт для скрипки с оркестром, Концерт для фортепиано с оркестром, Простая сюита для камерного оркестра). Написанная ею к 60-летию Октября Симфония в семи частях получила высокую оценку общественности. На смотре-конкурсе молодых композиторов в Москве (1978) произведение было удостоено второй премии и с успехом исполнено затем на Фестивале композиторов — лауреатов конкурса.

Определенными творческими достижениями отмечена деятельность уйгурских профессиональных исполнителей. За годы Советской власти в стенах Алма-Атинских и Ташкентских музыкальных училищ и консерваторий получили музыкальное образование и успешно трудятся на радио и телевидении, в Уйгурском музыкально-драматическом театре и других концертных и просветительских организациях квалифицированные инструменталисты, вокалисты, дирижеры-хоровики.

В числе тех, кто стоял у колыбели профессионального исполнительства, следует назвать талантливого дирижера Г. Дугашева, внесшего значительный вклад в пропаганду уйгурской, казахской, русской и зарубежной профессиональной музыки и своей многолетней плодотворной деятельностью содействовавшего росту молодых национальных культур. Г. Дугашев, как и К. Кужамьяров,— выходец из народа. Он получил музыкальное образование в Алма-Ате и Москве. Много лет руководил оркестром Казгосфилармонии и Казахского академического театра оперы и балета им. Абая, часто гастролировал по Советскому Союзу, работал в Большом театре Союза ССР. Г. Дугашев был первым интерпретатором произведений К. Кужамьярова и ряда сочинений казахских композиторов.

В качестве камерной и эстрадной певицы, исполнительницы уйгурских, казахских народных и советских песен завоевала популярность народная артистка КазССР Г. Разиева.

Большая группа народно-профессиональных исполнителей песен и мукамов работает в Узбекистане.

Более 40 лет функционирует в Казахстане Уйгурский музыкально-драматический театр — подлинный хранитель национальных традиций, центр притяжения всех культурных сил уйгуров. Неоднократно и весьма успешно коллектив театра демонстрировал свое искусство за пределами республики, гастролируя в различных уголках нашей страны.

В театре работают незаурядные актеры, певцы и инструменталисты, исполнители мукамов и классических народных песен. Среди представителей старшего поколения назовем народную артистку Казахской ССР Р. Илахунову и заслуженную артистку Казахской ССР Н. Маметову. Прекрасным голосом обладает мукамист С. Тулегенов.

Целям пропаганды народной и современной уйгурской музыки служит вокально-инструментальный ансамбль «Нава», который объединяет талантливых певцов, инструменталистов и танцоров. Национально-самобытен молодежный ансамбль «Яшлык», его яркие выступления, разнообразная программа широко известны в республике.

Итак, в многонациональном советском искусстве возникла новая самостоятельная ветвь уйгурской музыки, представленная творчеством активно работающих профессиональных композиторов и исполнителей разных поколений. Неизмеримо важен факт зарождения и успешного функционирования уйгурской профессиональной музыки, поиск национального стиля, стремление авторов сохранить и высветить сокровища народной музыки современными средствами выразительности.

Т. АЛИБАКИЕВА (Алма-Ата)

К вопросу о связи уйгурской народной и профессиональной музыки устной традиции

С древнейших времен в музыкальном искусстве уйгурского народа происходит процесс взаимообогащения двух его сфер — народного и профессионального творчества устной традиции. Близость этих сфер проявляется в общих принципах строения, прослеживается во многих внутренних музыкальных закономерностях, в равной степени присущих как народной, так и профессиональной музыке устной традиции.

Музыкальная культура уйгуров не является чистым фольклором. Выйдя за рамки прикладных бытовых функций, уст-

ное бытовое музицирование в уйгурском феодальном обществе формировало профессиональное музыкальное искусство. Знаменитые уйгурские профессиональные музыканты были придворными артистами и композиторами, а некоторые из них — даже выходцами из привилегированных слоев общества.

Нередко профессиональную музыку устной традиции относят к фольклору, понимая под последним все народное искусство или всю устную музыку. При этом ссылаются на такие эстетическне признаки искусства большинства профессионалов, роднившие его с фольклором, как импровизационность, демократичность, синкретическое единство музыки, поэзии и танца.

Музыка для уйгурских профессиональных музыкантов является профессией, средством существования. Чтобы стать профессионалом, сазандар или мукамист должен обладать высоким вокальным и инструментальным мастерством, а также искусством мукамной импровизации.

В круг жанров профессиональной музыки устной традиции уйгуров входят крупные вокальные циклические формы, а главным образом цикл «Двенадцать мукамов». Следует отметить, что кроме народного и профессионального творчества устной традиции в уйгурской музыкальной культуре существует еще один промежуточный вид музыкального искусства, близкий к фольклору,— это творчество одаренных народных музыкантов. Их принято называть композиторами-мелодистами.

В памяти композиторов-мелодистов хранятся бесценные произведения народной и профессиональной музыки устной традиции. Мелодистами Д. Асимовым, А. Исламовым, З. Алпитаевым, У. Джамиевым, С. Разамовым, А. Ахмадиевым, К. Мухаметовым, А. Шамиевым и многими другими создано много интересных песен, мелодий. Определенный вклад в развитие советской песни внес композитор Г. Зайнаутдинов.

Музыкальное творчество уйгурских композиторов-мелодистов сыграло существенную роль в развитии как народной, так и профессиональной музыки устной традиции. В одних случаях творчество народных композиторов входит в тесное соприкосновение с традиционным фольклором, преобразуя его отдельные стороны, в других — продолжает развивать мукамное искусство, а в третьих случаях приобретает новое интернациональное качество, как результат взаимодействия внутренних и внешних сил эволюции.

Вопрос связи уйгурского народного и профессионального искусства устной традиции может быть рассмотрен по-разному, на разных уровнях и в различных аспектах. Средн них, на наш взгляд, важен музыкальио-аналитический метод, позволяющий

путем теоретического анализа выявить их структурную, ладово-интонационную общность.

Музыкальный фольклор можно определить как непрофессиональную устную музыкальную культуру народа. Он вырабатывает собственную систему бытовых жанров (песни, танцы), свои формы (большей частью простые, доступные исполнению непрофессионалами). При этом устойчивость и постоянное воспроизведение жизненных условий и конкретных ситуаций, в которых бытует фольклор, способствуют такой же устойчивости его жанрово-стилистических черт. Образцы фольклора передаются от поколения к поколению устным путем, с индивидуальными импровизационными вариантами каждого произведения в пределах некоторой «зоны» (интонационной, ритмической, композиционной), но с сохранением неизменной структурной схемы, временных отношений.

Центральное место в профессиональном искусстве устной традиции уйгуров занимает цикл «Двенадцать мукамов», появление которого утвердило форму профессионального творчества. В этом основная историческая функция мукамного жанра.

Анализ произведений уйгурской народной музыки и мукамов показывает, что в них близки средства выражения в ладово-интонационном, метро-ритмическом отношениях. Так, в основе народной песни и мукамов лежат общие принципы музыкального строения, например попевочный принцип, который является основным.

Мукамы представляют дальнейшее развитие определенных жанров уйгурской народной музыки. Здесь можно говорить об обрядово-бытовых и танцевальных песнях, которые усложняются в интонационном, ритмическом и структурном отношениях, и получают широкое развитие в третьем разделе мукамов Машрапах. При этом не только увеличиваются внутрислоговые распевы мелодий, но и расширяется количество слогов в строках как путем повторов отдельных слогов или целых слов, так и посредством введения припевных слов и огласовок в большем количестве, чем в песнях народного склада.

Р. КАРИМОВА (Алма-Ата)

Современная уйгурская чеканка по металлу

Художественная обработка металла — один из древних и развитых видов уйгурского прикладного искусства. Декоративные и бытовые сосуды, блюда, чаши, ювелирные украшения, предметы роскошн, оружне изготовлялись уйгурскими мастерами виртуозно, с большим мастерством и вкусом.

Традиции художественной обработки металла не забыты и советскими уйгурамн. Они нашли претворение и развитие в произведениях современных мастеров, поднявшихся до уровня профессионального искусства. В современных условиях у уйгуров продолжают жить такие виды национального художественного промысла, как ювелирное искусство и чеканка. Чеканка по металлу возродилась в творчестве талантливого художника Азата Акимбека.

Азат Акимбек использует для своих произведений различный металл: латунь, мельхиор, но любимым его материалом является медь, отличающаяся большой пластичностью, живым красивым красным цветом. В 1974—1975 гг. художником были созданы декоративные панно «Буйвол», «Утро», «Весна», блюдо «Лань». Эти ранние произведения выполнены в технике современной рельефной чеканки. Для них характерны незатейливость сюжета, простота композиционного решения, подчеркнутая декоративность звучания. В этот период художник овладевает искусством точного рисунка, разнообразием технических приемов, навыками свободного пользования чеканом.

Постепенно, с ростом технических возможностей художника, композиционное решение его произведений становится более смелым. От незатейливых, откровенно декоративных изображений Азат Акимбек переходит к широкому художественному обобщению, придает сюжетам сложное философское звучание. Очень выразительно эти новые задачи в творчестве художника отразились в панно «Жизнь», созданном в 1975 г.

Поверхность пластины в панно композиционно разбита на две части. На одной половнне у ствола пышного дерева с тяжелыми обильными плодами изображена стройная фигура юноши, держащего в руке расцветшую розу. В контраст этому изображенню на другой половине пластины помещен старец, бессильно опирающийся на посох. От жизненного пути согнулись его плечи, поникла голова. Голые ветви дерева усиливают ощущение осени жизни. Юноша и старец даны очень обобщенно, изображения выдержаны в стиле восточных миниатюр.

Выявляя пластическую красоту металла, художник умело использует в этом произведении различные технологические и художественные приемы. Рельефный подъем пластины довольно высокий, фон потемненный, проработан чеканом. Юноша и старец изображены в характерных восточных одеяниях. В деревьях, листьях, плодах есть некоторая стилизация. Очень смело и в то же время тактично применена патинировка пластины.

Произведения Азата Акимбека отличаются яркой индивидуальностью, они подчеркнуто национальны по сюжетным и орнаментальным мотивам. Художник часто обращается к историческому прошлому уйгурского народа, к его горячо любимым героям. Образы легендарных героинь Назугум и Ипархан, воплощенные в металлопластике,— это еще один шаг в творческом развитии художника.

Ипархан — девушка-полководец, возглавившая уйгурское войско в борьбе против китайско-маньчжурских поработителей. Произведение решено в аллегорической форме. В центре пластины изображена Ипархан на скачущем, почти летящем коне.

Одно из самых интересных декоративных произведений Азата Акимбека панно «Дервиш», выполненное в 1978 г., отличается лаконичностью в изображении и в то же время большой выразительностью. Художник достигает этого новыми приемами. Рельеф пластины среднего подъема; и рельеф и фон оставлены без чеканной проработки, сохранен и естественный красный цвет меди.

Азат Акимбек пробует свои силы и в портретном жанре. Он создал портреты известных уйгурских деятелей науки и культуры К. Кужамьярова и М. Хамраева.

Чеканный портрет талантливого композитора и педагога К. Кужамьярова — это прежде всего портрет-образ, отличающийся сложной психологической характеристикой. В центре пластины в фигурной рамке дано профильное изображение головы композитора. При удивительном сходстве черт, яркой индивидуализированности художник создал поэтически одухотворенный образ. Чуть сдвинутые брови выражают сосредоточенность, самоуглубление и вдохновение. В нижней части пластины под рамкой изображены музыкальные атрибуты: с двух сторон лиры, а в центре самые распространенные уйгурские музыкальные инструменты — дап, дутар и раваб.

Современная рельефная чеканка занимает в творчестве Азата Акимбека огромное место. Разнообразие жанров, художественных и технических приемов велико и требует постоянного совершенствования, постоянной работы над собой. Но цель художника, его самое заветное желание — это воплоще-

ние национальных сюжетов в металлопластике, в национальных чеканных формах, возрождение национальной технологии и орнаментики.

Художественная чеканка завоевала в последние годы большую популярность среди советских уйгуров. Вместе с Азатом Акимбеком в этой области работают молодые мастера А. Каимбаев, П. Сайдуллаев, М. Яхъяров и др. Произведения этих художников были представлены на выставке уйгурского прикладного искусства, которая была организована Государственным музеем искусств Казахской ССР в 1977 г.

И. ТУХТИЕВ (Ташкент)

«Мин уй» как источник по изучению истории и культуры народов Восточного Туркестана

Восточный Туркестан — страна древней цивилизации и культуры. На его территории находится немало исторических архитектурных памятников. Один из них — всемирно известный ансамбль «Мин уй» (=«Пещеры тысячи будд»).

Пещерные храмы и монастыри Восточного Туркестана, созданные в период с I—II по VII—VIII вв., связаны с буддизмом, проникшим в Восточный Туркестан во II—I вв. до н. э. из Индии. «Мин уй» представляет собой синтез архитектуры, скульптуры и живописи, типичных для индийского, среднеазиатского и восточно-туркестанского искусства.

Буддизм был распространен среди населения ряда стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, в том числе и в Восточном Туркестане. На основе буддизма за два с половиной тысячелетия его существования на территории обширнейшей части Азии сложилась своеобразная культура, в рамках которой были созданы различные материальные и духовные ценности. Буддизм оказал огромное влияние на идеологию, образ жизни, быт, культуру народов Восточного Туркестана.

Буддийские культовые сооружения — пещерные храмы и монастыри «Мин уй»— построены на основе длительного опыта и традиций буддийской архитектуры и искусства в период расцвета буддизма Восточного Туркестана, т. е. в I—VIII вв.

Древний Кучарский оазис был одним из крупных политических и экономических, культурных и духовных центров Восточного Туркестана. Китайские анналы, относящиеся к III в.,

свидетельствуют о том, что в этот период в Кучаре была тысяча ступ и храмов [1]. Они сыграли важнейшую роль в широком распространении буддизма не только в городах Восточного Туркестана, но и на востоке Китая.

«Мин уй» со своей роскошной архитектурой и скульптурой — это своего рода музей изобразительного искусства, построенный в древнейшие времена. Его настенные росписи дают материал для изучения не только буддизма, но и местного самобытного искусства. На стенах в кизилском «Мин уй» помимо сцен из жизни Будды мы видим много других изображений: пейзажей, птиц, музыкантов, танцовщиков, летящих гениев, фантастических и комических фигур. В «Мин уй» ощущается стремление художников отразить в формально буддийских сюжетах реальную жизнь во всем ее многообразии. Поэтому содержание росписей пещер «Мин уй» гораздо шире собственно буддийской тематики.

Одной из характерных особенностей искусства кизилского «Мин уй» является то, что в его росписях нашли яркое отражение местные национальные черты [2]. Индийские персонажи из книги «Джатака» на фресках кизилского «Мин уй» облачены в уйгурскую национальную одежду: яхтак (рубаха), тун (халат) и головной убор (тюбетейка)[3].

Встречается сочетание канонических сюжетов с сюжетами из реальной жизни. На одной картине, найденной в Яре (Турфане), изображен Будда, стоящий на троне из лотоса, а с левой стороны перед ним — коленопреклоненная уйгурская женщина [4]. Здесь художник, создавая фигуру божественного Будды, стремился окружить его реальными людьми, которых он видел в жизни. Все это говорит о том, что уйгуры принимали буддийское искусство с учетом своих местных особенностей.

В росписях храма «Мин уй» основное место занимает буддийская тематика. Это иллюстрации событий из жизни Будды. Кроме того, в задачу художников входило орнаментирование стен и потолка. Мастерам приходилось решать сложные композиционные задачи декоративного оформления всего помещения. Для этого они обращались к местной флоре и фауне. Обычно в центре композиции находятся фигуры Будды и бодисавт, по своим размерам они значительно превосходят другие изображения. Затем идут бытовые сцены, например,

[1] *Хуан Вэн-би.* Талиму пинди Кау го цзи (=Записки об археологических раскопках в Таримской впадине). Пекин, 1958, с. 22. [На кит. яз.].

[2] Синьцзяиди ши ку шуэ (=Искусство Синьцзяиских пещер). Пекин, 1955, с. 12. [На кит. яз.]

[3] Там же, с. 13.

[4] *Ольденбург С. Ф.* Первая русская Туркестанская экспедиции 1909—1910 гг. СПб., 1914, табл. XXXVII.

дехканин обрабатывает кетменем землю феодала, он подвязал полы чапана (халата) поясным платком.

Красочный ансамбль костюмов в «Мин уй», своеобразный покрой одежды, украшения, вышивка, разного рода изделия — все это дает выразительную информацию о быте и ремеслах местного населения. По ним можно установить этническую и социальную принадлежность, состоятельность и художественные вкусы их носителей, особенности художественной культуры того или иного народа в целом. «Буддизм это далеко не только верование, это — философия со своей теорией познания, со своим учением о бытии, это — моральное учение, это учение об обществе и государстве, это, наконец, система эстетических воззрений, под знаком которых расцвело замечательное буддийское искусство — архитектура, скульптура, живопись, образовалась художественная литература — поэзия, повесть, драма» [5].

Индийские ученые С. Датт и Р. К. Мукарджи в своей книге «Образование в индийских монастырях» на основании собранных данных, в том числе документов Кхарошти, найденных в Ние (Восточный Туркестан), пришли к выводу, что индийские и восточно-туркестанские монастыри были центрами образования, в том числе и светского. В монастырях, наряду с богословием, изучались медицина, грамматика, музыка, науки, связанные с землей, движением ветров и звезд [6].

В. В. Бартольд в своих исследованиях неоднократно указывал на значение буддизма в истории культуры Средней Азии, на контакты между буддизмом и мусульманством, а также на то, что первые медресе появились в Средней Азии и что на их создание оказали влияние буддийские монастыри [7].

Анализируя архитектуру и искусство «Мин уй», можно отметить, что они развивались здесь под влиянием Гандхарской архитектуры и искусства, но народы Восточного Туркестана, используя местные исторически сложившиеся традиции, внесли свой вклад в развитие Гандхарской архитектуры и искусства.

В начале XX в. немецкий археолог фон Лекок, изучая памятники культуры Восточного Туркестана, в том числе и «Мин уй», писал: «Буддийская культура Восточного Туркестана, которая со времен Канишки заняла здесь прочные позиции, при уйгурах получает дальнейшее развитие и обогащение. Уйгуры

---

[5] *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972, с. 89.

[6] *Асимов М. С.* Наука Средней Азии Кушанской эпохи и пути ее изучения. — В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1974, т. 1, с. 85—86.

[7] *Бартольд В. В.* Соч. т. 2, М., 1963, с. 225—227.

создают новую школу буддийской живописи, резко отличающуюся от манихейской школы» [8].

Безвестные мастера и художники создали неповторимые архитектурные ансамбли, которые и сегодня поражают нас творческим гением. Бывший посол Индийской республики в СССР, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Ш. Менон в своих путевых заметках пишет: «Она (имеется в виду фреска кизилского «Мин уй».— *И. Т.*) была ни с чем не сравнима по красоте. Джиллет (друг Ш. Менона. — *И. Т.*) обратил мое внимание на фигуру всадника — рыцаря в полном вооружении на лошади в красном уборе. И рыцарь, и лошадь были написаны с чувством и силой, редкими даже в индийском искусстве» [9].

В. В. Бартольд писал следующее о значении «Мин уй» для изучения индийской культуры: «Ученые находят здесь (т. е. в Восточном Туркестане.— *И. Т.*) материал, которого нет в самой Индии» [10].

Китайский археолог Хуан Вэн-би отмечает, что искусство росписи Дунь-Хуанской «Пещеры тысячи будд» принесено из западного края. Это искусство является буддийским. Оно было привезено с собою Кумарадживой в IV в., когда он переехал в Китай для распространения там буддизма [11].

Роль буддизма в истории Восточно-Туркестанской цивилизации и его воздействие не прекратилось и после проникновения сюда ислама. Генезис и содержание многих явлений средневековой (мусульманской) духовной и материальной культуры восходит к буддизму.

Таким образом, многие формы архитектуры, искусства и культуры народов Восточного Туркестана относятся к домусульманскому времени и изучение «Мин уй» имеет огромное значение для исследования материальной и духовной культуры, быта, этнографии, древней и средневековой истории не только народов Восточного Туркестана, но и Средней Азии, Индии и Центральной Азии.

---

[8] Цит. по: *Бернштам А. Н.* Проблемы истории Восточного Туркестана. — Вестник древней истории, 1947, № 2, с. 67.

[9] *Менон Ш.* Древней тропою. М., 1968, с. 142.

[10] *Бартольд В. В.* Соч. М., 1977, т. 9, с. 334.

[11] *Хуан Вэн-би.* Талиму пинди Коу го Цзи, с. 65.

А. ӘЛАХУНОВ (Алмута)

Совет дәври хәлиқ қошақчилири һәққидә

Еғиз әдәбиятимиз тарихида өзлириниң әсәрлири билән тонулған атақлиқ қошақчилар мәлум. Олата, Һесамидун, Аман Баки охшаш иҗаткарлар шулар жүмлисидиндур. Улар өз қошақлирида 1916-жил вақиәлирини әкс әттүрди. Кейинки жилларға қәдәр тонулған қошақчилар дегәндә шулар биләнла чәклинип кәлгән едуқ. Һалбуки, издинишләр нәтиҗисидә совет һакимийитиниң дәсләпки жиллирида қошақ яратқан қошақчиларму мәлум болди. Шуларниң бири — Меһрибану Һезбақи қизи. Һазирчә униң 1918-жил вақиәси, йәни ату вақиәсигә беғишланған бир қанчә қошақлири мәлум.

1918-жилқи бу вақиә тарихчилар С. Н. Покровский, М. Қабировларниң әмгәклиридә өзиниң тоғра баһасини алған. Кейинки вақитларғичә ату вақиәсигә қошақ яратқан бирәр қошақчиниң нами мәлум әмәс еди. Лекин айрим пикирләр можут еди. 1937-жили Алмутида 3—5-март күнлири уйғурларниң мәдәнийәт конференциясидә тиңшалған докладлар нәшриятқа «Яңливаштин туғулған уйғур хәлқи» дегән нам билән тапшурулған болсиму, топлам йоруқ көрмәй қалған.

Мәзкүр топлам қол язмисиниң үчинчи қисмида Абдулла Абдуллиниң «1916-жил вақиәси» дегән мақалиси орун алған. Автор бу мақалида 1916-жилқи вақиәни тәһлил қилиш билән биллә, ату тоғрисидики қошақлар һәққидә ейтти, уларни жиғишниң зәрүрлигини тәкитләп, Меһирбану дегән қошақчиниң қошақ яратқанлиғи тоғрилиқ язиду. Униң қошақлири «Яш уйғур» қол язма журналида берилгән.

Ат жили яман екән пулеметниң үни чиқти,
Хоймиғина яш балланиң қийнилип жени
чиқти.

Қошақларда Талғир, Әмгакчи қазақ районлири йезилирида Мураевчиларниң жүргүзгән қанлиқ жүрүшлири әкс етилгән.

Һәқиқитидиму, 1918-жили Талғирниң бай казаклири яш совет һакимийтигә қарши чиқип, бу һәрикәткә айрим уйғур байлирини жәлип қилалиған еди. Қошақчиниң тәкитлигинидәк, Қизил әскәр тәркивигә кириваlған әшәддий дүшмән Мураев вә униң қол астидикиләр бай яки кәмбәғәл, яш-қери дәп пәриқ қилмай, хәлиқни қирған:

Пәйли яман капирларниң издигини тепилди,
Иситқини яш балла барат айда чепилди.

30-жилларда хәлиқ еғиз ижадийитидә йеңи ижтимаий вәқиәлик һәққидики әсәрләр билән биллә хәлиқни революциядин илгәрки турмуши билән кейинки парлақ һаятини чоң жанрларда ипадиләшкә урунушлар йүз бәргән. Шундақ әсәрниң бирини Турсунахун қошақчи яратқан. Қошақчи вә униң әсәри тоғрисида дәсләп 1935-жили «Қазақ совет фольклори» топлимида мәлумат орун алған [1].

Турсунахун қошақчи 1818-жили туғулған, 116 яшқа киргәндә, йәни 1934-жили 6-майда вапат болған.

Кириш мидә көрситилгинидәк, қошақчи бу әсәрнни өләр алдида балилириға, нәври — чәврилиригә вәсийәт сүпитидә ейтқан екән.

Мәзкүр әсәр вә қошақчи тоғрисида топламдики бу материаллардин башқа һеч бир мәлумат йоқ. Кейинки жилларда қошақчиниң бу әсәриниң қол язмиси тепилди.

Турсунахун өз бешидин өткән вақиәләрни изчил баянлап, пәқәт совет һакимийити дәвридила һәқиқий әркинликкә қоли йетип, бәхитлик һаят кәчүргинини қошаққа қатиду. Яшларни адил әмгәк қилишқа, билим елишқа чақириду. У өз дастанини:

Йүсүп хожа оғли Имин хожа,
Шул нәсилдин төрәлгән Турсун бова.
Миндин бирини ейтай көргәнлиримниң,
У турмуш бизгә қилған әмәс һеч вапа, —

дәп башлайду.

Бир әсирдин ошуғирақ һаят кәчүргән бовай өзи гувачи болған талай тарихий вақиәләрни баянлайду. Әсәр хошлишиш билән тамамлиниду.

Гүлстандур өлкиләр!
Әнә оюн — күлкиләр.
Бәхит, тәләй сиз билән,
Қалған қаяшлар яхши қал.

Жуқурида ейтқинимиздәк, хәлиқ поэзиясиздә тарихий қошақлар көпирәк яритилди. Меһрибану, Турсунахунларниң ижадийити вә Улуқ Вәтән уруши һәққидики қошақларни тәтқиқ қилиш алда турған муһим вәзипиләрдин санилиду.

---

[1] Қазақ совет фольклоры. Алматы; Қазан, 1935, жинақ 1.

Р. САБИТОВ (Алмута)

Чақчақ жанри һәққидә

Чақчақ уйғур хәлиқ еғиз ижадийитиниң әң аммивий вә қизиқ жанридур. Хәлиқ сөз сәнъитиниң жанлиқ шәкли болған қизиқ жанридур. Хәлиқ сөз сәнъитиниң жанлиқ шәкли сүпитидә кән амминиң мәнивий һаятиға чоңқур сиңиш билән, ғайивий җәһәттин хәлиқ роһиға роһ, муңиға муң, хошаллиғиға хошаллиқ, дитиға дит қошуштәк йүксәк рольни ойнап кәлди.

Чақчақ жанриниң өзигә хас муһим хусусийити вә характерлик шәрти шуниңдин ибарәткі, чақчақта пәқәт һазиржавапликқ маһарити тәнтәнә қилиду.

Чақчақчи дегәндә, биринчидин, тәпәккүр даириси кән, мәдәний сәвийәси, аң-сезими жуқури, салаһити яхши, дили халис, зеһни очуқ, дити мол, хәлиқ тилиға бай вә уни ишлитишкә уста сөз сәнъәткарлирини тәсәввур қилимиз. Иккинчидин, көпчилик вә оттуз оғул алдида ейтилидиған һәр бир чақчақ үчүн, униң позициясиниң тоғрилиғи, адиллиғи вә һәқлиғи тәләп қилиниду. Уйғурларниң қәдимидин келиватқан миллий әнъәниси бойичә жутниң той-төкүн тамашилири, болупму оттуз оғулниң қатар мәшрәплири, умумән коллектив олтиришларниң һәммиси дегидәк чақчақчиларсиз өтмәйду.

Чақчақ жанриниң рәвнақ тепишида йүксәк роль ойниған һәжвий-күлкилик әсәрләрниң тәрәққи қилиш тарихи билән бағлиқ.

Чақчақ жанриниң рәвнақ тепишида йүксәк роль ойниған бир шараит уйғурларниң өтмүштики һаятида шәкли алған «Оттуз оғул» дәп аталмиш яш вә оттура яшлиқ әвлатлар коллективи, уларниң қиш-яз ойнайдиған мәшрәплири болди. Бу коллектив өз мәһәллисиниң той-төкүн, оюн-тамашә шуниңдәк өлүм-житим охшаш барлиқ муһимлириға қатнишип, көпниң жуқури — төвән ншлириниң һәммисини дегидәк өзлири ижра қилиш һәм яшларни тәрбийәләштә муһим амиллардин болуп кәлгән.

Чақчақ жанриниң өзиниң сюжети, композицияси болғинидәк мәзмун йөнилиш вә ярилиш хусусийити бойичә бир нәччә шәкилгә бөлиниду. Мәсилән: «Учум қилиш», «охшитиш», «қапийәлик», «ләқәмлик», «мақал-тәмсиллик», «шаңхо» охшаш шәкиллири бар.

Биринчи, учум қилиш шәклидә чақчақ объект қилинған шәхсниң дунияға келип, та мәшрәпкә қошулғичә болған һаяти түрлүк комик һаләтләр, қизиқ моментлар арқилиқ тәсвирли-

ниш билән күлкә қозғайду. Чақчақ кульминацион нуқтисиға йәткәндә у шәхс учар — қанатлар тәхлитидә учум қилиниду. Учум қилиш шәклидә чақчақ бир мавзуда йәни бир линиядин сиртқа чиқмиған һалда давам қилиду вә шуниң билән хуласилиниду.

Иккинчи, Охшитиш шәклидә болса, бир нәрсини (шәхсни) иккинчи бир нәрсигә (шәхскә) охшитип, униң күлкилик, қизиқ хусусийәтлирини яки соғақ, сәлбий аламәтлирини қапартиш, мубалиғиләш усули арқилиқ күлкә қилиниду. Чақчақниң бу шәклидә мәнидаш вә көчмә мәналиқ сөзләрдин пайдилиниш приеми чоң роль ойнайду. Охшитиш шәклидики чақчақни башлиғанда биринчи чақчақчи:

— Охшаттим, — десә, иккинчи чақчақчи:

— Немигә,— дегәнгә охшаш соал вә җавап билән давам қилиниду.

Үчинчи, Қапийәлик чақчақ қапийәлик сөзләрдин қурулиду.

Чақчақниң төртинчи шәкли — ләқәмлик. Бу шәкилдики чақчақ шәхсләрниң ләқәмлири асасида болиду.

Ләқәм, асасән, җисмани алаһидиликлири, камчиликлири, пеил етивари, мүҗәз-хусусийәтлиригә вә нуқсанлириға қарап қилиду.

Адәттә шәхсиләргә қоюлған ләқәмләр көпрәк сәлбий мәзмундә болиду. Шу нуқтидин қариғанда, ләқәмлик чақчақларму сәлбий ләқәмләрни қурал қилған һалда вә шәхсиләрниң ләқәмлирини өзлиригә қарши қоюш билән кинайә, охшитиш, көптириш, характерләш, тәтбиқләш вә уларни тәсвирләш үчүн пайдилиниду.

Бәшинчи мақал — тәмсиллик чақчақ шәкли. Хәлиқ еғиз иҗадийитидин яхши хәвири бар чақчақчилар өзлириниң чақчақлирини хәлиқ мақал — тәмсиллири, әпәнди ләтипилири, хәлиқ һекмәтлик сөзлири билән жуғуриду.

Алтинчи шаңхо. Бу термин хитайчә сөз болуп, заңлиқ қилиш вә мәсхириләш дегән мәнани билдүриду. Хәлиқ арисида шаңхони чақчақ билән арилаштуруветиш адити болуп, они чақчақниң бир шәкли дәп чүшәнгән.

Адәттә шаңхо көпирәк бир адәм тәрипидин иҗра қилиниду, бәзи вақитларда икки кишиниң баш қошишиму мүмкин.

Шаңхо күлкигә асаслансиму, лекин уни чақчақниң бир шәкли дәп қараш анчә мувапиқ әмәс. Чүнки шаңхода мәнтиқилиқ яки қизиқ сөзләрдин көрә кинайә вә доққа асасланған кона гәпләрни тәгәп шәхсләрниң зиддийитигә вә шәнигә тегидиған сәлбий һәпләр һөкүм сүриду.

Чақчақ жанри башқа хәлиқләрниң фольклоридиму можут. Мәсилән, өзбәкләрдә «Әския» дәп аталмиш жанр бар.

Шуни тәкитләш керәкки, чақчақни хәлиқ иҗадийитиниң алаһидә жанри сүпитидә баһалаш мәсилиси мошу күнгичә өз

дәриҗисидә болмай вә чақчақ нәмунилирини жиғип нәшир қилиш ишлири диққәт-етивардин хали болуп кәлди. Җүмлидин, кейинки дәвирләрдә хәлиқ арисида кәң мәлум болған данлиқ чақчақчиларниң яратқан чақчақ үлгилири өз вақтида қәғәзгә чүширип елинмиғанлиғи үчүн, йоқулуп кәткән. Мәсилән, Нияз дутарчи, Әмирдин һапиз, Нодәрбәг (моздуз), Ақтейин (машинчи), Мәңсүржан ақсақал, Җани Йолдаш, Зикри Әлпитаев, Зордун (тәмбүр), Бовхан (кор) вә шуниңға охшаш сөз устилириниң пәқәт намлирила һазир хәлиқниң арисида қалған.

Хуласиләп ейтқанда, уйғур хәлиқ еғиз ижадиниң бу саһасиға жиддий көңүл бөлүш, хәлиқ арисида бар вә йеңидин яритилған чақчақ нәмунилирини топлаш, бу жанрни илмий асаста тәкшүруш фольклоршунаслиқ алдида турған муһим вәзипиләрдиндур.

А. ШКЛОВСКАЯ (Алма-Ата)

Явление стабильности в структуре мукамного цикла

Обращение к различным сферам народного искусства наталкивает на мысль о наличии импровизационного начала в произведениях музыкальных и поэтических жанров. Это не случайно, ибо корни данного явления надо искать в самом древнем и первичном виде творчества — импровизации. Последняя возникла в тот период, когда главной формой познания человеком мира и самого себя было чувственное восприятие единичных фактов, а соответствующей формой реакции на возникающие в сознании образы — непосредственный сиюминутный отклик. Конечно, за тысячелетия импровизация очень далеко отошла от своего прообраза, но тем не менее связь с категорией чувственно-конкретного, единичного она сохранила. Это проявляется в непосредственной свободе высказывания, раскованности и т. д.

Термин «импровизация» означает особый вид творчества, при котором произведение создается непосредственно в процессе его исполнения. По отношению к явлению «макамат» термин «импровизация» трактуется несколько шире — как форма освоения макамных принципов в процессе сочинения. Мы также будем придерживаться этого определения, используя слово «импровизация» для обозначения особого рода музы-

кального целого, формы, основывающейся на специфических законах художественного творчества.

С точки зрения музыкальной структуры мукамные импровизации содержат элементы не только заранее неподготовленные автором, но и запланированные, заранее известные, закрепленные некоторыми стилистическими нормами данного вида импровизации. Это обстоятельство порождается своеобразным бытованием мукама как одного из важнейших жанров музыки устной традиции. Обучение исполнению мукамов, как известно, происходило на слух. Необходимость изустного запоминания больших по протяженности циклов предъявляет к структуре произведения (как и к структуре восприятия) особые требования. В таких условиях можно заранее предположить наличие моментов, которые облегчают как запоминание произведения, так и его воспроизведение. Эти так называемые стабильные, или канонизированные, элементы формы придают уравновешенность и прочность всей конструкции мукама, а также обеспечивают быстроту усвоения материала.

К числу общеизвестных канонизированных факторов уйгурского мукама в первую очередь следует отнести лад, понимаемый не только в рамках звукоряда, но и как регламентированную систему интонаций с определенной последовательностью переменных опор. Причем каждому из изученных нами образцов соответствует своя, индивидуальная ладовая организация, характеризующаяся особым строением звукоряда и типичными для какого-то конкретного мукама интонационными связями.

Другими не менее важными показателями стабильности можно считать количество частей в цикле, порядок их следования (Мукамбеши — Дастан — Машрап), а также характер соотношения между ними. Кроме того, каждый из мукамов несет в себе определенную сферу образных и эмоциональных явлений, отражающих различные аспекты человеческой жизни. Вокально-инструментальное изложение мукама помогает создать некоторую конкретность образа за счет единства поэтического текста и музыки и передать лиризм, патетику и т. д. Не исключено, что на протяжении долгого времени тексты мукамов могли меняться, но составители их всегда придерживались традиционных мукамных образов, отраженных в музыкальном содержании произведений. Основная нагрузка, конечно же, падает на вокальные разделы мукама, как главные носители содержания. Однако наличие инструментальных частей (маргулов), характер их соотношения с вокальными можно отнести к числу стабильных факторов данного вида импровизации.

Следующее распределение функций инструментальной му-

зыки в каждой из составляющих частей мукама — явление обязательное:

1. В Мукамбеши — инструментальная партия в целом подчиняется вокальной, точнее, сопровождает ее. Но и здесь возможна некоторая дифференциация:

а) инструментальный раздел подготавливает вступление вокального, выполняя роль тематической и ладовой настройки;

б) инструментальная линия может завершить или «допеть» вокальную, доводя музыкальную мысль до конечной опорной точки;

в) вследствие специфики вокальной музыки в плане обязательного членения ее на фразы инструментальная партия становится канвой, на которую накладывается вокальная, а в момент «остановки» последней выполняет роль связки между соседними фразами.

2. Нагрузка на инструментальную партию возрастает во второй части мукама — Дастане. Здесь можно уже говорить о наличии самостоятельного инструментального раздела (дастан чередуется с маргулом). Количество составляющих частей Дастана в каждом мукаме различно. Стабильным остается соотношение вокально-инструментального и инструментального материала.

Введение в среднюю часть мукамного цикла относительно самостоятельного инструментального раздела не случайно. Дастан в мукаме — самая протяженная и значительная по времени звучания часть. Она состоит из ряда более мелких частей, различающихся между собой музыкально-тематически и образно. В этих условиях функция маргула неоднозначна. Связывая разные по содержанию разделы, он одновременно помогает исполнителю перестроиться и перейти из одной образной сферы в другую. Причем, испытывая несомненное тематическое влияние части, к которой он непосредственно прилегает (дастан 1 — маргул 1 и т. д.), маргул все же рождает комплекс интонаций, характерных именно для этого раздела. Такую своеобразную индивидуальность музыкального материала каждого маргула помогает создать уссуль — ритмоформула, отличающая один маргул от другого не только в различных мукамах, но и внутри одного.

Канонизация в мукамных импровизациях всегда имела большое значение: с одной стороны, происходило сознательное ограничение образной сферы и средств выразительности, т. е. творческая инициатива в значительной мере сдерживалась, а с другой — эта система закономерностей, «правил» заключала в себе кодовую информацию, генезис произведения, что в условиях искусства устной традиции имело определяю-

щее значение. Творческий же талант исполнителя и творца позволял, руководствуясь традиционными установками, заключавшими рациональное начало, создавать произведения, обладающие яркими эмоциональными качествами, насыщать их индивидуальным звучанием.

С. Н. КИБИРОВА (Алма-Ата)

Уйгурские народные музыкальные инструменты

Уйгурские народные музыкальные инструменты, бытующие в настоящее время, можно разделить на следующие группы:

1. **Хордофоны:** источник звука — натянутая струна.

Дутар — щипковый хордофон; самый распространенный у уйгуров музыкальный инструмент. Корпус состоит из головки (беши) грушевидной формы, длинного грифа (дәстә) с навязанными ладами (пәдә) и шейки (бойни) — место соединения головки и грифа. Изготовляется из тутового дерева. Головка собирается из тонких деревянных ребер-планок (тала), склеенных между собой и в местах соединения перекрытых реечками из дерева или кости. Дека (үзлүк) — из древесины с тремя резонаторными щелями. Две струны, жильные или шелковые, настраивались по голосу певца. В настоящее время верхняя настраивается на «си» малой, «до», «ре» первой октавы, нижняя — на кварту или квинту вниз. Дутар широко используется как сольный, аккомпанирующий и ансамблевый инструмент.

Тамбур — плекторный хордофон; корпус состоит из двух частей: головки грушевидной формы и длинного грифа с навязанными ладами. Изготовляется из тутового дерева. К головке, выдолбленной из цельного куска, приклеивается деревянная дека с двумя резонаторными щелями в виде запятых. Пять металлических струн настраиваются: средняя (булбул сими) по голосу певца, обычно это «си» малой, «до», «ре» первой октавы; верхняя и нижняя пары — в унисон между собою и на квинту ниже средней. Тамбур используется при исполнении мукамов — раздел Мукамбеши, а также как сольный, аккомпанирующий и ансамблевый инструмент.

Рабап — плекторный хордофон; один из древнейших уйгурских музыкальных инструментов. Корпус состоит из трех частей: головки в форме строгого полушара, грифа и верхней части в форме рога, на которой помещены колки (кулаклар).

В месте соединения головки и грифа — два выступа в виде полумесяцев. Изготовляется инструмент из тутового дерева. На головку, выдолбленную из цельного куска, натягивается дека из рыбьей или змеиной кожи. Пять струн — одна жильная и четыре стальные — настраиваются: верхняя пара по голосу певца — обычно «ля», «си» малой, «до» первой октавы; нижняя, жильная, — на октаву, а две средние — на кварту или квинту ниже от верхних. Играют лектором. Равап используется как сольный, аккомпанирующий и ансамблевый инструмент.

Г е д ж а к — смычковый хордофон; широко распространен среди уйгуров. Корпус состоит из головки в форме правильного полушара и тонкого грифа. Изготовляется из тутового дерева. На головку, выдолбленную из цельного куска, натягивается дека из рыбьей или змеиной кожи. Первоначально имел две струны из конского волоса. В настоящее время струн четыре: одна стальная и три жильные, обвитые алюминиевой или серебряной канителью. Настройка кварто-квинтовая (теперь совпадающая со скрипичной). Геджак используется как сольный, аккомпанирующий и ансамблевый инструмент.

С а т а р — смычковый хордофон; менее распространен, так как требует большого мастерства при исполнении. Способ изготовления идентичен способу изготовления тамбура. В отличие от тамбура сатар имеет головку больших размеров, по форме приближающуюся к полушару, более короткий и толстый гриф. Изготовляется из тутового дерева. Количество струн колеблется от 9 до 13. Струны стальные; играют на одной, первой струне, которая находится несколько выше других благодаря особой форме подставки (тэпкэ). Остальные струны — резонирующие. Настраивается по голосу певца, обычно «соль», «ля», «си» малой октавы. Сатар сопровождает начальный раздел мукамов — Мукамбеши, а также используется как сольный, аккомпанирующий и ансамблевый инструмент.

К а л у н — плекторно-ударный хордофон; древнейший уйгурский музыкальный инструмент. Форма его представляет собой неправильный треугольник с двумя прямыми и одной выгнутой стороной. Корпус изготовляется из тутового дерева, деки, нижняя и верхняя, — из древесины ели. Струны металлические. Диапазон — две октавы: от «си» малой или «до» первой октавы вверх.

Ч а н г — ударный хордофон; форма его представляет собой трапециевидный плоский ящик. Корпус изготовляется из тутового дерева, деки, нижняя и верхняя, — из древесины ели. Струны металлические. Диапазон от «соль» малой до «си»,

иногда «ре» третьей октавы. Чанг используется как сольный, аккомпанирующий и ансамблевый инструмент.

2. **Аэрофоны:** источник звука — столб воздуха, заключенный в корпус инструмента.

Най — род поперечной флейты. Изготовляется из бамбука или древесины дуба. Имеет 12 отверстий: 6 игровых, одно для вдувания и 5 резонирующих и создающих определенную высоту звучания. Най широко используется как сольный, ансамблевый инструмент.

Кошнай — род продольных флейт (семейства авлосов): два ная соединены вместе. Изготовляется из бамбука или древесины дуба. Строй тот же, что у ная, звук более густой. Играют сидя или стоя. Используется как сольный и ансамблевый инструмент.

Сунай — род гобоев (шалмеев). Прямой цилиндрический ствол изготовляется из тутового дерева или древесины дуба. Имеет восемь отверстий: семь игровых и одно резонирующее.

Канай — род мундштучных; ствол цилиндрической формы необычайно больших размеров (1,5—2 м), расширяясь книзу, образует раструб конической формы. Не имеет определенной высоты звучания.

3. **Мембранофоны:** источник звука — натянутая перепонка.

Дап — гнутая обечайка из тутового дерева, на одну сторону которой натянута мембрана из овечьей кожи, а с другой привешены металлические кольца — погремушки.

Тевилваз — на корпус, изготовленный из красной меди в форме котла, натягивается мембрана из овечьей кожи.

Награ — на корпус, изготовленный из чугуна в форме котла, натягивается мембрана из бычьей кожи. Существуют разновидности: баш награ, оттура награ, аяк награ.

Думбак — на корпус, изготовленный из чугуна в форме котла, натягивается мембрана из бычьей кожи. Существуют разновидности: военный (джанг думбак), обычный думбак.

4. **Идиофоны:** источник звука — сам материал, из которого сделан инструмент (самозвучание).

Сапаи — две палочки из бамбука или древесины дуба соединены вместе. В верхней части два больших металлических кольца с нанизанными на них маленькими колечками.

Джупташ — два отполированных камня соединены кожаными ремешками — соударяемые клапперы типа кастаньет.

Кошук — изготовляется из древесины дуба. На стойке — полный шан, к которому кожаным ремешком присоединен долбленый ковш (сосудоклаппер).

Чак-чак — два отполированных бруска из древесины

дуба соединены кожаными ремешками — желобчатые клапперы типа кастаньет.

Ч а к ч а — два отполированных бруска из костей животных соединены кожаными ремешками — соударяемые пластиночные клапперы типа кастаньет.

Р. К. ХАСАНОВА (Алма-Ата)

К истории уйгурского музыкального театра (уйгурские синеблузники)

С самого рождения Советского государства партия и правительство уделяли особое внимание искусству, как одной из главных форм распространения социалистической идеологии, важному фактору воспитания трудящихся.

XII съезд РКП(б), состоявшийся в апреле 1923 г., принял решение о разработке и проведении ряда мероприятий для перехода от активной агитации к массовой пропаганде, имевшее огромное значение для определения путей развития театра, как и всего искусства. Это решение дало направление клубной работе в целом и художественной самодеятельности в частности. Положительной чертой самодеятельных коллективов в 20-х гг. была политическая актуальность тематики их постановок, репертуар носил преимущественно агитационный характер. В самодеятельности широко использовались инсценировки, театрализованные доклады, литмонтажи, обозрения, так называемые «живые газеты» и массовые действа.

Наибольшее распространение в середине 20-х гг. получили в клубах «живые газеты», которые возникли в 1922—1923 гг. из театрализации устного чтения. Они появились почти одновременно в разных городах Советского Союза: Москве, Ленинграде, Харькове, Тбилиси и т. д. Родившаяся в Москве в стенах Коммунистического института журналистики «Синяя блуза» дала наименование целому движению в самодеятельном театре.

Выступления «синеблузников» строились на остром злободневном материале, нередко связанном с местной жизнью. Этим сообщениям придавалась некая зрелищная привлекательность, где и танец, и песенный элемент подчинялись политической хоровой декламации, сатирическому монологу.

К середине 20-х гг. волна синеблузников достигла и Средней Азии. Зародившись в Ташкентском институте просвещения (местные группы называли себя «Кок койнак»), это движение быстро распространилось в Семиречье, где помимо

татарской группы организовались уйгурские коллективы «Кок койнак» в Алма-Ате, Джаркенте (ныне г. Панфилов) и Чилике. Одним из активных участников «Кок койнак» был композитор, ныне народный артист КазССР Латиф Хамиди. Являясь музыкальным руководителем ташкентской «Кок койнак», он подбирал музыку к инсценировкам и некоторым номерам, разучивал песни с участниками, аккомпанировал им на фортепиано, иногда на мандолине или на гитаре [1].

В Алма-Ате в 1925 г. кружок «Кок койнак» существовал в школе им. Супи Зарвата, которая являлась центральной уйгурской школой. Участниками его были А. Шамситдинов, П. Каримова, М. Маликова, Ш. Таирова, А. Илиев, А. Ахметов, Т. Разиев и др. Политическим руководителем алматинских коккойнаковцев была появившаяся в 1921 г. уйгурская газета «Камбагаллар авази», которая сообщала им материалы для постановок. Перед каждой постановкой звучал «Парадный марш» — марш-вступление, музыкальной основой которого были популярные революционные марши 20-х гг.

Одним из организаторов джаркентской «Кок койнак» был Гулам Джалилов, ныне заслуженный артист КазССР. В этот кружок входили также заслуженная артистка республики Х. Илиева, народный артист КазССР А. Шамиев. Джаркентский районо предоставил кружку здание бывшей татарской мечети, превращенное в клуб, где и ставились небольшие одноактные пьесы. «Кок койнак» рекламировал свои спектакли за неделю до постановок, на видных местах в городе были протянуты пятиметровые полотнища с названием предстоящего спектакля. А в день спектакля публика созывалась барабанным боем, возвещавшим о начале.

Уйгурские коллективы «Кок койнак» имели злободневный, агитационный, политический репертуар, в доступной форме разъясняли события текущей жизни и участвовали в политических кампаниях. В качестве материала использовались конкретные факты, которые собирали сами кружковцы. Ставили маленькие инсценировки, скетчи, посвященные раскрепощению женщин, земельной реформе, коллективизации. Основными персонажами были рабочий, дехканин, красноармеец, бай, кулак, мулла. Образы решались прямолинейно, иллюстративно [2].

Коккойнаковцы были одновременно музыкантами и певцами, танцорами и драматическими актерами. Среди них были виртуозы игры на уйгурских национальных музыкальных инструментах дутаре, рабабе, тамбуре, сатаре, дапе и гиджаке.

---

[1] *Хамиди Л.* Кок койнак. — Семиречье, 1964, 20 октября.

[2] *Кадыров А.* Годы становления. Алма-Ата, 1978.

В этом младенческом периоде уйгурского театра его будущие мастера имели очень слабое представление о сценическом искусстве, о настоящем профессиональном театре. Они его никогда не видели. Ставя короткие ими же написанные пьесы, они стремились делать все «по-всамделишному», так как понятия не имели о существовании реквизита и бутафории.

В 1931 г. впервые была поставлена многоактная пьеса «Садыр Палван», названная по имени главного героя — борца за свободу уйгурского народа, знаменитого поэта, певца-импровизатора.

Пьеса эта была плодом коллективного творчества и шла в течение двух дней, ибо уложиться в один спектакль авторы и участники ее никак не могли. Шла она при полных сборах, и зрителей нисколько не смущало то, что они должны были являться в театр два вечера подряд. Садыра играл Шамиев, героиню — Илиева, а Джалилов в этой пьесе исполнял роль китайца.

Заметное место в репертуаре коккойнаковцев занимали уйгурские народные песни и мелодии, широко были представлены танцы. Национальные танцы исполнялись в соответствующих костюмах. Музыканты, певцы и танцоры пользовались особой популярностью, они часто выезжали с концертами в окрестные селения, их приглашали на свадьбы, вечеринки. Коккойнаковцы в меру своих сил способствовали политическому и культурному росту населения.

В 1930 г. наиболее одаренные участники художественной самодеятельности и драматических кружков сгруппировались в клубе «Нацмен», где организовали уйгурский любительский драматический кружок, который сыграл большую роль в судьбе будущего уйгурского музыкально-драматического театра.

К этому времени жанр «Синей блузы» выродился, хотя и был интересным явлением в истории новой культуры уйгуров. «Кок койнак» был зародышем уйгурского театра. Он подготовил неискушенные широкие массы зрителей к восприятию нового искусства. Театры «Кок койнак» привлекали к себе таланты из народа, способствовали расширению их культурного кругозора, формированию художественного вкуса и воспитывали будущих актеров, певцов, танцоров, музыкантов, драматургов и композиторов, которые впоследствии стали прославленными мастерами. «Кок койнак» заложил фундамент профессионального сценического искусства, выработал определенные эстетические принципы и сформировал первые его признаки: реализм, народность и подлинный гуманизм.

И. СӘЙДУЛЛАЕВ (Алмута)

Муһәммәт Садиқ Қәшқәрийниң шеирийитидә иҗтимаий мотивлар

XVIII әсирниң иккинчи йериминиң башлирида манжур-хитай басқунчилири Шәрқий Түркстанға бесип кирди. Уйғур хәлқиниң басқунчиларға қарши қәһримананә күриши, әйнә шу дәвирдә яшиған шаир, язғучи, алим Муһәммәт Садиқ Қәшқәрийни тәврәндүрмәй қалмиди. Мәмликәт мустәқиллиги үчүн хәлиқ уруши башланған бу вақитта өз ара зиддийәтләрни ташлап, дүшмәнгә қарши уруш жүргүзүш лазимлиғини Қәшқәрий төвәндикичә тәриплиди.

Я рәб әткил дәфь һәм шәккак һәм бәдхаһи,
Таки болғайлар икәв бизгә адавәтдии
халас [1].

Қәшқәрий шеирийитиниң нәмунилиригә нәзәр салидиған болсақ, иҗтимаий мотивларниң мустәһкәм орун алғанлиғини байқаймиз. Шаир өз шеирлирида инсанийликни улуқлиди. Кишиләрниң аз өмүр яшисиму, һаятини мәзмунлуқ өткүзүп яхши нам қалдуруши керәклигини уқтуруп, мундақ дәйду:

Аләм ичрә һәр нә әйлаб та көтәргил яхши ат,
Көргүл ахир ахирәтдә бақи әрмәс бу һаят.
Гәрчи тапсаң Нуһ өмригә Сулайман
дәвләти,
Кәлгәй ахир бир күни беәжәл болғуң мамат [2].

Тарихтин мәлумки, Бурһаниддин хожа манжур-хитай ярдими нәтиҗисидә вә бәзи уйғур, қирғиз феодал вәкиллириниң хаинлиқ қилиши арқисида, қаратағлиқларниң үстидин ғәлибә қазанди. Бурһаниддин уйғур тарихида әң пасиқ ишни қилип, Шәрқий Түркстанни қалмақларға беқиндуруп бәргән бовиси Аппақ хожа изидин манди. У Шәрқий Түркстан пайтәхти Яркәндни бесивалғандин кейин, қаратағлиқларни, уларни әгәшкүчиләрни рәһимсиз жазалиди. Муһәммәт Садиқ ейтишичә «қан ериқ ериқ ақти. Ата баласидин, ини ағасидин айрилди». Бурһаниддин буйруғи бойичә, қаратағлиқлар әвлади пүтүнләй қирип ташланди. Муһәммәт Садиқ Қәшқәрий чоңқур ечиниш билән мундақ дәп язиду:

Кетүр сақий маца бир *нәшъәйи* мәй,
Фәләк жәври ситәмдии мунчә сөз дәй.

---

[1] *Қәшқәрий М. С.* Тәзкирәи Әзизан. Рук. ЛО ИВ АН СССР, Д 127, 27б.

[2] *Кутлуқов М.* Мухаммад Садиқ Қошғарий иҗоди ва фаолияти. Тошкент, 1973, 11 б.

Қилай өткәи замандин шикайәт,
Әзизләр сәргүзәштидин һекайәт.
Нә ишлар кәлтүруб шаһзадиләргә.
Һәммә иазук бәдән азадиләргә
Яман вәсфин баян бирлә түгәнмәс
Нәчағлиқ десә болғай әйһа-әлиас
Әдувлар хәйлидин истәб амаилар,
Қәриз әйләб әзиз ханәданлар
Қаиарә туттиләр дәшту-әдәмгә,
Дияру ханән ташлаб шум қәдәмгә.
Дияру дәшти балайи жаңгали дәрләр,
Нә жаңгал ердиким жаңгали шерләр.
Дәрәхти харнак мисли пәштәр,
Үрар әзаға аидағ тир-хәнжәр.
Көрүң бу әкисликни бу заманға,
Тафавут әйләмәс яхши-яманға.
Сөзүң қил Садиқа кам ихтияри,
Муқәррәрдур бу ишлар һәр нә бари.
Фәләкдин гәр десәң йүз миң шикайәт,
Түгәнмәс чүи аңа йоқтур инһайәт[3].

Муһәммәт Садиқ «Тәзкирәи Әзизан»да хәлқимиз тарихидики пажиәләрниң сәвәпкари болған Бурһаниддинни қаттиқ карилайду. Өз кериндашлирини вәһшийләрчә қирғанлиғи үчүн шаир аңа нәпрәт оқуйду.

Ки нисбәт бабида йоктур бу хунхар,
Ки мәи әвлад дәб, дүшмәнгәдур яр.
Ки рәһим қилмади шаһзадиләргә
Һәммә назук бәдән, азадиләргә.
Дияиәт йоқ, мунин көцлидә дәрһәм,
Нәсәбдур һәм ләқәб феьлида дәрһәм.
Хожа Әхмәд оғлиға қоюбдур ат,
Мениң оғлум дебан Бурһаниддин ат.
Мәккар каззабдин фәрзәнд олубдур,
Хожа Әхмәд оғли дәб, бәдиам өлүбдур.
Қиямәткә бу бәдиам бақий болди,
Шаһадәттә әзизләр саф болди[4].

М. С. Қәшқәрий шеирлирида кишиләрниң садақәтлик, пак вижданлиқ, болушини тәрғип қилиду. Кишиләр өзиниң аз өмридә бир-бирigә азар-бәрмәй, яхшилиқ қилип өтүши лазимлиғини алаһидә уқтуруп өтиду.

Әй, Ки барсән зинһар һеч кимгә азар әйләмә
Нәфь истәб һәм бирәвгә зулми бисйар әйләмә,
Қоймағил бежа қәдәм қилма хияиәт
кимсәгә,
Икки аләм ичрә жаниңға қатиғкар әйләмә.
Һәр нә қилким, бир йетимниң көцлини
ағритмағил,
Дәр һәқиқәт шаһдур, ул сән уни хар әйләмә[5].

---

[3] Тәзкирәи Хожаган, рук. ЛО ИВ АН СССР, Д 126, 199 б.
[4] *Қутлуқов М.* Шу йәрдә, 30 б.
[5] Тәзкирәи Хожаган, 179 б.

Муһәммәт Садиқ инсанларниң бир-бирigә достанә инсаний мунасивәт қилип, бир-бирigә яхшилиқ қилип яшашни алаһидә тәкитләйду:

Нәсибдур ашиқларға мән дәрдмәндләргә,
Ямаилиқ әйләгәигә яхшилиқ, әй бәни адәм [6].

Хуласиләп ейтқанда, М. С. Қәшқәрий шеирлири өз дәвриниң иҗтимаий сәясий вақиәлири биәлн һәмаһаң болуп, шеирийәтни хәлиқ һаяти билән йеқинлаштурушта мәлум илгириләш ясап, Шәрқий Түркстанда илғар иҗтимаий сәясий қарашларниң тәрәққиятиға мәлум һәссә қошти.

---

[6] Тәзкирәи Әзизан, 302 б.

III. ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Д. И. ТИХОНОВ (Ленинград)

Основные этапы развития культуры уйгуров

В истории культуры уйгуров обращает на себя внимание то обстоятельство, что каждый новый этап ее развития связан с важным событием в политической жизни народа. В данном случае культура уйгуров рассматривается в двух ареалах Центральной Азии.

Более ранний период связан с пребыванием уйгурских племен на р. Орхон, когда они в большинстве оставались скотоводами-кочевниками. Их культура отвечала уровню производства, социального и духовного развития. Основы этой культуры сложились в процессе формирования этнической общности уйгуров и контактов с другими народами. В экономической и социальной жизни уйгуров появляется новое. Часть скотоводов переходит к оседлому земледелию, растущие города являются центрами торговли и ремесла. На смену старой родоплеменной системе расселения приходит новая, территориальная. Идея наследственной государственной власти претворяется в жизнь. Власть кагана нуждается в единой религии и письменности. Среди письменных памятников на орхонском алфавите особое место занимает надпись в честь Моюн-Чура, составленная в середине VIII в. и рассказывающая о подвигах основателя уйгурского каганата. Памятник явился началом собственно уйгурского летописания.

Уйгурский каганат занимал обширное пространство, и города, где возникали новые отношения и новые идеологические воззрения, не в состоянии были охватить влиянием разбросанное население. Манихейство, принятое в качестве государственной религии, не проникло на кочевую периферию. Оно оставалось религией столицы и правящей знати государства, этническое единство еще не было осознано скотоводом, обитавшим на пастбищных просторах. Он сохранял верность идеалам родоплеменного устройства общества.

Археологические материалы, обнаруженные в Карабалгасуне и других уйгурских городах, дают представление о многих сторонах быта уйгуров орхонского периода и обнаруживают линии связей с другими народами. Ремесленные изделия бытового назначения изготовлялись местными ремесленниками. Сравнительное изучение керамической посуды уйгуров и соседних народов привело к важным выводам, а именно, что это производство было связано с более ранней местной традицией. Планировка городов производилась с учетом естествен-

ной воздушной вентиляции. Уйгуры применяли искусственное орошение, поддерживали плодородие почвы, пользовались ручной мельницей, выплавляли металл, занимались гончарством, однако уровень экономического развития и социальная психология ограничивали техническое совершенствование производства.

Связи с соседними народами развивались успешно. Китайские императоры проводили активную политику в отношении уйгуров, чтобы обеспечить политическое и культурное господство. Китайская культура не выходила за пределы дворцовой половины китайских принцесс, выдававшихся замуж за каганов. Контакты с согдийцами оказали положительное влияние на развитие культуры уйгуров. Согдийские мастера привлекались для строительства городов, уйгурский алфавит был создан на основе согдийского, лексика пополнялась новыми словами и терминами, и манихейство было принято от них. Буддийские миссионеры тоже достигали Карабалгасуна и строили возле города свои храмы.

Время создания уйгурского алфавита не установлено. Бесспорно одно: он был у уйгуров уже в орхонский период. Китайская иероглифика была знакома уйгурам, но не принята в качестве собственного письма.

Орхонский период в истории уйгуров занимает важное место как в формировании этнополитического сознания, так и в развитии новой культуры, связанной с ростом городов и переходом к оседлому земледелию. Новое еще не являлось господствующим, но оно возникало, развивалось в сложных противоречивых условиях.

Следующий этап развития культуры уйгуров связан с Восточным Туркестаном, где они создали свое государство в IX в. Восточное Притяньшанье с Турфанской впадиной являлось одним из древних очагов оседлой земледельческой культуры Центральной Азии. Города и монастырские поселения определяли направление духовной жизни. Уйгуры, придя в оазисы с развитой городской и земледельческой культурой, восприняли новый способ производства и весь комплекс буддийского мировоззрения. Государственной религией стал буддизм. Манихейство, христианство продолжали существовать и оказывать влияние на формирование культуры местного населения. Буддийские монастыри служили очагами религиозного учения, художественного творчества, грамотности. Остатки скульптуры, живописи, прикладного искусства являются свидетельствами высокого уровня художественного творчества уйгурских мастеров.

Изобразительное искусство Восточного Туркестана развивалось под влиянием гандхарской школы, взявшей многое

от греческого искусства. Монастырские центры Карашара, Кучара, Турфана, Хотаиа сохранили образцы скульптуры и живописи, которые соответствовали канонам буддийского искусства. Однако в пределах общепринятых традиций возникали собственные творческие школы и направления, художники которых создавали скульптурные сцены, картины и портреты, отказавшись от простого копирования. Искусство имело повествовательный характер и служило средством наглядной проповеди религиозных догм буддизма. В скульптуре сохранялась устойчивость старых форм изображения, тогда как в живописи шел процесс поиска новых приемов.

Искусство храмов Карашарского оазиса относится к более раниему времени. Живопись турфанских храмов создавалась мастерами различных школ — буддийской, сасанидской, христианско-византийской, китайской, ламаистской и др. В этом многообразии художественных течений буддийское искусство преобладало.

Роспись в пещерных храмах Кумтуры занимает особое место в художественном наследии Восточного Туркестана раннего времени. Здесь сохранились рисунки, созданные тохарскими художниками. По стилю и манере исполнения они отличаются от живописи всех остальных храмов. Прямые линии, четкие контуры характеризуют манеру исполнения тохарских живописцев. Рисунки Кумтуры имеют значение не только для истории живописи, но и для этнографии. Сообщения письменных источников находят подтверждение в рисунках. Живопись заметно отличается от турфанской и кучарской. В ней мы видим связь с тибетским рисунком.

Мусульманская культура проникла в Восточный Туркестан позже буддийско-индийской и первоначально господствовала в западных оазисах. В караханидский период Кашгар являлся крупным научным и литературным центром. В XIV в. ислам стал господствующим во всей стране, и арабская и персидская литературная традиция, идеология ислама формировали духовную жизнь уйгуров. Оформление книги, резьба по дереву и алебастру стали главными видами художественного творчества. Однако искусство каллиграфии, оформления книги не достигло высокого художественного уровня.

Цинское завоевание в середине XVIII в. и последующая колониальная политика империи явились тормозом в развитии культуры уйгуров, но не могли совсем приостановить его. Местные авторы создавали произведения различных жанров. Алишер Навои считался общепризнанным уйгурским поэтом, многие его произведения вошли в уйгурский фольклор, как и «Гулистан» Саади. Китайская культура, язык не проникали в гущу народа и не выходили за пределы административных

границ управления, конфуцианская идеология не воспринималась. Идеи освободительной борьбы определяли отношение ко всему, что было связано с завоевателями. Историко-мемуариые сочинения, художественные произведения посвящаются освободительным движениям и направлены на воспитание патриотических чувств подрастающего поколения уйгуров.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала влияние на развитие культуры уйгуров. Политика Советского правительства имела целью содействовать экономическому и культурному возрождению уйгуров и других народов провинции Синьцзян. Передовая интеллигенция знакомилась с русской культурой, воспитывалась на произведениях классиков.

Развитие культуры уйгуров происходило в постоянных связях с другими народами. Традиционные формы обогащались новыми элементами, которые со временем становились неотъемлемы, как, например, письменность. Связи с Западом на всех этапах оказывались определяющими в направлении культурного развития уйгуров.

Л. П. ПОТАПОВ (Ленинград)

Древнеуйгурские элементы в традиционной культуре алтае-саянских народов

Вопрос об уйгурских элементах в традиционной культуре алтае-саянских народов еще не рассматривался специально в научной литературе, несмотря на существенное значение его для современных исследований по такой актуальной проблеме, как исторические, этногенетические и этнокультурные связи советских народов.

Предлагаемая работа ставит целью заполнить частично этот пробел. Частично потому, что она ограничивает характеристику уйгурских элементов областью традиционных верований. Но это вовсе не означает того, что в других сферах народной жизни алтайцев или тувинцев, хакасов или шорцев такие элементы отсутствуют. Если сравнить, например, свадебные обычаи древних уйгуров с традиционной свадьбой тувинцев, то их сходство в некоторых чертах поразительно, учитывая, что сведения о них разделены во времени более чем полутора тысячами лет. Характерной особенностью традиционного свадебного обряда у тувинцев был обычай, которого при-

держивались во время окончательного закрепления предстоящего брака (именуемого *тухтээр*), по которому родственники невесты беспрепятственно забирали у приехавших родственников жениха любую приглянувшуюся им лошадь. Обычай этот по-тувински назывался *чаяр ат* 'отбирание лошади'. Однако и родственники жениха брали у родственников невесты в пользу жениха любую лошадь, которая поэтому называлась *кудээ ат* 'лошадь зятя'. Данный обычай описан применительно к уйгурам в династийной хронике Вэй шу (386—581), составленной в середине VI в., с той лишь разницей, что обе стороны брачащихся брали друг с друга не по одной, а по несколько лошадей, что санкционировалось обычным народным правом. Подобные сопоставления нетрудно было бы привести и в области материальной культуры, о чем в рамках настоящей работы я не буду говорить, а обращусь сразу же к сравнительному анализу религиозных верований, и прежде всего отраженных в таком источнике, как Irq Bitiq (= Гадательная книга), датируемом обычно IX в.. Книга написана на бумаге древнетюркскими рунами, употреблявшимися древними уйгурами, как известно, и для надписей, высеченных на камне. С. Е. Малов, издавший этот памятник, справедливо назвал его «сочинением шаманского содержания»[1–2]. Он сопоставил немало примет и поверий из него с современными верованиями таранчинских и илийских уйгуров[2]. Я же попытаюсь сделать это в отношении алтае-саянских народов, остававшихся до наших дней шаманистами, подкрепив тем самым характеристику содержания этого первого из известных нам и наиболее древнего памятника шаманской литературы уйгурского происхождения.

Начну с указания на то, что Гадательная книга насыщена ссылками и упоминаниями о Небе (Tängri) как верховном божестве, посылающем «qut» в смысле благодати, счастья и благополучия. Оно представляется могущественным, слышащим и знающим, что делают на земле не только люди, но и животные. Судя по китайской летописи, древние уйгуры устраивали большие моления Небу, на которые съезжались тысячи всадников. Здесь убивали жертвенных животных, устраивали игры, пели песни и сильно веселились[3]. Все это еще недавно было характерно и для верований алтае-саянских народов, почитавших Небо как высшее божество. Сагайцы, качинцы и бельтиры устраивали большие общественные моления Небу с жертвоприношением ягнят, а после окончания

[1–2] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с. 13, 92.

[3] *Позднеев Д.* Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, с. 23.

устраивали игры и скачки, пили вино, пели песни [4]. Поскольку почитание Неба с такого же рода общественными молениями и жертвоприношениями домашних животных было характерно и для древних тюрков, то может возникнуть вопрос, можно ли считать этот культ у алтае-саянских народов древнеуйгурским в своих истоках, а не древнетюркским? Я не берусь ответить на этот вопрос однозначно. Несомненно, что корни его уходят в древнетюркское время и, скорее всего, именно к древним тюркам, как это я пытался показать в специальной работе [5]. Но есть в этом культе и определенно древнеуйгурские черты. К ним я отношу поверье бельтиров о том, что в старину будто бы приносили в жертву Небу девушек [6]. Это поверье, видимо, является далекой исторической репликой из распространенного генеалогического предания древних уйгуров о происхождении их от девушки, посвященной Небу и вступившей в сожительство с волком — посланцем Неба.

Затем в Гадательной книге можно отметить ряд эпизодов и включений, ясно указывающих на шаманский их облик, что подкрепляется еще и тем, что их можно обнаружить в алтае-саянском шаманстве. Говорится, например, об охотнике, молившемся или камлавшем (qamlamuš) в горах. Охотник «камлал», произнося «алкыш» — молитву, сопровождая это «угощением» духов крепленными напитками (чай, вино), разбрасыванием кусочков пищи [7].

В другом месте указывается на бычка светлой масти с крапинами как на животное, угодное стать «yduq», т. е. посвященным божеству. Обычай посвящать домашних животных божеству у алтайцев (ыйык), тувинцев (ыдык, ытык), качинцев, сагайцев, бельтиров (ызык, ызых) широко практиковался еще в первой половине нашего столетия. Он был свойствен и древним тюркам. У уйгуров же наилучшей считалась при этом пестрая или пегая масть. В этом отношении весьма показательно упоминание в Гадательной книге о божестве, именуемом *Ala atlyq jol tängri* 'божество дорог на пегом коне'. Такое божество, а именно *jer jol тенгере* 'божество земных дорог', также ездящее на пегом коне (ала ат), еще совсем недавно почиталось шаманистами-телеутами Кемеровской области, живущими по рекам Большой и Малый Бочат. Пегая

[4] *Потапов Л. П.* Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов. — В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

[5] *Потапов Л. П.* К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства. — В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири.

[6] *Потапов Л. П.* Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов, с. 61.

[7] *Потапов Л. П.* Охотничьи обряды и поверья у алтайских тюрков. — Культура и письменность Востока. Баку, 1929, кн. 5.

масть у шаманистов Алтая и Саян (и у якутов) считалась ритуальной, священной, как и у древних уйгуров [8]. Поэтому едва ли есть необходимость предполагать в названном древнеуйгурском персонаже, как думает И. В. Стеблева, «нечто общее с верховным манихейским божеством Зерваном как божеством вечно текущего бесконечного времени, аллегорией которого является пегий конь» [9]. Божество это шаманское, культ которого оказался поразительно устойчивым на протяжении более чем тысячи лет.

В связи с тем, что речь зашла о названии божеств, нельзя пройти мимо еще одного наименования, упомянутого в Гадательной книге. Я имею в виду божество Эрклиг (Ärklig), которому камлал охотник. Алтайские шаманисты камлали этому грозному божеству подземного мира буквально до 30-х гг. нашего столетия. Его можно найти и в древнетюркском пантеоне, отраженном в рунических каменописных памятниках, один из которых с высокой точностью датирован С. Г. Кляшторным началом VIII в. [10]

Ограничив себя сравнительным анализом шаманских элементов, содержащихся в Гадательной книге, который дополняет сопоставления С. Е. Малова и И. В. Стеблевой, я перехожу к аргументацин, основанной на сравнительном изучении некоторых китайских известий о древних уйгурах.

Кроме описаний молений Небу, о чем говорилось выше, китайские источники сообщают, например, о том, что при каждом ударе грома уйгуры подымали крик и стреляли в небо. Не вдаваясь в разъяснения данного обычая, отмечу только, что он существовал до недавнего времени и у современных тувинцев, чем они резко отличались от соседних монголов, которые, напротив, при громовом ударе разбегались и прятались. В этом же источнике сказано и о следующем обычае. На том месте, где был зафиксирован громовой удар, уйгуры собирались на следующий год осенью и приносили в жертву барана, закапывая его в землю. Здесь молилась шаманка, а мужчины на этом месте, объезжая его верхом, делали несколько кругов. Один из них обливал кумысом ивовые прутья, а женщина (шаманка) завертывала кости жертвенного барана в кожу [11].

---

[8] *Потапов Л. П.* Конь в верованиях и эпосе Саяно-Алтая. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1947; *Он же.* Signification rituelle du pelage des chevauxchex les populations Sajano-Altaiennes. L'Ehtnographie, 1977, № 2.

[9] *Стеблева И. В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы: Тюркологический сборник. 1971. М., 1972, с. 223.

[10] *Кляшторный С. Г.* Стелы Золотого озера. — В кн.: Turcologica. Л., 1976.

[11] *Бичурин Н. Я.* Указ. соч., с. 216.

У алтайцев, как отметил еще В. В. Радлов, при жертвоприношении домашнего животного кости его завертывали в шкуру, а прутья, в которые помещался этот сверток, обливали кумысом. Радлов в свое время уже сопоставил этот обычай с древнеуйгурским [12]. Закалывание жертвенного животного — редкая форма жертвоприношения, она сохранялась у тувинцев при устройстве оваа — своеобразного жертвенника в честь хозяина местности. Однако больше всего дает ярких и убедительных параллелей сравнение древнеуйгурских элемеитов с алтае-саянскими этнографический материал. В первую очередь это относится к анализу ряда наиболее важных и характерных черт алтае-саянского шаманства, например таких, как представления о шаманском бубне и его символических названиях, о названии и магической силе самого шамана.

Уже давио известно и доказано, что у рассматриваемых народов шаманский бубен во время камлания символизировал верховое животное, на котором шаман совершал свои далекие иллюзорные путешествия по мирам, населенным духами и божествами. Поэтому его рнтуальное название сплошь и рядом отражало наименование конкретного домашнего или дикого животного (коня, верблюда, марала и т. д.). У ряда родоплеменных групп и народов, преимущественно алтайских, бубен во время камлания именовался верблюдом, но верблюдом не вообще, а «холощеным» (адан), т. е. ездовым, выраженным словом *ак адан* (букв. 'священный ездовой верблюд'), несмотря на то, что многие из современных алтайцев (телеуты, кумаидинцы, тубалары и др.) верблюдов уже не разводили и обтягивали бубен шкурой коня или дикого животного (самца козули, марала). Мне уже приходилось рассматривать эту особенность алтайского шаманства в специальной работе [13], где указывалось, что данное обстоятельство отражает наличие в прошлом верблюдоводства у многих групп алтайцев, переселившихся в лесную таежную зону Алтая из южных районов или включивших в свой этнический состав южные скотоводческие элементы. Этим объясняется и то, что в алтайском шаманстве (преимущественно в телеутском) один из духов-покровителей ак тайлак (букв. 'священный молодой верблюд') почитался «хозяином» шаманского бубна.

---

[12] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. — Записки Императорской Академии Наук, т. 22, приложеиие № 2, с. 87. Закапывание живым предназиачеиного в жертву животиого (быка, барана) зафиксироваио В. П. Дьякоиовой у тувинцев. См. ее работу «Религиозные культы тувинцев в ки.: Памятники культуры народов Сибири и Севера: (Сборник Музея аитропологии и этиографии АН СССР). Л., 1977, т, 33.

[13] *Потапов Л. П.* К семаитике иазваиий шамаиских бубиов у народиостей Алтая. — Сов. тюркология, 1970, № 6.

Обращаясь во время камлания к своему бубну, шаман называл его «алты өргөшту ак чагал», что легко переводнтся буквально следующим образом: 'с шестью горбами (верблюжьими.— *Л. П.*) священный чагал'. Но что означало слово *чагал,* было неизвестно. Шаманы, которых я еще застал действующими (в 1924—1930 гг.), не могли перевести этого слова, оно было уже забыто, хотя, по их мнеиию, означало какое-то животное. И только гораздо позднее мие удалось выяснить подлинное значение термина «чагал». Он оказался уйгурским словом, обозначающим пегого коня, т. е. коня священной масти, почитаемой и уйгурами. Это слово как название пегого коня попало к монголам и сохранилось у якутов, где шаманы называли свой бубен «пестрой лошадью»[14]. Эпитет бубна *шестигорбый пегий конь* отражает контаминацию образа священного (пегого) коня и священного верблюда. Между прочим, те телеутские шаманы, которые в обращеннях к своему бубну во время камлания называли его *ак адан,* также пользовались эпитетом *шестигорбый,* а именно *алты өргөштӱ ак адан* 'шестигорбый священный верблюд'.

Но, пожалуй, еще более показательиым в сравнительном плане надо признать слово *ильби (ильви)* и производное от него *ильбичи.* Первое из ннх переводится обычио как колдовство, волшебство, наваждение и встречается в тексте «Хуастванифт», сутры «Золотой блеск», в «Кутадгу билиг» и в словаре Махмуда Кашгарского. Второе представляет собой уже название самого шамана [15]. В этом значении С. Е. Малов отметил его и у желтых уйгуров. «Шаман по-уйгурски,— пишет он,— называется двояко: Кам (кам — шаман; камна — шаманить) и Ильчи (ilci). Кам — это более торжественное ритуальное слово, а ильчи — обыкновенное, обыденное»[16]. В другой своей работе С. Е. Малов сообщает, что настоящий шаман, т. е. шаман «по наитию на него вдохновения от божества», именуется «чын ільчы», а шаман по выучке, по наследству — «йүрген ільчы»[17]. Но у нас имеется свидетельство Джувейни (XIII в.) о том, что уйгуры называли шаманов кам [18].

Сохранилось это название шамаиа и у алтае-саянских народов, только не в одиом значении. У тувнницев — это название особо сильного шамана (ильбечи-хам), т. е. шамаиа, умею-

---

[14] *Потапов Л. П.* Исторические связи алтае-саянских народов с якутами. — Сов. этнография, 1978, № 5, с. 88.

[15] С этим значением оно отмечено в Словаре М. Кашгарского.

[16] *Малов С. Е.* Остатки шаманства у желтых уйгуров. — Живая старина. СПб., 1912, вып. 1, с. 63.

[17] *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957.

[18] The History of the world — conqueror by Ala-ad-Din-Ata Malik Jawaini. Translated from the text of Mirza Muhammad Qazwini by John Andrew Boyle. Ph. D. Vol. I. Manchester university press, 1958, p. 59.

щего творить чудеса при помощи своих духов, например вонзать себе в грудь нож, заставить капать молоко из бубна и т. п.[19] У сагайцев и шорцев ильбечи называли кама, камлавшего не с бубном, а с опахалом (јельбег). У алтайцев слово *ельби (ельбик)* выступает, кажется, в наиболее древием и главном значении и обозначает силу, вселяющуюся в шамана во время камлания и приводящую его в экстатическое состояние.

У бурят тюркского происхождения (хоринцев) слово *јельби* сохранилось в зиачении сверхъестественной силы кузнеца (черного), получаемой им от предков, как и шаманское призвание их шаманов или призвание алтайских камов. На генетическую ритуальную связь шаманов и кузнецов у сибирских народов уже давно обратили внимание этнографы. Она нередко выражалась в совмещении обеих профессий, которое ряд исследователей усматривал, например, у древних тюрков и у монголов. Мне хотелось бы обратить внимание на то, что, как выясняется, обе названные профессии базируются иа общем представлении о магической силе, лежащей в их основе, причем, как удостоверяет бурятский материал, именуемой одинаково — *ильби (ельби)*. Считается, что сила ильби (ельби) передается по наследству от предков шаманов или кузнецов и обладающие ею шаманы и кузнецы являются наиболее сильными и знатными. Сходство выступает и в том, что шаман или кузнец одинаково не мог отказаться от наследования, в противном случае он подвергался всяким бедам, несчастьям, особенно болезням, насылаемым на него предками до тех пор, пока он не подчинялся велению своих почитаемых предков. Действие магической силы считалось столь могущественным, что за тем и другим признавалась способность погубить враждебного им человека даже в рамках своей профессии.

Магическая сила, о которой идет речь, представляла собой не что иное, как совокупность духов-помощников, частично получаемых от предков — умерших шаманов и кузнецов, которые у каждого шамана или кузнеца были своими, персональными, в том числе и индивидуальными. Наконец, нельзя пройти и мимо того весьма существенного факта, согласно которому профессиональный и главный ритуальный инструмент шамана — бубен становился священным после обряда его «оживления» и недоступным даже для прикосновения женщины. Профессиональные иструменты у бурятских кузнецов также освящались во время специального обряда и становились потом запретными для прикосновения к ним женщины. И все же приходится констатировать, что несмотря на общ-

[19] *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Моиголии. СПб., 1893, т. 4, с. 63.

ность представления о магической силе и названия ее ильби (ельби), совмещение профессий шамана и кузнеца наблюдалось нечасто. У алтайских народов оно никем из исследователей не отмечалось, за исключением южных тувинцев, у которых такие случаи еще помнят и рассказывают, что тувинский шаман и кузнец одновременно именовался *цаарин*, что напоминает монгольский термин *jaучин*, которым в XI—XII вв. монголы называли шамана мужчину [20].

Таким образом, одна из основных догм шаманства алтае-саянских народов о духах — помощниках шаманов, составляющих его силу и вселяющихся в него во время камлания, оказывается также связанной с уйгурами, с их древними представлениями о духах и божествах, выраженными обобщенно словом *ильби (ильви, ельби)* и его дериватами *ильбичи, ильбик, ельбег* и т. д. Мне уже приходилось указывать, опираясь на терминологические доказательства и большой этнографический конкретный алтае-саянский материал, что в основе такого представления о духах шамана лежит почитание ветра, воздуха, на которое обратил внимание еще византийский историк Феофилакт Симокатта, когда он, перечисляя объекты поклонения древних тюрков (Огонь, Воду, Землю и т. д.), называл и Воздух. Механизмы вызывания духов при помощи опахала, создающего «дуновение», только подтверждают сообщение древнего историка [21].

Разумеется, можно было бы отметить еще ряд конкретных материалов, свидетельствующих об уйгурских элементах в алтае-саянском шаманстве, изучавшемся мною много лет в полевых условиях, в значительной степени визуально, поскольку в период 1924—1930 гг. я застал «действующих» шаманов, присутствовал при их камланиях и жертвоприношениях. Укажу, например, еще на такую характерную и существенную черту, свойственную камланию «оживления» или «освящения» первого бубна. Новоявленный кам показывал его своему божественному покровителю (чаще «хозяину» священной горы), чтобы получить его одобрение [22]. У сагайцев и качинцев в это

[20] *Гонгор Дугарийн.* Монголия в период перехода от родового строя к феодальному. М., 1974, с. 41.

[21] См.: *Потапов Л. П.* К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства.

[22] К «хозяину» горы ходили «юла» (jула) этих парией и девиц, вместе с юла кама, т. е. их «бестелесные» двойники. В конце камлания шаман возвращал юла в тело, символизируя это сильным ударом в бубен над ухом каждого. Юла представлялся вроде персонального «хозяина» человека, понятие о котором этнографы выражают обычно словом «душа». Однако само название *юла (jула)* было профессиональным шаманским термином, синонимом которого у рядовых шаманистов Саяно-Алтая были слова *кут* и *сюне*, из которых первое — древнетюркского происхождения, а второе — монгольского.

время немного позади камлающего шамана по одну сторону становились 9 парней, а по другую — 7 девиц, которые подпевали шаману, «усиливая» его голос. При этом они не заботились о каких-либо определенных словах, а повторяли отдельные отрывки из текста, который пел шаман. У алтайцев этих персонажей при таком камлании не было, но в прошлом, видимо, их камы поступали так же, что удостоверяется пиктографическим материалом в виде рисунков на шаманском бубне 9 или 7 фигурок, изображенных фронтально, как бы взявшимися за руки. Участие 9 парней и 7 девиц в молениях в качестве помощников шамана отмечено и у якутов, исторические и этнокультурные связи которых с уйгурами и алтайцами не подлежат сомнению. Данную особенность камлания я считаю уйгурской потому, что она сохранилась у современных желтых уйгуров невзирая на модернизацию и «размыв» их шаманских представлений и ритуала за многие века господства у них буддизма. С. Е. Малов лично наблюдал это у желтых уйгуров в начале нашего столетия, отметив, что молодые парни приглашаются на моленне для подпевання шаману. Не произнося слов, они только тянут звуки: а-а-а, о-о-о! У некоторых алтае-саянских народов этот обычай сохранился лучше, так как они с древних времен были и остались шаманистами. В связи с этим я хотел бы обратить внимание на ценность и значимость для нашего анализа этнографических материалов, собранных на месте С. Маловым во время его поездок к желтым уйгурам, обитающим в провинции Ганьсу Китайской Народной Республики, в частности в северных отрогах Нань-шаня,— потомкам древних и средневековых уйгуров.

Поскольку современные желтые уйгуры и алтае-саянские народы на протяжении многих веков жили далеко друг от друга и между ними не было контактов, то ясно, что сходство некоторых их религиозных верований, шаманских обрядов и приемов, ритуальной терминологии и т. п. не может быть случайным и заслуживает сравнительного изучения. Одним из ярких доказательств сохранения у желтых уйгуров остатков шаманства служат полевые записи С. Е. Малова, опубликованные автором в 1914 г. В них сообщается, например, о сохранении у желтых уйгуров шаманского моления *jaxka тей (тай)*, в названии которого слово *тей* или *тай* означает 'приносить жертву', а *jaxka* 'священное дерево'. Это «дерево» в виде ветви джиды, украшениой лентами и прутьями, обмотанными шерстью и цветиой тканью, С. Е. Малов доставил в Музей антропологии и этнографии Академии наук в качестве экспоната. Данный экспонат, который представляет собой символ священного дерева, устанавливаемого шаманами желтых уйгуров во время моления, несомненно, является рефлек-

сом древнего культа дерева, хорошо представленного в алтае-саянском шаманстве, где ленточки подвешивались на настоящее дерево и возле них нередко (главным образом у телеутов) вывешивали на горизонтально положенных жердочках куски или хорошую одежду в качестве символического «выкупа» (толу), т. е. жертвы, предназначенной для божества или духов, к которым обращался шаман при молении. Заодно отмечу, что уйгурское слово *тай,* зафиксированное С. Е. Маловым, у алтайцев и телеутов значит ‚принесение в жертву животного шаманом'. В другой своей работе С. Е. Малов отмечает слово *тай* как шаманское, означающее 'приносить жертву бурхану'. Кроме того, он приводит еще слово *тайыг* с переводом — 'шаманский обряд приглашения и призывания богов'. Этим термином до наших дней у качинцев, сагайцев, бельтиров называется моление божествам и духам, в том числе Небу и Горам.

А вот еще одна аналогия, но уже между шаманскими молениями у желтых уйгуров и тувинцев. При шаманском молении у желтых уйгуров, по сообщению С. Е. Малова, перед жилищем больного расстилали чистый войлок и ставили на него оседланную лошадь и овцу в качестве животных, посвященных божеству Неба. При этом шаман окуривает их благовониями, и животные становятся священными и неприкосновенными для женщин. У тувинцев шаман при затянувшейся болезни перед юртой больного ставил на войлочный коврик коня, посвящая его божеству и упрашивая взять на себя болезнь хозяина. Шаман окуривал посвященного коня можжевельником, мазал ему ноги и копыта маслом и объявлял его священным (ытык), запретным для женщин (даже для прикосновения к нему).

Значительная часть древнеуйгурских элементов в области алтае-саянского шаманства относится к ритуальной терминологии. Это видно не только из изложенного выше материала, но может быть показано и на отдельных терминах, таких как «алкыш», означающем молитвенное обращение шамана к божеству, с восхвалением его, с просьбой помочь вылечить больного, послать благополучие и удачу на скот, на промысел зверя, принять жертву и т. п. Это слово встречается уже в уйгурском письменном памятнике «Хуастванифт» и сохранилось у современных алтайцев, у качинцев, сагайцев (алгыс) и др. Алтайское название духа умершего человека — *узут* (обычно враждебно настроенного к оставшимся в живых, даже родственникам), у желтых уйгуров выступает как наименование злого духа вообще, и т. д.

Заканчивая изложение материала и его сравнительный анализ, уместно поставить вопрос, чем и как объяснить наличие столь многих древнеуйгурских элементов в шаманстве ал-

тае-саянских народов. Ответ дают основные результаты историко-этнографических и лингвистических исследований, посвященных этногенезу и этнической истории этих тюркоязычных народов.

Историко-этнографические исследования, основанные на комплексном использовании и анализе источников (письменных исторических, археологических, разнообразных этнографических, антропологических и др.), позволили установить следующее. Этнический состав современных алтайцев (в том числе теленгитов, телесов, телеутов, тубаларов, челканцев, кумандинцев и шорцев), затем хакасов (сагайцев, бельтиров, качинцев и кизильцев), а также тувинцев (с их такими крупными родоплеменными группами, как саян, мады, кугужет, ооржак, кыргыс, уйгур, куулар и др.), формировавшийся на протяжении многих столетий, является весьма смешанным как в целом для каждого перечисленного народа, так и для его родоплеменных групп [23].

Но установлено также и другое. У всех этих народов был древний общий этнический субстрат, главное место в котором занимали уйгуры, обитавшие в восточной части Центральной Азии по северную сторону Гоби. Они выступают в письменных источниках под разными наименованиями уже с первых веков н. э. вплоть до образования ими своего государства на Орхоне в середине VIII в., сначала в составе различных объединений и конфедераций кочевых племен теле, которые они чаще возглавляют. Этническим ядром их государства были две большие группы, получившие известность в упомянутых источниках под числовыми названиями: «тоғуз уйгур» и «он уйгур» (т. е. девять и десять уйгуров). Оба эти названия отражены в уйгурских рунических надписях на каменных стелах, обнаруженных в Моиголии. Из них преобладающей и господствующей группой были токуз-огузы. Из их среды выходили каганы.

С падением Уйгурского государства в 840 г. под натиском енисейских кыргызов половина уйгуров откочевала на запад и юго-запад, разделившись в пути на две группы. Одна из них осела в Ганьсу, другая — в северной части Восточного Туркестана. Вскоре они основали два новых государства, из которых наибольшее развитие и известность в истории получило государство Кочо (850—1250), где уйгуры в IX—XII вв. достигли высокого развития [24].

Однако значительная часть их осталась и рассеялась в го-

---

[23] См.: *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; *Он же.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; *Он же.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

[24] *Hamilton J. Les* Onighours a l'epoque des Cing Dinasties. Paris, 1955; *Gabain A.* Das Leben im uiqurischen Königreich von Qoco. Wiesbaden, 1973.

рах и лесах на большой территории нынешней Монголии и Тувы, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники, особенно в Туве, где далекие потомки этих уйгуров сохранили свое самоназвание вплоть до наших дней. Я зафиксировал его еще в 60-х гг. среди тувинцев Западной Тувы в таких этнонимах и эпонимах, как *уйгур, он уйгур, ондар уйгур* или просто *ондар, кара-уйгур* [25]. Г. Н. Потанин отметил самоназвание *уйгур* сто лет тому назад, в районе озера Хубсугул среди монголоязычных дархатов, т. е. потомков выходцев из северо-восточной Тувы, которые были переданы в XVIII в. цинскими оккупантами в ведомство Хутухты — главы ламанстской церкви, находившегося в Урге. Г. Н. Потанин сообщил также, что омонголившиеся по языку дархаты называют язык хубсугульских тувинцев уйгурским [26].

У современных алтайцев (соседей тувинцев) этнонима *уйгур* нет, но зато в их самоназваниях сохранился широко распространенный этноним *теле (теленгиты, телесы, телеуты)*, которым именовали ближайших исторических предков уйгуров, именно гаогюйцев, в китайских письменных источниках в период истории Северных династий (386—532), в истории Суйской (581—618) и Танской (618—907) династий. В древнетюркских рунических надписях из них упоминается объединение девяти племен под названием Токуз-огуз, в которое входили и которое возглавляли уйгуры. Следовательно, современные алтайцы, как и некоторые другие алтае-саянские народы (тувинцы и др.), являются в значительной степени потомками древних уйгуров. Это важное заключение удостоверено и лингвистическими исследованиями, среди которых наиболее существенное значение имеет вывод известного советского тюрколога Н. А. Баскакова, который пишет: «Основным этническим субстратом алтайцев являются уйгурские роды и племена, смешавшиеся позднее с огузами и кыпчаками» [27]. Стало быть, наличие древнеуйгурских элементов в традиционных верованиях алтае-саянских народов, и особенно алтайцев, вполне закономерно и объяснимо.

В связи с изложенным возникает еще один вопрос: с какими уйгурами или с какой группой уйгуров связаны рассмотренные выше уйгурские элементы в алтае-саянском шаманстве? На этот вопрос можно ответить вполне обоснованно: это относится к уйгурам, составлявшим основное ядро их государства на Орхоне, которые в то время были шаманистами, как были шаманистами оставшиеся и рассеявшиеся здесь группы уйгуров после падения Уйгурского каганата. Ушедшие же

---

[25] Очерки народного быта тувинцев, с. 63—64, 68—69.
[26] *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии, т. 4, с. 13.
[27] *Баскаков Н. А.* Алтайский язык. М., 1958, с. 28.

на запад и юго-запад уйгуры провозгласили манихейство и буддизм государственной религией их новых государств, а позднее среднеазиатские уйгуры обратились и к исламу. Но в этих государствах в рядовых массах уйгуров шаманские верования продолжали сохраняться в остатках и пережитках и дожили до нашего столетия. У них, в частности у желтых уйгуров, эти следы оставили уйгуры из селеигинской группы Токуз-огуз, среди которой находился династийный клан, именуемый Яглакар и зафиксированный в рунических памятниках из Монголии, датируемых первой половиной VIII в. Этот эпоним фигурирует и в тексте известной Тибетской рукописи № 1283 из коллекции П. Пельо, представляющей собой перевод сообщения уйгурских послов середины XIII в.[28] Он попал под своим названием как династийный каганский род в один из саянско-хотанских документов, датируемых 925 г., и известен под названием «Свиток Holstein'a»[29]. Кроме того, Таншу неоднократно отмечает, что из этого рода (яглакар) происходили уйгурские каганы. Наконец, весьма показательно и то, что этот род был обнаружен под своим древним названием и у современных желтых уйгуров[30]. Поэтому кажется вполне естественным, что у желтых уйгуров, как и у алтае-саянских народов, сохраннлись древнеуйгурские шаманские черты, несмотря на то, что здесь давно утвердился буддизм (ламаизм). Столь долгое сохранение остатков шаманства у буддистов желтых уйгуров скорее всего можно объяснить тем, что шаманы здесь сумели приспособиться к ламаизму и таким образом сохранить шаманские верования.

Мне кажется, прав С. Е. Малов, который полагал, что сохранением этих остатков мы обязаны исламу в том смысле, что шаманство здесь приспособлялось к нему и что этому способствовало закрепление шаманства в рукописных обрядниках (рисале)[31]. Приведенное мнение исследователей находит подтверждение и у киргизов, которые, будучи мусульманами, сохраняли традиционные шаманские верования, в том числе явно идущие из глубин древнетюркских времен (почитание Неба, богини Умай, культ Йерсу). Но киргизские шаманы (бакши) начинали и заканчивали свои моления чтением мусульманских молитв, обращением к мусульманским пророкам и святым[32]. Такого рода данные публиковались в этнографи-

[28] *Bacot J.* Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cing envolyes onighours an VII-e siecle. Journal Asiatique. Paris. 1956; *Clauson G.* A propos du Manuscrit Pelliot Tibetain 1283.

[29] *Baily H. W.* The Stäel-Holstein miscellany. Asia Major, p. 1, pg. 1.

[30] *Малов С. Е.* Енисейская письмеиность тюрков. М.; Л., 1952; *Он же.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 34.

[31] Шаманский камень Яда. — Советская этнография, 1947, № 1.

[32] *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фруизе, 1972.

ческой литературе и относительно шаманов (баксы) у казахов, также исповедовавших ислам. Я нахожу возможным отнести приведенную аргументацию и к Гадательной книге. Некоторые исследователи вслед за В. Томсеном и А. Габен определяют ее как манихейскую, главным образом из-за приписки в конце текста, указывающей на то, что книга написана для манихейской общины [33]. Однако, как было показано выше, Гадательная книга является памятником шаманской литературы. Упомянутая приписка и некоторые места ее текста, которые можно толковать с позиций манихейства, лишь отражают сложную религиозную ситуацию, возникшую у древних уйгуров в связи с установлением у них в последней четверти VIII в. манихейства как государственной религии. Этот интересный в научном отношении письменный рунический памятник несомненно способствовал сохранению некоторых шаманских верований и обрядов у рядовых уйгуров в новой для них исторической среде.

М. КУТЛУКОВ (Ташкент)

Рукописи и документы по истории Восточного Туркестана в XVI — 60-х гг. XIX в. и его взаимосвязи со Средней Азией

История Восточного Туркестана в XVI — 60-х гг. XIX в. слабо изучена в советской исторической науке. Это видно из того, что не установлена даже хронология династий чагатайских ханов и ходжей, правивших в этой стране до завоевания ее Китаем.

В докладе делается попытка осветить некоторые рукописные источники и документальные материалы, хранящиеся в рукописном фонде ИВ АН УзССР по истории Восточного Туркестана указанного периода.

Источников по истории Восточного Туркестана интересующего нас периода крайне мало, среди них наибольший интерес представляют «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара, написанный в 1542—1546 гг. «Бахр ал-асрар» Махмуда Ибн Вали, «Раузат ар-Ризван» Бадриддина Кашмири, «Хроника» Шах-Махмуда Чураса, анонимный труд «Тарих-и Кашгар», «Хидайат-наме» Мир Хал ад-дина ал-Ярканди, «Тазкира-йи азизан» Мухаммеда Садыка Кашгари, «Аппак ходжа Монагиби» и др. Из

[33] *Стеблева И. В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. — Тюркологический сборник. 1971. М., 1972, с. 222.

этих источников к настоящему времени изданы только «Тазкираи ходжаган» Мухаммеда Садыка Кашгари (на английском языке) и «Хроника» Шах-Махмуда Чураса.

«Тарих-и Рашиди» представлен у нас в двух списках: на персидском и уйгурском языках (инв. № 10191), уйгурский переводчик «Тарих-и Рашиди» Ходжа Мухаммед Шариф снабдил сочинение обширным предисловием и сделал от себя добавление, продолжив историю правителей Восточного Туркестана с 1546 г. до 30-х гг. XIX в. Эта часть книги представляет большой интерес. В русской исторической литературе бытует ошибочное мнение, что Восточный Туркестан со времен похода Галдана Бошокту (1678) потерял свою независимость и стал данником Джунгарского ханства. Поход Галдана Бошокту Чокан Валиханов отнес к 1678 г., Н. Я. Бичурин — к 1683, западноевропейские авторы — к 1684—1685 гг., а В. В. Бартольд указывает 1680—1683 гг. Советские историки придерживаются хронологии В. В. Бартольда.

Наш источник вносит ясность в этот вопрос. Чтобы окончательно подчинить себе Восточный Туркестан, калмыкам потребовался один поход. Галдан не менее четырех раз водил войска на Яркенд. Однако только его преемник Цеван Рабтан в 1713 г., пользуясь войной между Кашгаром и Яркендом, подчинил эту страну и превратил ее в своего данника. С этого времени Восточный Туркестан потерял свою независимость в полном смысле этого слова. До того там еще правили потомки Чагатая Абдрашид хан (1678—1682), Мухаммад Имин хан (1682—1692) и Мухаммад Мумин хан, более известный как Акбаш хан (1695—1706), которых нельзя считать ставленниками джунгарского хана. Они были вполне независимыми правителями Восточного Туркестана, вели ожесточенную борьбу с джунгарами за независимость своей Родины и сами погибли в этой борьбе.

Ходжа Мухаммед Шариф включил также две главы о правлении ходжи Аппака и его сыновей, которых нет в «Тарих-и Кашгар» анонимного автора. Эти главы дают яркое представление о том, какой ожесточенный характер приняла борьба между двумя политическими группировками в Восточном Туркестане —«черногорцами» и «белогорцами»— после смерти ходжи Аппака в 1693 г. Как указывает кашгарский автор, после смерти ходжи Аппака его сыновья разделились на две группы — одна из них выступала за независимость страны, другая хотела жить под эгидой Джунгарского ханства. На этой почве возникла гражданская война, которой воспользовались джунгары для подчинения себе страны.

Некоторые новые сведения по истории Восточного Туркестана XVI в. содержатся в сочинении Бадриддина Кашмири

«Раузат ар-Ризван» (инв. № 2094). Там помещено несколько писем кашгарских ханов и султанов, адресованных их наставникам — джуйбарским шейхам в Средней Азии. Эти документы представляют большой интерес и помогают понять суть междоусобной борьбы, вспыхнувшей между Турфаном и Яркендом. Некоторые письма выясняют отношение шайбанида Абдулла-хана к Кашгару и вскрывают причины похода Абдулла-хана на Кашгар и Яркенд.

Много фактического материала по истории Восточного Туркестана конца XVII—XVIII в. содержится в «Хидаят-наме», написанном в 1142/1729—30 гг. Мир Хал ад-дином ал-Ярканди (инв. № 1682). Там немало сведений о борьбе за власть между группировками «черногорцев» и «белогорцев» и об активном вмешательстве в эту борьбу калмыцких и киргизских феодалов для установления своего господства в Восточном Туркестане.

«Тазкира-йи азизан» у нас представлен в единственном списке (инв. № 45). Он написан на уйгурском языке и заключает в себе описание политических событий, происходивших с XV в. вплоть до 60-х гг. XVIII в. Однако некоторые данные, содержащиеся в этом источнике, нуждаются в проверке. Тем не менее сочинения Мухаммеда Садыка Кашгари являются ценным источником, основанным на оригинальных материалах.

Много любопытных сведений содержит «Аппак ходжа Монагиби» неизвестного автора. Любопытно, что если при ходже Аппаке «белогорцы» боролись за интересы джунгарских феодалов и подвергли гонению «черногорцев», выступавших в защиту независимости страны, то теперь, с изменением ситуации, «белогорцы» становятся борцами за независимость Восточного Туркестана, а их соперники «черногорцы»— опорой джунгарского господства в Восточном Туркестане.

В рукописном фонде хранится большое количество документальных материалов, так называемых «Муншаат» и «Иншаат» (переписка ханов и образцы ханских грамот), составленных секретарями ханского двора. Среди них мы обнаружили копии нескольких писем бухарских ханов кашгарским ханам и султанам, а также переписку последних с кокандским и бухарским правителями. Эти документы имеют важное значение для выяснения межгосударственных отношений Средней Азии и Восточного Туркестана.

Некоторые материалы, относящиеся к завоеванию Восточного Туркестана Цинской империей, содержатся в вышеуказанном приложении к «Тарих-и Рашиди»: сведения о посылке Бурханиддина в Кашгар, подчинении им городов Восточного Туркестана, о борьбе Бурханиддина за независимость страны

и подавлении восстания с помощью уйгурских беков и киргизов, подкупленных китайцами. Там же содержатся сведения о кашгарских хакимбеках Муса гуне, Османбей Сибеке, Юсуф-беке, Умар-беке, Юнус-беке, Саидмухаммад-ване и Исхак-ване и событиях в Кашгарии при этих беках, в частности о восстании ходжи Джахангира, Мадюсуфа и других и подавление этих движений руками тех же беков.

Ценные и достоверные сведения о восстании ходжи Джахангира и Мадюсуфа содержатся в сочинении кокандского историка Хакимхана Тюре «Мунтахаб-ат-таварих», написанном в 1259/1843—44 гг. Там же содержатся некоторые сведения о кашгаро-кокандских отношениях.

Ценным для истории Восточного Туркестана представляется сочинение имам-Али Кундузи «Таварих-и Манзума». Оно включает хронологический перечень исторических событий в Кокандском ханстве и в Кашгарии в первой половине XIX в. и содержит хронограмму, посвященную назначениям и смещениям кашгарских и яркендских хакимбеков Зохуриддина Таджибека, Юнус-бека, Ахмад-бека, Исмаил-бека, Апиридун-вана и др., восстаниям ходжи Джахангира, Мадюсуфа и др. Автор упоминает поэтов и ученых, живших в Кашгарии и Коканде, в частности Молла Нияз-ахунда, известного под псевдонимом «Ниязи». По словам автора, он заведовал домом ученых Яркенда, но из-за несогласия с Апиридун-ваном был вынужден бежать в Хотан, где умер в 1271/1854—55 гг.

Некоторые ценные сведения о взаимоотношениях Коканда с Кашгаром в период правления Якуб-бека содержит сочинение Мирза-алима б. Мирза Рахим Тошканди «Ансоб ас-Салатаин ва Таварих-эл-хавакайин». Подобные сведения встречаем в сочинении кокандского автора Моллы Нияза «Тарих-и Шахрухи», в сочинении Молла Аваза Мухаммада-Аттара «Тарих-и Джахан Нуман» и др. Сведения кокандских авторов позволяют поправить еще одну ошибку, встречающуюся в исторической литературе, а именно: после переселения кашгарских ходжей в Коканд китайцы вступили в переговоры с Умар-ханом и заключили с ним секретный договор об установлении надзора над ходжами, за что китайцы платили хану ежегодные пособия. Этот договор был заключен не Умар-ханом, как указывается в русской исторической литературе, а его предшественником Алим-ханом (1798—1810), напавшим на Кашгар и вынудившим китайцев пойти на уступки кокандцам.

В одном из собраний фонда нами обнаружены копии дипломатической переписки Якуб-бека с английским правительством в Индии по поводу подавления дунганского восстания в Урумчи. Эти документы проливают свет на взаимоотношения госу-

дарства «Йетти шахар» с соседними государствами и вскрывают причины подавления дунганского восстания.

В рукописном фонде ИВ АН УзССР хранится свыше 300 уйгурских рукописей, относящихся к истории и культуре народов Восточного Туркестана. Я остановился лишь на некоторых из них, имеющих непосредственное отношение к интересующему нас периоду. Эти сочинения и документы позволяют сделать некоторые выводы:

1. Исторические события, происходившие на территории современного Синьцзяна, зачастую были связаны с жизнью Средней Азии. Сам факт образования в начале XVI в. Яркендского ханства был следствием тех событий, которые совершились в конце XV — начале XVI в. в Средней Азии и Казахстане в связи с вторжением кочевых узбеков в Мавераннахр.

2. Образование Яркендского ханства способствовало консолидации уйгурского народа, процветанию его культуры, умножению его силы и могущества. В период правления султана Саид-хана и его первых преемников влияние Уйгуристана распространилось далеко за пределы Восточного Туркестана. Войны Мансур-хана с Минской империей вернули Турфану захваченные китайцами уйгурские земли на Востоке. Яркендское ханство, просуществовавшее почти 170 лет, стало прочным заслоном на пути китайской экспансии на Запад.

3. Внешнеполитические успехи государства султана Саид-хана укрепили его международный авторитет, однако его отношения с государством Шайбанидов в Средней Азии оставались враждебными. Ход событий в Средней Азии показал ошибочность традиционной политики моголов — союз с казахами против узбеков-шайбанидов. Преемники султана Саид-хана не могли не учитывать сложившейся обстановки в Средней Азии и отказались от традиционного внешнеполитического курса на установление отношений дружбы и родства с узбеками-шайбанидами, что дало возможность Абдрашид-хану, опираясь на поддержку узбеков, разгромить казахов и присоединить к своим владениям северо-западную часть Могулистана. О дате заключения названного союза в исторической литературе существуют противоречивые данные. Наши документы вносят ясность и в этот вопрос и подтверждают предположение о том, что этот договор был заключен при Убайдулла-хане в 1533—1539 гг.

4. Могуло-узбекский союз, заключенный Абдрашид-ханом, просуществовал почти 60 лет и в самом конце XVI в. был разорван с нападением шайбанида Абдулла-хана на Кашгар. Но некоторые документы, включенные в «Раузат ар-Ризван», дают основание утверждать, что эта акция была вызваиа отка-

зом кашгарских ханов выдать бежавших в Кашгар узбекских царевичей. Разрыв отношений между Средней Азией и Восточным Туркестаном в известной степени был использован казахами и киргизами для возобновления набегов на Могулистан.

5. Вплоть до 60-х гг. XVII в. не было каких-либо попыток обеих сторон восстановить отношения, и только нашествие ойратов в Среднюю Азию заставило среднеазиатских правителей возобновить дружественные отношения между двумя государствами.

6. Что касается традиционных торгово-экономических и культурных связей, существовавших между двумя народами, то они успешно развивались в рассматриваемый период. В сборниках стихов среднеазиатских писателей, составленных в XVII в., встречаем имена некоторых уйгурских поэтов и писателей, среди которых наибольшей известностью пользовались Баяни Хитаи, живший в Хорезме при дворе Мухаммада Рахим-хана, Булшани Кашгари, живший и творивший в Самарканде, Суний Хитаи, Нигмат Мир Нурдин Кашгари и мулла Нияз Кашгари, стихи которых были помещены в «Тазкирят-аш-Шуара», составленном Мутрибе и в «Музакарат ал-асхаб» Мухаммад-бодий Самарканди.

7. Материалы рассматриваемого периода содержат много интересных сведений о взаимоотношениях народов Восточного Туркестана с народами нынешнего Казахстана и Киргизии. В источниках отмечается, что начиная с XIV в. во всех событиях, сотрясавших эту страну, казахи и киргизы принимали самое деятельное участие. В XVII в., когда киргизы были вытеснены калмыками из Тянь-Шаня, многие киргизские племена откочевали в Восточный Туркестан, и с этого времени их судьба тесно переплеталась с судьбой уйгурского народа.

8. Материалы и документы рассматриваемого периода освещают различные аспекты взаимоотношений народов Средней Азии и Восточного Туркестана в течение 360-летнего периода. Эти материалы свидетельствуют о том, что народы современного Синьцзяна в историческом, экономическом и культурном отношениях представляли единое целое с народами Средней Азии и Казахстана. На протяжении многих веков эти народы находились в постоянном общении друг с другом, не раз совместными усилиями давали отпор иноземным захватчикам и отстаивали политическую независимость. Вместе с тем они свидетельствуют, что народы Синьцзяна силой оружия были покорены правительством Цинской империи. Это завоевание было облегчено феодальной раздробленностью страны и племенной борьбой самих народов Синьцзяна.

9. Свободолюбивый уйгурский народ и другие народы Синьцзяна неоднократно поднимали вооруженные восстания против цинского режима. В течение XIX в. произошло 7 крупных восстаний против цинского господства в Синьцзяне. В этой борьбе уйгурского народа народы Средней Азии — узбеки, казахи, киргизы и другие — принимали самое деятельное участие. При каждом неудачном восстании уйгурские повстанцы, спасая жизнь, тысячами устремлялись в Среднюю Азию и находили здесь приют и убежище.

Кокандские правящие круги нередко использовали восстания уйгурского народа в своих интересах и вступали в переговоры с цинами об установлении надзора над кашгарскими ходжами, проживающими в Коканде, за что цины выдавали кокандским ханам ежегодное пособие серебром и чаем. Таким путем в течение 40 лет кокандцам удавалось получать право беспошлинной торговли с Кашгаром, а по договору 1832 г. — право сбора торговых пошлин с иностранных товаров в городах Восточного Туркестана в пользу кокандской казны. Для этого в Кашгар посылались кокандские аксакалы — политические и торговые представители кокандского хана в Восточном Туркестане.

В многовековой совместной борьбе росла и крепла дружба и сотрудничество между народами Средней Азии и Восточного Туркестана. Реакционные силы Китая боялись дружбы между братскими народами России и Китая. Поэтому они неоднократно пытались подорвать сотрудничество между ними. Однако, как показывает исторический опыт, реакционные силы могли вооруженной рукой изолировать народы в территориальном отношении, но воспрепятствовать дружбе и сотрудничеству между ними они не смогли.

И. И. ЮСУПОВ (Алма-Ата)

Завоевание Восточного Туркестана Китаем и его последствия

Наиболее жестоким периодом в истории китайского и неханьских народов, входивших в состав Китайского государства, был период господства Цинской династии (1644—1911).

«Маньчжурские правители установили самый коварный, самый отвратительный в истории Китая национальный

гнет»[1], — говорится в «Очерках истории Китая», вышедших под редакцией видного китайского историка Шан-Юэ. В работе современного китайского автора Лю Чжэнюйя «Краткая история национальностей Китая» (Чжунго цзянши. Далянь, 1947) гневно осуждается кровавая политика цинского императора Цянь-луна и его сатрапов в отношении тюркских народов, который предписывал всячески культивировать и разжигать национальную вражду между неханьскими народами окраин и даже физически их уничтожать. В результате такой политики, заключал Лю Чжэнюй, тюркские народы в экономическом и культурном отношениях были отброшены далеко назад. С гневом обличал он кровавые злодеяния цинских палачей Цзо Цзунтана, Лю Минчжуя и многих других, которые с чудовищной жестокостью истребляли дунган, уйгуров, мяо — всех осмелившихся выступить против маньчжуро-китайского угнетения[2].

Естественно, великоханьская политика жесточайшего классового и национального угнетения не могла не вызвать сопротивления неханьских народов, которое зачастую выливалось в вооруженную борьбу. Только за сто лет до провозглашения КНР неханьские народы Китая более сотни раз поднимались против жесточайшего гнета маньчжуро-китайских поработителей[3].

После разгрома некогда могущественного Джунгарского ханства маньчжуро-китайскими войсками обрело самостоятельность Уйгурское государство в Восточном Туркестане. Но вскоре над ним нависла новая угроза закабаления со стороны более могущественной Цинской империи, чреватая в будущем пагубными последствиями для уйгурского народа, для его национальной государственности и культуры. Захват Джунгарского ханства и включение его территории в 1755 г. в состав Цинской империи являлись лишь частью экспансионистской политики маньчжуро-китайских захватчиков. Цинская экспансия продолжала развиваться дальше на северо-запад, где сохранило свою самостоятельность Уйгурское государство. К тому же уничтожение Джунгарского ханства, данником которого являлись уйгуры, не привело к их механическому присоединению к цинскому Китаю.

Все попытки цинского императора овладеть Восточным Туркестаном мирным путем не имели успеха. Посланная им миссия Турунтая провалилась, а после этого направленный для переговоров с Хан-Ходжой и Бурхан ад-Дином замести-

---

[1] Очерки истории Китая. М., 1959, с. 557. [Пер. с кит.]

[2] *Лю Чжэнюй.* Краткая история национальностей Китая (Чжунго миньцзу цзяньши). Далянь, 1947. [На кит. яз.]

[3] Народный Китай, 1954, № 3, с. 16.

тель главнокомандующего цинскими войсками Чжао Хуй фудутун Аминьдао был убит [4].

Для включения Восточного Туркестана в состав Цинской империи маньчжуро-китайским захватчикам необходимо было силой оружия разгромить защитников его независимости и овладеть такими важнейшими политическими и культурными центрами, как Яркенд, Кашгар, Уч-Турфан, Аксу, Кучар и Хотан.

Несмотря на то что освободившееся от джунгарского ига небольшое Уйгурское ханство в Восточном Туркестане не представляло какой-либо угрозы для огромной Цинской империи, тем не менее оно подвергалось с ее стороны агрессии. После разгрома в 1759 г. защитников Восточного Туркестана маньчжуро-китайскими войсками оно было насильственно включено в состав Китайской империи.

Народные массы Восточного Туркестана оказали героическое сопротивление маньчжуро-китайским завоевателям, и оно было сломлено только благодаря огромному превосходству в численности и вооружении цинских войск. Современник тех трагических событий уйгурский автор Мухаммед Садык Кашгари так писал о трагедии, постигшей героических защитников Яркенда: «Не было ни одного человека, который не лишился бы ближнего: одни потеряли матерей, другие — детей, третьи — отцов своих: весь город был в трауре» [5].

Относительно быстрому и легкому завоеванию «Алтышара» цинским Китаем способствовал ряд обстоятельств: подавление освободительного восстания ойратов (1756—1757) во главе с Амурсаной, феодальная раздробленность и крайнее обострение внутриполитической борьбы между белогорскими и черногорскими ходжами, приведшее к истощению и фактическому расколу страны на два непримиримых лагеря, и, наконец, благоприятная международная обстановка, в особенности позиция России, стоящей за поддержание добрососедских отношений с Китаем. Вместе с этим захват Восточного Туркестана Цинской империей был ускорен и облегчен предательством крупных феодалов и беков. Боясь потерять власть и привилегии после победы белогорских ходжей Бурхан ад-Дина и Хан-Ходжи, из городов «Алтышара» в Пекин бежала группа феодалов. Она обратилась к китайскому императору с просьбой помочь им освободить их страну от джунгаров и ход-

[4] *Кузнецов В. С.* К истории завоевания империей Цин Восточного Туркестана. — X научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1979, ч. 2, с. 9.

[5] *Махмуд Садык Кашгари.* Тазкираи Азизан. — ЛО ИВ АН СССР, Д127, с. 114. Цит. по: *Сайдуллаев И.* Историко-литературное произведение «Тазкираи Ходжаган» Мухаммеда Садыка Кашгари. — Известия АН КазССР. Серия филологическая, 1979, № 1, с. 44.

жей. В Пекине эти предатели были приняты цинским императором, им были оказаны почет и уважение и предоставлены средства [6]. Цинский император Цянь-Лун не замедлил воспользоваться этим случаем, чтобы осуществить давно задуманные планы захвата Восточного Туркестана, тем более что белогорские ходжи Бурхан ад-Дин и Хан-Ходжа не оправдали его надежд. В 1756 г. для подавления национально-освободительного восстания Амурсаны китайский император направил в Джунгарию войска во главе с Чжао Хуем. А вместе с ним была отправлена и группа уйгурских феодалов-предателей, бежавшая в Пекин. После прибытия в Джунгарию Чжао Хуй секретно переправляет их в Восточный Туркестан для обработки общественного мнения в пользу китайцев. Цинские лазутчики распространяют слухи о «справедливом» и «честном» правлении китайского императора, об «освободительной миссии его войск» и т. д. [7] Все это не могло не повлиять на настроение народа и до известной степени не снизить активности его сопротивления цинскому завоеванию.

Восточный Туркестан после ликвидации Уйгурского государства и насильственного включения его территории в состав Цинской империи был превращен в колонию Китая. Об этом свидетельствуют политические, военные и хозяйственно-экономические мероприятия цинских властей. В Восточном Туркестане, переименованном в Синьцзян, что означает 'новая линия', илн 'новая граница', была установлена колониальная система административного управления во главе с генерал-губернатором, непосредственно подчиненным цинскому императору. Высшая гражданская и военная власть находилась в руках маньчжуров и китайцев, которые стояли во главе округов и крупных городов. Вместе с этим в новой колонии была сохранена для удобства управления и эксплуатации народных масс местная система самоуправления, существовавшая до завоевания.

Вся территория Восточного Туркестана была разделена цинскими властями на 6 частей, или округов, составлявших одно генерал-губернаторство во главе с хова-амбанем. Он подчинялся наместнику цинского императора в Синьцзяне цзяньцзюню. В каждом крупном городе и округе того же названия был поставлен губернатор-амбань из числа маньчжур, которому подчинялись гарнизон, глава местного самоуправления хакимбек и его помощники [8]. Генерал-губернатор наделялся

[6] *Мухаммед Имин.* Тарихи Шарки Туркестан (=История Восточного Туркестана). Кашмир, 1940, с. 351.

[7] Там же.

[8] *Куропаткин А. Н.* Кашгария. СПб., 1879, с. 102; *Думан Л. И.* Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. — В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966, с. 282.

неограниченной властью и правами в управлении Синьцзяном и в решении судеб его населения. Главные чиновники местной администрации — хакимы, беки, судьи и их помощники назначались и смещались императором и цинскими колониальными властями.

Во всех крупных городах и важных населенных пунктах Восточного Туркестана были расположены военные гарнизоны маньчжуро-китайских войск. Население было лишено права свободного передвижения, для чего требовался специальный пропуск. Наряду с этим местным жителям Синьцзяна запрещалось заниматься торгово-предпринимательской деятельностью.

С первых же дней цинского колониального господства в Восточном Туркестане мы наблюдаем варварское отношение к национальной культуре и традициям уйгурского народа. Об этом свидетельствует уничтожение культурных и архитектурных памятников, религиозных храмов, кладбищ и общественных зданий, имеющих большое историческое значение и художественную ценность. После их разрушения строительные материалы — лес, кирпич, камни и др. — цинские власти использовали для строительства новых зданий колониальной администрации, казарм и буддистских храмов по китайскому образцу. У населения были отняты хорошие дома и превращены в казармы или переданы китайским переселенцам под жилье [9].

Многочисленные налоги и повинности тяжелым бременем легли на плечи народных масс. Над народом совершалось постоянное насилие и необузданный произвол. Некогда цветущие города — Кашгар, Яркенд, Кучар, Хотан и другие потеряли свое значение как торговые, культурно-экономические центры. Страна, ранее славившаяся именами таких выдающихся ученых, как Махмуд Кашгарский, Юсуф Хас-Хаджиб Баласагунский, Молла Муса Сайрами, Абдурахим Низари и другие, превратилась в место кровавых расправ маньчжуро-китайских завоевателей с непокорным народом. «Цинское завоевание различных национальностей несло с собой разрушение производства, уничтожение производительных сил, национальный гнет и эксплуатацию. Завоевание вызвало материальное и духовное опустошение у народов и различных национальных меньшинств и тем самым ввергло их в состояние застоя, либо замедлило их развитие»[10]. Цинское завоевание Восточного Туркестана и превращение его в колонию Китая развалили экономику страны, наиесли невосполнимый ущерб

---

[9] *Мухаммед Имин.* Тарихи Шарки Туркестан, с. 352—353.
[10] Очерки истории Китая, с. 560.

культуре уйгурского народа, привели к ликвидации его национальной государственности.

Тяжелым был гнет маньчжуро-китайских поработителей, невыносимым деспотизм китайского императора. Трудовой уйгурский народ нес на своих плечах тяжелое бремя многочисленных налогов и повинностей в пользу китайских завоевателей и местных феодалов. Китайские колонизаторы постоянно издевались над народом, глумились над его обычаями и религиозными чувствами, унижали человеческое достоинство. В своем рвении выслужиться перед колонизаторами не отставали от своих хозяев и местные феодалы-предатели.

Все коренное население повсеместно испытывало глубокое недовольство китайским господством. Надежда на освобождение от чужеземного порабощения не покидала народ.

Чаша народного терпения была переполнена. И весной 1765 г. в Уч-Турфане вспыхнуло антицинское восстание, которое, не успев распространиться на другие города края, было жестоко подавлено цинскими карателями в союзе с местными феодалами. Последние жители восставшего Уч-Турфана в количестве более 2300 человек все до единого были истреблены маньчжуро-китайскими солдатами в декабре 1765 г. в местности Модо. Об этом доносил в Пекин синьцзянский наместник [11]. Однако это не сломило свободолюбивого духа уйгурского народа, который уже с начала XIX в. неоднократно поднимал мощные восстания против ненавистного чужеземного господства.

А. И. НАРЫНБАЕВ (Фрунзе)

Развитие общественно-философской мысли уйгуров во второй половине XIX в.

Вооруженные выступления уйгурского народа против социального и колониального гнета во второй половине XIX в. в Синьцзяне сопровождались активной борьбой в области идеологии — между реакционными и прогрессивными направлениями общественно-политической мысли. Представители реакционного направления — улемы, богословы, поэты-мистики, выражая интересы феодалов, отстаивали реакционно-схоластическую идеологию. Они стремились сохранить феодальные формы эксплуатации трудящихся, отвлечь их от классовой

[11] *Кузнецов В. С.* Уч-Турфан пажиэси. — Коммунизм туғи, 1976, 15 апрель 3 б.

борьбы, держали в темноте и забитости. Религиозные мракобесы выдвигали лозунг: «Казага риза, балага сабри» 'Человек должен встречать и несчастье и смерть терпеливо' и призывали трудящихся безропотно переносить как социальный, так и национальный гнет.

В активной борьбе против внутренних и внешних врагов — местных феодалов и колонизаторов, а также против реакционной идеологии возникла и окрепла прогрессивная общественно-политическая мысль уйгурского народа во второй половине XIX в. Крупными представителями демократического направления в этот период были Садыр Палван, Билал Назым, Молла Шакир и Сеид Мухаммед Каши.

В условиях, когда в Синьцзяне господствовали феодально-крепостнические отношения и колониальный гнет, не было реальной возможности для развития научно-философского творчества. Поэтому важнейшие философские проблемы, поставленные на повестку дня развитием общественных отношений и борьбой трудящихся, прежде всего крестьянства, решались литературой. Решительная борьба масс против маньчжуро-китайских колонизаторов и преданных им местных эксплуататоров, чувства, мысли и настроения угнетенного народа нашли отражение в произведениях прогрессивных уйгурских поэтов и мыслителей, большинство которых (Садыр Палван, Билал Назым и Молла Шакир) были непосредственными участниками вооруженной борьбы народа.

С ростом освободительной борьбы трудящихся неизмеримо повысилась роль и значение литературы. Она становится главной ареной политической борьбы масс за национальное и социальное освобождение. Литература была наиболее доступным и мощным оружием в разоблачении великодержавно-шовинистической политики и идеологии.

В произведениях Садыра Палвана, Билала Назыма, Моллы Шакира, Сеида Мухаммеда Каши осмысливались и объяснялись многие важные общественные явления того времени. Характерной особенностью их творчества было то, что при анализе социальных явлений главное внимание они уделяли основной проблеме того времени — проблеме противоречия между колонией и метрополией. Народные массы выступали не только против маньчжурских чиновников, китайских помещиков и торговцев, но и против местных феодалов, преданных цинским захватчикам. Поэтому демократические воззрения поэтов того времени имели не только антиколониальную, но и антифеодальную направленность. Поэты ясно видели, что в современном им феодальном обществе существует имущественное неравенство между людьми. В яркой поэтической форме они показывали резкие контрасты условий жизни трудя-

щихся и эксплуататоров. Садыр Палван, говоря о социальном неравенстве между людьми, подчеркивал:

Гожамлар халва йесә,	Ходжи лакомятся халвой,
Кәмбәғәлләр кан ютти.	бедняки глотают кровь.

Или:

Бегимләр халавәттә,	Беки наслаждаются,
Кәмбәғәлләр кахшайду.	бедняки — рыдают.

По их мнению, основной причиной всех несчастий трудового народа является феодальная эксплуатация и колониальный гнет. Вместе с тем они не ограничивались критикой существующего строя, а призывали массы к активной борьбе против социального зла, но указать пути и средства ликвидации антагонизма между классами они не могли. Симпатии уйгурских гуманистов были на стороне трудящихся. Считая людей равными от природы, поэты отстаивали права личности. Стремление трудящихся к национальной независимости, их чаяния и глубокие патриотические чувства нашли яркое выражение в мировоззрении прогрессивных поэтов. В своих произведениях они уделяли большое внимание проблемам равноправия, дружбы между народами, подчеркивали общность интересов трудящихся различных национальностей в борьбе против социального и национального гнета, резко осуждали великодержавно-шовинистическую политику и идеологию колонизаторов. Они полагали, что единственным путем избавления от национального гнета является укрепление дружбы между народами и объединение их усилий в борьбе против общего врага — колонизаторов и служивших им местных феодалов.

Выражая умонастроения трудящихся, уйгурские поэты стремились укреплять дружбу народов Синьцзяна с великим русским народом. В своей борьбе за независимость уйгуры возлагали большие надежды на русский и другие народы России. Трудящиеся массы были убеждены в том, что только тогда, когда они свяжут свою судьбу с русским народом, возможно избавление от восточной деспотии, от насилия и колониального притеснения маньчжуров. Отмечая дружеские чувства уйгуров к русскому народу, В. М. Певцов указывал, что жители Синьцзяна «магометане, сунниты... далеко не фанатичны и относятся довольно дружелюбно к иностранцам, в особенности к русским» [14]. С глубоким уважением и теплотой писал о русском народе поэт Сеид Мухаммед Каши в поэме «Шерхи Шикасте» (=«Толкование сокрушенного»), он видел светлое будущее своего народа в тесном содружестве с великим русским и другими народами России, а Билал Назым

[14] *Певцов В. М.* Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. СПб., 1895, ч. 1, с. 63.

стремился ознакомить народы России с духовной культурой уйгуров, поддерживая дружеские связи с русским востоковедом Н. Н. Пантусовым.

Уйгурская прогрессивная общественно-политическая мысль выросла под воздействием различных идейных влияний. Прежде всего она была законной наследницей всего передового, что было создано предшествующими поколениями. О преемственности развития общественного сознания Ф. Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. писал: каждая конкретная эпоха «располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит» [15].

Таким материалом для формирования прогрессивной общественно-политической мысли второй половины XIX в. послужило творчество поэтов предшествующего периода. Садыр Палван, Билал Назым, Молла Шакир, Сеид Мухаммед Каши и другие имели солидную идейную базу, которая была подготовлена замечательными уйгурскими поэтами Хиркати, Залили, Навбати, Низари, Гариби, Зияи, Назугумом и другими.

Кроме того, прогрессивные деятели литературы были хорошо знакомы с произведениями ученых и поэтов Востока — арабских, персидских, индийских, азербайджанских, узбекских, афганских и других. Уйгурам была хорошо известна поэзия Фирдоуси, Рудаки, Низами, Дехлеви, Физули, Саади и особенно Джами и Навои.

Прогрессивные уйгурские поэты продолжили и развили демократические тенденции. Они отражали интересы трудовых слоев населения, и прежде всего крестьянства. Их произведения были близки и понятны народным массам. В произведениях Садыра Палвана, Билала Назыма, Моллы Шакира, Сеида Мухаммеда Каши трудящиеся находили для себя духовную пищу.

Борьба народных масс Синьцзяна против колониального гнета во второй половине XIX в. получила отражение во многих произведениях уйгурских поэтов и писателей. Это стихи и песни Садыра Палвана; «Зафарнама» (=«Поэма о победе») Моллы Шакира; «Газалият» (=«Лирические стихи»), «Китаби газат дар мульки чин» (=«Война мусульман против китайцев»), «Чингмоза Юсуфхан» (=«Юсуфхан с длинным колпаком»), «Назугум» Билала Назыма; «Шархи Шакиста» (=«Толкование сокрушенного») Сеида Мухаммеда Каши; «Таарих-и эмние» (=«История владетелей Кашгарии» Мусы Сайрами; «Джама ат таварих» (=«Собрание историй») Ходжи Юсуфа; «Тарих нама Якубхан» (=«История Якубхана») Мах-

[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 419.

Муда бек бин Мир-Ахмеда Шейх-Гариба; «Китаби тарих жадидаий жадида» (=«Книга по новой истории») Кари Курван Алия; «Кашгар тарихи» (=«История Кашгарии») Мухаммада Аляма и другие.

Таким образом, мировоззрение уйгурских мыслителей второй половины XIX в. сложилось под влиянием объективных и субъективных факторов. Крестьяне стихийно вели войну против колониального гнета, с оружием в руках выступали против маньчжурско-китайских поработителей и местных эксплуататоров. И социальным источником воззрений поэтов того времени является эта борьба.

Прогрессивность мировоззрения видных поэтов второй половины XIX в. выражалась прежде всего в том, что они были сторонниками социального прогресса, отстаивали права и достоинства человека труда, выступали против колониальной политики и шовинистической идеологии, резко осуждали местных феодалов, торговцев и духовенство, высоко ценили благородное влияние демократической культуры великого русского народа на народы Синьцзяна и ориентировались на Россию, игравшую прогрессивную роль в отсталой Азии.

Особенность их творчества заключается в широком показе социальных отношений, политической жизни, борьбы народных масс против феодально-крепостнической эксплуатации и колониального гнета.

Значение творчества Садыра Палвана, Билала Назыма, Моллы Шакира, Сеида Мухаммеда Каши выражается не только в том, что их сочинения являются источником изучения истории, социально-экономических и политических отношений и духовной культуры Синьцзяна того времени, но и в том, что их труды — прекрасная основа для объективного подхода к проблеме исследования демократических идей, социально-политических взглядов, этических воззрений, эстетических идеалов трудящихся, свободомыслия, атеистических тенденций, психологии народа.

Несмотря на недостатки и ограниченность, поэты второй половины XIX в. внесли значительный вклад в развитие прогрессивной общественно-философской мысли уйгурского народа.

М. Н. КАБИРОВ (Алма-Ата)

Переселение илийских уйгуров в Семиречье и его прогрессивное значение

В истории каждого народа есть события поистине огромного значения. Таким событием в жизни уйгуров Илийского края явилось принятие ими русского подданства и переселение в Семиречье в последней четверти XIX в.

Еще в 1871 г., когда Россия вынуждена была временно оккупировать часть уйгурских земель, «<...> не встречая никакого сопротивления со стороны местного уйгурского населения, русские войска заняли Илийский край с центром в городе Кульдже» [1].

Нахождение Илийского края в течение 10 лет (1871—1881) в составе России имело ряд прогрессивных моментов. Это видно и из официального обращения илийских уйгуров к России. Они, равно как казахи и киргизы, ища защиты от посягательств китайских завоевателей, еще осенью 1872 г. писали: «Невыносимые притеснения от китайцев, властвовавших над нами 100 лет, заставили нас для спасения своих жен, детей от гибели восстать против них. Мы восстали и овладели ими... С приходом вас мы убедились, что только под властью русских обретем желаемое спокойство, подобно Ташкенту, Самарканду и другим великим мусульманским городам. Мы желаем навсегда остаться в подданстве Великой России и надеемся под ее крепкой рукою найти благоденствие, справедливый суд и свободное исповедание мусульманской нашей веры» [2].

О том, что это было искренним стремлением илийских уйгуров, свидетельствуют и памятники народного творчества. Уйгуры слагали песни, отражавшие их симпатии к русскому народу [3].

Еще будучи в Илийском крае, уйгуры положительно отнеслись к мероприятиям русских властей по восстановлению и расширению промышленности края. Вместе с тем сюда были командированы специалисты: врачи, инженеры, учителя, агрономы, которые завоевали расположение народа. Агроном Фетисов много потрудился над внедрением табака, овса и других культур, врач Семенов впервые в истории уйгуров ввел

---

[1] *Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В.* К истории формирования русско-китайской границы. — Международная жизнь, 1972, № 6, с. 24.

[2] Ист. архив КазССР, ф. 21, д. 1а, л. 66. Об этом же см.: *Кабиров М. Н.* Переселение илийских уйгуров в Семиречье. Алма-Ата, 1951, с. 47.

[3] См.: *Пантусов Н. Н.* Война мусульман против китайцев. Казань, 1881, с. 10—15.

оспопрививание. Вначале илийцы с недоверием относились к оспопрививанию, но потом убедились в его благотворных результатах, причем немалую роль сыграло то, что прививку производила специально обученная группа уйгурской и дунганской молодежи, явившаяся лучшим агитатором этого дела. Добрую память о себе оставил учитель Васильев, который открыл школу в г. Кульдже для местного населения. В школе впервые стали преподавать естествознание, географию и арифметику, школа также преследовала цель познакомить учащихся с русским языком. Таким образом, илийцы имели моральную основу для добровольного переселения в пределы России.

Широкие народные массы Илийского края восприняли принятие русского подданства как своеобразный союз с Россией, который мог бы обеспечить им мирную жизнь и положить конец посягательствам на их свободу со стороны цинских захватчиков.

Уйгуры-переселенцы не только возродили оседлую жизнь на значнтельной части Семиречья, не только удвоили его оседлое население, но и, перенеся туда многовековой опыт земледельческого труда, изменили его облик. По истечении каких-нибудь двух десятков лет о них уже писали: «В кульджинских переселенцах мы встретили людей труда, трезвой и честной жизни. В экономическом смысле они представляют значительную производительную силу. Огромные равнины, остававшиеся с древних времен пустынными под палящим солнцем... теперь как бы ожили от векового сна и превратились в цветущие нивы» [4].

Жизнь доказала, что принятие илийскими уйгурами русского подданства и добровольное присоединение к России были очень важными событиями в их жизни. Они навсегда избавили переселенцев от варварского гнета цинских претендентов на мировое господство и способствовали сближению с великим русским народом, узбеками, казахами, киргизами и другими тюркоязычными народами Средней Азии и Казахстана.

В экономическом отношении прогрессивные последствия пребывания уйгуров в составе России заключались прежде всего в том, что был положен конец безраздельному господству феодально-крепостнических отношений, существовавших в Илийском крае. Распад феодально-крепостнических отношений и частичная замена их капиталистическими вовлекали уйгуров-переселенцев Семиречья в общероссийский рынок.

В социальном отношении последствия пребывания уйгуров в Семиречье состояли в первую очередь в том, что среди равно наделенных землей уйгуров-переселенцев начался процесс

[4] Новое время, 1900, 22 июля.

расслоения, приведший к возникновению новых социальных группировок и к обострению классовых противоречий. Классовые противоречия внутри уйгурского общества способствовали сближению трудящихся уйгуров с трудящимися русских селений. Безземельное крестьянство, как и безземельное дехканство, испытывало в одинаковой мере жестокую эксплуатацию кулаков и баев. Общие интересы борьбы с эксплуататорами и с общим угнетателем—царизмом все более объединяли трудящихся-переселенцев. Особенно близки были интересы пролетаризованных слоев казахского, уйгурского и русского населения Семиречья.

Влияние русского революционного рабочего движения сказывалось на уйгурских трудящихся Семиречья. Оно мобилизовало их на борьбу с угнетателями, пробуждало в них национальное самосознание.

В культурном отношении основным прогрессивным последствием присоединения к России для уйгуров было приобщение их к передовой культуре великого русского народа. Это дало уйгурам возможность значительно опередить в культурном развитии своих зарубежных братьев.

Одновременно с этим нельзя не заметить, что и уйгуры в свою очередь оказали положительное влияние на местное население Семиречья. Исследователь этого края известный русский социал-демократ П. П. Румянцев писал: «Переселение таранчей (т. е. уйгуров Илийского края. — *М. К.*) привило туземному населению Семиречья культурный элемент: таранчи прекрасные земледельцы, искусные ремесленники и предприимчивые торговцы... и когда вы теперь проезжаете по этой цветущей местности с прекрасными древесными насаждениями, производящей массу хлеба и дающей урожай лучшего в крае винограда, персиков и других фруктов, вы не поверите, что 30 лет тому назад это была безводная пустыня, почти лишенная растительности» [5].

Принятие илийскими уйгурами русского подданства, присоединение к России и переселение на ее территории в 1880—1882 гг. были глубоко позитивными событиями в их жизни, предопределившими дальнейшие социально-экономические и культурно-политические преобразования.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась коренным поворотным пунктом в жизни илийских уйгуров-переселенцев. Она не только навсегда связала судьбу уйгуров Семиречья с судьбой великого русского народа, с судьбами и других братских народов, но и избавила их от

---

[5] *Румянцев П. П.* Условия колонизации Семиречья. — Вопросы колонизации, 1911, № 9, с. 207—208.

социального и национального гнета, вывела на широкую дорогу новой и счастливой жизни.

Победа колхозного строя в уйгурском кишлаке и социалистические преобразования сельского хозяйства вызвали изменения во всех сферах жизни уйгурского дехканина.

Осуществление ленинской национальной политики, социалистического преобразования сельского хозяйства, претворение в жизнь ленинского плана строительства социализма, охватившего все социальные слои и производительные силы общества, производственно-общественные отношения и духовный мир людей, привели к выравниванию уровней экономического, политического и культурного развития уйгуров республик Средней Азии и Казахстана с другими народами нашей страны.

Достаточно сказать, что в нашей стране в данное время среди уйгуров насчитывается свыше 100 докторов и кандидатов наук, работающих в Алма-Ате, Ташкенте, Москве, Ленинграде и других городах. Среди них имеются и члены-корреспонденты республиканской и союзной академий наук. Число советских уйгурских писателей — членов Союза писателей СССР достигло трех десятков. Выросли количественно и качественно кадры уйгурской творческой интеллигенции. Более 30 актерам, композиторам и дирижерам присвоено звание народных и заслуженных артистов братских республик Средней Азии и Казахстана, 20 уйгурских специалистов сельского хозяйства удостоены звания Героя Социалистического Труда, четыре воина уйгура в годы Великой Отечественной войны получили звание Героя Советского Союза. Среди советских уйгурских ученых, работников искусства и тружеников колхозных полей есть лауреаты Ленинской премии (Т. Ахунова), Государственной премии (А. Рахимов, К. Кужамьяров), премии Ленинского комсомола (М. Хамраев). За годы Советской власти уйгуры Казахстана совершили величайший скачок от феодальных отношений к новому общественному строю — социализму, достигли небывалого расцвета своей национальной по форме, социалистической по содержанию культуры.

В. С. КУЗНЕЦОВ (Москва)

Вклад русских ученых в изучение материальной культуры уйгуров

Оазисы Центральной Азии явились очагами мировой цивилизации. Еще античные авторы (Птолемей) писали о высоких башнях в стране «ойхардов», т. е. уйгуров. Персидский автор Гардизи с восхищением говорил о водяной мельнице, которой

пользовались жители бассейна Тарима. О полнокровной жизни городов Кашгарии и об искусстве их ремесленников поведал средневековому европейцу путешественник из Венеции Марко Поло.

С захватом империей Цин Восточного Туркестана в конце 50-х гг. XVIII в. страна уйгуров была изолирована от внешнего мира. Завоеватели, для которых только Поднебесная являлась средоточием цивилизации, с пренебрежением относились к многовековой культуре уйгурского народа.

До середины минувшего столетия культурное наследие древних насельников Восточного Туркестана оставалось по существу неизвестным для мира европейской цивилизации. Немногочисленные сочинения китайских авторов, посвященные Синьцзяну, которые были доступны широкому читателю на Западе, не содержали сколько-нибудь серьезных сведений о культурных памятниках коренных обитателей страны.

Преданную забвению многовековую культуру уйгурского народа воскресил из небытия научный поиск плеяды русских ученых. На этом обстоятельстве должно сделать особый акцент, ибо на Западе предпринимались и предпринимаются попытки замолчать или преуменьшить вклад русской науки в изучение цивилизации Центральной Азии. Достаточно, к примеру, сказать, что такой широкоизвестный специалист, как О. Латтимор, в своей книге «Центр Азии» среди тех, кто своими изысканиями восполнил наши представления о прошлом Центральной Азии, первыми называет британского подданного А. Стейна, немцев А. Грюнведеля, А. фон Ле Кока. И ни словом при этом не обмолвился о подлинных первооткрывателях древностей Центральной Азии — А. Э. Регеле, Н. Ф. Петровском.

В 1879 г. русский естествоиспытатель Регель в Турфанском оазисе открыл остатки города Ходжо, бывшей столицы Уйгурского государства. Регелю принадлежит не только первое подробное описание архитектурного ансамбля Ходжо, но и принципиальной важности суждение о наличии в Турфане самобытной культуры зодчества и архитектуры, носителями которой было местное, некитайское население. Уже по стопам А. Э. Регеля в исследовании древней цивилизации Турфана шли западноевропейские исследователи А. Стейн, А. фон Ле Кок и др.

Пионером всестороннего изучения памятников материальной культуры собственно Кашгарии был Н. Ф. Петровский (1882—1884). С его именем связано обследование таких памятников, как Хан-уй, Учма-Раван.

На основании обследования Хан-уя Петровский сделал весьма важный вывод о том, что в древности на территории

Восточного Туркестана существовали самостоятельные центры стекольного производства. Это заключение, которое подтвердили позднее ставшие доступными письменные свидетельства, дало основание критически подойти к бытовавшему однобокому представлению о Китае как о «мировой мастерской», снабжавшей ремесленными изделиями некитайцев-соседей или, как их именовали сами китайцы, «варварскую периферию».

Предпринятое Петровским изучение культового памятника Учма-Раван показало, что техника штукатурки, применявшаяся уйгурами Кашгарии, сродни той, что употребляли жители Бухары, Ташкента. Это обстоятельство — свидетельство культурной общности тюркоязычного населения Средней Азии и Кашгарии.

Своими находками монет Н. Ф. Петровский расширил прежние представления о денежной системе древнего Восточного Туркестана, о его внешнеторговых связях. На золотых и серебряных монетах были выбиты арабские письмена. Это дает основание заключить, что Китай не был единственным и главным торговым партнером Восточного Туркестана в древности. Последний имел широкие экономические связи с мусульманским миром на западе.

Н. Ф. Петровского по праву следует считать первооткрывателем кашгарских древностей.

Кичась своим умением обрабатывать землю, китайцы пренебрежительно отзывались о земледельческих навыках уйгуров. В сочинениях китайских чиновников (Чунь Юань, Ван Шу-нань и др.) говорится, что уйгуры — неважные земледельцы, агротехника у них примитивна. Это заведомо ложное представление, которое навязывалось европейскому читателю, развенчали русские исследователи. Г. Е. Грумм-Гржимайло с восторгом рассказывает европейскому читателю о громадных и хитроумных гидротехнических сооружениях — кяризах, увиденных в Турфане. Кяризы — плод выдумки и усилий уйгурского земледельца, писал Грумм-Гржимайло, достойны не меньшего восхищения, чем египетские пирамиды.

В коллекции, собранной Л. Б. Громбчевским во время путешествия по Кашгарии, обращает на себя внимание набор инструментов. При помощи его жители Яркенда и Хотана когда-то обрабатывали нефрит, добываемый в водах Юрун-каша и Кара-каша. Мы не случайно говорим «когда-то». С завоеванием Кашгарии китайцами уйгурам запретили добывать для себя нефрит. Матово-зеленые и белые куски столь ценимого китайцами камня «юй» отвозили в Пекин. Искусство уйгурских мастеров по камню пришло в упадок. И вот этот набор нехитрых инструментов безмолвно напоминает о тех бесценных творениях, которые некогда выходили из-под рук уйгур-

ского мастера. Русскими учеными были прочтены первые яркие страницы многовековой истории материальной культуры Восточного Туркестана, в созидание и развитие которой достойный вклад внесли уйгуры.

А. С. ТАКЕНОВ (Алма-Ата)

К вопросу участия уйгурских трудящихся в революционном движении в Семиречье

В конце 1919 г. представители ряда восточных стран создали в Ташкенте Совет интернациональной пропаганды, которым руководил основатель Коммунистической партии Турции Мустафа Субхи. Совет имел китайскую, персидскую, индийскую и турецкую секции, выпускал газеты, журналы, брошюры, листовки на восточных языках. Весной 1920 г. Совет сообщил В. И. Ленину, что приступает к изданию журнала «Революционный Восток» на русском, английском, турецком и персидском языках [1]. 14 октября 1920 г. Туркбюро РКП(б) и исполнительное бюро ЦК КПТ образовали Туркестанское бюро Коминтерна для ведения интернациональной пропаганды на Востоке.

Известны факты широкого участия в революционном, интернационалистском движении трудящихся уйгуров в Семиречье. В начале февраля 1919 г. А. Розыбакиев, И. Таиров и С. Зарватов, поддерживая инициативу коммунистов, создали молодежное общество «Инкилабий уйгур» (=«Революционный уйгур») с отделениями в Малыбае, Карасуйской, Курамской волостях, в г. Джаркенте и уезде. В конце 1919 — начале 1920 г. была создана организация трудящихся — выходцев из Восточного Туркестана — «Союз алтышарских рабочих».

В распространении революционных идей большую роль играли позже члены кружка по изучению Восточного Туркестана, созданного в Ташкенте в 1924 г. восточно-туркестанскими студентами, приехавшими учиться в Советский Союз.

Исследователями ранее не были использованы материалы Семиреченского областного бюро союза китайских рабочих в России, организованного в 1921 г. на территории Семиреченской области. Эта организация представляла собой ответвление Союза китайских рабочих в России, центральный исполнительный комитет которого находился в г. Ташкенте, в пре-

[1] *Хейфец А. Н.* Ленин — великий друг народов Востока. М., 1960, с. 182—183.

делах Туркестанской республики, входившей в состав РСФСР. В источниках союз назывался Революционным союзом алтышар-джунгарских рабочих уйгур или революционным союзом «Уйгур» (такой союз существовал, например, в Караколе в 1922 г.). В нем преобладали уйгуры и дунгане, которые в большинстве имели китайское гражданство. Собственно китайцев среди них почти не было. Численность китайских подданных в Семиречье в 1920 г. достигала 15 тыс. человек, затем значительно уменьшилась. Китайские трудящиеся состояли исключительно из кашгарлыков (уйгур) и десятков семей дунган [2].

Местные союзы китайских рабочих и батраков существовали до 1921 г. Например, в г. Джаркенте такой союз отмечен в конце 1920 г.[3] Весной 1921 г. союзы китайских рабочих и батраков в Семиречье действовали во всех семи уездных городах (Пишпек, Пржевальск, Нарын, Джаркент, Гавриловск, Капал, Лепсинск), а также в г. Верном (Алма-Ате) и в двух селениях — Токмаке и Беловодском.

Однако членами союза китайских рабочих и батраков стали немногие. Так, в марте 1921 г. насчитывалось в Пишпеке 43, в Джаркенте — 14, в Алма-Ате после чистки — 108 членов [4]. Созданию союзов мешали приспешники китайского правительства — аксакалы, купцы, баи и духовенство. Они всячески противодействовали объединению китайских трудящихся [5].

В укреплении союзов китайских рабочих Семиречья важную роль сыграл I областной съезд, состоявшийся в г. Алма-Ате 17—21 января 1921 г. На нем присутствовали 16 делегатов с решающим и 4 делегата с совещательным голосом. Это были представители Верненского, Джаркентского, Пишпекского и Пржевальского союзов, делегаты от Семиреченского отделения СИПВ (Союз иностранных пролетариев Востока) и от Туркестанского бюро Коминтерна Абдурахман Амиров, Юсуф Давлеткельдиев и Абдулла Розыбакиев [6]. Присутствие на съезде восьми коммунистов, в том числе работников Коминтерна, обеспечило партийное руководство работой съезда, все решения которого принимались единогласно. Работа съезда прошла в духе пролетарского интернационализма и солидарности народов России, Запада и Востока в борьбе против международного капитала.

Съезд приветствовал Туркестанское бюро Коминтерна и исполком Союза китайских рабочих в г. Ташкенте. В приветствии говорилось: «Первый организационный Семиреченский

---

[2] ААОГА, ф. 1521, оп. 1, д. 1, л. 29.
[3] Там же, д. 2, л. 35.
[4] Там же.
[5] Там же, л. 11, 13.
[6] Там же, л. 12.

областной съезд представителей уездных союзов китайских рабочих и батраков приветствует в Вашем лице международный штаб революционной борьбы с вековечными угнетателями. Съезд уверен, что недалек тот момент, когда объединившиеся под знаменем Коминтерна угнетенные народы Востока сбросят английских, японских и других насильников и своих капиталистов и объединятся с трудящимися России для окончательной борьбы против мировых разбойников капиталистов»[7].

Обсуждая доклад Позднышева о текущем моменте, съезд отметил огромное значение героической революционной борьбы русских рабочих и крестьян для трудящихся других стран, в особенности стран Востока.

В своем докладе «Чего добивается Советская Россия на Востоке?» А. Розыбакиев также подчеркнул, что Советская Россия несет всем народам Востока освобождение от гнета и кабалы капиталистов, а не угнетение, как пытаются утверждать аксакалы и богачи. Резолюция съезда, поддерживающая Советскую Россию, завершалась лозунгами: «Да здравствует братский союз всех народов! Да здравствует революционный штаб бедняков всего мира — III Коммунистический Интернационал!».

Делегаты признали необходимость объединения бедняков — китайских подданных в союзы, чтобы успешно бороться против своих угнетателей — китайских купцов и чиновников, и обратились к китайской бедноте в Семиречье с призывом записываться в союзы. За основу деятельности Семиреченского союза было принято Положение, выработанное исполкомом союза китайских рабочих в Туркестане.

На съезде было избрано Семиреченское областное бюро китайских рабочих из трех членов, куда вошли: представитель Туркбюро Коминтерна Юсуф Давлеткельдиев, коммунист Мамет-Имин Ходжиев и беспартийный Кадырхаджи Хашимходжиев.

В целях объединения усилий общества «Революционный уйгур» и «Союза алтышарских рабочих» был созван I краевой съезд трудящихся уйгуров Туркестана. Съезд состоялся 3—9 июня 1921 г. в г. Ташкенте с участием 120 делегатов от уйгуров и дунган. Съезд решил создать «Уйгурский революционный союз алтышар-джунгарских трудящихся». Председателем союза был избран А. Розыбакиев [8].

Семиреченское областное бюро возглавляло большую конкретную работу по организации китайских подданных — рабочих, крестьян и кустарей и их идейно-политическому воспита-

[7] ААОГА, ф. 1521, оп. 1, д. 1, л. 219.

[8] *Ерзин М.* Совет уйгурлари пикирдашлигиниң дәсләпки форуми.— Коммунизм туги, 1976, 5 июнь.

нию. 3 апреля 1921 г. было принято важное решение об издании газеты на кашгарско-таранчинском (уйгурском) языке [9]. Большое внимание уделялось организации артелей. Так, в Алма-Ате их было создано четыре. С помощью профсоюзов, местного совнархоза и Верненского потребительского общества оживилась работа батрацких артелей китайских рабочих [10]. Союзы под руководством коммунистических организаций становились авторитетными классовыми органами рабочих и бедняков. При них создавались любительские кружки, работали школы грамоты для взрослых и детей, проводились громкие читки. В результате аксакалы стали терять свое реакционное влияние на китайских трудящихся в Семиречье.

Высшим проявлением интернационализма явилось активное участие трудящихся уйгуров в борьбе против белоказаков и басмачества. Одним из организаторов мусульманских частей в Семиречье был член КПСС с августа 1918 г., бывший дунганский батрак Магаза Масанчи (от: Ма Сан-чин). Его отряды, в которых служили и выходцы из Китая — уйгуры и дунгане, громили белогвардейские части на Семиреченском фронте.

Все эти факты свидетельствуют о широком участии уйгурских рабочих и крестьян в революционном движении в Казахстане.

Д. А. ИСИЕВ (Алма-Ата)

Создание уйгурами Турфанского идикутства (866—867)

Уйгуры, переселившиеся в район Куча-Турфанской котловины после гибели их государства на Орхоне (840), объединились с местными уйгурами и другими племенами и вскоре возглавили антитибетское движение. Об этом свидетельствуют китайские источники. Например, «Краткий сборник материалов по истории уйгуров» сообщает, что уйгуры еще до середины IX в. обитали в Ганьчжоу и в Турфанской котловине [1].

[9] ААОГА, ф. 1521, оп. 1, д. 2, л. 57. 1 июня 1921 г. был выпущен первый номер газеты «Камбагалар авази» (=«Голос бедняков») — первого национального печатного органа уйгурских трудящихся. Редактором его был А. Розыбакиев.

[10] Там же, л. 33—35.

[1] Вэйуэр цзу шиляо цзяньбянь (=Краткий сборник материалов по истории уйгуров)/Составители Фэн Цзяшэнь, Чэи Суло, Му Гуанвэнь. Пекин, 1958, ч. 1, с. 42. [На кит. яз.]

А. Г. Малявкин, основываясь на сведениях китайских рукописей, тоже считает, что уйгуры господствовали в Куче еще до переселения их основной массы из Орхона в середине IX в.[2]

Источники приводят также ценные факты о первом уйгурском княжестве Гаочан, занимавшем всю Турфанскую котловину и просуществовавшем с начала правления династии Вэй (386—535) до танской эры правления Чжэнь-Гуань (627—647). По мнению В. В. Радлова, древний Гаочан «обнимал восточные области земель, прилегающих к Тянь-Шаньскому хребту, где... с самых древних времен основались тюрки (уйгуры) и где были созданы два королевства, переднее и заднее Че-Шы»[3]. В эпоху династии Тан эти земли назывались Гаочан. В 640 г. китайский полководец Хоу Цзюньцзи уничтожил это уйгурское государство, в состав которого входили уезды Гаочан, Лучун, Ярхото, Пучан, Тянь-Шань, и на его территории создал округ Сичжоу (наместничество Аньси)[4]. Но во время мятежа генерала Ань Лушаня (755—763) ослабленный танский Китай потерял контроль над Сичжоу. Здесь появились небольшие города-государства, которые впоследствии были присоединены Тибетом. «Цидан го чжи» (=«Описание государства Киданей») дает краткие сведения об экономике, внутренней и внешней политике Гаочана. Китайские источники Гаочаном называют и Турфанское идикутство, о создании которого идет речь. «Сунши» (=«Хроника династии Сун») сообщает, что это второе государство «Гаочан управляет южными тюрками, северными тюрками, племенами больших и малых чжун-юй (вероятно, потомки племен малых юэ-чжи.— *Д. И.*), ягма, карлуков, кыргызов, мо-мань, гэ-до, юй лун и другими многочисленными племенами»[5].

Переселившиеся из Орхона в Турфанскую котловину уйгуры вначале принимали участие в походах тибетских войск на китайскую территорию. Это неоднократно подчеркивалось в «Синь Таншу»: «Тибетцы привлекли тангутов и уйгуров и вторглись в Хэси»[6]. Можно предположить, что уйгуры-переселенцы тогда еще не успели оправиться после гибели их государства на Орхоне и не имели достаточно хорошо вооруженного, обеспеченного продовольствием и снаряжением войска. Не зная военного потенциала Тибета, они побаивались его. О вы-

---

[2] *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974, с. 7.

[3] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, с. 98.

[4] Синь Таншу (=Новая хроника династии Тан), гл. 40, л. 10б.

[5] Сунши, гл. 490, л. 8а — 12б. (Перевод А. Г. Малявкина в кн.: Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв., с. 89.)

[6] Синь Таншу, гл. 8, л. 11б; гл. 172, л. 3б; гл. 218, л. 2б. (Перевод А. Г. Малявкина в ки.: Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв., с. 39, 40).

нужденном характере участия уйгуров в войнах, организованных тибетскими полководцами, источники сообщают скупо [7].

Вероятно, Турфанская котловина, принадлежавшая Тибету, была тогда малонаселенной, и поэтому переселение уйгуров сюда не вызвало каких-либо осложнений. Мнение А. Г. Малявкина о том, что «из-за незначительности появление их (т. е. орхонских уйгуров.— *Д. И.*) в Ганьчжоу и Турфане не вызвало каких-либо осложнений» [8], неубедительно. Если бы эти переселенцы были немногочисленны, то они за короткий срок не могли бы подчинить местное население своему влиянию, освободиться от тибетского господства и создать свое независимое государство. Тибетские власти, желая укрепить свои военные силы за счет переселенцев-уйгуров, разрешили им поселиться в данном районе. Так началась новая мирная колонизация уйгурами территории будущего их государства.

Полукочевые и полуоседлые манихейцы Орхона осваивали новые земли, кочевая их часть приобщалась к городской культуре, большинство из них приняли новую религию — буддизм[9], устанавливали тесные контакты с местным населением с последующим подчинением их своему влиянию. Какова была их зависимость от тибетских властей в экономическом отношении вначале, нам не известно, но нет сомнений в том, что они служили в тибетских войсках, участвовали в походах. Подчиненное же положение турфанских уйгуров тибетскому господству вероятно продолжалось до конца 50-х гг. IX в.

Активная борьба их за независимое существование относится ко второй половине 60-х гг. IX в. К этому времени они уже успели объединить силы, способные нанести чувствительный удар по тибетским регулярным войскам. Однако, пожалуй, причину победы уйгуров надо видеть и в том, что политическая ситуация благоприятствовала им. «Китайцы на востоке и тибетцы на юге были внутриполитически неустойчивы, так что уйгуры имели свободу действий»,— писала А. Габен [10]. По мнению В. А. Богословского, в середине IX в. центральная власть тибетцев была ослаблена в результате социально-экономических перемен в самой стране, приводивших к усилению

---

[7] Сиинь Таншу, гл. 218, л. 2б; гл. 172, л. 3б. (Перевод А. Г. Малявкина в кн.: Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв., с. 39, 40.)

[8] *Малявкин А. Г.* Уйгуры и Китай в 840—848 гг.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975, т. 3, с. 82.

[9] Известно, что уйгуры на Орхоне исповедовали манихейство, заимствованное ими от согдийцев. В 767 г. Идигян хакан, сын Моюн-Чура, принял манихейство, за ним последовали его приближенные.

[10] *Gabain A.* Das uigurische Königreich von Chotsho. 850—1250. Berlin, 1960, S. 20.

крупнейших аристократических родов, росту могущества буддийского духовенства и войн между ними [11]. Распад некогда могущественного Тибетского государства на мелкие княжества, враждебные друг другу, облегчил задачу уйгурам, стремившимся к уничтожению тибетского господства и созданию своего государства.

Время создания уйгурами Турфанского идикутства в исторической литературе датируется 50—70-ми гг. IX в. По этому поводу Д. И. Тихонов, например, пишет: «...уйгуры, потерпев поражение от киргизов, двинулись с Орхона к Тянь-Шаню, где в 874 г. одержали победу над тибетскими племенами и на обширной территории создали государство»[12]. А. Г. Малявкин, посвятивший ряд статей Турфанскому идикутству, не указал времени его создания [13]. Само название книги А. Габен «Уйгурское княжество Кочо. 850—1250» говорит о том, что она относит возникновение Турфанского идикутства к началу 50-х гг. IX в. Все это показывает малоизученность вопроса о времени создания Турфанского идикутства. Только китайские источники IX—XIII вв. позволяют яснее представить картину борьбы уйгуров за независимость и уточнить время возникновения их государства. Вот, например, некоторые сведения из них: «В седьмом году [эры правления Сянь-тун] (21. I. 866—8. II. 867) уйгур Пугу Цзюнь из Бэйтина (Бешбалыка.— *Д. И.*) напал и захватил Сичжоу и подчинил все племена. Комендант крепости Шань [чэн] в округе Шаньчжоу Чжан Цзиюн сражался с Шан Кунжэ и разбил его, захваченное оружие и военное снаряжение с почтением препроводил ко двору. Остатки тибетцев вторглись в округа Бинь [чжоу] и Нин [чжоу]. Пограничный генерал-губернатор Сюэ Хунцзюн дал им отпор. Совместно с Пугу Цзюнем он дал тибетцам большое сражение»[14]. «Цзю Таншу» указывает, что уйгуры одержали победу над тибетцами в конце 866 г. «В девятом месяце [7-го года эры правления Сянь-тун] (10. XI—10. XII. 866) Чжан Ичао из Манчжоу докладывал [двору], что вождь уйгуров Пугу Цзюнь сражался с предводителем тибетцев Шан Кунжэ и нанес тибетским грабителям большое поражение, обезглавил Шан Кунжэ и препроводил его голову в столицу»[15]. Другая рукопись «Цзычжи Тунцзян» время победы Пугу Цзюня

[11] *Богословский В. А.* Очерк истории тибетского народа. М., 1962, с. 68—72. О смутах тибетских военачальников против Цэн-по см. также: Синь Таншу, гл. 216 Б, л. 9б.

[12] *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства (X—XIV вв.). М.; Л., 1966, с. 41.

[13] *Малявкин А. Г.* Уйгурское княжество в XIII веке. — Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1962, т. 15: Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана, с. 61—67; *Он же.* Уйгуры и Китай в 840—848 гг., с. 62—82.

[14] Синь Таншу, гл. 216 Б, л. 9а.

[15] Цзю Таншу (=Старая хроника династии Тан), гл. 19а, л. 7б.

над Шан Кунжэ передвигает вперед почти на 10 месяцев, т. е. к первой четверти 866 г., и называет те города и земли, которые перешли в руки уйгуров: «Весной, во втором месяце [7-го года эры правления Сянь-тун] (19. II.—20. III. 866), Чжан Ичао, пограничный генерал-губернатор в воеводстве Гуйи [цзюнь], докладывал [императору], что предводитель уйгуров из Бешбалыка Гу Цзюнь (т. е. Пугу Цзюнь.— *Д. И.*) покорил Сичжоу, Бэйтин [Бешбалык], Лунтай, Цзич-жэнь и другие города»[16].

Вышеприведенные сведения позволяют сделать следующие выводы:

1. Решительное сражение уйгуров под предводительством Пугу Цзюня с тибетцами принесло победу уйгурам. В результате в 866 г. образовалось Турфанское идикутство. Уйгуры захватили огромную территорию в сердце Центральной Азии, равную примерно 500 000 кв. км[17], и создали независимое Турфанское идикутство[18], сохранявшее свое существование около 500 лет.

2. Танские власти доброжелательно отнеслись к победе уйгуров над тибетцами, так как нашли в уйгурах союзников в борьбе против Тибета, претендовавшего на западные территории Китая. Поэтому императорским указом Пугу Цзюнь немедленно был признан каганом законным, что было передано ему через тархана Ми-хуай-юй. Последний был отправлен в китайскую столицу Пугу Цзюнем после взятия им округа Сичжоу, Лунтай (Бугур) и других городов[19].

Взаимоотношения Турфанского идикутства с танским Китаем продолжались недолго. Ослабленный смутами претендентов на престол, Китай вскоре потерял воеводство Гуйицзюнь на западе, и уйгуры сместно с тангутами «вторглись в воеводство Тэньдэ-цзюнь» в начале 875 г.

В. В. Радлов правильно отметил, что в последней четверти IX в. «в Китае начинаются смуты, прекращаются всякие отношения между Китаем и Уйгурским государством, начинающим снова постепенно распространяться на Запад»[20].

---

[16] Цзычжи Туицзянь (=Всеобщее зерцало, управлению помогающее), гл. 250, т. 9, с. 8113.

[17] *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства, с. 41.

[18] См.: Цидань Го Чжи (=Описание государства киданей), гл. «Повествование о государстве Гаочан»; Суншн, гл. 490 — «Дневник китайского посла Ван Яндэ, побывавшего в столице Уйгуристана Кочо в 981—984 гг.»; Цзычжи Тунцзянь, гл. 250, 252, 263 и др. (Перевод А. Г. Малявкина в кн.: Материалы по истории уйгуров, с. 34—92.)

[19] Синь Таншу, гл. 217 Б, л. 1б — 4б; В. В. Радлов считает, что Пу-Гу Цзюнь был предводителем уйгуров из Караходжи. См.: *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах, с. 96.

[20] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах, с. 96.

М. И. ЕРЗИН (Алмута)

Уйғур совет мәтбуатиниң пәйда болуши вә тәрәққий етиши

Улуқ Октябрь социалистик революциясиниң ғалибийити Россиядики барлиқ хәлиқләрниң, шу жүмлидин уйғурларниң тәғдиридики чоң бурулуш пункти болди. Совет һакимийити сабиқ падиша Россиясидики жимики шәриқ хәлиқлириниң, шу жүмлидин уйғурларниң социалистик милләт болуп яңливаштин туғулуши үчүн зөрүр болған һәммә шәрт-шараитларни яритип бәрди. Совет Иттипақи Коммунистик партиясиниң вә В. И. Ленинниң беваситә ғәмхорлуғи астида елимиздики башқа хәлиқләр қатарида уйғурларму Октябрьниң дәсләпки күнлиридин башлапла өзлириниң шәкли миллий, мәзмуни социалистик мәдәнийитини барлиққа кәлтүрүшкә еришти.

Уйғур совет мәтбуати Октябрь ачқан йеңи дәвирдә, Қазақстанда вә Оттура Азия республикилирида Совет һакимийитини орнитиш вә уни мустәһкәмләш йолидики күрәш җәриянида пәйда болди. Шуниң үчүнму биз уйғур совет мәтбуатини Улуқ Октябрь социалистик революциясиниң пәрзәнди дәп пәхирлиниш билән ейталаймиз.

Уйғур совет мәтбуатиниң тарихи совет уйғурлири тарихиниң техи айрим мавзу сүпитидә системилиқ үгинилмигән бир қисми болуп һесаплиниду. Бүгүнки күндә уйғур совет мәтбуатиниң пәйда болуш вә тәрәққий етиш тарихини тәтқиқат қилиш чоң илмий, әмәлий вә сәясий әһмийәткә егә.

ҚПСС Мәркизий Комитетиниң XXV съезиға бергән һесабат докладида: «Бизниң түзүмимизниң күчи амминиң аңлиқлиғида. Шуңлашқа партия коммунистик аңлиқлиқни, коммунистик қурулушқа тәйяр болушни, ирадилик вә маһирлиқ тәрбийисини беришни өзиниң дайимлиқ ғәмхорлуғи, дәп һесаплайду»[1] дәп алаһидә көрситип өтти. Уйғур совет мәтбуати өзиниң пүткүл тарихида уйғур әмгәкчилириниң аңини көтириш, уларни коммунистиқ роһта тәрбийиләш вә шу арқилиқ коммунистик җәмийәт қуруштәк улуқ ишқа қатнаштуруш йолида күрәш қилип кәлди.

Улуқ Октябрьниң дәсләпки күнлиридин башлапла уйғур революционерлири вә тәшкилатчилири Совет һакимийитини орнитиш вә мустәһкәмләш, уйғур әмгәкчилирини толуқ азат қилиш иши бойичә кәң көләмлик хәлиқ аммисиға тәшвиқ жүргүзүш үчүн Туркстан республикисида, шу жүмлидин Йәттисуда йәрлик хәлиқләр тилида нәшир қилинған «Иштиракиун»,

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1978, с. 71.

«Жидису ишчи хәлиқ мухбири», «Көмәк», «Учқун», «Фуқара» намлиқ гезитларниң сәһипилиридин пайдиланди. Уйғур революционерлири бу гезитларниң нәшир қилиниши йолида жан көйәрлик билән ишлиди. Мәсилән, Йәттисуда Совет һакимийитини орнатқучиларниң бири большевик Абдулла Розибақиев «Жидису ишчи хәлиқ мухбири» гезитиниң редколлегия әзаси сүпитидә мәзкүр гезитниң, шуниңдәк «Көмәк», «Учқун», «Фуқара» гезитлириниң ишиға беваситә қатнашти. Исмайил Тайировму бу гезитларда үзлүксиз түрдә мақалилар язди вә «Фуқара» гезитиниң редактори болуп ишлиди. Биз бу йәрдә мәзкүр гезитларниң өзбәк, қазақ гезити сүпитидә кәң көләмлик өзбәк, қазақ әмгәкчилири үчүн хизмәт қилғиниидәк[2], шу дәвирдә Йәттисуни өз ичигә алған Түркстан республикисида яшиғучи уйғур әмгәкчилири үчүнму уйғур гезити сүпитидә хизмәт қилғанлиғини ейтип өтүшкә һәқлиқмиз.

Уйғур совет мәтбуати тарихиниң чоң вә муһим сәһипилиридин бири «Кәмбәғәлләр авази» гезитиниң нәшир қилиниши билән башлиниду. Унниң нәшир қилиниши совет уйғурлири мәдәнийитиниң тарихидики чоң вақиәдур.

«Инқилабий уйғур жәмийити» билән «Алтишәр ишчилириниң союзи»ни бир тәшкилатқа бирләштүрүш, уйғур әмгәкчилирини социалистик йеңи жәмийәт қуруш йолида йәниму чоң қәдәмләр билән сәпәрвәрликкә кәлтүрүш, уйғур әмгәкчилири тәшкилатлириниң һәрикәт йөнилишлириии айдиңлаштуруш мәхситидә 1921-жилқи 3-июньдин 9-июньғичә Ташкәнт шәһиридә Түркстандики уйғур әмгәкчилириниң биринчи өлкилик съези чақирилди. Уйғур әмгәкчилириниң мошу тарихий чоң пикирдашлиғиға беғишлинип 1921-жилн 1-июнь күни Ташкәнт шәһиридә «Кәмбәғәлләр авази» гезитиниң 1-сани нәшир қилинди. Гезит 1922-жили январь ейидин башлап Алмута шәһиридә чиқишқа башлиди. ВКП(б) Қазақстан өлкилик комитетиниң қарари бойичә гезитниң редакцияси 1930-жилқи 15-октябрьдин башлап Яркәнт шәһиригә көчирилди. «Кәмбәғәлләр авази» гезити колхоз қурулушиниң кәң қанат йейишиға бағлиқ 1932-жили февраль ейидин кейин «Колхозчилар авази» дегән нам билән чиқишқа башлиди.

Пүткүл мәмликитимиздикигә охшаш Оттура Азия республикилирида вә Қазақстанда хәлиқ егилигини әксигә кәлтүрүш асасән тамамлинип, мәмликәтни индустрияләштүрүш вә йеза егилигини коллективләштүрүш асасида хәлиқ егилигини социалистик йол билән яңливаштин қуруш дәври башланди. Социалистик қурулушниң кәң қанат яйған мошу бир мәзгилидә уйғур совет мәтбуатиму өз тәрәққиятиниң йеңи басқучиға кә-

[2] Бу һәқтә мону төвәндики авторларниң әмгәклиригә қаралсун: *Эрназаров Т.* Туркистоида вақтли матбуот. Тошкент, 1959, 117—121-б.; *Бекхожин Х.* Қазақ баспа сөзінің даму жолдары. Алматы, 1964, 127—143-б.

дәм қойди. Бу дәвирдә уйғур тилидики иккиичи бир республикилиқ гезитниң — йәни «Кәмбәғәлләр авази» гезитиниң һәмраси болған «Қутулуш» гезитиниң дунияға келиши билән уйғур совет мәтбуатиниң тарихида йеңи бир сәһипә ечилди. «Қутулуш» гезити 1927-жилқи 7-ноябрьдин башлап рәсмий түрдә Пишпәк (Фрунзе) шәһиридә чиқишқа башлиди. Униң редакцияси 1928-жили декабрь ейидин башлап Сәмәрқәнд шәһиригә, 30-жилларниң биринчи йеримида Ташкәнт шәһиригә көчирилди. «Қутулуш» гезити 1936-жилниң башлириға қәдәр «Күнчиқиш һәқиқити» дегән нам билән нәшир қилинди. 1936-жилниң башлирида гезитниң нами «Шәриқ һәқиқити» болуп өзгәрди.

1934—1935-жиллири Алмута облусииниң Челәк районида «Колхоз әмгиги», Уйғур районида «Сталинчи» гезитлири чиқишқа башлиди. 1935-жилқи 24-октябрьдин башлап Алмута шәһиридә облуслуқ «Қизил туғ» гезити нәшир қилинди.

Яш әдәбий күчләрниң тәшәббуси вә тиришчанлиғи билән жигирминчи жилларниң дәсләпки жиллиридин башлап уйғур тилида журналлар вә мәҗмуәләр чиқириш иши қолға елинди. 1920-жилниң ахирлирида «Қизил оқучи» журналиниң дәсләпки сани йоруққа чиқти. Бу журнал Ташкәнттики аз санлиқ милләтләр билим җайи комсомол тәшкилатиниң оргини сүпитидә нәшир қилинди. Журналниң ишиға Өмәр Муһәммәдий, Исмайил Тайиров охшаш авторлар актив қатнашти. 1922-жили «Яш уйғур» журнали дуинияға кәлди. «Яш уйғур» Ташкәнттики уйғур оқуғучилири уюшмисиниң қармиғидики нәшрият бөлүми тәрипидин нәшир қилинған. Бу журналиниң барлиғи болуп 12 сани йоруқ көргән[3]. Түркстан республикисидики уйғур коммунистлириниң мәркизий бюроси билән «Уйғур билик һәйъити» революцион уйғур тәшкилатлириниң қурулғанлиғиға бәш жил толушиға бағишлап 1924-жили февраль ейида «Биринчи чамдам» мәҗмуәсини нәшир қилди. 1927—1933-жиллири Ташкәнт шәһиридә «Инқилабчи Шәрқ», 1931—1932-жиллири Алмута шәһиридә «Қизил таң» журналлири оқуғучилар билән йүз көрүшүп турди.

Уйғур совет вақитлиқ мәтбуати пәйда болуш билән бир қатарда уйғур тилида китапларму вә дәрисликләрму нәшир қилинишқа башлиди. 1922-жили «Уйғур балисиниң» (Нәзәргожа Абдусемятовниң) «Назугум», «Таранчи түрклириниң тарихи» намлиқ китаплири бесилип чиқти. 1924-жили Ташкәнт шәһиридә Л. Әнсарийниң авторлиғида уйғурчә елипбә «Биринчи билик», 1925-жили Москвада «Уйғур әл әдәбияти» вә шу жили Алмутида «Ленинниң тәржимә һали» намлиқ китаплар нәшир қилинди. 30-жилларда уйғур тилида китап

[3] Кәмбәғәлләр авази, 1928, 13 февраль.

нәшир қилиш ишлири техиму тәрәққий әтти. Қазақстан билән Өзбәкстандики чоң-йоң иәшриятларниң йенидики уйғур редакциялири тәрипидин дәрисликләр, сәясий вә әдәбий китаплар көплән нәшир қилинишқа башлиди. 30-жилларда Алмута, Ташкәнт, Қизил-Орда, Сәмәрқәнд шәһәрлиридә уйғур тилида 200 дин ошуқ нам билән һәр түрлүк китаплар нәширдин чиқти. Уйғур башланғуч мәктәплири 1930-жилниң өзидила дәрисликләр билән толуқ тәминләнди.

В. И. Ленин өз вақтида: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»[4] дегән еди. Уйғур совет мәтбуати барлиқ дәвирдә өзиниң мошу ролини атқуруп кәлди. Униң бебаһа хизмити шуниңдин ибарәтки, у совет уйғурлирини марксизм-ленинизм идеялири билән қуралландурди вә уларни социализм қуруш йолидики күрәшкә сәпәрвәр қилди.

Улуқ Вәтән уруши жиллирида уйғур совет мәтбуатиниң роли техиму өсти. Бу дәвирдә мәтбуат социалистик Вәтәнни қоғдаш тоғрилиқ ленинчә тәлиматни қизғин тәшвиқ қилди, Улуқ Вәтән урушиниң һәққаний мәхситини вә униң умум хәлиқлиқ характерини чүшәндүрүп бәрди. Уйғур әмгәкчилирини алдинқи сәптә вә арқа сәптә қәһриманлиқ көрситишкә чақирди, совет вәтәнпәрвәрлигини, хәлиқләр оттурисидики достлуқни тәрғип қилди.

Бүгүнки күндә уйғур совет мәтбуати өз тәрәққиятиниң дағдам йолини давам қилмақта, партиямиз билән һөкүмитимизниң ғәмхорлуғи астида күндин-күнгә риважлинип өсмәктә. Республикимизниң пайтәхтидә «Коммунизм туғи» билән униң қошумчиси «Йеңи һаят» гезитлири, Панфилов районида «Йеңилиқ авази», Челәк районида «Әмгәк туғи», Уйғур районида «Или вадиси» гезитлири нәшир қилинмақта, бу гезитларниң бир күнлүк тиражи 44 миңға йетип бариду.

Кейинки вақитларда китап нәшир қилиш ишиму зор тәрәққиятқа еришти. Алмутидики «Мектеп», «Жазушы», «Қазақстан» иәшриятлириниң йенидики уйғур редакциялири 1974—1975-жиллири 670—680 басма варақтин ибарәт китап нәшир қилған болса, 1976—1977-жиллири 730—735 басма варақтин ибарәт китап нәшир қилди.

Уйғур совет мәтбуати тәрәққий етип, мустәһкәмлинип, партиямизниң җәңгивар отряди болған совет мәтбуатиниң чоң аилисидин өзигә лайиқ орунни егилимәктә вә совет уйғурлириниң күн санап өсүватқан социалистик мәдәнийитиниң рошән ипадиси болуп гәвдиләнмәктә.

---

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 11.

Ю. Г. БАРАНОВА (Алма-Ата)

Из истории освободительной борьбы уйгурского народа в первой половине XVIII в.

История освободительной борьбы уйгурского народа изучена все еще недостаточно. Усилиями уйгуроведов нескольких поколений исследована только борьба уйгурского народа за свободу и независимость со второй половины XVIII и по XX в. включительно, т. е. со времени цинского завоевания. Освободительная же борьба на более ранних этапах не изучалась, можно сказать, совершенно.

Причины такого положения кроются в особенностях того, как развивалось исследование интересующих нас вопросов и прежде всего в последовательности введения в научный обиход письменных источников по истории уйгурского народа.

Известно, что до цинского завоевания уйгурский народ несколько раз подвергался нашествиям иноземных завоевателей и оказывался под их властью иногда в течение довольно длительного времени. Одним из таких периодов истории уйгуров является время господства над Восточным Туркестаном Джунгарского ханства. Период этот растянулся с 70-х гг. XVII в. до антиджунгарского восстания в середине 50-х гг. XVIII в., непосредственно предшествовавшего цинскому завоеванию. Это было время упорной борьбы уйгурского народа против джунгарских завоевателей. Однако в уйгуроведении до сих пор не освещены все этапы этой борьбы, а о некоторых из них даже не поставлен вопрос. Между тем по этому периоду имеется целый ряд неплохих и довольно крупных по объему сочинений восточнотуркестанской историографии на староуйгурском и персидском языках. Из них в обиход введено фактически только одно сочинение — «Тазкира-йи азизан» Мухаммад-Садика Кашгари. Основные сведения этого источника стали доступными исторической науке еще благодаря деятельности Ч. Валиханова.

В печати появлялись сообщения о таких крупных источниках по истории Восточного Туркестана, как «Тазкират ал-хидайат» неизвестного автора, «Хидайат-наме» Мир Хал ад-дин Мухаммад Катиба Ярканди, «Афак-ходжам манакиби» неизвестного автора и некоторых других. В этих сочинениях содержатся интересные данные об освободительной борьбе уйгуров против джунгарского господства.

Я хочу коснуться только одного аспекта борьбы уйгурского народа против джунгарского господства, а именно — событий, связаных с именем и деятельностью Хасан-ходжи, сына

известного Аппак-ходжи, который был основателем теократического государства белогорских ходжей в Восточном Туркестане (умер в 1694 г.). Хасан-ходже в это время, по «Хидайат-наме», было около семи с половиной лет. После смерти Аппак-ходжи в Кашгарии, как известно, возникли междоусобицы, и около 1700 г. Хасан-ходжа вместе со своими братьями удалился в Индию в изгнание. По прошествии нескольких лет Хасан-ходжа, тогда уже юноша, переезжает в Среднюю Азию и возглавляет борьбу кашгарцев-эмиграитов за изгнание джунгаров из Восточного Туркестана.

По показаниям источников, в Средней Азии в то время проживало довольно много уйгуров-кашгарлыков, которые стремились к освобождению Кашгарии от джунгаров и ждали только лидера, способного возглавить их и повести на эту борьбу. Таким предводителем стал Хасан-ходжа.

В эпоху господства мусульманской идеологии освободительное движение уйгуров могло реализоваться только под лозунгами священной войны мусульман против неверных. И мы действительно видим, что Хасан-ходжа объединил уйгуров на борьбу против джуигарского господства под знаменем газавата. К движению уйгуров-эмигрантов присоединились представители и некоторых среднеазиатских народов, среди которых наиболее многочисленными были киргизы. С этими силами Хасан-ходжа семь раз, как сообщают об этом источники, вторгался на территорию Кашгарии. Некоторые из его походов на Кашгарию получили довольно подробное освещение в источниках. Так, например, в «Хидайат-наме» содержится много известий об одном из его удачных походов на Кашгар. В Кашгарском округе влияние белогорцев, которых и представлял Хасан-ходжа, было традиционно сильным еще со времени Аппак-ходжи и его отца Мухаммад-Юсуфа. Поэтому, когда отряды Хасан-ходжи вступали на территорию Кашгарского вилайета, они немедленно получали значительную поддержку со стороны местного уйгурского населения. Источники называют много имен влиятельных кашгарлыков духовного и светского званий, которые при вступлении Хасан-ходжи в Кашгарию немедленно поднимали восстание против джунгаров и их черногорских союзников, присоединялись к Хасан-ходже, пополияя его войска, и помогали ему в дальнейшей борьбе.

Таким образом, появление войск Хасан-ходжи в Кашгарском вилайете служило сигналом для народного восстания.

Одно из таких восстаний завершилось взятием Кашгара, который в течение довольно длительного времеии находился в руках повстанцев, успешно отражавших попытки противника выбить их из города. Отрывок из «Хидайат-наме» об этом

эпизоде борьбы уйгуров под руководством Хасан-ходжи против джунгаров и местной проджунгарской администрации был опубликован в русском переводе М. А. Салахетдиновой в 1961 г.[1] Некоторые данные из биографии Хасан-ходжи, извлеченные из ряда источников, привел в своей статье в 1969 г. В. П. Юдин[2].

Такие источники, как «Тазкира-йи азизан», «Хидайат-наме» и другие, содержат рассказы даже о взятии Хасан-ходжой Яркенда, который, в свою очередь, был в Восточном Туркестане традиционным оплотом влияния черногорцев. Очевидно Хасан-ходжа предпринял несколько нападений на Яркенд, из которых одно завершилось взятием города. Сопоставление данных этих источников со сведениями, содержащимися в «Та'рих-и Кашгар» анонимного автора[3] и «Анис ат-талибин» Махмуд чораса (восточный текст опубликован О. Ф. Акимушкиным)[4] о нашествиях кашгарцев и киргизов на Яркенд, делает возможным предположение, что в этих источниках речь идет об одних и тех же событиях — о походах уйгуров на Яркенд под руководством Хасан-ходжи.

Не пересказывая подробно все эти события, остановлюсь лишь на нескольких моментах.

Во-первых, ознакомление с этими событиями показывает, что по своей форме и характеру освободительное движение уйгуров под руководством Хасан-ходжи против джунгаров и проводников их власти черногорцев удивительным образом совпадает с последующими освободительными движениями уйгуров против цинского господства в Кашгарии, в частности с движениями XIX в., связанными с именами Джахангир-ходжи, Бузрук-ходжи и другими. Отсюда вывод, что формы освободительной борьбы уйгурского народа в Кашгарии, хорошо известные нам по истории Восточного Туркестана XIX в., были традиционными и имели место по крайней мере в первой половине XVIII в., а может быть, и ранее.

Второе замечание касается хронологии рассматриваемого нами этапа освободительного движения уйгуров против джунгар. Следует при этом отметить, что хронология Восточного Туркестана со времени установления джунгарского господства

---

[1] *Салахетдинова М. А.* Сообщения о киргизах в «Хидайат-наме» Мир Халь ад-дина. — Известия АН Киргизской ССР. Серия обществ. наук, 1961, т. 3, вып. 2, с. 138—139.

[2] *Юдин В. П.* Та'рих-и Кашгар: [Источниковедческое исследование]. — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969, с. 408—409.

[3] См.: Рук. ЛО ИВ АН СССР, С 576.

[4] См.: Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника/Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976, с. 331—344.

и до начала цинского завоевания известна очень плохо. В нашем распоряжении имеется лишь незначительное количество точных дат. Немало дат по этому периоду являются явно ошибочными. Укажем лишь на одну из них. Время установления черногорского господства в Восточном Туркестане после смерти Аппак-ходжи в научной литературе датируется 1696 г. Между тем внимательное изучение источников показывает, что черногорцы никоим образом не могли водвориться в качестве вассальнозависимых от джунгаров правителей в Кашгарии ранее 1700 г.

Хронологические рамки и отдельные события освободительной борьбы уйгуров в первой половине XVIII в. могут быть датированы на основании сообщений источников о датах из биографии Хасан-ходжи. В частности, мы знаем время смерти Хасан-ходжи: он умер в 1726/27 г.[5] Известно также, что с джунгарами он воевал в течение двадцати двух лет[6]. Таким образом, события освободительной борьбы, о которых идет речь, происходили между 1704/5 и 1726/27 гг. Целый ряд других дат может быть установлен таким же путем.

Немалое количество точных дат по истории Восточного Туркестана этого периода может быть извлечено из новых, недавно выявленных сочинений восточнотуркестанской историографии, не введенных, однако, до сих пор в научный обиход. Одним из таких сочинений является продолжение истории Восточного Туркестана неизвестного автора, доводящее изложение событий до 1838/39 г., приложенное к переводу на уйгурский язык «Та'-рих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдар доглата. Сведения об этом сочинении можно найти в каталоге восточных рукописей Института востоковедения АН УзССР[7] и в упоминавшейся уже статье В. П. Юдина[8].

И в заключение хотелось бы отметить, что изучение обстоятельств гибели Хасан-ходжи дает возможность высказать еще одно предположение о происхождении названий сект белогорцев и черногорцев. Источники сообщают, что Хасан-ходжа был отравлен в Средней Азии, в Хисаре, в селении Кара-Таг, своим родственником Ходжой Кара-Таги. Источники не сообщают его имени, а называют его только Кара-Таги, используя, таким образом, таджикскую форму прилагательного, образованного от тюркского названия селения *Қара-Тағ* 'черная гора'. *Қара-Тағи* может быть переведено на русский язык как 'черногорский' или 'черногорец'. В источниках отведено довольно много

[5] Хидайат-наме. Рук. ИВ АН УзССР, № 1682, л. 166а.

[6] Тазкират ал-хидайат. Рук. ЛО ИВ АН СССР, В 738, л. 39а.

[7] См.: Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1964, т. 7, с. 25—29.

[8] *Юдин В. П.* Та'рих-и Кашгар. — В кн.: Материалы по истории казахских ханств, с. 410.

места описанию этого события, в котором многократно упоминается Кара-Таги как злодей, погубивший Хасан-ходжу и тем самым причинивший большой ущерб делу борьбы мусульман против неверных и освобождению Восточного Туркестана от джунгаров. Возможно, этот ходжа был из рода Исхак-ходжи, основателя секты исхакийа, т. е. черногорской секты, и его прозвание по месту жительства было перенесено затем в качестве отрицательного эпитета на всех последователей секты исхакийа. В уйгурском морфологическом оформлении оно приобрело звучание *қара-тағлиқ*. И лишь впоследствии, по-видимому, как антипод этому названию, закономерно появился термин *ақ-тағлиқ* 'белогорец'.

А. А. БАУДИНОВ (Фрунзе)

Этические воззрения прогрессивных уйгурских поэтов первой половины XIX в.

Для воспитания трудящихся в духе принципов морального кодекса строителя коммунизма, создания подлинного богатства духовной культуры необходимо глубокое и всестороннее изучение мировоззрения мыслителей прошлого. Не случайно в Программе КПСС подчеркивается: «Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками»[1].

Многовековая культура, философия и этическая мысль уйгурского народа представляют большой интерес для изучения истории духовной жизни не только народов Восточного Туркестана, но и других народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Видными прогрессивными уйгурскими поэтами первой половины XIX в. являются Абдурахим Низари, Турди Гариби, Нарузахун Зияи, Назугум, Сабури. В их многогранном наследии центральное место занимают этические вопросы — об источниках нравственности и мотивах человеческого поведения, о нравственных обязанностях, о положительных качествах и чертах характера человека и др.

Мировоззрение поэтов формировалось и развивалось в конкретно-исторических условиях, когда в Восточном Туркестане

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 119.

господствовали феодально-крепостнические отношения и колониальный гнет. С захватом Восточного Туркестана Цинским правительством (середина XVIII в.) трудящиеся массы оказались под двойным гнетом: с одной стороны, маньчжурских колонизаторов, с другой — крупных местных землевладельцев. Феодальная эксплуатация, колониальный гнет, великодержавно-шовинистическая политика цинских помещиков привели к активизации борьбы масс за национальную независимость. Одно за другим вспыхивают вооруженные восстания трудящихся — под руководством Зиявдина (1816), Джахангир-ходжи (1825—1827), Юсуп-ходжи (1830).

Двойной гнет и господство идеологии ислама тормозили процесс развития прогрессивной уйгурской литературы, однако, несмотря на это, демократические традиции в литературе и искусстве продолжали развиваться.

Плодотворное влияние на формирование прогрессивных взглядов поэтов рассматриваемого нами периода оказывало устное народное творчество. Большую роль в становлении их мировоззрения сыграли представители письменной литературы Юсуп Хас Хаджип Баласагунский, Махмуд Кашгари, Ахмед Югнаки, Залели, Навбати, Хиркати и др. Важным идейным источником формирования этических взглядов уйгурских поэтов явились философско-этические идеи Фирдоуси, Омара Хайяма, Низами, Саади, аль-Фараби, Ибн-Сины, Саккаки, Лутфи, Алишера Навои, ставших подлинными учителями уйгурских поэтов.

В центре этического учения уйгурских поэтов были такие категории, как гуманизм, патриотизм, дружба народов и др. По мнению поэтов этого периода, смысл жизни — это борьба за свободу, независимость и счастье трудового народа.

А. Низари в своем «Хикаяте» (=«Рассказы») пишет: «Нужна цель в этом неблагодарном мире» [2]. Человек должен познать подлинный смысл своего существования, истинное назначение своей жизни. Без этого жизнь на земле — прозябание. Эти мысли проходят красной нитью через все рассказы. Главным в творчестве А. Низари и других поэтов было то, что они неразрывно связывали важные проблемы жизни народа с назревшими проблемами общественного прогресса. Особенно в первой половине XIX в., когда усилился колониальный гнет и феодальная эксплуатация, массы должны были объединиться в борьбе против иноземных захватчиков, за свободу и независимость Родины.

Центральное место в этических воззрениях поэтов этого периода занимал патриотизм, самоотверженное служение

[2] *Низари А.* Избранное. Алма-Ата, 1972, с. 96.

Родине. Своими произведениями они стремились воспитывать современников и потомков в духе патриотизма. Подлинный смысл и цель человеческой жизни, утверждали они, в служении Родине, в борьбе за ее свободу и независимость. Эта идея пронизывает великолепное произведение А. Низари «Пархат и Ширин».

Уйгурские поэты не раз подчеркивали, что у человека нет ничего более дорогого, чем интересы народа, и более священного, чем независимость Родины. Именно отношение к гражданскому долгу, указывали они, определяет моральный облик человека.

Назугум, известная уйгурская поэтесса, сама активно боролась за свободу Родины. Основную часть ее творчества составляют патриотические песни, отражающие борьбу трудящихся за национальную независимость. Она — участница кашгарского восстания крестьян и ремесленников 1825—1827 гг. О ее мужестве, стойкости, беспредельной храбрости сложены легенды, которые бережно хранит уйгурский народ. После жестокого подавления вооруженного восстания маньчжурские колонизаторы казнили ее.

А. Низари, Т. Гариби, Назугум и другие поэты были убеждены, что счастье состоит из двух элементов — материальных и духовных благ, достигаемых в условиях земной, т. е. реальной жизни; чтобы удовлетворить свои материальные потребности, утверждали они, люди должны прежде всего трудиться. Труд, по их мнению,— лучший воспитатель человека.

Убедительно это показал Т. Гариби в «Книге Гариба», где состязаются в мастерстве тридцать два человека (крестьянин, кузнец, повар, плотник и др.). Поэт умело подводит читателя к мысли, что трудящиеся, производя материальные блага, обеспечивают общество всем необходимым. Однако, работая от зари до зари, крестьяне и ремесленники живут в невыносимых условиях. Т. Гариби искренне сочувствует трудящимся, становится их защитником. Но в силу исторической ограниченности поэт не находит выхода из тяжелого положения, путей борьбы за счастье народа. Причины его нищеты уйгурские поэты-мыслители видели в царящей вокруг несправедливости, о которой якобы не знает правитель.

Все люди вместе и каждый в отдельности не могут достичь счастья из-за отсутствия централизованной политики, осуществляемой справедливым царем. Не случайно А. Низари в «Зод Ул-нажот» (=«Путь к спасению») подчеркивал: «В наше время необходима власть справедливого царя»[3]. По их убеждению, справедливость правителя проявляется в его за-

[3] *Низари А.* Избранное, с. 44.

боте о народе и стране, в стремлении облегчить страдания бедноты.

А. Низари в работе «Бану» пишет, что шахом стать может любой человек, в том числе и бедняк, но для этого он должен хорошо знать жизнь народа, развивать свой ум, быть справедливым и иметь такие положительные нравственные качества, как целеустремленность, стойкость, бесстрашие, мужество, честность, порядочность.

Категории «добро» и «зло» выражены в этике уйгурских поэтов как «яхшилик» и «яманлик». По их мнению, добро — это результат благородного поступка человека. Все то, что противоречит добру и благу, есть зло. Зло они видели в кровопролитных захватнических и междоусобных войнах, в несправедливости царя, в жадности и бездушии эксплуататоров.

В этических воззрениях поэтов важное место занимает проблема любви. В содержание понятия «любовь» они вкладывали иной смысл, чем суфисты. По мнению А. Низари, Т. Гариби и др., высшее проявление этого чувства — любовь к самой жизни. Суфизм же трактует понятие «любовь» односторонне, как любовь к богу.

В поэме А. Низари «Рабия и Саадин» герои — это юные сердца, беззаветно любящие друг друга. Однако феодально-крепостнические отношения, господство религиозной идеологии, засилие реакционных традиций мешают им быть счастливыми. Эта тема превалирует во многих произведениях Н. Зияи, особенно рельефно она раскрыта им в поэме «Вамук и Азро». Герои поэм А. Низари и Н. Зияи — возвышенные, благородные натуры, любовь для них важнее всего. Во имя любви они готовы даже на смерть.

На высоких моральных принципах, на полном равенстве мужа и жены, по мнению уйгурских поэтов, должны строиться взаимоотношения и в семье. Они осуждали рабское положение женщин в семье. Протестуя против грубого обращения с женщиной-матерью, они выступали против унижения ее человеческого достоинства.

Таким образом, этические взгляды уйгурских литераторов выражали коренные интересы обездоленных трудящихся масс. Их воззрения носили направленный философский характер и оказали большое влияние на нравственное сознание, моральную жизнь и культуру трудового народа.

Т. К. БЕЙСЕМБИЕВ (Алма-Ата)

Известия «Та'рих-и Шахрухи» о Восточном Туркестане

История Восточного Туркестана всегда была связана с историей Средней Азии. Эта связь в феодальную эпоху при относительной историко-географической изолированности региона от внешнего мира имела особое значение. Так было и в период Кокандского ханства. Проблема связей Кокандского ханства с Восточным Туркестаном еще мало изучена, в том числе и из-за слабой разработанности кокандской историографии, написанной на среднеазиатских фарси и тюрки.

Заслуживают внимания до сих пор не привлекавшиеся исследователями известия о Восточном Туркестане в «Та'рих-и Шахрухи» (ТШ) — официальной хронике правителей Коканда от начала XVIII в. и до начала 70-х гг. XIX в. на среднеазиатском фарси (часть — на среднеазиатском тюрки) Мулла Нийаз-Мухаммада Хуканди [1].

Известие 1. Местная администрация Восточного Туркестана передала в руки кокандского правителя 'Алим-хана (1798—1810) управление всем пришлым населением восточнотуркестанского Семиградья и поддерживала с ним связи, ежегодно посылая от себя подношения наряду с податями с подвластных хану людей Семиградья [2]. Вопрос этот требует дополнительного исследования по другим источникам.

Известие 2. Деятельность Джахангир-ходжи и политика Кокандского ханства [3]. Он бежал из Коканда в Кашгар с не-

---

[1] Мы использовали изданный (без перевода) текст (Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы. Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885, далее — ТШП); все дошедшие списки ТШ: ПНС-174 ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ТШ-1); С-467 (ТШ-2), С-468(ТШ-3), С-469(ТШ-4) ЛО ИВ АН СССР; № 1787 ИВ АН УзССР (ТШ-5); № 942 библиотеки ЛГУ (ТШ-6); а также рукописную версию ТШ на среднеазиатском тюрки № 2237 АН ТаджССР (ТШТ). В основу взят текст ТШ-3, как в целом наиболее полный в известиях о Восточном Туркестане. Для сравнения привлечены рукописные сочинения «Муитахаб ат-таварих» (МТ) Мухаммад Хаким-хана (С 470 ЛО ИВ АН СССР), «Гарайиб-н сипах» (ГС) Таджира (№ 5408 ИВ АН УзССР), «Таварих-и Маизума» (ТМ) 'Али Кундузи (№ 597 ИВ АН УзССР). «Тухфат ат-таварих-н хаин (ТТХ). 'Аваз Мухаммада (С 440 ЛО ИВ АН СССР), «Та'рих-и джадида-йи Ташканд» (ТДТ) Мухаммад Салих-ходжи Ташканди (№ 5732 ИВ АН УзССР) и др. источники.

[2] ТШ-3, л. 100а — 101а; ТШП, с. 75.

[3] ТШ-3, л. 147б — 150б; ТШП, с. 114—116. Джахангир-ходжа назван в числе близких 'Умар-хану (1810—1822/23) лиц (ТШ-3, л. 140а; ТШП, с. 107). Датировка событий в известиях 2 и 3 в ТШ неточная.

сколькими тысячами кашгарцев и кокандцев [4]. На следующий год в Кашгар бежал 'Айса-бек михтар [5] Андиджани и стал побуждать Джахангира осадить китайскую цитадель (гульбаг) в Кашгаре [6], что тот и сделал. Изложены оценка действий Джахангир-ходжи кокандскими правящими кругами и их позиция: «Невозможно, чтобы какой-то не обладающий величием ходжа, с несколькими головорезами решившийся осадить крепость неверных и претендующий на покорение вилайета, забил в литавры султанской власти и был бы причислен к завоевателям <...> Необходимо, чтобы мы из падишахского великодушия и благородства и в соответствии с шахиншахским достоинством и рвением вступили в тот вилайет и спасли [его богатства] от разорения сбродом. Джахангир-хан будет бессилен навести порядок в том вилайете, и через короткое время неверные одержат над ним верх. Поневоле он обратится в бегство и оставит нам вести дела с Китаем, ибо ходжи — слуги этого двора, оси вращения судьбы, [и] их действия будут отнесены на наш счет. Наилучший совет — двинуть нам победоносное войско на Кашгар, вступить туда, овладеть той областью и сделать ее подвластной повелению своего грозного хана. Если завоюем, тем лучше. А если нет, так совершим благое дело газата!»[7].

Затем описан поход кокандских войск в Восточный Туркестан в 1826 г.[8] вслед за вторжением Джахангир-ходжи. Оставив треть кокандского войска в Коканде, Мухаммад-'Али-хан (1822/23—1842) с остальным войском подошел к Кашгару. Джахангир-ходжа снял кашгарцев с осады гульбага, находившегося внутри Кашгара, и предоставил вести ее ханскому войску. Кокандцы сделали подкоп и, заложив порох, взорвали с одной стороны стену и устремились в пролом. «Неверные» отбили три приступа. Во время четвертого хан при виде больших потерь приказал снять осаду [9]. Всех «павших за веру» похоронили на мазаре Аппак-ходжи. После недельного отдыха кокандское войско, «благословив Джахангир-хан-тӧ-

---

[4] По ТМ (л. 46), это было в 1240/1824—25 г. По МТ (л. 517б), Джахангир-ходжа бежал через Алай в Ташкурган и через год двинулся на Кашгар.

[5] Михтар — здесь — глава финансового ведомства (ср.: Таджикско-русский словарь по истории. Душанбе, 1974, с. 42).

[6] ТШП, с. 114.

[7] ТШ-3, л. 147б — 148а; ТШП, с. 115.

[8] *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг. — Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата, 1962, т. 2, с. 319.

[9] По Ч. Ч. Валиханову, 15-тысячное кокандское войско потеряло до 1 тыс. человек (*Валиханов Ч. Ч.* Указ. соч., с. 319). По МТ (л. 523а — б), кокандская осада длилась 5 дней, после больших потерь кокандцы стали готовиться к бегству, что вынудило хана снять ее.

ра», ушло в Фергану. По ТШТ, прн тӧра (т. е. при Джахангир-ходже. — *Т. Б.*) хан оставил Хаккули мингбаши с опытными воинами (л. 40а). Спустя месяц [10] гульбаг был взят, и Джахангир известил об этом хана.

На следующий год китайское войско отвоевало Кашгар у Джахангира. Его схватили, а тысячи кашгарцев с семьями бежали в Коканд и остались при хане [11].

Известие 3. Поход кокандцев в Восточный Туркестан в 1830 г.[12] Кокандский хан послал свои войска на Кашгар. По другим источникам известно, что в войске находился потомок Аппак-ходжи, и от его имени действовали кокандскне военачальники [13]. Кокандские войска под командованием Хаккули мингбаши и Мухаммад-Шариф аталыка прошли через Нагара-Чалды [14], уничтожили китайскую заставу с гарнизоном в 200 чел. (ТШТ, л. 41б, то же в МШБ, с. 36), разгромили, а частью пленили цинский отряд, состоявший из китайцев и ойратов (калмак) числеиностью от 3 до 10 тыс. чел.[15–16], после чего заняли Кашгар.

К тому времени китайцы перенесли гульбаг на расстояние одного санга [17] от Кашгара. Высота глинобитных стен гуль-

---

[10] По ТШТ (л. 40а), спустя 15 дней.

[11] Далее (ТШ-3, л. 150б; ТШП, с. 116—117) сообщается о посольстве пнмерио через два года (т. е. ок. 1829 г.) из Коканда к турецкому султаиу. По ГС (л. 14а), Мухаммад-'Али-хан, совершив газат в Кашгар, направил послов в Бухару и Стамбул с известием об этом. Турецкий султан как халиф пожаловал ему за это титут «ханлар хани». Таким образом, упомянутое в ТШ посольство связано с походом 1826 г. в Восточный Туркестан.

[12] ТШ-3, л. 151а — 155а; ТШП, с. 117—121. Датируется по ТДТ (л. 59б) — 1245/1829—30, по ТМ (л. 15а) — 1246/1830—31, по Ч. Ч. Валиханову (*Валиханов Ч. Ч.* Указ. соч., с. 324), — сентябрем-ноябрем 1830 г. Попытка отвоевать у Кокандского ханства Ура-Тюбе во время этого похода имела место по ТТХ (л. 209а, та'рих) в 1245 г. х. Как известно, после похода 1826 г. кокандско-китайские отношения обострились, императорский паместник в Синьцзяие с целью оказания давления на Коканд осенью 1829 г. запретил торговые отиошения между Восточиым Туркестаиом и Джунгарией, с одной стороны, и Кокандским ханством — с другой, изгнал значительную часть средиеазиатскнх купцов из Восточного Туркестана, конфисковав их имущество и товары (*Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральиой Азии в XVII — первой половиие XIX в. М., 1979, с. 253).

[13] *Мирза Шемс Бухари.* О иекоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Казань, 1861, с. 36—39 (далее — МШБ); МТ, л. 639б; ТТХ, л. 208а — б.

[14] Селение в Восточном Туркестане между Иркештамом и Улугчатом.

[15–16] ТШ-2, л. 66б; ТШ-4, л. 70а; ТШ-5, л. 91б и ТШ-6, л. 79а; ТШ-1, л. 102а; ТШ-3, л. 151б; ТШП, с. 117 и ТШТ, л. 41б. По МШБ (с. 36), цинский отряд составлял 13 тыс. чел.

[17] Саиг — 8,5—9,5 км (*Хинц В.* Мусульмаискне меры и веса с переводом в метрическую систему/Пер. с ием. Ю. Э. Брегеля; *Давидович Е. А.* Материалы по метрологин средиевековой Средией Азии. М., 1970, с. 120).

бага составляла 12, а толщина — 15 газов [18], так что по ним проезжали кокандские и китайские арбы, и огонь кокандских пушек и фальконетов был против них неэффективен. Крепость была хорошо обеспечена порохом и нефтью, гарнизон укомплектован китайцами и ойратами.

Кокандцев встретила вся знать вилайета Кашгар. Ночью провели совет, и на другой день обложили гульбаг, разбив на расстоянии полета стрелы от него лагерь. Близ крепостных стен были сооружены щиты для прикрытия осаждавших. Каждый день амир-и лашкар (главнокомандующий) и мингбаши объезжали крепость и подбадривали войско, раздавая динары и дирхемы. Между тем подкопы были доведены до крепостного рва. Ежедневно с обеих сторон велся артиллерийский огонь. Через 10 дней на рассвете, когда войско спало в лагере, осажденные сделали вылазку и овладели осадными позициями, перебив часть находившихся там мусульман. Однако затем они были выбиты подоспевшими из лагеря силами во главе с Хаккули-мингбаши и Мухаммад-Шариф-аталыком. «Мученики за веру» были похоронены на мазаре Аппак-ходжи.

Через 2 дня в крепость для переговоров направили посредника, который передал китайскому главе, что кокандцы уйдут из Кашгара, если тот будет управлять мусульманами «с мягкостью», не допустит вмешательства «неверных» в их внутренние дела. Условия были приняты. По ТШТ, китайский военачальник послал хану много йамбу [19], китайские товары, фарфоровые сосуды, несколько лошадей и верблюдов и много «чистого» чая, согласившись делать это каждый год, и было заключено соглашение о том, что мусульманским купцам не будут чинить препятствий, а закат и пошлину (бадж) с них будут взимать сами кокандцы (л. 43б). Тогда войско отошло от крепости в Кашгар и, забрав сторонников-кашгарцев, через несколько дней вернулось в Коканд [20]. Это был грабительский поход [21].

---

[18] 1 ферганский газ равен 62—64 см (Там же, с. 114).

[19] Йамбу — слиток серебра, крупная денежная единица в старом Китае.

[20] По МТ (л. 639б), ГС (л. 15а) и ТТХ (л. 208б), на этот раз осада гульбага длилась 3 месяца, по ТДТ (л. 62а), — 40 дней. С кокандским войском из Восточного Туркестана ушло и расселилось в Кокандском ханстве, по ГС (л. 15а), ок. 10 тыс. семей; по ТДТ (л. 63а) — ок. 12 600 семей; по МШБ (с. 39), ушло 50—60 тыс. чел. и до 10 тыс. погибло в пути; по другим, вероятно, преувеличенным данным (Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. — Записки Императорского Русского Географического Общества. — СПб., 1849, кн. 3, с. 196) переселилось 70 тыс. семей.

[21] Кокандские источники, в том числе ТШ, об истинном характере похода, разумеется, молчат. Прямые указания на это см., напр., в МШБ, с. 38—39.

Известие 4. В 1282/1865—66 г. Худайар-хан в ходе войны после своего третьего воцарения в Коканде вытеснил благодаря поддержке бухарского эмира кипчаков из Ферганы в Кашгар, захватив у них пушки и снаряжение [22]. Из других источников известно, что кипчаки играли заметную роль в государстве Йа'куб-бека [23].

Наконец, имеются сведения о кашгарцах в Кокандском ханстве. Примерно через два года после воцарения 'Умар-хана (т. е. в 1812 г.) был произведен в мингбаши, назначен амир-и лашкаром Йусуф Кашгари и послан в сторону Ура-Тюбе и Самарканда в набег, в котором он «отличился», захватив большую добычу. После смерти 'Умар-хана он упоминается как тесть Мухаммад-'Али-хана и «глава всех эмиров и предводителей». На третьем году правления (1825) Мухаммад-'Али-хана его лишили поста мингбаши и назначили правителем Маргилана, а на пятом году (ок. 1827) изгнали в хадж, и он умер в пути [24]. Ок. 1280/1863—64 г. эмир Бухары, ведя в Фергане наступление против кипчаков, направил впереди себя в Андижан назначенного им туда хакимом Ходжа-Каляна Кашгари [25].

* * *

Основная ценность информации ТШ состоит в освещении политики Кокандского ханства в Восточном Туркестане в первой трети XIX в. Система идеологии Кокандского ханства отрицала жизнеспособность и правомочность теократии ходжей. Поэтому движение Джахангир-ходжи рассматривалось как авантюристическое, что объективно соответствовало исторической действительности. Здесь, хотя и подтверждается факт бегства Джахангир-ходжи с территории Кокандского ханства, прямая связь Коканда с его действиями отрицается.

Данные ТШ, МТ, ГС, ТМ, ТТХ, ТДТ и МШБ о походах 1826—1830 гг. совпадают в узловых моментах. Разногласия в их показаниях сводятся к несовпадениям в хронологии, неодинаковой полноте описания и разной оценке событий. Таким образом, все эти источники, будучи во многом, если не во всем, независимы друг от друга, содержат надежный материал. При

---

[22] ТШ-3, л. 298а; ТШП, с. 278.

[23] *Баранова Ю. Г.* Сведения уйгурской хроники «Та'рих-и амнийа» о восстановлении цинского господства в Синьцзяне в 1875—1878 гг. — В кн.: Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978, с. 94, 127—128.

[24] ТШ-3, л. 116б — 117б, 144б, 146а — б; ТШП, с. 88—89, 111, 113. По ТМ (л. 3б — 4а), его отставка и изгнание произошли в 1239/1823 г., а новым мингбаши стал Хаккули дадхах.

[25] ТШ-3, л. 282б; ТШП, с. 261.

этом в ТШ, несмотря на неточную датировку и тенденциозность, есть уникальные факты (напр., оценка официальными кругами Коканда деятельности Джахангир-ходжи, подробности осад китайских крепостей кокандцами и др.). Ряд сцен описан так, как это мог сделать очевидец. Возможно, автор ТШ, профессиональный военный, сам участвовал в этих походах.

Сопоставление ТШ с другими источниками позволяет установить истинный характер происходивших событий, из которых видно, что правящие круги Кокандского ханства преследовали своекорыстные цели в Восточном Туркестане, чуждые освободительным устремлениям уйгурского народа. Суть политики кокандских ханов в отношении этого региона заключалась в том, чтобы, используя шаткость режима Цинов в этой стране, извлекать из отношений с маньчжуро-китайской администрацией в Синьцзяне максимальные экономические выгоды через своих аксакалов-консулов, взимавших пошлину со всех жителей Средней Азии в Восточном Туркестане. Так было в то время, когда в Синьцзяне было спокойно и когда с ним поддерживались традиционные внешние связи. В такие периоды кокандские правящие круги на войну с маньчжуро-китайцами не решались, хотя пытались постоянно в своих декларациях играть роль защитников своих единоверцев-мусульман в Восточном Туркестане. Когда же вторжение сюда ходжей из Средней Азии, поддержанное восстанием уйгурского, киргизского и другого населения, привело к уничтожению части воинских контингентов Китая в Синьцзяне и осаде остатков их в городах, т. е. когда можно было остаться безнаказанным, господствующие слои Коканского ханства предприняли грабительский поход в Кашгарию. Что касается похода 1830 г., официальной целью которого было восстановление власти ходжей, то его совершили по инициативе кокандских правящих кругов в ответ на предпринятые цинской администрацией меры с целью лишить Коканд экономических и иных выгод в этом регионе. Результатом похода явились экономические уступки Пекина Коканду. Поход 1837 г. показывает, что Коканд при выгодных обстоятельствах использовал притязания белогорских ходжей в Кашгарии, допуская отступление от своей официальной доктрины относительно теократии ходжей.

Тем не менее Коканд реальной угрозы для Цинов не представлял, а длительных боевых действий вести не мог, не подвергаясь опасности мятежей внутри страны, которыми вообще богата история Кокандского ханства, и нападения Бухары в случае отсутствия кокандских войск в Фергане. Показательны сообщаемые в ТШ кратковременность походов в Кашгар, ос-

тавление части войска в 1826 г. и самого хана в 1830 г. в Фергане, а также попытка отвоевания у Коканда Ура-Тюбе во время похода 1830 г.

Походы эти противоречили интересам трудового населения Восточного Туркестана и приносили ему немало бед. Характерно отсутствие в ТШ и других источниках сведений об активной поддержке кокандских войск народными массами Кашгарии.

Объективно, однако, походы имели и положительную сторону, так как поддерживали в населении Восточного Туркестана веру в то, что они в своей борьбе не одиноки, чем укрепляли дух народов Кашгарии в их освободительной борьбе. Как бы то ни было, но кокандские войска брали на себя также и часть тягот в борьбе с осажденными гарнизонами маньчжуро-китайцев. Наконец, самое главное, пожалуй, то, что в Кокандском ханстве находили убежище десятки тысяч кашгарцев, спасавшихся в соседней стране от репрессий Цинов.

Итак, сведения ТШ о Восточном Туркестане имеют самостоятельное значение. Мы полагаем, что последовательное введение в научный оборот известий всех сочинений кокандской историографии даст много для изучения кокандско-восточнотуркестанских отношений и истории самого Восточного Туркестана.

О. ЗОТОВ (Москва)

Комул и Турфаи в XIV—XVI вв. по сведениям «Истории Мин»

Данный вопрос хронологически охватывает конец XIV — первую половину XVI в., т. е. период после падения династии Юань в Китае и возникновения державы Моголов на части территории Средней Азии и Восточного Туркестана. Суть проблемы в том, как правильно расценивать отношения, сложившиеся между двумя восточными городами Кашгарии и минским Китаем.

Постановка вопроса диктуется характером политического разграничения в Средней и Центральной Азии, сложившегося еще во второй половине XIII в. В то время распалась держава Угэдэя, начались ожесточенные междоусобицы среди монгольских правителей-чингисидов. Фронт этих междоусобиц прошел именно через территорию Восточного Туркестана. Средняя Азия и Восточный Туркестан до Кучара и Турфана вошли во владения Хайду, в восточной же части Восточного Туркестана

первоначально преобладало политическое влияние Хубилая, основателя китайской династии Юань. Роль уйгурских царей-идикутов, имевших поначалу статус правителей пятого улуса, постепенно сводилась монгольскими великими ханами к минимуму. В 1252 г. идикут Салынды был казнен в Каракоруме, и его преемники лишились всякой политической самостоятельности. С другой стороны, Хубилай оказался неспособен дать эффективный отпор войскам Хайду, вследствие чего в 1284 г. двор турфанского идикута покинул Комул (свое последнее прибежище на территории Восточного Туркестана) и переселился в провинцию Ганьсу, в город Юнчан. С тех пор династия уйгурских идикутов Турфаном и Комулом не правила. Представители династии являлись лицами, занимавшими административные посты в Ганьсу. Но необходимо особо подчеркнуть тот факт, что их власть не распространялась ни на пядь земли Восточного Туркестана.

Следует заметить, что после 1284 г. Уйгурское государство продолжало существовать независимо в виде двух городов-государств. Таким образом, произошел возврат к древнейшей форме восточнотуркестанской национальной государственности, преобладавшей в стране до XIX в. Эти государства нейтрально существовали между улусом Чагатая и империей Юань. В 1348 г. улус Чагатая распался надвое, в его восточной части возникло государство Моголов, чья власть распространилась до границ Турфана.

В первой половине XIV в. Моголы распространили свое влияние на Турфан. Сведения о статусе Турфана противоречивы: есть доказательство подчинения Турфана могольскому правителю Туглук Тимуру, тогда как юаньские источники утверждают обратное. Нам представляется, что первое более чем вероятно, так как подчинение Турфана Моголам подтверждается фрагментом памятника, изданного Радловым. Об окончательном вхождении Турфана в державу Моголов, мы думаем, можно говорить начиная с 1369 г., когда произошла постепенная исламизация его населения. Следовательно, к моменту воцарения в Китае династии Мин Турфан уже был уделом Моголистана.

Комул в то же самое время сохранял самостоятельность как город-государство со смешанным мусульманско-буддийским уйгурским населением. Его отношения с империей Мин отличаются, на первый взгляд, большой противоречивостью и недостаточно изучены. Именно поверхностными ссылками на «Историю династии Мин» («Мин ши») современная китайская историография оправдывает утверждения о подчинении Восточного Туркестана Китаю в то время. Следует, впрочем, отметить, что и в России более ста лет назад Успенский, один

из первых исследователей статуса Комула, пришел при чтении источника к аналогичным выводам. Но это было следствие некритического восприятия сведений источника при отсутствии сопоставления фрагментов последнего.

Действительно, конкретное сопоставление фрагментов главы «Истории Мин», посвященной Западному краю (Си юй), порождает серьезные сомнения в верности подобных высказываний. Для возможно более полного рассмотрения проблемы необходимо выделить два ее важнейших аспекта: вопрос о так называемой «дани» и вопрос об осуществимости прямого китайского контроля над Комулом в эпоху Мин.

О «дани» «Мин ши» содержит массу сведений, однако в самом начале главы «Си юй» говорится, что правитель Комула Энкэ Тимур в начале правления Чэнцзу выяснял возможность меновой торговли лошадьми. Он также немедленно прислал ко двору императора Китая 190 лошадей в качестве «дани». Император обрадовался и с лихвой одарил его. Он приказал чиновникам «заплатить стоимость лошадей». Из этого фрагмента видно, что в 1403 г. «дань» являлась обычной меновой торговлей, китайцы расплачивались за товар в обычном порядке и были даже обрадованы возможностью закупить лошадей у уйгуров. Почему? «Из тех лошадей отобрали 10 лучших для императорских конюшен, остальных отдали пограничной кавалерии».

Данный фрагмент хроники можно было бы посчитать случайным, если бы не обилие в главе «Си юй» аналогичных мест. Например, в 1465/66 г. «хамийцы принесли дань в количестве 200 лошадей, а послов было 260 человек... Решили, что пусть впредь варвары приносят дань только раз в год, а численность посольства не должна превышать 2000 человек». Чем объяснялась эта странная ситуация? Комульцы стремились привозить «дань» несколько раз в год. Так, в 1469/70 г. ее привозили трижды, несмотря на запрет, а число послов еще более непропорционально возросло: ведь император обязан был их одаривать! В результате последовало решение: «Для Китая затраты на пограничных варваров себя не оправдывают», и число посольств и послов снова было строго ограничено. В том же 1469/70 г. было приказано из десяти послов допускать в столицу одного. Бывало и так, что император, будучи недоволен политикой Комула, отвергал «дань». Настоящую дань, как известно, не отвергают, ее взимают любыми средствами. Мы же наблюдаем, как во второй половине XV в. император, пытаясь оказать давление на Турфанского правителя Ахмета, «навечно запретил ему приносить дань». С другой стороны, запись «стоимость дани была возмещена», встречается многократно. Таким образом, «дань» являлась во всех аспектах

своих обычной торговлей. Термин «дань» в «Мин ши», следовательно, применяется весьма специфически. Характерно его применение и к заведомо независимому от Китая могольскому Турфану.

Несколько сложнее вопрос о мнимом политическом контроле Китая над Комулом в XV — начале XVI в. Но и здесь конкретные данные «Истории Мин» в итоге проясняют сущность этого «вассалитета». Например, возвращение из Китая бывшего пленника китайцев Токто отнюдь не говорило о том, что Мины возвели его на престол: «Император намеревался сделать его наследником титула Энкэ, но опасался, что народ тех мест ему не подчинится. Он послал чиновника спросить об этом у них». Когда впоследствии Токто был смещен комульцами с престола, император отправил им ноту протеста: «То, что его самовольно сместили, говорит о пренебрежении к мнению императора». Вряд ли это обычные термины, присущие китайским дипломатическим документам. Дело в том, что и сам Токто до этого безнаказанно «оскорбил послов Китая». Император, как отмечается в хронике, ничего иного не мог поделать, как «увещевать» Токто.

Известно, что в 1406 г. Мины учредили так называемый «гарнизон» в Комуле. Но следует учесть, что он всегда состоял из одних комульцев: «Местные вожди Махамахо и другие были поставлены тысячниками, сотниками и другими военными чиновниками». Известно, что минские императоры даровали комульскому правителю и послам титулы, ранги и печати. Но как вели себя по отношению к Китаю обладатели последних? «На большом пиру в честь послов всех стран, привозивших дань, они непотребными словами ругали Сына Неба. Но это не сочли им за преступление, а посоветовали их государю тщательнее выбирать послов. После этого они еще больше обнаглели». И таких (или подобных) мест в источнике немало. Становится очевидно, что послы Комула в резкой форме выражали несогласие с политикой Китая, а мер воздействия Китай применить не мог. В другой раз император «повелел вассальным племенам хорошо себя вести. Но они уклонялись и не слушались».

Когда в 1663/64 г. правитель Комула был вытеснен из города турфанским Ахмедом, «император ничем помочь не смог». С другой стороны, к независимому Турфану Мины применяли те же формы обращения, что и к «вассальному» Комулу. Так, «император выразил [Ахмеду] порицание», на что тот, впрочем, ответил «в непочтительных выражениях». Еще красноречивее об истинном статусе Комула говорит тот факт, что в 1505/06 г. правитель Комула Баязид «сам себя провозгласил султаном». Судьба Комула вскоре решилась: по сведениям

источника, Баязид заключил союз с турфанским правителем Мансуром, и Комул стал частью Турфаиского удела державы Моголов. Сановники заявили императору: «Надо поступить, как во времена прежней династии поступил Хэ Нин в деле с Цзяочжи (имеется в виду бесславный уход Хубилая из Вьетнама.— *О. З.*). С этого времени вопрос о Хами более не поднимался, а в Хами правил Мир Махмуд, зависимый от Турфана».

В заключение необходимо отметить, что попытки Минов создать на своих западных границах буфер в лице Комула явно провалились. Ставка на буддийских князей Комула как возможных союзников Китая и противников западных мусульман не оправдалась. Комул исторически всегда тяготел к Турфану, а Мины были слабы для непосредственного вмешательства в Восточном Туркестане. В результате после 1513 г. Мины отказались от попыток влияния на политику Комула. До этого они поддерживали с Комулом некое подобие политического союза, не более. Да и это объяснялось, скорее, традицией: правители Комула конца XIV — начала XVI в. происходили от князя монгольского происхождения, служившего Северным Юаням и Минам.

Вопрос о политических отношениях между двумя городами и Китаем в эпоху Мии заслуживает детального изучения, каковое пока только начато. Но уже сейчас заметно огромное сходство статуса двух городов-государств со статусом стран Южных морей, изученных А. А. Бокщаниным, Тибета до XVIII в., изученного Мартыновым, напрашивается сильная аналогия с Нурганским вэем на нижнем Амуре в XV в., статус которого характеризован С. Л. Тихвинским. Для лучшего понимания статуса двух городов абсолютно необходимо привлечение теоретических выводов Л. И. Думана. Все это позволяет ставить вопрос о «фиктивном вассалитете» Комула по отношению к Минам, а Турфана — к империи Юань.

А. Ш. КАДЫРБАЕВ (Алма-Ата)

О культурной роли уйгуров в империи Юань XIII—XIV вв. (по китайским источникам)

С древнейших времен Китай находился в окружении различных племен и народностей. Постоянные связи между ними способствовали взаимному культурному влиянию. Наиболее

интересной в этом отношении является эпоха Юань — период правления монгольской династии в Китае. В это время в империи Юань активную роль играли и тюркские народности, в частности уйгуры, входившие в сословие сэму или сэжень — выходцев из Центральной и Средней Азии. Население империи Юань было разделено монгольскими завоевателями на четыре сословия по этническому принципу: 1) монголы, 2) сэму, 3) выходцы из северных китайских провинций — чжурчжэни, кидане, корейцы, 4) китайцы из южных провинций. Первые два сословия являлись привилегированными, а два последних включали наиболее неравноправную, но самую многочисленную часть населения. Союз монгольских завоевателей с сэму образовал тот смешанный в этническом отношении правящий класс, который господствовал над Китаем. Сведения об уйгурах, занимавших видное общественное положение в юаньском Китае, содержатся в разделах биографий китайских династийных историй «Юань-ши» и «Синь-Юань-ши» и в других китайских источниках юаньского времени. Китайские источники сообщают нам не только данные об уйгурах — видных чиновниках и военачальниках, но и об известных деятелях культуры — выходцах из этой тюркской народности. Важная культурная роль уйгуров определилась в более раннее время, предшествующее не только собственно юаньскому периоду, но и началу монгольских завоеваний: еще в домонгольскую эпоху уйгуры создали свои государства на территории Центральной Азии.

Свидетельством определенного уровня развития социальных отношений и культуры уйгуров в это время является их приобщение к мировым религиям — христианству в форме несторианской ереси, буддизму и манихейству. На основе согдийского алфавита уйгуры создали свой собственный алфавит, и если некоторое время среди уйгуров был распространен сирийский алфавит, употреблявшийся несторианами, и санскритский у буддистов, то потом представители всех трех религий перешли к одному и тому же уйгурскому алфавиту. Уйгуры оказывали определенное культурное влияние на своих соседей, в частности на найманов и кара-хытаев [1]. Например, в «Юань-ши» помещена биография уйгура Тататунга (Та-та-тун-а), который служил еще правителю государства найманов хану Даяну, а затем стал доверенным лицом Чингисхана по распространению тюркского уйгурского письма среди монголов во время становления Монгольского государства. Текст его биографии гласит «Та-та-тун-а. Уйгур. Обладал прирожденным умом и сообразительностью и был искусен в беседах

[1] Юань-ши, цз. 124, в сер.: Соннь бона-бэнь, эр-шн-сы-ши. Шанхай, 1958, с. 27—398 (1446).

и рассуждениях. Глубоко изучил письменность своей страны. Найманский хан Даян уважал его и назначил его ведающим золотой печатью и налогами. Тайцзу [Чингисхан] покорил назад. Государство найманов погибло. Та-та-тун-а спрятал печать за пазуху и бежал. Когда его схватили, император [Чингисхан]... спросил, для чего употреблялась эта печать. Ответ был такой: „Она употреблялась как свидетельство [подлинности] указа хана во всех делах, когда взимались налоги и назначались люди [на должности]... После этого, при издании императорских [т. е. Чингисхана] указов всегда стала употребляться печать. Та-та-тун-а как и раньше ведал ею... [Чингисхан] приказал [Та-та-тун-а] обучить монгольских царевичей писать на своем языке уйгурскими буквами"» [2]. Другой уйгур, также ставший наставником монгольских царевичей, по имени Кара Инах Буйрук (Хана-и-хачи Пэйду), ранее служил при дворе гурхана (правителя) кара-хытаев и перешел на службу к монголам после подчинения уйгурского правителя Барчука Чингисхану в 1209 г.[3] С начала XIII в. до 1260 г. в китайских источниках, кроме названных деятелей, упоминаются еще семь уйгуров, пять из которых были учителями при монгольских царевичах, а двое — религиозными буддийскими лицами. Сулохай, сын Та-та-тун-а, наследовавший должность своего отца [4]. Толочу (умер в 1260 г.). Текст «Синь юань-ши», посвященный ему, таков: «...Толочу под началом идикута [правителей уйгуров] прибыл к Тайцзу [Чингисхану] и выразил покорность. Научил уйгурскому письму вверенных ему [Чингисханом] людей. Шицзу [Хубилай-хан], будучи наследником трона, учился у него. Ко времени восшествия [Хубилая] на трон Толочу уже умер. Вызвав его сына Мангу Тегина ко двору... император [Хубилай-хан] сказал: „Но [Мангу Тегин] отличается своими способностями и делами. Более целесообразно, чтобы он служил у меня. Я не могу забыть Толочу — его отца"». Уйгур-христианин Сибань или Шибан (умер в 1295 г.). Учил уйгурскому письму монгольских царевичей, в частности Каши — внука Чингисхана и сына Угэдэй-хана. Являлся членом академии Ханьдинь. Впоследствии занимал видное положение при дворе великих ханов Угэдэя и Хубилая [6]. Уйгур-христианин из Бешбалыка (Бэйтина) Коркуз (Куэркуссу). Обучал уйгурской письменности детей старшего сына Чингисхана Джучи. Еран Тимур (Юелинь Тимур) был учителем у сыновей младшего брата Чингисхана Отчи-

---

[2] Юань-ши, цз. 124, с. 27397 (1445).
[3] Там же, с. 27398 (1446).
[4] Там же, цз. 135, с. 27505 (1553).
[5] Синь Юань-ши, цз. 192. Цит по: Юань-ши, 184, с. 555.
[6] Юань-ши, цз. 134, с. 27493 (1541)—27494 (1542).

гина. Одним из двух буддийских персонажей был Аньцзан из Бешбалыка (умер в 1293 г.). Известный ученый и переводчик китайских классиков на монгольский язык уйгурским письмом, Аньцзан был назначен Хубилай-ханом членом академии Ханьлинь. Сын Аньцзана Орду Тегин также был буддистом и знатоком уйгурской письменности[7].

Эти данные китайских источников подтверждаются и сведениями средневековых мусульманских и европейских авторов. Так, персидский историк Джувейни пишет: «Так как у татар [монголов] не было письменности, то Чингис повелел, чтобы дети татарские выучились грамоте у уйгуров и его законы и повеления запечатлели бы на свитках. И это — все записанное уйгурскими письменами — называют «Великою книгою яса». Она находится в особо почитаемой сокровищнице царских детей, и всякий раз, как сажают на престол того или другого хана... и начинают совещаться об интересах государства и о порядке в нем,— тогда требуют эти свитки и решают по ним дела»[8].

Вильгельм де Рубрук, совершивший по поручению французского короля в 1253 г. поездку ко двору великого хана Мунке, констатирует, что моиголы заимствовали письмена уйгуров, и «уйгуры являются главными писцами среди них»[9]. В своем донесении французскому королю де Рубрук пишет: «И Мангухан [Мунке-хан] посылает вам грамоту на языке маолов [монголов], но письменами югуров [уйгуров]»[10].

Во время правления Хубилай-хана, основателя империи Юань (1260—1294), наиболее известным деятелем культуры из уйгуров являлся Али Тимур (1250—1309), наставник внука Хубилай-хана царевича Каммала. В 1289 г. он был назначен членом академии Ханьлинь[11]. Членами этой академии также были уйгуры Лачэнь и Майху. Дачжэнту — уйгур из Бешбалыка, как и Аньцзан, переводил буддийские религиозные тексты на монгольский язык уйгурским письмом и на китайский, был учителем у монгольского царевича Ананда. При преемнике Хубилай-хана Тимур-хане (Чэньцзуне) стал членом академии Ханьлинь. Кроме Аньцзана и Дачжэнту, известны как переводчики во время Хубилай-хана следующие уйгурские ученые: Цзялуна-дассу, знавший санскрит и переводивший санскритские тексты на монгольский язык уйгурским письмом и на китайский. Текст его биографии в «Юань-ши» следую-

---

[7] Юань-ши, цз. 124, с. 27399 (1447).

[8] *Ту Цзи.* Мэн-уэр-шицзи, цз. 118. Цит. по: Юаньши, цз. 25, с. 555.

[9] *Де Рубрук В.* Путешествие в восточные страны/Введение, перевод и примечание Маленна. СПб., 1911, с. 105—110.

[10] Там же, с. 117—119.

[11] Там же.

щий: «Цзяду-на-дассу. Уйгур. Хорошо знал языки Индии и понимал языки тех стран, где побывал. Являлся членом академии Ханьлинь. Аньцзан представил его Шицзу [Хубилай-хану]. Император [Хубилай-хан] призвал его служить ко двору. [Цзяду-на-дассу] вместе с одним из государственных советников [тибетцем по происхождению] обсуждал вопросы, связанные с учреждением законодательства [империи]. Оба пришли к взаимному согласию. Император приказал Цзяду-на-дассу учиться [у тибетца] тому, что касается законодательства. [Цзяду-на-дассу] в течение короткого времени все это усвоил и представил императору полные переводы на уйгурское письмо классических книг с тибетского и индийского [санскрита] языков. Император просмотрел книги и приказал их подарить царевичам и высокопоставленным лицам»[12]. Далее из текста следует, что Цзяду-на-дассу знал и ряд языков народностей Индокитая, острова Суматры. Он переводил Хубилай-хану речи послов, прибывших из этих стран[13]. Среди других ученых-уйгуров членами академии Ханьлинь были буддисты Читай Сали и Ханьлинь Вэнь-ну[14].

В поздний период правления династии Юань (1295—1368) китайские источники сообщают о сорока семи уйгурах — ученых и членах академии Ханьлинь (из них двадцать шесть имели высшие ученые степени цзиньши). Наиболее известными переводчиками китайской классической литературы на монгольский язык уйгурским письмом в первой половине XIV в. были уйгуры — члены академии Ханьлинь Кутур Турмиш (Хулуту Туэрмиши)[15] и Еран Тимур (Алянь Тимур), ставший советником юаньского императора Шидебала. В это время монгольская династия, господствовавшая в Китае, покровительствовала буддизму, и благодаря этому уйгурские и тибетские ученые Биратнашири и Чоски Одзер осуществили переводы важных буддийских текстов[16]. Некоторые уйгуры стали известными китайскими литераторами и учеными-конфуцианцами. Среди них наиболее известны Севинч Хайя (Ся-оюнь-ши Хайя)[17], Алчи Буга[18], Танжэньцзу (член академии Ханьлинь, умер в 1301 г.)[19].

Таким образом, можно констатировать, что уйгуры, являясь одним из составных элементов смешанного в этническом отношении правящего класса, образованного на основе союза

---

[12] Юань-ши, цз. 134, с. 27501 (1549).
[13] Там же.
[14] Там же, цз. 130, с. 27460 (1508).
[15] Там же, цз. 25, с. 555.
[16] Там же, цз. 124, с. 27399 (1447).
[17] Там же, цз. 202, с. 28116 (2164) — 28122 (2170).
[18] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. Л., 1972.
[19] Синь Юань-ши, цз. 192. Цит. по: Юань-ши, цз. 184, с. 27497 (1545).

монгольской знати с верхушкой сэму, внесли весомый вклад в развитие ханьской науки и культуры. Конечно, и в предшествующие эпохи были случаи, когда иноплеменники оказывали влияние на развитие китайской культуры, но только в эпоху Юань это стало массовым явлением, так как монголы, сами не имевшие опыта гражданского управления и полностью не доверяя собственно китайским чиновникам, предпочитали привлекать к управлению иноземные для Китая элементы — сэму, в частности уйгуров. Этому способствовало и то обстоятельство, что уйгуры еще в предмонгольский период имели развитую традицию государственности и оказывали известное культурное влияние на своих соседей.

С. Ю. ТУРДИЕВ (Алма-Ата)

Материалы к истории земледелия уйгуров

Изучая культуру любого народа, вскрывая в ней черты этнического своеобразия, советская наука всегда стремится проследить этапы ее формирования и развития. При этом она прежде всего основывается на описаниях бытующих форм материальной культуры, идеологии, социальных институтов, народного искусства и т. д. В этом аспекте этнография связана с рядом дисциплин, в том числе и с ботаникой.

В нашу задачу входит изучение культурно-этнического комплекса в распространении декоративных и других садово-огородных растений у уйгуров.

Изображение декоративных растений, винограда и других садовых культур Восточного Туркестана можно найти на стенах древних храмов, упоминание о них — в письменных памятниках, относящихся к различным периодам истории и культуры. Более древние изображения — фантастические звери, дикие и домашние животные, а также отдельные растения и цветы — встречаются на скалах, стенах пещер, вазах, мелких украшениях, амулетах и настенной живописи, найденных в горных ущельях, древних городищах юго-западных оазисов Восточного Туркестана (Яркенд, Хотан, Керия, Куча, Миран), а также в горах Кетмень Таг [1]. Эти произведения считаются близкими к искусству так называемого «звериного стиля» алтайских и сибирских народов. Для востоковедов и ботаников представляет интерес изображение цветка розы на монете,

[1] *Аманжолова А. С.* Илийские рунические надписи. — Вопросы языкознания, 1969, № 3.

найденной при раскопках на Алтае, возраст которой почти 7000 лет [2].

Среди изображений растений очень часто встречается цветок священного лотоса — символа буддийской мифологии. Лотосовые побеги с крупными цветками встречаются довольно часто в настенной живописи Восточного Туркестана, в частности в развалинах Кучи и Турфанского оазиса, которые относятся к IX—XIII вв. Есть они и на рисунках храмов «Мин уй» (=«Тысяча пещер», I—III вв.). Здесь лотос имеет вид полураскрытого бутона и раскрытого цветка. Крупные цветы изображаются в форме трона, или так называемого лотострона (Дьяконова [3], Gabain [4], Rudolpf [5]).

Изображение цветка лотоса иногда встречается в народном искусстве (чеканка по металлу, ковровo-ткацкое дело и т. д.). Оно используется в современном театральном искусстве.

Академик В. Л. Комаров [6] приводит данные Н. М. Пржевальского [7], который отмечает богато оформленные цветники—бустаны Восточного Туркестана. В них благоухали розы, астры, бархатцы, бальзамины и другие цветы. Далее он подчеркивает, что в Кашгарии цветы садят на крышах саклей, по заборам, над воротами и даже на глиняных стойках лавок. Ч. Ч. Валиханов [8] описывает большой сад по дороге в Яркенд с бассейном, где рос лотос, который принадлежал одному из хакимбеков.

Разбивка придомового участка для декоративного сада (бостан), в частности цветника (гульзар), создание баранлика (тенистая зеленая галерея), оформление фасада дома и дворца бордюрными растениями являются одной из древнейших традиций уйгуров. При этом мы находим несколько композиционных приемов оформления, характерных для многих приусадебных участков больших и малых дворов. Они повторяются в современных уйгурских поселениях Алма-Атинской и Талды-Курганской областей.

В большинстве случаев фасадная часть домов не имеет крупномерных декоративных деревьев или же они находятся вдали от жилых помещений. Чаще всего крупные деревья и кустарники сажаются вдоль проезжей части улицы. Обычно выращивают 15—20 видов древесно-кустарниковых пород.

---

[2] *Petermann I., Tschirner W.* Interessante Botanik. Leipzig, 1975.

[3] *Дьяконова Н. В.* Буддийские памятники Дунь-Хуана. — Тр. Института истории культуры и искусства Востока. Л., 1947, т. 4.

[4] *Gabain A.* Das Leben in uigurischen Königreich von Qoco (850—1250). Wiesbaden, 1973.

[5] *Rudolpf K.* Die Gnosis. Amelang — Leipzig, 1977.

[6] *Комаров В. Л.* Избранные сочинения. М.; Л., 1958, т. 12.

[7] *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. М., 1948.

[8] *Валиханов Ч. Ч.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1961, т. 2.

К ним относятся: тополь Болле — сувадан, тополь белый — ак терәк, ясень туркестанский — ерән, вяз Андросова — седә, карагач — қараяғач, ива — тал, лох — жигдә, яблоня кульджинка — ғулжа, кизил алма — алмиси, береза — кейин, тут белый — чекир үжүм, тут черный — ша тут, ирень — ипагүл и другие.

Фасадную сторону придомового участка обычно оформляют многолетниками и яркоцветущими летниками. Для создания вертикальной композиции успешно используются золотой шар — сәбдә гүл (солдат гүл), гибридные формы георгина — яңю гүл, пионы — модәнгүл, садовые формы роз, относящиеся к розе центифольной и китайской. В последние годы во многих уйгурских поселках выращиваются новые чайно-гибридные сорта роз.

В свободных местах придомового участка, особенно по бокам дорожек, высаживаются астры — жухаргүл или қәшқәргүл, бархатцы — мейзгүл, цинии — орусгүл, бальзамин — хинагүл, лилейник — гунаваз, ирис — сиртмақгүл, гладиолус — қомучгүл, целозия — тажәгүл, анютины глазки — адәигүл, ипосея — хәпрәнгүл и другие [9].

Очень интересным и характерным приемом летнего озеленения уйгурского дома является оформление баранлика — своеобразной зеленой галереи, которая создается перед входом в жилое помещение. Как правило, баранлики оформляются из быстрорастущих побегов тыквенных растений. В отдельных случаях подобные «сооружения» оформляются из виноградных лоз. Для этого в большинстве случаев используется местный сорт «Кульджинский». Хорошо оформленный баранлик сглаживает амплитуду колебаний температуры и влажности воздуха, снижает уровень шума, он имеет санитарное значение, улавливая пыль, газы и дым. Главным образом баранлик необходим для затемнения дворового участка, как место отдыха в летний период.

Чисто убранный баранлик является гордостью каждой уйгурской семьи. Он подчеркивает художественный вкус и уровень культуры жителей дома.

В течение многих веков уйгуры выращивают комнатные цветы (қача гүл). Наиболее распространенными являются три разновидности пеларгонии, содержащейся на подоконниках (топагүл), фуксия — тамчагүл, алоэ — тикәнгүл, гиппаструм — пиязгүл, олеандр — талгүл, лавр, гортензия, фикус.

Кроме комнатных цветов уйгуры украшают жилые помещения дома срезанными цветами. С давних времен цветами отмечали особо важные события, приемы уважаемых и близ-

---

[9] *Баратов Ш.* Уйгур тилиниң кәспий лексикиси. Алмута, 1975.

ших людей. Цветы считались символом любви. О цветах сохранились старинные народные песни, стихи, есть цветочные художественные орнаменты на коврах, в старинных книгах, на головных уборах — тюбетейках, в одежде и произведениях прикладного искусства. Девочкам, иногда и мальчикам, давали имена цветов. Девушки и молодые женщины убирали свои волосы цветами. Юноши прикрепляли их на уши, грудь и головные уборы.

Составление букетов считалось своеобразным видом искусства. В букетах выражались события и решения загадок. Этот обычай сохранился до наших дней. Кроме радостных событий цветами отмечают в народе и печальные. Так, садовыми розами одинаковых тонов оформляют гроб и могилу покойника. В течение 40 дней для поминания умершего место его покоя ограждается материей, а в центр ставится горшечный цветок. Этим выражается семейная скорбь.

Цветочные растения служат и для косметической цели: девушки и женщины соком бальзамина (хной) красили руки, осмой — брови. В садах и огородах уйгуров имеются культурные формы этих растений, отобранные за века.

Возникновение самобытного декоративного садоводства в Восточном Туркестане было тесно связано с развитием огородничества, бахчеводства и плодоводства. Торговые связи народов Запада и Востока дали возможность расширить ассортимент культурных растений. Посевной и посадочный материал хлопчатника, винограда, бахчевых, огородных и декоративных культур, которые, по данным Н. И. Вавилова, происходят из юго-западной Азии и Китая, впервые был интродуцирован уйгурами в условиях Восточного Туркестана. В дальнейшем развивался опыт народной селекции по выведению новых сортов растений, устойчивых и урожайных в местных климатических условиях. В результате были отобраны высококачественные сорта хлопчатника, винограда, арбуза, тыквы и других культур, которые давно вошли в мировой ассортимент культурных растений. Это отмечалось известными путешественниками (Ван-Янь-дэ, Марко Поло, Риттер; Валиханов, Пржевальский), ботаниками (Регель, Кон, Вавилов, Жуковский, Синская и другие)[10].

По итогам трехлетнего исследования Ч. Ч. Валиханов впервые делает анализ состояния земледельческой культуры Кульджинского края и Кашгарии в середине XIX столетия. Приводит описание больших и малых населенных пунктов, указывает ассортимент возделываемых культур, в том числе 24 пло-

[10] *Исхаков Г. М.* Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX в. Алма-Ата, 1975.

довых, 21 декоративно-цветочная, 14 овощных и более 70 видов других полезных растений.

Приусадебные участки состоят обычно из плодового сада, виноградника и огорода, каждый из которых является существенным в хозяйственно-культурной жизни уйгуров. В садах уйгуров встречается около 50 сортов винограда. Среди них есть ценные столовые и кишмишные, которые обладают высокими вкусовыми качествами. По мнению специалистов [11], они произошли в данном регионе, в результате народной клоновой селекции, от исходных форм европейско-азиатского винограда, завезенных около 2 000 лет назад с территории древнего Таджикистана и Ирана. Исторические данные свидетельствуют, что виноград достиг Китая только в 126 г. до н. э. через Кашгар, Хотан, Турфан, Хами [12].

Уйгурами были интродуцированы некоторые устойчивые сорта и выведено много перспективных сортов винограда. В настоящее время в СССР районированы два сорта винограда: «Уйгурский белый» и «Кульджинский», которые вошли в производственный ассортимент виноградарства южных районов нашей страны.

Ассортимент плодово-ягодных культур особенно богат в Кашгарии и в Турфанском оазисе. В этих местах с давних времен выращивается более 100 видов абрикоса, винограда, вишни, сливы, граната, грецкого ореха, фисташки, персика, миндаля, яблони, малины, крыжовника, граната, инжира и др.

Нельзя не отметить вклад уйгуров в распространение огородных культур среди народов, населявших огромную территорию Центральной Азии. О разнообразии огородных культур Восточного Туркестана подробные данные приводятся в работах Н. И. Вавилова [13] и Е. Н. Синской [14], где среди овощных растений особое внимание уделяется сортам тыквы, арбуза, дыни, огурца, моркови. По месту происхождения названы культурные формы тыквы «Кашгарская» и «Туркестанская». Почти все сорта так называемой чалмовидной тыквы происходят из Турфанского оазиса.

Нами зарегистрировано около 20 видов и форм пряно-вкусовых растений, которые являются обязательными элементами уйгурской кухни. К важнейшим видам относятся: аш көки, так называемая «Туркестанская», или «Уйгурская», форма кориандра, которая отличается сильным ароматом листьев и употребляется в свежем и сушеном виде как приправа к овощным и мясным блюдам.

---

[11] *Драговцев А. П.* Плодоводство в Китае. М., 1966.
[12] *Кон Ф.* Растение. СПб., 1901, т. 2.
[13] *Вавилов Н. И.* Избранные труды. М., 1960, т. 2; 1965, т. 5.
[14] *Синская Е. Н.* Историческая география культурной флоры. Л., 1969.

Используются и лекарственные культуры: опийный мак и его разновидности «Центральноазиатский», «Кашгар», тмин «Сарепский», айр — игр, ферула — хинг и многие другие. Ферула «Илийская» вошла сейчас в Красную Книгу, как редкое растение СССР.

Виноград, хлопчатник, арбуз, опийный мак и некоторые другие культуры были заимствованы китайцами у уйгуров. Десятки культурных растений успешно районированы в некоторых областях СССР. От собранных образцов растений получены новые ценные сорта. Так, образец горчицы, собранной Н. И. Вавиловым в Восточном Туркестане, послужил основой для выведения нового сорта «Неосыпающаяся-2», районированного во многих областях РСФСР, Казахской и Украинской ССР. Так же был получен новый сорт люцерны «Северная гибридная», который выращивается в РСФСР. Сравнительно недавно учениками Н. И. Вавилова в оазисе Аксу, Куча, Яркеид, Урумчи был найден новый вид культурной пшеницы (по-уйгурски бир бисар), что имеет большое значение. В 1951 г. из Восточного Туркестана был отселектирован сорт кабачка «Кульджинский», который в условиях Молдавской ССР дает урожай до 600 ц/га. Кроме того, для районирования в СССР были выявлены рецессивные формы и сорта восточнотуркестанской кукурузы, гороха, арбуза, дыни, моркови, кашгарского огурца, тыквы, персика, хлопчатника, опийного мака и других культурных растений.

Подытоживая вышеизложенное, необходимо отметить, что ассортимент садовых растений Восточного Туркестана обогатился новыми видами и формами в результате его длительных торговых, общественно-исторических связей со многими народами и странами. Благодаря трудам уйгурских садоводов и земледельцев в этом регионе были интродуцированы и получены новые формы и сорта плодово-ягодных, овощных, бахчевых, декоративно-цветочных и других культур. Многие из них успешно выращиваются в Советском Союзе и других странах. Все это является отражением земледельческой культуры уйгурского народа.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ УЙГУРОВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО УЙГУРОВЕДЕНИЯ»

Первая республиканская уйгуроведческая конференция «Актуальные проблемы советского уйгуроведения», организованная Президиумом Академии наук Казахской ССР, Институтом языкознания Академии наук Казахской ССР и Отделом уйгуроведения при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР, состоялась в г. Алма-Ате 29—31 мая 1979 г. В ее работе приняли участие ученые-уйгуроведы Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента, Фрунзе, Новосибирска и других городов, учителя уйгурских школ, представители интеллигенции г. Алма-Аты. На общем пленарном заседании было заслушано 5 докладов, на лингвистической, литературоведческой и исторической секциях — 67 докладов и выступлений.

Конференция показала высокий уровень развития уйгуроведения в СССР, что является ярким свидетельством торжества ленинской национальной политики КПСС и братской дружбы народов СССР. Констатируя большие успехи научных исследований по языку, литературе, истории и культуре уйгурского народа в Казахстане, участники конференции с благодарностью отмечают огромную роль в подготовке национальных кадров-уйгуроведов учреждений АН СССР в Москве и Ленинграде, Московского и Ленинградского государственных университетов, вузов Казахстана, Узбекистана и других республик Средней Азии. Конференция особо отмечает большую заботу ЦК Компартии Казахстана, Правительства республики и Президиума АН Казахской ССР о росте научных кадров и внимание к вопросам развития уйгуроведения.

Конференция констатирует, что изучение языка, литературы и истории уйгурского народа в СССР на основе марксистско-ленинской методологии ознаменовало новый этап в развитии уйгуроведения. Созданы крупные работы по языку, литературе и истории уйгуров, накоплен значительный фактический материал и опыт работы для дальнейшего развертывания научных исследований в свете решений XXV съезда КПСС. В соответствии с постановлением Центрального Комитета КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» уйгуроведы республики в настоящее время уделяют большое внимание повышению теоретического и идеологического уровня научных исследований.

Отмечая успехи уйгуроведения в республике, конференция вместе с тем констатирует необходимость дальнейшего развертывания и совершенствования организационных форм ра-

боты в области уйгуроведения, повышения научно-теоретического и идеологического уровня исследований, сосредоточения сил на фундаментальных исследованиях, решающих основные вопросы уйгурского языкознания, литературоведения и истории.

Особо должна быть отмечена насущная необходимость скорейшего издания многочисленных рукописных письменных памятников уйгуров — важной части их культурного наследия, без чего не может быть достигнут дальнейший прогресс в уйгуроведении. Необходимо наладить более тесное научное сотрудничество между учеными-уйгуроведами в различных институтах АН СССР и Академиях наук союзных республик, а также вузов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Ташкента, Фрунзе и других городов. Кооперирование научных сил для решения главных проблем уйгуроведения, по сути дела, только начато. Большую роль в этой работе призван сыграть Отдел уйгуроведения при Институте языкознания АН КазССР.

Конференция отмечает, что за тридцать лет своего существования Отдел внес немалый вклад в развитие советского уйгуроведения. Созданы обобщающие труды по уйгурскому языку, как, например, двухтомная коллективная монография «Современный уйгурский язык», двухтомный сборник «Исследования по уйгурскому языку», монография А. Кайдарова и Г. Садвакасова по уйгурской диалектологии, работы по фонетике уйгурского языка Т. Т. Талипова, коллективная монография «Очерки истории уйгурской советской литературы», сборник «Проблемы новаторства и традиций в уйгурской литературе», литературоведческие работы М. Хамраева, Т. Тохтамова, М. Абдурахманова, сборник «Материалы по истории и культуре уйгурского народа», исторические и этнографические исследования М. Кабирова, Г. Исхакова и др. Отдел активно участвует в создании учебников и учебных пособий для уйгурских школ.

Вместе с тем современное развитие уйгуроведческих исследований в Казахстане требует совершенствования организационных форм работы Отдела. Следует также продолжить подготовку кадров уйгуроведов не только на местах, но и через аспирантуру и стажировку в тюркологических научных центрах Москвы и Ленинграда. Президиум конференции просит Академию наук Казахской ССР издать материалы Первой республиканской уйгуроведческой конференции и поручить Отделу уйгуроведения периодически проводить подобные конференции с обсуждением более конкретных актуальных проблем уйгуроведения.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗДЕЛУ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

1. Осуществлять дальнейшие исследования закономерностей развития грамматического строя, фонетической системы и лексического состава современного уйгурского языка с целью создания обобщающего монографического труда «Строй уйгурского языка» на русском языке.

2. Продолжить изучение истории уйгурского письменного литературного языка дооктябрьского периода на основе анализа памятников уйгурской классической литературы средневековья, что прольет свет на вопрос о преемственности развития уйгурского языка в разные исторические эпохи, о роли языка классической литературы уйгуров в формировании различных региональных литературных языков народов Средней Азии в позднем средневековье.

3. Более интенсивно исследовать лексический фонд уйгурского языка в аспекте диахронии и синхронии, а также создать большие лексикографические труды, в частности: «Толковый словарь современного уйгурского языка», словарь уйгурской классической литературы, диалектологический, терминологический, отраслевые и двуязычные словари; усовершенствовать существующие орфографические словари.

4. Осуществлять исследование процесса взаимодействия и взаимовлияния уйгурского языка с другими родственными и неродственными языками в условиях длительного контактирования, а также роли великого русского языка в развитии и обогащении уйгурского языка, процесса двуязычия и многоязычия среди различных слоев уйгурского населения в регионах их проживания.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗДЕЛУ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ»

1. Продолжить изучение закономерностей становления и развития уйгурской советской литературы, исследование вопросов взаимодействия и связей уйгурской советской литературы с другими братскими литературами, в особенности с русской литературой.

2. Продолжить всестороннее и глубокое изучение особенностей уйгурской классической литературы, обратив особое внимание на издание ее памятников.

3. Создать «Историю уйгурской литературы» на русском и уйгурском языках, издать антологию уйгурской поэзии на уйгурском и русском языках.

4. Продолжить работу по сбору и изучению устного наследия уйгурского народа и его взаимосвязей с современной уй-

гурской литературой и искусством; подготовить издание лучших образцов устного народного творчества.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗДЕЛУ «ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ»

1. Продолжить работу по изучению ценнейшего опыта социалистического и коммунистического строительства у советских уйгуров, современных этнических процессов в условиях развитого социализма.

2. Расширить работу по изучению проблем социально-экономического строя и государственности уйгуров Синьцзян-Уйгурского автономного района, этнической истории и этногенеза уйгурского народа, истории его взаимоотношений с родственными тюркоязычными народами Средней Азии и Казахстана в древности, средние века и в новое время.

3. Считать одной из важных задач публикацию уйгурских письменных памятников по истории уйгурского народа.

* * *

Первая республиканская уйгуроведческая конференция является еще одним свидетельством отеческой заботы Коммунистической партии Советского Союза, Компартии и Правительства Казахской ССР о развитии советского уйгуроведения и культуры уйгурского народа в республике.

Участники Первой республиканской уйгуроведческой конференции выражают благодарность ЦК КП Казахстана, Совету Министров Казахской ССР, Президиуму АН Казахской ССР, Отделению общественных наук Казахской ССР, Институту языкознания АН Казахской ССР за образцовую организацию и проведение конференции.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вступительное слово вице-президента АН КазССР академика АН КазССР Б. А. Тулепбаева 6

Н. А. Баскаков (Москва). Основные вехи развития советского уйгуроведения 9

Э. Н. Наджип (Москва), А. Т. Кайдаров, Г. С. Садвакасов (Алма-Ата). Уйгурское языкознание в СССР на данном этапе. Итоги и проблемы 17

К. Тохтамов, М. Алиева (Алма-Ата), У. Маматахунов (Ташкент). Развитие литературы и искусства советских уйгуров . . . 27

Г. М. Исхаков (Алма-Ата), С. Г. Кляшторный, А. М. Решетов (Ленинград), Т. Р. Рахимов (Москва). Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров 34

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

I. Языкознание

Д. М. Насилов (Ленинград). Транслитерации? Траискрипция? Трансграфика? (К изданию древнеуйгурских текстов) 44

Т. Талипов (Алма-Ата). К вопросу о тенденции соноризации анлаута в истории тюркских языков (на материале уйгурского языка) 49

М. И. Трофимов (Ош). О явлениях палатализации гласных в русизмах современного уйгурского языка 52

О. А. Мизин (Елабуга). Проблема омонимов как результат лексических заимствований в уйгурском языке 56

Ш. В. Кибиров (Алма-Ата). Некоторые вопросы составления толковых словарей тюркских языков 64

Г. Ф. Благова (Москва). Тюркское склонение в ареально-историческом освещении 67

И. Исмаилов (Ташкент). Изучение современного состояния системы терминов родства у уйгуров 71

К. Мелиев (Ташкент). Деепричастные формы на *-гили/-гини, -гач/-гаш* в современном уйгурском языке 73

А. Хамитова (Ташкент). К вопросу о степенях сравнения имен прилагательных в современном уйгурском языке 76

Х. А. Насыров (Ленинабад). О некоторых грамматнческих особенностях таджикско-персидских заимствований в системе уйгурской фразеологии 80
К. А. Шарипова (Ташкент). Аффиксальная синонимия в системе имен существительных, обозначающих название лица в современном уйгурском языке 83
Э. А. Умаров (Ташкент). История двух уйгурских идиом . . 85
О. Джамалдинов (Алма-Ата). Термины сапожного ремесла в современном уйгурском языке [На уйг. яз.] 89
А. Б. Ибрагимова (Ташкент). Уйгурскне слова в «Келур-наме» Мухаммеда Якуба Чингн 92
О. А. Султаньяев (Кокчетав). Титулы и чины Восточного Туркестана в сочинениях Ч. Валиханова 94
Ш. Баратов (Алма-Ата). Термины, выражающие меру длины в уйгурском языке [На уйг. яз.] 98
О. Накисбеков, А. Имаибаев (Алма-Ата). Уйгурскне лексические элементы в казахском языке (на уровне юго-восточного говора казахского языка) 102
В. У. Махпиров (Алма-Ата). «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского и проблемы тюркской антропонимики 105
Е. З. Кажибеков (Алма-Ата). Реконструкции тюркского синкретизма 103
А. К. Калыбаева (Алма-Ата). К вопросу о развитии глагольных форм в уйгурском, казахском и других тюркских языках . . . 112
М. Заиди (Ташкент). Единый уйгурский литературный язык на пути развития. [На уйг. яз.] 114
А. Х. Дугашева (Алма-Ата). Ласкательно-уменьшительные слова в уйгурском языке 117

II. Литературоведение и искусствоведение

У. Маматахунов (Ташкент). К вопросу изучения истории уйгурской классической литературы 120
М. Абдурахманов (Алма-Ата). Влияние русской литературы на развитие новых традиций в уйгурской литературе 123
С. Моллаудов (Алма-Ата). Идеи патриотизма в уйгурской поэзии XVIII в. [На уйг. яз.] 126
П. Сабитова (Алма-Ата). Тема национально-освободительного движения в творчестве З. Самади 130
А. Джалилов (Ташкент). Новые сведения о Хушхале Гариби [На уйг. яз.] 133
Д. Рузиева (Ташкент). Влияние традиций Навои на уйгурскую литературу первой половины XIX в. [На уйг. яз.] 136
М. М. Алиева (Алма-Ата). Взаимовлияние уйгурской классической литературы и фольклора 138
И. Розыбакиев (Ташкент). Отражение освободительной борьбы уйгурского народа в творчестве Зунуна Кадыри 142
Р. Кадыри (Ташкент). К проблеме национального и интернационального в уйгурской литературе (на примере творчества Л. Муталлипа, Б. Азизи, З. Самади). [На уйг. яз.] 145
М. М. Хусаинов (Фрунзе). Свободомыслие прогрессивных уйгурских поэтов первой половины XIX в 148
А. Хашимов (Ташкент). О некоторых проблемах изучения уйгурских «Двенадцати мукамов» 150
А. Кадыров (Алма-Ата). Современность на сцене уйгурского театра 153

К. Кирина (Алма-Ата). Профессиональное музыкальное искусство советских уйгуров 157
Т. Алибакиева (Алма-Ата). К вопросу о связи уйгурской народной и профессиональной музыки устной традиции 160
Р. Каримова (Алма-Ата). Современная уйгурская чеканка по металлу 163
И. Тухтиев (Ташкент). «Мин уй» как источник по изучению истории и культуры народов Восточного Туркестана 165
А. Алахунов (Алма-Ата). Уйгурская народнаи лирика советского периода. [На уйг. яз.] 169
О. Сабитов (Алма-Ата). О жанре чакчак. [На уйг. яз.] . . 171
А. Шкловская (Алма-Ата). Явление стабильности в структуре мукамного цикла 173
С. Н. Кибирова (Алма-Ата). Уйгурские народные музыкальные инструменты 176
Р. К. Хасанова (Алма-Ата). К истории уйгурского музыкального театра (уйгурские синеблузники) 179
И. Сайдуллаев (Алма-Ата). Соцнальные мотивы в поэзии Мухаммеда Садыка Кашгари. [На уйг. яз.] 182

III. История и этнография

Д. И. Тихонов (Ленинград). Основные этапы развития культуры уйгуров 186
Л. П. Потапов (Ленинград). Древнеуйгурские элементы в традиционной культуре алтае-саянских народов 189
М. Кутлуков (Ташкент). Рукописи и документы по истории Восточного Туркестана в XVI—60-х гг. XIX в. и его взаимосвизи со Средней Азией 202
И. И. Юсупов (Алма-Ата). Завоевание Восточного Туркестана Китаем и его последствия 208
А. И. Нарынбаев (Фрунзе). Развнтие общественно-фнлософской мысли уйгуров во второй половине XIX в. 213
М. Н. Кабиров (Алма-Ата). Переселение нлийских уйгуров в Семиречье и его прогресснвное значенне 218
В. С. Кузнецов (Москва). Вклад русских ученых в изучение материальной культуры уйгуров 221
А. С. Такенов (Алма-Ата). К вопросу участия уйгурских трудящихся в революционном движении в Семиречье 224
Д. А. Исиев (Алма-Ата). Создание уйгурами Турфанского идикутства (866—867) 227
М. И. Ерзин (Алма-Ата). Зарождение и развитие уйгурской печати. [На уйг. яз.] 232
Ю. Г. Баранова (Алма-Ата). Из истории освободительной борьбы уйгурского народа в первой половине XVIII в. 236
А. А. Баудинов (Фрунзе). Этические воззрения прогрессивных уйгурских поэтов первой половины XIX в. 240
Т. К. Бейсембиев (Алма-Ата). Известия «Та'рих-и Шахрухи» о Восточном Туркестане 244
О. Зотов (Москва). Комул и Турфан в XIV—XVI вв. по сведениям «Истории Мин» 250
А. Ш. Кадырбаев (Алма-Ата). О культурной роли уйгуров в империи Юань XIII—XIV вв. (по китайскнм источникам) . . . 254
С. Ю. Турдиев (Алма-Ата). Материалы к истории земледелия уйгуров 259
Резолюция Первой республиканской уйгуроведческой конференцин «Актуальные проблемы советского уйгуроведения» . . . 265

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО УЙГУРОВЕДЕНИЯ

Материалы I Республиканской уйгуроведческой конференции

Утверждено к печати Ученым советом Института языкознания Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: доктор исторических наук *К. Нурпеисов*, кандидат филологических наук *Ф. Ф. Алиев*

Зав. редакцией *А. А. Сулацков*
Редактор *Р. Н. Давыдова*
Худ. редактор *А. Б. Мальцев*
Оформленне художника *С. С. Слабоспицкого*
Техн. редактор *В. М. Муромцева*
Корректор *Е. Н. Дремкова*

ИБ № 1379

Сдано в набор 23.11.82. Подписано в печать 5.03.83. УГ15048.
Формат 60×90 1/16. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 17. Уч.-изд. л. 17,1. Тираж 1100. Заказ 226.
Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
Адрес издательства и типографии: *480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28.*